
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 7—17.

УДК 330
ББК 65.01

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10901

ИСХОДНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ (ГАРМОНИЧЕСКОЙ) ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

С. И. Кретов

Российская академия предпринимательства, Москва, Россия

Препарирование с помощью научных абстракций и классификации социально-экономических отношений позволяет вычлнить и обосновать закономерности прорастания нового исходного отношения сквозь умирающий капитализм и формирование будущей гармонической формации. Переход к шестому технологическому укладу неизбежен не только в естественных науках, но и в гуманитарных. Его существо раскрывается через зарождение и развитие кибернетической эпистемологии — первой естественно-гуманитарной науки о фундаментальных свойствах природы. Процесс эволюции вселенского сознания объективно подвел человечество к рубежу, когда цели искусственной среды обитания (экономики) переориентируются с интересов членов руководящей подсистемы общества на интересы всего социума. Такое мироздание именуется ДОБРОТВОРЕНИЕМ. Это одновременно и новая идеология, и новая социально-экономическая парадигма, и фазовый переход от цивилизации покорителей Природы к цивилизации сосуществования с Природой.

Ключевые слова: *исходное социально-экономическое отношение, уровни научной абстракции, кибернетическая эпистемология, сложная система, гармоническая формация, добротворение.*

Аксиоматика исследования фундаментальных свойств Природы

На сегодня наука пользуется тремя базовыми методами познания фундаментальных свойств Природы.

Первый. Метод эмпирического сбора, обработки и обобщения статистических сведений о фундаментальных свойствах Природы. Статистический метод лежит в основе индукции.

Второй. Метод пространственно-временного детерминизма, куда относится и классический материализм. Этот метод позволяет лишь опытным путем выявлять проявления объективных законов, но исключительно в рамках исследования в каждом конкретном эксперименте. Согласно этому методу некие закономерности выявляются как частные, обусловленные весьма узкими границами исходных ограничителей и условий, но адепты этого метода пытаются убедить нас в универсальности их выводов. Наиболее ярким примером является экономика. То, что называется производственными отношениями, является порождением субъективных, корыстных и ориентированных на интересы членов руководящей подсистемы бумажных законов.

Но тысячи и тысячи научных работников, стремясь приобщиться к узкому клану ученых, с пеной у рта доказывают, что бумажные законы отражают объективные фундаментальные свойства Природы. Вспомним, однако, что Природа бесплатно и безусловно наделила все живые существа на Земле, включая Человека, правом на удовлетворение их жизненных (витальных) потребностей. Бумажные законы отобрали это право у людей в пользу членов руководящей подсистемы. Долгие 50—100 тыс. последних лет люди вынуждены выполнять все прихоти членов руководящей подсистемы, чтобы прокормить себя и свои семьи. Все прочие бумажные законы являются уточнением и развитием этого антиприродного условия. Следовательно, все экономические законы являются искусственными, а научные работники, их изучающие, никакого отношения к клану ученых не имеют. Даже столь краткого доказательства достаточно, чтобы признать этот метод исследования псевдонаучным.

Третий. Метод аксиоматического моделирования явлений, процессов, предметов Природы с последующей верификацией и фальсификацией адекватности модели и описываемых ею феноменов

при помощи индукции. Аксиоматический подход к моделированию явлений, процессов, предметов Природы является альтернативой эмпиризму, доминировавшему до XIX в. Стихийная аксиоматика математики была исследована с точки зрения универсальности метода Дэвидом Гильбертом. Он считал, что если установить некие наиболее общие аксиомы, то все прочие законы, выявленные эмпирическими исследованиями, можно будет строго доказывать в качестве частных случаев или теорем.

Максвелл, когда он это осознал, испытал чувство восторга перед данным открытием. Он утверждал, что полученные из аксиоматических предположений в результате доказательств уравнения, умнее людей. Модели и формулировки законов, описывающих различные частные случаи, появляются при аксиоматическом подходе как из рога изобилия. Споры ученых тогда сужаются до верификации или фальсификации исходных аксиом. Так аксиоматический метод перебрался из математики в физику. Правда далее его продвижение сильно замедлилось. Он считал, что в таких моделях законы Природы должны иметь одинаковый вид в любых системах координат. Однако бессистемная сегментация научных дисциплин, число которых продолжает увеличиваться, создает пока непреодолимую ситуацию неопределенного множества исходных фундаментальных аксиом. Минимизация таких аксиом превратилась в самостоятельное и очень важное направление научного моделирования фундаментальных свойств Природы. Этот процесс получил название «гипотезы бутстрапа».

Аксиоматический метод в науке на сегодняшний день признан единственным способом достоверного моделирования фундаментальных свойств Природы. Это в полной мере относится к социально-экономическим наукам, но научные работники это яростно отрицают. Причем, исходя из сегодняшних методологических представлений, другого способа познания в науке не будет либо очень долго, либо никогда. И. Острецов справедливо заметил: «Мне приходилось много раз выслушивать глупости от желающих сохранить «девственность» социологов и экономистов о том, что все это имеет отношение только к естествознанию. Не тешьте себя надеждой, ибо мир един и в основе его устройства заложены одни принципы. Господь не стал бы трудиться специально ради ленивых и тупых обществоведов» [1. С. 34]. Далее он уточнил: «Рыночные экономические теории с точки зрения применяемого метода, относятся к статистическим, то есть к теориям, занимающим нижнюю ступеньку в иерархии

методологического обеспечения науки. Поэтому они, не являясь аксиоматическими, не могут претендовать на истину, справедливую на все время существования и развития человеческого общества. Только теории, в том числе экономические, основанные на фундаментальных постулатах Христа (аксиомах. — С. К.), и следствиях из них, могут содержать в себе положения, которые имеют абсолютную ценность [Там же. С. 127—128].

Нет сомнения, что аксиоматический метод в качестве исходной точки любого естественного и социально-экономического исследования раскрывает грандиозные перспективы перед телесным сознанием человека.

Классификация при исследовании фундаментальных свойств Природы

Следующим неустраняемым инструментом всех известных научных дисциплин является классификация, то есть выявление у некоторых природных множеств явлений, процессов, предметов общих объединительных свойств и различительных параметров, позволяющих их подразделять на типы, виды, коллекции и т. п.

Классификации, применяемые в естественных науках, мало подходят в качестве инструмента исследования социально-экономических феноменов. Поэтому за основу можно взять методологические подходы к классификации живых существ. Философ и историк науки Джон С. Уилкинс в 2002 г. провел систематизацию второго порядка. Он составил список из 26 относительно принятых в биологии концепций вида. Среди них есть типологические, номиналистические, биологические, филогенетические и сочетающие в себе черты разных подходов. Эта работа весьма важна для проведения систематизации и классификации социальных организмов и составляющих их акторов.

Анализ структуры ДНК поставили точку во многих спорных вопросах эволюционной систематики. Большую панду окончательно перевели к медведям от енотов или даже куньих. Многие споры в систематике были перевернуты с головы на ноги. Особый прогресс был достигнут в систематике простейших — амёб, инфузорий и других одноклеточных организмов. Некоторые из них оказались родственными животным, некоторые — грибам, но были выявлены и новые, совершенно самостоятельные ветви эволюции. Упомрачительные горизонты открывает ДНК-археология.

Сравнительный анализ ДНК, бесспорно, мощный классифицирующий инструмент для живых

организмов. Еще Линней настойчиво проводил курс на доказательство единства универсальной таксономии. Он предполагал во всех конкретных областях Природы и общества выявить одни и те же систематические распределения и одинаковый классификационный порядок [2].

Классификацию субъектов социально-экономических отношений до последнего времени никто не проводил. Вместо этого за основу были взяты с потолка совершенно искусственные *Homo economicus*, *Homo soveticus*, REMM — *resourceful, evaluating, maximizing man*, то есть (набитый ресурсами, оценивающий и максимизирующий человек), SRSM — *socialized, role-playing, sanctioned man* — (социализированный, исполняющий роль и потенциально подпадающий под санкции человек), *Homo Socio Economicus* [3], *Homo prudence* (человек расчетливый); *Homo ludence* (человек играющий), *Homo loquens* (человек говорящий) и т. п. «Гении» гуманитарных социальных исследований не классификацией субъектов отношений занимались, а апологетическим шулерством, пытаясь до убожества примитивизировать реальные социально-экономические отношения предельно разнообразного человеческого социума. Этим научным работникам представлялось, что такой убогий, можно сказать, кастрационный подход к людям — актерам истории, культуры, экономики и прочего — позволит смоделировать вечность и неизменность капиталистических отношений.

Человек — это в первую очередь биологическое существо и лишь в очень малой части и во вторую очередь — часть социального организма. Практически неоспоримым постулатом биосистематизации является то, что, если группа живых организмов слабо исследована и уровень внутривидовых различий для нее не имеет четких метрико-топологических характеристик, то выводы по модели такой системе всегда дают априори неверные результаты. Это общая и самая точная оценка всех существующих социально-экономических теорий и моделей. Данный тезис на 100% следует отнести и к социальным организмам. Именно в рамках этой кастрационной классификации родилась дуальная фашистская интерпретация, именуемая социодарвинизмом. Она же является фундаментом концепции арийского превосходства фашистов Германии и высшей исключительности представителей американской руководящей подсистемы. Поэтому применение научной классификации применительно к системам, включающим Человека, не является профанацией. Более того, лишь применение на-

учно обоснованной систематизации типов поведения людей, их ролей в структурах социумов, группировки социально-экономических акторов в разрезе идентичных групп потребностей, интересов и ценностей, является единственно верной отправной точкой действительно научного моделирования фундаментальных свойств Природы, применительно к «осознающим себя дыханиям» [4].

Эта задача является сверхактуальной для кибернетической эпистемологии. Ее создатели не исключают из своего предмета те или иные, неудобные для моделирования реальные факты. Ее методология предполагает учет всех отношений между надсистемой, системой и подсистемами. Поэтому классификация «разумных дыханий», их сообществ и «сообществ сообществ» выходит за рамки имманентного «ДНК-анализа». Теория глубокой экологии Ф. Капры [5; 6], как науки о взаимоотношениях живых, в том числе сознательных, организмов с окружающей средой и друг с другом, требует ответа на вопрос о причинах тысячелетних летальных столкновений особей, способных скрещиваться биологически и не способных мирно сосуществовать. Поэтому при научной систематизации человеческих взаимоотношений следует вспомнить такое природоподобное понятие, как «экологическая ниша». Это сумма особых условий, в которых существует каждый вид, не претендуя на ресурсы сосуществующих видов. Без исследования данного вопроса и его классификационной сегментации очень проблематично наладить мирное сосуществование на планете одного-единственного вида *Homo sapiens*, который имеет, однако, высокий уровень экологической индивидуальности, но использует его не для добротворения, а во имя войны. Только осознание своей вселенской добротворительной сущности позволит Человечеству преодолеть патогенный характер телесного сознания отдельных людей, деформированного корыстными бумажными законами цивилизации покорителей Природы.

Систематизация и классификация наглядно демонстрируют античный тезис: «Чем больше я знаю, тем больше я не знаю». Классификация аксиом в физике в поисках единой теории поля разбилась о строгость доказательства К. Гедделем теорем о неполноте. Канадские микробиологи в журнале *Genome Biology* сделали аналогичный вывод применительно к живым организмам: «Чем больше мы узнаем о геномах, тем более невероятной кажется сама идея о возможности существования универсального понятия вида». Уже появилась интерпретация «операциональная таксономическая единица» вместо понятия «вид».

Уровни научной абстракции при исследовании фундаментальных свойств Природы

В структуре научного знания объективно существует три уровня научной абстракции: процесс функционирования (эмпирический), уровень теоретической модели (теоретический), уровень компонент подсознательного образца (философских оснований). Научный анализ явлений, процессов, предметов Природы, проведенный на всех этажах научной абстракции, преобразуется в интерпретации и парадигмы, то есть в некие субъективные модели феноменов окружающей действительности, прошедшие верификации и фальсификации.

На уровне научной абстракции, именуемой «процессы функционирования», рассматриваются фактические метрические и топологические характеристики явлений, процессов и предметов. Здесь основным инструментом являются индукция, статистические и динамические ряды значений показателей.

На уровне научной абстракции, именуемой «теоретическая модель» исследователи отсекают из имеющихся данных и сигналов, по их мнению, «малозначимые» параметры и «несущественные» различия, зафиксированные на уровне процессов функционирования. Явления, процессы и предметы в процессе «превращения территории в карту» отображаются в виде одной или нескольких допустимых теоретических моделей реальных явлений, процессов и предметов. Определяются взаимозависимости входящих и исходящих параметров модели. Иногда они алгоритмируются, а иногда рассматриваются как «черный ящик». Так как в модели учитываются не все сведения о явлении, процессе или предмете, то она требует постоянного мониторинга и внесения корректирующих сигналов для достижения адекватности с реальностью.

Теоретическая модель позволяет визуализировать и объяснить видение исследователем реальных явлений, процессов, предметов.

На уровне научной абстракции, именуемой «сущность», теоретическая модель и ее отдельные компоненты препарированы в форматы компонент подсознательных образцов, наделяются эпистемологическими метрикой и топологией и соотносятся с фундаментальными свойствами Природы.

Соотношение уровней научной абстракции и четырех познавательных аксиом см. в таблице.

Соотношение понятий «исходное социально-экономическое отношение» и «исходная категория»

Если эпистемологическое рассмотрение этих понятий представить в более общей классификации, то логика исследования может быть представлена следующим образом.

Явления, процессы, предметы косной (неживой) материи взаимодействуют друг с другом. Эти взаимодействия по большей части исследуются в рамках физики и химии.

Явления, процессы, субъекты живой материи кроме взаимодействия могут устанавливать то, что именуется «отношениями» в самом широком понимании этого слова.

Отношения, устанавливающиеся между высшими животными, можно в общем виде именовать социальными отношениями. Все вышеперечисленные взаимодействия и отношения свойственны Природе в целом и характеризуют явления, процессы, предметы и субъектов этих феноменов как часть Природы.

Homo sapiens с помощью рукотворных инноваций и бумажных законов вычленил в Природе свою искусственную среду обитания, которая именуется «экономикой». Взаимодействия и отношения людей

Таблица соотношения уровней научной абстракции и четырех познавательных аксиом

Сущностный уровень познания	Теоретический уровень познания	Эмпирический уровень познания
Компоненты подсознательного образца сложной системы	Теоретическая модель системы	Процесс функционирования системы
<i>Компонента 1</i> Неживая материя и энергия (энтропия увеличивается)	Познанные и непознанные фундаментальные свойства Природы, формализованные в аксиоматические модели	Физические проявления естественных законов и их воздействие на три другие компоненты, в том числе периодическое восстановление главенства свойств Природы над бумажными законами
<i>Компонента 2</i> Живая клетка (энтропия уменьшается)	Допустимые формы клеточных форм жизни	Фактический имманентный генезис клеточных форм с учетом воздействия трех других компонент
<i>Компонента 3</i> «Слепая» эволюция видов живой материи	Познанные и непознанные законы биологической эволюции, включая изменчивость и естественный отбор	Реализуемые формы жизни в условиях взаимодействия с тремя другими компонентами
<i>Компонента 4</i> Эволюция вселенского сознания	Аутопоэз	Физическое развитие и синхронизация сложности производительных сил и производственных отношений

внутри искусственной среды обитания обобщенно называются социально-экономическими отношениями.

Важнейшей характеристикой любых отношений является то, что в них могут вступать исключительно живые и реальные субъекты. Поэтому категория «социально-экономические отношения» в целом и «исходное социально-экономическое отношение» есть понятия самого низкого уровня научной абстракции — процесса функционирования. Только на этом, эмпирическом уровне Человек рассматривается наукой как квинтэссенция индивидуальных потребностей, интересов и ценностей. Однако, как представлено выше, на уровне процессов функционирования, или эмпирики, науки как таковой практически не существует. Здесь включаются два первых метода познания, которые дают лишь дискретные и локальные характеристики прошлого любой системы и учитывают в основном не фундаментальные свойства Природы, а их извращения внутри искусственной среды обитания Человека, вызванные негодными инновациями снобистской направленности и корыстными бумажными законами.

Ученые для моделирования явлений, процессов, предметов и взаимодействия субъектов поднимаются на вышележащий уровень научной абстракции, именуемый «теоретическая модель системы». Для этого все многообразие социально-экономических отношений они классификационно разграничивают и отдельным устойчивым системам дают имена. Эти имена называются категориями. Категории, во-первых, подразумевает лишь значимые параметры социально-экономических отношений, а во-вторых, они, как и все прочие имена, не могут ни взаимодействовать, ни вступать в отношения. Когда научные работники им приписывают свойства живых существ, например: «общество должно...», «государство обязано...» и т. п., остается произнести фразу: «Не стоит мистифицировать абстракцию». Абстрактные, искусственно выдуманные учеными категории могут ими использоваться исключительно для формирования визуальных, графических, ментально-умозрительных и прочих моделей реальной действительности. Но сами по себе они являются лишь именами системы реальных социально-экономических отношений». Внутреннее содержание каждой категории есть, с одной стороны, результат договоренностей ученых, а с другой — здесь открывается поле для новых исследований, дискуссий и развития научной мысли.

Поэтому исходные категории «товар» и «деньги с пятью функциями» в настоящем исследовании являются именами «исходного социально-экономи-

ческого отношения» капиталистической формации. Категория-имя «товар» обобщенно включает весь комплекс социально-экономических отношений по поводу воспроизводства продуктов, предназначенных для обмена. Категория-имя «деньги с пятью функциями» характеризует неразвитую стадию баландирования спроса и предложения на товары, то есть это отношения, когда между производителями и потребителями втискиваются паразиты-посредники, взимающие и с тех и с других мзду благодаря монополизации сферы обращения и закрепления своих корыстных прав бумажными законами капитализма.

Аналогично исходные категории «благо» и «метрические средства обращения с демерреджем» являются именами исходного отношения будущей гармонической формации. Именно под этим углом зрения в статье используются данные понятия.

Общее и особенное в аксиоматике и классификации социальных организмов

Классификация социально-экономических отношений и их акторов представляется не менее сложной и запутанной проблемой. Наука продолжает развиваться, и всевозможные классификационные методики исследования неживой материи и энергии, живых существ, разумных существ, социальных организмов будут развиваться.

Фрактальное устройство Природы вряд ли позволит окончательно сформулировать «первичные» дискретные единицы для классификации многообразия жизни и исчерпывающего моделирования фундаментальных свойств Природы. Философ Уильям Джеймс сделал весьма далеко идущее замечание: «Лишь наш понятийный аппарат вносит диалектические противоречия в ни в чем не повинную реальность, поэтому решение представляется простым. Надо пользоваться понятиями, когда они полезны, и отказываться от них, когда они мешают пониманию». Это ключ к пониманию места классификации и систематизации в научной методологии исследования социально-экономических отношений.

Представленный выше анализ аксиоматики, как фундамента научного моделирования явлений, процессов, предметов Природы сопряжен с онтологическими процессами классификации и перехода от «территории к карте». «Карта», то есть теоретическая модель сложной системы, должна изоморфно и достоверно отражать моделируемые явления, процессы, предметы, в аспекте как структурных компонент, так и отношений между ними в динамике. Сущность явлений, процессов, предметов Природы может быть раскрыта исключительно

на высшем уровне абстракции, если созданная телесным сознанием ученых теоретическая модель адекватна окружающему миру.

При такой методологии исследования явлений, процессов, предметов неживой Природы все достаточно ясно, и приведенные выше аргументы наглядно и изоморфно эту методологию иллюстрируют. Однако существующие подходы к классификации живых организмов свидетельствуют о том, что механически переносить эти методы на любые сложные системы, включающие «живые и тем более сознательные компоненты» невозможно.

Границей, за которой системная синергия дополняется свойствами аутопоэза и рекурсивности системы, можно считать следующий феномен. Множество атомов, электронов, протонов и нейтронов, заполнивших окружающий мир, в какой-то момент взаимного топологического и метрического соучастия могут приобретать свойства «дыхания». Те же самые компоненты могут быть неживым веществом и «дыханием» в меру некой метрико-топологической связи между ними. Современные научные методы пока не могут гарантированно и надежно фиксировать эту «структурную энергию», появляющуюся как бы из ничего. Именно эта «структурная энергия» отличает неживую и живую материю¹. Причем неживая материя также обладает структурной энергией, но она не привносит живости и не обеспечивает фазовый переход одних и тех же атомов к состоянию «дыхания». Структурная энергия живых организмов качественно отличается от аналогичного свойства неживой Природы. В неживой Природе внутреннюю структурную энергию в рамках определенных искусственных предположений можно свести к потенциальной и кинетической, а в живых организмах — нет.

Социальные организмы формируются и развиваются по законам, которые ближе к траекториям развития живых существ — от зачатия до смерти. Внутренняя структурная энергия любой сложной социальной системы включает как структурную энергию входящих в нее акторов, так и синергетическую результирующую от их взаимодействия. Эти особенности не позволяют классифицировать сложные социальные системы по типологическим, номиналистическим и биологическим критериям. Наиболее приемлемым является

¹Если человек пнет ногой шар от боулинга и собаку, свернувшуюся клубком, результаты будут совершенно разными. Шар покатится и остановится трением, израсходовав приданную ему кинетическую энергию. Собака может убежать, а может и покусать обидчика, так как она использует не кинетическую, а внутреннюю структурную энергию.

филогенетический подход² к классификации сложных социально-экономических систем. Если в живых системах наука сумела опуститься уже на уровень ДНК и даже глубже, то современная социальная наука пока находится на первом описательном, эмпирическом уровне, который нельзя даже назвать наукой.

Наиболее приемлемым подходом для научной классификации сложных социально-экономических систем является вычленение в целостной системе отношений исходного отношения, которое следует рассматривать как аналог ДНК любого живого организма. ДНК содержит полную информацию о будущем живом организме. «ДНК-исходное отношение» содержит полную и исчерпывающую «тайну» будущего социального организма.

На современном этапе познания процессов развития гуманитарных научных дисциплин метод движения от исходного отношения (сущностный уровень) через основное (уровень теоретической модели) и производные отношения (уровень процессов функционирования) к раскрытию всего многообразия системы социально-экономических отношений по поводу «заимствования» у Природы ресурсов, производства, обмена, распределения, потребления БЛАГ и безопасной утилизации отходов является наиболее верифицированным. Углубимся в анализ исходного отношения будущей формации.

У К. Маркса простое — это не усеченный до примитивного и однобокого представления о явлении осколок сложного, а бережно упакованное в первосемья целостное и жизнеспособное отношение, причем без потери любого, даже самого малозначительного, свойства. В простом «политэкономическом семечке» К. Маркса — исходном производственном отношении — заложена вся информация о сложной аутопоэзной³ системе социально-экономических отношений любой формации, способной к существованию и воспроизводству. Каждое семя, исходное отношение, будучи посеянным в «почву»⁴ того или иного истори-

²Классическая филогенетическая систематика живых организмов в своей основе использует постоянно совершенствуемые методы анализа ДНК. Классификация организмов здесь осуществляется по принципу эволюционного родства на основе сходства и преемственности генов.

³Аутопоэз (autopoiesis) (международ. термин), или самозидание (русский аналог) используется в современной научной литературе для характеристики объективного процесса самопроизвольного зарождения и развития сложных систем на бесконечном промежутке времени по сравнению с продолжительностью жизни Человека. В разговорной речи наиболее близким аналогом аутопоэзного процесса является выражение «само по себе».

⁴Под «почвой» имеется в виду исторический уровень развития производительных сил и производственных от-

ческого периода человеческой истории, произрастает в целостную систему отношений соответствующей формации. На этапе капиталистической формации это олигархия, финансизм и борьба капиталистов (крысиных королей) за установление личной тотальной диктатуры по отношению к членам управляемой подсистемы. Об этом написано много книг, и мы переадресовываем читателей к ним [7].

Исходное отношение «право одних людей безраздельно владеть физическим телом разумных производителей (рабов) + натуральный продукт» создавало экономику, обобщенно именуемую рабством. Причем рабство Древней Греции, Рима и США существенно различаются по форме, как, например, различные сорта яблонь, но сущность у них единая — рабовладельческая. То есть при этом все яблони на уровне компонент подсознательного образа остаются яблонями, а все рабовладельческие отношения — рабовладельческими отношениями.

Исходное отношение «владение землей + рента» породило экономику, которую принято называть феодализмом.

Исходное отношение «владение товарами + деньги с пятью функциями»¹ лежит в основе всех известных экономических моделей капитализма — от западного капитализма до большевистского социализма. Сколько усилий потратили большевистские лысенки от политэкономии, чтобы из первозернышка «товар и деньги» вырастить не капитализм, а новую формацию. Или хотя бы создать такую видимость. Ничего не получилось и не могло получиться.

Семя «товар и деньги», будучи посаженным в любую «почву», будучи облагороженным множеством самых замечательных плановых и социалистических прививок, может породить лишь капитализм, например, в крайних формах западного капитализма или большевистского социализма. Для взращивания новой общественно-экономической формации надо найти принципиально другой «посадочный материал». Этого, к сожалению, не знают и не понимают большинство людей, относящих себя к исследователям социально-экономических процессов. Однако именно подход к изучению экономики со стороны исходного отношения, позволивший, который, в свою очередь, является превращенной формой достигнутой Человечеством гармонии с соответствующим уровнем эволюции вселенского сознания.

¹Категория «деньги», исследуемая К. Марксом в «Капитале», является огрубленной и не вполне точной. Поэтому, когда мы будем иметь в виду Марксово понимание, то мы будем писать «деньги Маркса» или «деньги с пятью функциями», не касаясь пересчета денег в кошельке.

ляет к исследованию сложной системы социально-экономических отношений применить методологию кибернетической эпистемологии, как базового инструмента познания мира в шестом технологическом укладе. Классификационно такой подход наиболее близко примыкает к филогенетическому принципу систематизации сведений-знаний о явлениях окружающего мира.

В «Капитале» К. Маркса структурирование системы производственных отношений образцово произведено в соответствии с кибернетической эпистемологией². Автор выделил исходное отношение капитализма и дал им имя-категорию «товар» и «деньги с пятью функциями». Именно исходное отношение является тем экономическим, эмбриональным ДНК, которое порождает и воспроизводит все многообразие социально-экономических отношений, развивающихся на нашей Планете несколько столетий, как функции от аутопоэзного процесса эволюции сознания. Этот первый шаг в исследовании капитализма был сделан верно.

Однако на втором шаге К. Маркс в «Капитале» механистически сузил аксиоматическую базу моделирования экономики с многообразия социально-экономических, психолого-биологических и прочих отношений до системы отношений непосредственного микроэкономического воспроизводства прибавочной стоимости. Так он сумел создать свою объяснительную теоретическую модель, достаточно применимую для понимания тогдашней практики. Перефразируем это на язык кибернетической эпистемологии. Модель экономики совершенной конкуренции К. Маркса все время с момента ее опубликования обладала наибольшей объяснительной способностью по сравнению с любыми другими аналогичными попытками научных работников от экономики. Данная модель получила множественные верификации и пережила приемлемый для общественности того времени спектр фальсификаций.

Объективные процессы развития Человечества ограничительную трактовку К. Марксом предмета политэкономического исследования сделали архаичной. Опираясь на теорему Дж. Белла о взаимосвязанности компонент Вселенной, следует расширить классическое понимание предмета политической экономии до целостной системы социально-экономических отношений и даже несколько далее. Предмет

²Кибернетическая эпистемология — это зарождающаяся объединительная естественно-гуманитарная научная парадигма 6-го технологического уклада, предметом которой являются сложные системы, обладающие одновременно синергией, аутопоэзом и рекурсивностью.

политической экономии гуманистической (гармонической) общественно-экономической формации (ГООЭФ) включает в себя все типы, виды и формы межчеловеческих социально-экономических отношений, а также отношения между «Человеком производящим» и «Природой поставляющей» для земного производства все ресурсы, включая самого Человека и его знания. Именно применение знаний является определяющим фактором и источником расширенного воспроизводства Жизни. Иными словами, в политэкономический анализ должны быть включены все отношения «высшего порядка», которые всесторонне характеризуют процессы воспроизводства человеческого социума, но, которые невозможны в любых других комбинациях биологических существ на Земле, кроме «сообщества сообществ» разумных существ.

Таким образом, К. Маркс на сущностном уровне верно «филогенетически» вычленил исходное отношение как ДНК-маркер любой сложной социально-экономической системы, обобщенно именуемой «формация». Однако, опускаясь на уровень теоретической модели, он избыточно упростил воспроизводственный процесс капиталистической формации. Это повлекло упрощенчество в определении основного социально-экономического отношения капитализма. Но в целом К. Маркс сумел удержаться в рамках допустимости исходному отношению созданной им теоретической модели совершенной конкуренции. В силу предельного упрощенчества его теоретическая модель стала понятной и популярной, но она не отражала реалий экономики, в которой совершенная конкуренция могла случаться лишь иногда. Все прочие ошибки К. Маркса естественно вытекают из этого первого вынужденного шага. Реальный капитализм и Марксову теоретическую модель можно было рассматривать как допустимые научные преобразования в ходе движения по уровням научной абстракции некоторое весьма непродолжительное время. В конце XIX и с начала XX в. эта теоретическая модель уже не отражала реалий искусственной среды обитания Человека, агрегированно именуемых «экономикой».

Рассмотрение *исходного социально-экономического отношения* (ДНК-маркера) будущей гармонической (гуманистической) формации следует вести, учитывая мнение Л. Эрхарда. В своей книге «Полвека размышлений» он писал: «Рыночная экономика оправдана с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше, чем какая-либо иная форма экономики, обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей всего народа, когда

она в максимальной степени наделяет номинальные доходы граждан реальной покупательной способностью». Уже достаточно давно данный принцип нарушен. Причем он нарушен не только по вектору отношений «Восток — Запад» или «Север — Юг», а тотально. Это и предопределило цивилизационную актуальность формирования новой объяснительной парадигмы общества и экономики, которую мы называем ДОБРОТВОРЕНИЕМ. ДОБРОТВОРЕНИЕ подобно Солнцу в Природе. Солнце светит всем людям в равной мере, независимо от того, как каждый к нему относится. Аналогично ДОБРОТВОРЕНИЕ призвано стать духовным формационным Солнцем будущего Человечества.

Исходное отношение гармонической общественно-экономической формации включает две компоненты: «БЛАГО» и «Метрические Средства Обращения с демерреджем». «БЛАГО», так же как и «товар», имеет два имманентных свойства: витальную потребительную ценность и априорную ценность. «Метрические Средства Обращения с демерреджем» выполняют лишь две (из пяти) функции: меры ценности и средства обращения.

Можно считать строго доказанным, что анализ методологического наследия Человечества фактологически подтвердил, что сложные социально-экономические системы следует разделять на основе ДНК-маркера, которым является «исходное отношение» (с именем «исходная категория»). Допустимые варианты теоретических моделей, возможных при «посадке» и «прорастании» соответствующего исходного отношения, материализуются в основном социально-экономическом отношении. Варианты теоретических моделей будут зависеть от субъективных ограничений и условий, вводимых в познавательный процесс учеными. На уровне процессов функционирования в теоретическую модель — основное отношение — вводятся акторы, которые являются носителями индивидуальных потребностей, интересов и ценностей. Поэтому на практике мы видим значительный разброс форм производных отношений, включая инновационное взаимодействие людей с силами и ресурсами Природы, формирование баланса сил между членами руководящей и управляемой подсистем с помощью бумажных законов и т. д. Детальному научному рассмотрению всех этих особенностей посвящена книга автора «Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего» в девяти частях.

Вновь повторим важнейшую истину, что любая наука начинается с исходной аксиоматики, термино-

логии (названий научных абстракций) и методологии формулирования значимых выражений проектного языка. В науках об искусственном — это цифры и правила операций над ними, в лингвистике — буквы, словообразование и правила составления предложений. В социально-экономической науке таким первокирпичиком является наиболее простая первоклетка, которая называется «исходной категорией», выражающей квинтэссенцию отношений исследуемой сложной системы. Именно исходное отношение (категория) является тем экономическим, эмбриональным ДНК формации, которое порождает и воспроизводит все многообразие социально-экономических отношений, развивающихся на нашей планете несколько столетий, как функции от ауто-поэзного процесса эволюции сознания.

Экономика по мере движения каждой формации от зарождения до гибели становится все более патологической и антиприродной. То, что сейчас именуется «рыночной экономикой», реально является варварским капитализмом, нарядившимся в овечьи шкуры. Он повсюду в мире изрыгает войны и терроризм, дурно воняет санкциями, восторгается некрофилией — любовью к мертвым вещам¹. Сейчас нет ни одного мерзкого и отвратительного свойства, которым бы не обладала капиталистическая формация. Это и есть доказательство ее смерти.

Из зернышка репья (капитализма) никогда не вырастет благородная пшеница (гармоническая формация). Лишь посеяв семя ДОБРОТВОРЕНИЯ — «БЛАГО и Метрические Средства Обращения с демерреджем», — можно вырастить цивилизацию сосуществования с Природой и гармоническую (гуманистическую) общественно-экономическую формацию.

Сейчас антагонистическое противоречие между фундаментальными свойствами Природы и капиталистическими бумажными законами достигло точки бифуркации. Социум объективно переходит в новую цивилизацию сосуществования с Природой и гармоническую формацию. В теоретической модели и в реальной экономике этот переход обусловлен заменой исходного и основного отношения как первосемечка. Будущее ДОБРОТВОРЕНИЕ вырастает из исходного отношения «БЛАГО + Метрические Средства Обращения с демерреджем». То есть лишь через 50—100 тыс. лет кибернетическая эпистемология открыла злостное преступление представителей руководящей подсистемы и закла-

¹К. Маркс назвал это «товарным фетишизмом». Любовь приносит счастье, когда она взаимна. Любовь к вещам никогда не станет взаимной, поэтому она никогда не добавляет в человеческую жизнь счастья.

дывает в исходное отношение будущей цивилизации и формации право на доступ к благам Земли всех без исключения живых существ. БЛАГО включает лишь материальные и цивилизационные продукты экономики витального потребления. Метрические Средства Обращения благодаря своим имманентным свойствам выступают как способ наиболее короткой и эффективной связи производителей с каждым потребителем внутри экономики.

«Благо» является «посадочным материалом» — исходной категорией гармонической общественно-экономической формации, которую мы также называем ДОБРОТВОРЕНИЕМ.

Вопрос о добре и зле является наиболее фундаментальным в философском осмыслении социально-экономических отношений между людьми. Мировоззренчески следует рассматривать здорового человека как Добра Творенье, то есть божью тварь. Понятие «добро» — это категория идеала. От понимания «добра» на сущностном мировоззренческом уровне Природы можно перейти к исследованию «добра-блага» на уровне теоретической модели искусственной среды обитания Человека, именуемой экономикой.

В рамках методологии кибернетической эпистемологии метрико-топологическая парадигма добра и зла может быть представлена лаконичной формулой.

$$\begin{aligned} \text{Добро}^2 \equiv \text{Благо}^3 &= \text{воля здоровой личности} + \\ &+ \text{счастье каждого} + \text{счастье всех} + \\ &+ \text{целостность Природы}. \end{aligned}$$

В аспекте сфер человеческого бытия:

$$\begin{aligned} \text{Добро} \equiv \text{Благо} &= \text{польза (материальные блага)} + \\ &+ \text{счастье (цивилизационные блага)}. \end{aligned}$$

При этом самым значимым цивилизационным благом в Природе является не потребление, а добродетель. Преподобный Иоанн Дамаскин писал: «Конечно, если одна только душа упражнялась в подвигах добродетели, то одна только она будет и увенчана. И если одна только она постоянно пребывала в удовольствиях, то по справедливости

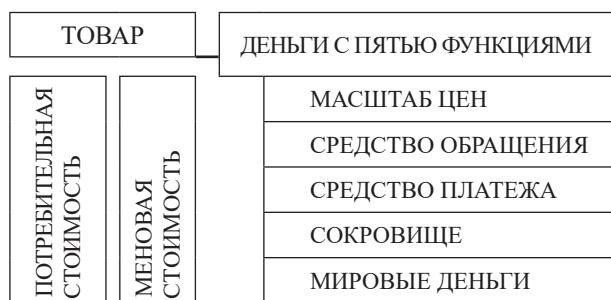
²В. Даль в своем словаре, определяя понятие «добро», выделяет: «В духовн. знач. благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу».

³Благо = добро, доброе деяние, всё, служащее счастью, богатство, имение. Благо есть = лучшее. Полный церковнославянский словарь (Составил священник магистр Григорий Дьяченко), с. 39 (http://www.slavdict.narod.ru/_0039.htm).

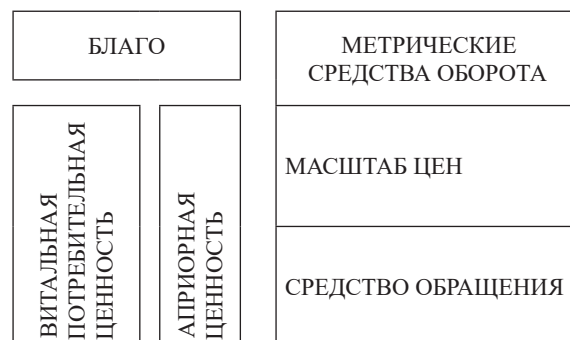
одна только она была бы и наказуема. Но так как ни к добродетели, ни к пороку душа не стремилась отдельно от тела, то по справедливости та и другое вместе получают и воздаяния» [8. С. 460].

Исходное социально-экономическое отношение в будущей гармонической формации будет выражаться двумя неразделимыми категориями: «БЛАГО» и «Метрические Средства Обращения с демерреджем». Первая категория характеризует связь Человека с Природой, так как все потребляемые блага суть материально-вещественные природные ресурсы, обработанные с помощью добытых в закромах Природы знаний. Вторая — является искусственным посредником между людьми, функционирующими в рамках искусственной среды обитания — экономики, которая характеризуется обособлением хозяйствующих субъектов и специализацией применяемых в производстве знаний.

Исходное отношение капитализма с помощью категорий можно представить следующим образом:

Структура исходного отношения гармонической формации по форме изоморфна исходному отношению капитализма, но по сути не имеет с ней ничего общего:

Простая форма сопоставительного представления исходного отношения умершей и зарождающейся формаций не должна создать впечатления элементарности данного вопроса [9]. Тысячи и тысячи настоящих ученых будут находить в этом «первосемечке» множество скрытых свойств. Только так от дедуктивного озарения, позволившего сформулировать «исходное отношение» будущей гармонической формации, через множество индуктивных верификаций и фальсификаций современные социально-экономические фантазии могут превратиться в науку. В добрый путь, коллеги!

Список литературы

1. Острецов, И. Введение в философию ненасильственного развития : монография / И. Острецов. — Ростов на/Д : Комплекс, 2002.
2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер с фр.: В. П. Визгин, Н. С. Автономова. — СПб. : А-сэд, 1994. — 408 с. [76 — Linne. Philosophie botanique, § 155 et 256].
3. Вейзе, П. Homo Economicus и Homo Sociologicus: монстры социальных наук / П. Вейзе // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Т. 1, вып. 3.
4. Кретов, С. И. Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего. Восьмая часть: Производные социально-экономические отношения политической экономии будущего. Отношения «Производитель — Потребитель» / С. И. Кретов. — М. : ДОБРОТВОРЕНИЕ, 2017.
5. Капра, Ф. Скрытые связи / Ф. Капра. — М. : София, 2004.
6. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. — М. : София, 2003.
7. Курс политической экономии : в 2 т. / под. ред. Н. А. Цаголова. — М. : Экономика, 1973.
8. Дамаскин Иоанн, преподобный. Точное изложение православной веры / И. Дамаскин. — М. : Сиб. благовонница, 2015.
9. Кретов, С. И. Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего. Третья часть: исходное социально-экономическое отношение политической экономии будущего / С. И. Кретов. — М. : ДОБРОТВОРЕНИЕ, 2016.

Сведения об авторе

Кретов Сергей Иванович — доктор экономических наук, руководитель научно-исследовательского центра Российской академии предпринимательства, Москва, Россия. kretsi1955@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 7—17.

EMBRIO SOCIO-ECONOMIC RELATIONSHIP OF THE HUMANISTIC (HARMONIOUS) SOCIO-ECONOMIC FORMATION

S.I. Kretov

Russian Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russia. kretsi1955@gmail.com

Dissecting with the help of scientific abstractions and the classification of socio-economic relations allows us to emphasize and substantiate the patterns of germination of a new embryo relationship through dying capitalism and the formation of a future Harmonious formation. The transition to the sixth technological mode is inevitable not only in the natural sciences, but also in the social studies. Its essence is revealed through the foundation and development of cybernetic epistemology - the first natural-humanitarian science on the fundamental properties of nature. The process of evolution of universal consciousness objectively led mankind to the line when the goals of artificial habitat (economy) are reoriented from the interests of the members of the governing subsystem of society to the interests of the whole mankind. Such a universe is called GOODNESS CREATION. This is both a new ideology, and a new socio-economic paradigm, and a phase transition from the civilization of the conquerors of Nature to the civilization of coexistence with Nature.

Keywords: *embryo socio-economic relation, levels of scientific abstraction, cybernetic epistemology, complex system, harmonic formation, goodness creation.*

References

1. Ostretsov I. *Vvedenie v filosofiyu nenasil'stvennogo razvitiya: Monografiya* [Introduction to the philosophy of non-violent development: Monograph]. Rostov-on-Don, Complex, 20028. (In Russ.).
2. Foucault M. *Words and things. Archeology of the humanities* [76 - Linne. Philosophie botanique, §155 et 256].
3. Weise P. Homo Economicus and Homo Sociologicus: Monsters of Social Sciences. *Thesis: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 1993, vol. 1, Issue 3, p. 129.
4. Kretov S.I. *Gumanisticheskaya obshchestvenno-ekonomicheskaya formaciya. Politicheskaya ekonomiya budushchego. Vos'maya chast': Proizvodnye social'no-ekonomicheskie otnosheniya politicheskoy ekonomii budushchego. Otnosheniya "Proizvoditel' — Potrebitel'"* [Humanistic socio-economic formation. Political economy of the future. The eighth part: Derived socio-economic relations of the political economy of the future. Relations "Manufacturer - Consumer"]. Moscow, Publishing House WELCOME, 2017. (In Russ.).
5. Capra F. *Skrytye svyazi* [Hidden connections]. Moscow, Publishing House Sofia, 2004. (In Russ.).
6. Capra F. *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyh sistem* [The Web of Life. A new scientific understanding of living systems]. Moscow, Publishing House Sofia, 2003. (In Russ.).
7. Tsagolova N. A. *Kurs politicheskoy ekonomii, v dvuh tomah* [The course of political economy, in two volumes]. Moscow, Publishing house Economics, 1973.
8. Damascene John, *Repodobnyj. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very* [Reverend. Exact statement of the Orthodox faith]. Moscow, Siberian invertebrate Publ., 2015. (In Russ.).
9. Kretov S.I. *Gumanisticheskaya obshchestvenno-ekonomicheskaya formaciya. Politicheskaya ekonomiya budushchego. Tret'ya chast': iskhodnoe social'no-ekonomicheskoe otnoshenie politicheskoy ekonomii budushchego* [Humanistic socio-economic formation. Political economy of the future. The third part: the initial socio-economic attitude of the political economy of the future]. Moscow, Publishing House DOBOROTVENIE, 2016. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОДИН ИЗ ФЕНОМЕНОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В. Н. Ковнир, Е. А. Самохина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Рассматриваемый термин «постиндустриальное общество» социолог и футуролог Дэниел Белл впервые использовал в 1959 г., выступая на семинаре в Зальцбурге. Постиндустриальное общество авторы понимают как общество информационное. Данная категория сегодня широко признана и повсеместно используется. Важнейшим компонентом построения информационного общества является подготовка и расширение использования квалифицированных специалистов. Проанализированы различные аспекты и характеристики развития высшего образования в условиях формирования информационного общества и перехода к инновационному типу экономики. Сделан вывод, что переход к инновационной экономике является одной из основных тенденций современного развития. В результате резко повышается спрос на профессиональные кадры, которые должны уметь работать в среде перманентных инновационных процессов, обеспечивая генерацию креативных идей, разработку на их основе инновационных проектов, управление внедряемыми инновациями.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, информация, знание, инновационная экономика.*

Под постиндустриальным обществом Дэниел Белл подразумевает «социум, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает» (Д. Белл [1. Предисловие]).

В развернутом виде свою концепцию Д. Белл изложил в своей основной работе: *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* (1973). Развитие этой концепции Д. Беллом прослеживается по трансформации базовой категории его концепции: «постиндустриализм», затем «информация» и «знание» (В. В. Строев [2]).

В дальнейшем была сформулирована *концепция трех обществ*, в первом из них главным является взаимодействие человека с природой, во втором ведущую роль играет взаимодействие человека с природой, которую он преобразовал, в третьем, постиндустриальном, ведущим отношением является взаимодействие между людьми (D. Bell [3]).

Свою теорию «t-(темпорально)-индустриализуемых обществ» (*доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное*) Белл разработал параллельно с теорией трех волн Э. Тоффлера (В. Н. Ковнир [16. С. 16—18]). Эти концепции стали развитием теории пяти стадий индустриального общества У. Ростоу (М. Блауг [4. С. 248—251]): *традиционное общество, подготовка условий для экономического роста, взлет*

(или подъем), движение к зрелости, эра высокого массового потребления. Обобщение этих теорий представлено в работе Ф. Уэбстера [5].

Сводная характеристика t-индустриализуемых обществ формализована Д. Беллом в виде матриц (см. [1]), которые, в частности, показывают, что индустриальное общество основывается на машинной технологии, а постиндустриальное в противоположность ему формируется под воздействием интеллектуальной технологии. Поэтому главные структурные элементы индустриального социума — капитал и труд, а основой постиндустриального общества являются информация и знание. «Понятие “постиндустриальное общество” делает упор на центральное место теоретических знаний как на тот стержень, вокруг которого будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация» (Д. Белл [Там же. С. 152]).

По мнению Ф. Уэбстера, новый тип общества можно описать как общество, в котором «информация играет качественно иную роль и исполняет иные функции» [5. С. 31].

Д. Белл полагает, что *постиндустриальное общество* (ПИО) характеризуется теорией стоимости, основанной на знании, тогда предшествующий тип общества имел в основе трудовую теорию стоимости. Для ПИО систематизация знания становится фактором инновации, а знание, даже будучи проданным, по-прежнему сохраняется у своего производителя [1. С. СЛИ].

Для целей нашего исследования важнейшей характеристикой является выделение *пятиричного сектора*: здравоохранение, образование, исследования, государственное управление, отдых (см. матрицу у Д. Белла [Там же. С. 158]). Выделим из матрицы Д. Белла основные характеристики данного сектора и перегруппируем их, исходя из задач, которые мы решаем в нашем исследовании:

- *базовый принцип* ПИО — центральное значение теоретических знаний и их кодификация;
- *природа общества* — игра между людьми;
- *методология* — абстрактные познавательные теории: моделирование, теория решений, системный анализ;
- *временной горизонт* — научное предвидение, ориентированное на будущее;
- *основные профессии* — профессиональные и технические работники, ученые;
- *технология* — информационная.

Исходя из этого, Д. Белл определяет основные характеристики ПИО. Используя ту же методологию анализа, рассмотрим более подробно основания общественной власти и социального влияния в условиях ПИО:

- *ресурсы* — знания;
- *классовая основа* — технические знания, политическая организация;
- *достижение власти* — образование; мобилизация; кооптация;
- *способы осуществления власти* — баланс технических и политических сил; компромиссы и право;
- *доминирующие фигуры* — ученые; исследователи;
- *общественное местоположение* — университет, научный институт.

Обществом называется система всех общественных отношений, которые складываются между людьми в ходе их жизнедеятельности (Р. М. Нижегородцев [6]). Для Белла ПИО — не просто общество с новыми технологическими характеристиками, оно имеет две принципиально новые, определяющие черты: «во-первых, источником инноваций во все большей мере становятся исследования и разработки (более того, возникают новые отношения между наукой и технологией ввиду центрального места *теоретического* знания); во-вторых, прогресс общества, измеряемый возрастающей долей ВВП и возрастающей частью занятой рабочей силы, все более однозначно определяется успехами в области знания» (Д. Белл [1. С. 288]).

Таким образом, наш анализ показывает, что институциональная структура ПИО формируется

на основе возрастания и принципиального изменения роли структур научного поиска и формирования знаний, генетически произрастающих в той среде, которая их накапливает, обобщает и транслирует пользователям, а именно — высшего образования. Общий вывод при этом, что в современный период развития «постиндустриальное общество под влиянием инновационной спирали превращается в информационное» (Г. Ю. Гагарина, В. И. Гришин и др. [7. С. 6]). Д. Белл подчеркивает вполне естественное разграничение между бывшими в прошлом едиными обучением и образованием. В прежних условиях школа социализировала индивидуума, придавая его жизненному опыту организованную форму и кодифицируя ценностные ориентации. Но в современных условиях ситуация изменилась принципиально. Благодаря развитию коммуникационной среды: разнообразная печатная, к тому же иллюстрированная, пресса (журналы, книги и др.), радио, телевидение, сегодня Интернет — объем воспринимаемого человеком опосредованного опыта увеличился многократно. В результате этого через разнообразное воздействие со СМИ и общение с коллегами, делает вывод Белл, процесс получения образования вышел за пределы школьных стен, но при этом школы в силу их роли «стражей образовательного процесса» стали более профессиональными и специализированными» [1. С. 566].

Современный отечественный исследователь Ю. А. Корчагин на этой основе делает вывод, что экономика знаний является высшим этапом развития постиндустриальной инновационной экономики и следующим этапом развития экономики и общества ведущих стран в мире [8].

Научно-техническая революция, набравшая стремительные обороты в XX в., привлекла внимание представителей экономической науки к новым явлениям, возникающим в условиях быстрых технологических изменений в общественном производстве. Одним из определяющих течение этих процессов стали *инновации*. В современном понимании инновация — это своеобразный апгрейд (upgrade), обновление, усовершенствование, замена одних элементов другими, более новыми. (М. В. Радченко [11]). Эти факторы определяют связь понятий инновационной экономики и постиндустриального общества.

Охарактеризуем специфику инновационной экономики:

- опора на знания и инновации;
- позитивное восприятие новейших идей и того, как они проявляются в развитии технологий;

- готовность работников к практической реализации новых идей в различных сферах человеческой деятельности.

Современная инновационная экономика может развиваться, только опираясь на фундамент знаний, которые формируются именно в системе образования. Теория ПИО по сравнению с жесткими рамками других доктрин предоставляет исследователю вполне определенный, но более гибкий инструментарий для социального поиска. Поскольку ПИО опирается на использование в производстве в первую очередь теоретических знаний, это принципиально меняет социальную стратификацию и структуру. Д. Белл определяет знание как «коллективное благо», которое с момента его создания становится всем доступным. (В. Л. Иноземцев [9]). «Знание — это выборочное упорядочение и переосмысление опыта с помощью соответствующих концепций» (Д. Белл [1. С. 567]). Таким образом, системообразующими факторами для ПИО становятся квалификация занятых, управленческие и информационные технологии, формирующие рыночную инфраструктуру.

Производственную деятельность человека можно выразить как общность четырех элементов: информация, энергия, продукция, услуги. Каждый из них достоверно характеризуется тремя базовыми величинами (Г. Г. Азгальдов, А. В. Костин [10]):

- количество, измеряемое в соответствующих единицах;
- затраты на его производство, потребление и т. д.;
- качество.

В современной экономике роль знаний и инноваций детерминирована в первую очередь опорой на научные знания, передача которых связана с процессом обучения. Но в условиях ПИО данный тезис имеет свою специфику, даже не связанную с практическими и технократическими аспектами образования — ориентацией на профессионализм и специализацию. «Сам факт существования в настоящее время множества новых путей получения информации и приобретения опыта диктует необходимость осознанного понимания процессов выработки концепций как средства организации поступающей к индивиду информации с целью разработки прогностических схем осмысления личного опыта» (Д. Белл [1. С. 568]).

По мнению Н. Е. Киржаевой, А. А. Марковой, Н. Н. Катайкиной [12], инновационной экономику делает только наличие таких признаков, как высокотехнологичная инфраструктура, современные IT-технологии, многофункциональная и адекватная

вызовам времени система подготовки и переподготовки квалифицированных специалистов, наличие разного рода функциональных инноваций, развитая финансовая система для поддержки потока инвестиций в инновации.

Для развития этих свойств экономики нужна соответствующая институциональная среда, включающая в себя законодательство, инновационные центры, — центры коммерциализации разработок и технологий, финансовые институты и образовательные центры, институты и школы (подробнее см.: Н. Е. Киржаева, А. А. Маркова, Н. Н. Катайкина [12]). Комплекс таких институтов и будет составлять национальную инновационную систему (НИС), которая должна стать фундаментом инновационной экономики.

Отметим, что становление инновационного типа экономики требует обновления концепции подготовки человеческого ресурса, для чего предлагается использовать интегральное понятие «4И», что означает: инновации, инновационная деятельность, инфраструктура, индивид. Каждое из этих понятий является значимым в становлении инновационной экономики. При этом именно *индивид-инноватор*, среди выделенных четырех факторов, представляет собой движущую силу инновационной экономики [Там же].

Понятие инновационной деятельности включает три основные категории: наука экономика, технология, образование. Инновационной деятельностью в экономике и ВПО¹ является вид деятельности, который связан с усовершенствованием научных разработок и исследований или других научно-технических достижений в модернизированный продукт, внедряемый на рынке, в новый модернизированный технологический процесс, который используется на практике, или в новые пути по оказанию социальных услуг (В. И. Подлесных [13]).

Лидеры разработки концепций развития ПИО (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.) обосновывают вывод о том, что инновационная экономика дает неоспоримое преимущество в мировой экономике для стран, ее создающих.

Как показано ранее, для развития инновационной экономики в России в настоящее время первостепенное значение имеет подготовка квалифицированных кадров и развитие человеческих ресурсов, так как проблема обеспечения экономики профес-

¹В связи с принятием нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. понятие «высшее профессиональное образование» (ВПО) утратило силу и согласно ст. 10, п. 5, нового ФЗ вступило в силу понятие «высшее образование» (ВО).

сиональными кадрами стала очень острой. Это обусловлено специфическим набором факторов современного этапа развития экономики и общества (Е. А. Самохина [14]):

1) население, получившее в период существования СССР образование классического типа, основанное на фундаментальных науках, стареет и, соответственно, менее активно участвует в экономических процессах текущего времени;

2) существенная коммерциализация образования в результате реформ последних 25 лет;

3) система образования, коммерчески ориентируясь на подготовку востребованных специалистов для текущих потребностей, существенно видоизменилась, но это не сопровождалось глубокими исследованиями реальных потребностей экономики России в специалистах определенного профиля и компетенций, особенно для будущих потребностей рынка труда;

4) снижение потребностей экономики в трудовых ресурсах в период стагнации экономического развития.

Одним из ведущих перспективных направлений совершенствования системы образования, по нашему мнению, является принципиальное совершенствование пространственной организации сферы ВО, что необходимо для формирования в России системы непрерывного образования, позволяющей преодолевать экономические кризисы

и развивать систему, обеспечивающую опережающее развитие (Е. А. Самохина [14]; Я. И. Кузьминов, Д. С. Семенов, И. Д. Фрумин [15]).

Как пишет классик теории ПИО, «задача университетов в этих условиях состоит в том, чтобы сопоставить методы логического познания: исторического познания, объектом которого является традиция, которую можно сопоставить с настоящим; методологического познания, которое делает понятным концептуальные основы познания и его философские предпосылки; индивидуального самосознания, которое позволяет человеку понять источники его предубеждений и дает возможность создать свою собственную систему ценностей путем последовательного изучения общества». (Д. Белл [1. С. 568]). Таким образом, развитие как идей, так и институтов ПИО не требует полного отказа от багажа прошлого. Образование обеспечивает его переработку и адаптацию к новым условиям развития. Д. Белл характеризует процесс образования как «постоянную напряженность» между «прошлым и будущим, разумом и чувственностью, традицией и опытом» [Там же]. И, несмотря на все приносимые ее сложности, только такая напряженность обеспечивает энергию и независимость самого процесса познания. Мир знаний дезорганизован, только образование путем поиска взаимосвязей позволяет придать ему интеллектуальный и художественный порядок.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Academia, 2004. — CLXX, 788 с.
2. Строев, В. В. Влияние экономики знаний на интеграционные процессы в высшем образовании : дис. ... д-ра. экон. наук / В. В. Строев. — СПб., 2008.
3. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism / D. Bell. — N.Y., 1976.
4. Блауг, М. 100 великих экономистов после Кейнса : пер. с англ. / М. Блауг. — СПб. : Экон. шк., 2008. — 352 с.
5. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества : пер. с англ. / Ф. Уэбстер. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
6. Нижегородцев, Р. М. Информационная экономика. Кн. 1. Информационная Вселенная: Информационные основы экономического роста / Р. М. Нижегородцев. — М. ; Кострома, 2002. — 163 с.
7. Российское экономическое пространство: проблемы и перспективы реструктуризации : монография / под ред. В. И. Гришина, Г. Ю. Гагариной. — М. : ИНФРА-М, 2013. — 187 с.
8. Корчагин, Ю. А. Человеческий капитал и инновационная экономика России : монография / Ю. А. Корчагин. — Воронеж : ЦИРЭ, 2012. — 244 с.
9. Иноземцев, В. Л. Даниел Белл как исследователь / В. Л. Иноземцев // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. — 2004. — № 2 (70). — С. 111—117.
10. Азгальдов, Г. Г. Восемь шагов к инновационной экономике [Электронный ресурс] / Г. Г. Азгальдов, А. В. Костин // Инновации. — 2009. — № 11. — URL: <http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin-eight-steps-to-innovative-economy-2009.pdf> (дата обращения 08.08.2019).

11. Радченко, М. В. Совершенствование инновационной деятельности вузов : дис. ... канд. экон. наук / М. В. Радченко. — Ставрополь, 2005.
12. Социально-экономическая сфера: инвестиции и инновационное развитие [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н. Е. Киржаева, А. А. Маркова, Н. Н. Катайкина [и др.] ; под общ. ред. А. Ф. Полякова. — Саранск: Принт-Издат, 2014. — 132 с. — URL: http://saransk.ruc.su/upload/medialibrary/46e/2014_Sotc_ekon_sfera.pdf (дата обращения 08.08.2019).
13. Подлесных, В. И. Реформирование высшего образования на основе замещения технологического уклада (новые подходы и методы) : монография / В. И. Подлесных. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 189 с.
14. Самохина, Е. А. Стратегические направления развития пространственной организации рынка услуг ВПО в России / Е. А. Самохина // Человеч. капитал и проф. образование. — 2015. — № 1 (13). — С. 21—27.
15. Кузьминов, Я. И. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» / Я. И. Кузьминов, Д. С. Семенов, И. Д. Фруммин // Вопр. образования. — 2013. — № 4. — С. 8—69.
16. Ковнир, В. Н. Типология хозяйственных систем в отечественной экономической мысли и ее влияние на современную экономическую теорию : [монография]. — М. : Гриф и К, 2008. — 271 с.

Сведения об авторах

Ковнир Владимир Николаевич — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. horserex@yandex.ru

Самохина Екатерина Александровна — специалист научной школы «Экономическая теория» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. sam29rea@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 18—23.*

INFORMATION SOCIETY AS ONE OF THE PHENOMENAS OF DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

V.N. Kovnir

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia. horserex@yandex.ru

E.A. Samokhina

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia. sam29rea@yandex.ru

The term “post-industrial society”, considered by the sociologist and futurologist Daniel Bell, was first used in 1959, speaking at a seminar in Salzburg. We understand the post-industrial society as an information society, which is created by training and expanding the use of qualified specialists. The authors understand post-industrial society as an information society. This category is now widely recognized and widely used. The most important component of building the information society is the training and expansion of the use of qualified specialists. The authors analyzed various aspects and characteristics of the development of higher education in the formation of the information society and the transition to an innovative type of economy. The transition to an innovative economy is one of the main trends of modern development. As a result, the demand for professional staff, who must be able to work in the environment of permanent innovation processes, providing the generation of creative ideas, the development of innovative projects on their basis, the management of implemented innovations, sharply increases.

Keywords: *post-industrial society, information, knowledge, innovative economy.*

References

1. Bell D. *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, Academia, 2004. CLXX, 788 p. (In Russ.).
2. Stroyev V.V. *Vliyaniye ekonomiki znaniy na integratsionnyye protsessy v vysshem obrazovanii* [The influence of the knowledge economy on integration processes in higher education. Thesis]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).

3. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y., 1976.
4. Blaug M. *100 velikikh ekonomistov posle Keynosa* [100 great economists after Keynes]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola, 2008. 352 p. (In Russ.).
5. Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theory of the Information Society]. Moscow, Aspekt Press, 2004. 400 p. (In Russ.).
6. Nizhegorodtsev R.M. *Informatsionnaya ekonomika. Kniga 1. Informatsionnaya Vselennaya: Informatsionnyye osnovy ekonomicheskogo rosta* [Information Economics. Book 1. Information Universe: Informational basis of economic growth]. Moscow, Kostroma, 2002. 163 p. (In Russ.).
7. Grishina V.I., Gagarinoy G.Yu. (eds.). *Rossiyskoye ekonomicheskoye prostranstvo: problemy i perspektivy restrukturizatsii* [Russian Economic Space: Problems and Prospects of Restructuring]. Moscow, INFRA-M, 2013. 187 p. (In Russ.).
8. Korchagin Yu.A. *Chelovecheskiy kapital i innovatsionnaya ekonomika Rossii* [Human capital and innovative economy of Russia]. Voronezh, TSIRE, 2012. 244 p. (In Russ.).
9. Inozemtsev V.L. Daniyel Bell kak issledovatel' [Daniel Bell as a researcher]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2004, no. 2 (70), pp. 111-117. (In Russ.).
10. Azgal'dov G.G., Kostin A.V. Vosem' shagov k innovatsionnoy ekonomike [Eight steps to an innovative economy]. *Innovatsii* [Innovations], 2009, no. 11. Available at: <http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin-eight-steps-to-innovative-economy-2009.pdf>, accessed 08.08.2019. (In Russ.).
11. Radchenko M.V. *Sovershenstvovaniye innovatsionnoy deyatel'nosti vuzov* [Improving the innovative activities of universities. Thesis]. Stavropol, 2005. (In Russ.).
12. Kirzhayeva N.Ye., Markova A.A., Kataykina N.N. [et al.] *Sotsial'no-ekonomicheskaya sfera: investitsii i innovatsionnoye razvitiye* [Socio-economic sphere: investment and innovative development]. Saransk, Print-Izdat, 2014. 132 p. Available at: http://saransk.ruc.su/upload/medialibrary/46e/2014_Sotc_ekon_sfera.pdf, accessed 08.08.2019. (In Russ.).
13. Podlesnykh V.I. *Reformirovaniye vysshego obrazovaniya na osnove zameshcheniya tekhnologicheskogo uklada (novyye podkhody i metody)* [Reforming higher education on the basis of replacing the technological structure (new approaches and methods)]. Moscow, INFRA-M, 2014. 189 p. (In Russ.).
14. Samokhina Ye.A. Strategicheskiye napravleniya razvitiya prostranstvennoy organizatsii rynka uslug VPO v Rossii [Strategic directions for the development of the spatial organization of the VPO services market in Russia]. *Chelovecheskiy kapital i professional'noye obrazovaniye* [Human capital and vocational education], 2015, no. 1 (13), pp. 21-27. (In Russ.).
15. Kuz'minov Ya.I., Semenov D.S., Frumin I.D. Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu "master-planu" [The structure of the university network: from Soviet to Russian "master plan"]. *Voprosy obrazovaniya* [Issues of education], 2013, no. 4, pp. 8-69. (In Russ.).
16. Kovnir, V. N. *Typology of economic systems in domestic economic thought and its impact on modern economic theory* [Typology of economic systems in domestic economic thought and its impact on modern economic theory]. Moscow, Publishing house Grief and K, 2008. 271 p. (In Russ.).

ТИПОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ РЕСУРСНЫХ ПОТОКОВЫХ ПРОЦЕССОВ СИСТЕМЫ УСЛУГ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Мальшина

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, Саратов, Россия

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-01004 «Разработка организационно-экономических и финансовых механизмов поддержки и стратегического развития индустрии культуры в регионах России».

Выявлены ключевые компетенции социально-экономических систем, инструмент управления социально-экономическими системами (оптимальное соединение в процессе движения ресурсов в определенной их комбинации для достижения цели), определена ресурсная направленность как основа создания и развития систем. Теоретический анализ включает определения информационного потока и финансового потоков в системе услуг культуры, материального потока ресурсов с выявлением их характеристик и требований к функционированию. Предложена классификация информационных потоков и структуризация потоков системы услуг культуры. Определены правила и основные логистические характеристики информационного потока системы услуг культуры. Для классификации финансовых потоков в логистике в системе услуг культуры определены признаки и представлены в виде рисунка.

Ключевые слова: *информационные и финансовые потоковые процессы системы услуг культуры, информационно-логистическая система.*

Наблюдаемое примерно с конца XX в. активное развитие мировой сферы сервиса предъявило новые требования к проектированию, функционированию и управлению системой социально-культурного сервиса. Применение методов логистики к системе услуг культуры позволяет наиболее полно реализовать потенциал потоковых процессов на основе системного подхода к управлению ресурсами и связанными с ними издержками в микро- и макро-социально-экономических системах.

Возможность применения логистической методологии к услугам культуры, определение понятия «система» и основных элементов проектирования логистических систем услуг культуры позволит оптимизировать процессы данной сферы.

Основная цель данного исследования — выявление основ применения методологии логистики в системе услуг культуры для открытия новых перспектив культурного наследия, индустрии культуры и новых способов взаимодействия с информационным миром, координации, финансирования и инноваций и более широкого имеющегося потенциала.

Целью рассмотрения специфики ресурсных потоков системы услуг культуры является увеличение возможности более рационального использования ресурсов данной сферы, выявления в них приоритетных составляющих для сферы сервиса.

Под системой в данном исследовании понимается совокупность находящихся в динамичном взаимо-

действии балансирующих процессов. При состоянии статического равновесия системы наблюдается де-структуризация. Системный подход рассматривает социально-экономическую систему по аналогии с биологической, при условии наличия в ней некоторой неопределенности (энтропии). Созидательность процесса «в подобных системах характеризуется максимумом пространства при оптимуме ресурса в каждой точке, так как только в триединстве протекающих процессов при оптимуме ресурсов достигается исчерпывающий адекватный охват» [2. С. 10]. Распад данных систем подразумевает образование новых устойчивых структур, обладающих необходимым ресурсным потенциалом.

Интеграция всех ресурсопотоковых процессов формирует базу оказываемых услуг культуры, которая, трансформируя их исходя из направленности и специфики оказываемых видов услуг, образует интегральные потоки. На этапе непосредственной встречи потребителя и производителя в процессе оказания услуг происходит взаимодействие данного интегрального потока услуг культуры и конкретного потребителя.

Применение понятия энтропии для экономических процессов индустрии культуры, основанное на предположении, что финансы являются аналогом энергии, позволит оптимально использовать имеющиеся ресурсы, так как их организованность и динамика повышают эффективность функционирования всей экономической системы индустрии

культуры. *Оптимальность* в данном случае есть «степень использования системой ресурсов, то есть отношение ресурсов, подлежащих потреблению, к ресурсам, фактически потребляемым» [6. С. 12].

Традиционно формула энтропии для социально-экономических систем может быть рассчитана по методу А. Ляпунова (1). При некоторых весьма общих условиях оказывается, что эта совокупность социально-экономических систем имеет распределение, близкое к нормальному, хотя каждое из слагаемых может не подчиняться нормальному закону распределения вероятностей.

Так как по следствию из теоремы Ляпунова случайная величина ξ для больших значений n имеет распределение, близкое к нормальному, присутствует соотношение

$$P(x_1 < \xi_1 + \xi_2 + \dots + \xi_n < x_2) \approx \Phi\left(\frac{x_2 - a}{\sigma}\right) - \Phi\left(\frac{x_1 - a}{\sigma}\right), \quad (1)$$

где $\Phi(x)$ — интеграл вероятностей.

То есть, если «случайная величина X представляет собой сумму очень большого числа взаимно независимых случайных величин, для которых выполнено условие» [3. С. 31]

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \frac{\sum_{k=1}^n b_k}{\left(\sum_{k=1}^n D_k\right)^{\frac{1}{2}}}, \quad (2)$$

где b_k — третий абсолютный центральный момент величины X_k , а D_k — ее дисперсия, то X имеет распределение, близкое к нормальному.

Тогда условие Ляпунова означает, что «влияние каждого слагаемого на сумму ничтожно мало» [3. С. 31].

Динамика энтропии по времени рассчитывается уравнением Лиувилля (2), описывающим «эволюцию $\rho(p_i, q_i; t)$ во времени t согласно правилу нахождения полной производной функции с учетом несжимаемости потока в фазовом пространстве» [Там же]:

$$\frac{d\rho}{dt} = \frac{\partial \rho}{\partial t} + \sum_{i=1}^d \left(\frac{\partial \rho}{\partial q_i} \frac{dq_i}{dt} + \frac{\partial \rho}{\partial p_i} \frac{dp_i}{dt} \right) = 0, \quad (3)$$

где $i = 1, \dots, d, d = 3N$, система с координатами q_i и сопряженными импульсами p_i .

В зависимости от аспектов функционирования системы различные виды потоков занимают приоритетное место. Состав интегрированного потока системы активных ресурсов индустрии культуры находится в динамичном состоянии и корректируется в зависимости от конечного вида предоставляемых услуг.

Системный подход в логистике — это «комплексное изучение явлений и объектов как целост-

ных логистических систем с целью ликвидации несоответствий между интересами и целями всей логистической системы и ее отдельных элементов, между разными логистическими системами, между логистической системой и внешней средой» [1. С. 65]. При исследовании взаимодействия элементов системы раскрываются системообразующие качества, то есть качества, не сводимые к качествам единичных элементов, что порождает «синергический эффект», который может быть положительным и отрицательным. Логистическая синергия — это «взаимное усиление связей внутри логистической системы или между логистическими системами, при котором общий (синергический) эффект одновременного действия каких-либо факторов превышает сумму эффектов, получаемых при раздельном действии этих факторов» [3. С. 374].

Так как обеспечение ресурсами является основой функционирования систем, отдельный элемент системы взаимодействует с одним видом ресурсов или с их совокупностью (потоком). Затраты ресурсов выступают инструментом управления социально-экономическими системами (оптимальное соединение в процессе движения ресурсов в определенной их комбинации для достижения цели. Ресурсы являются источником возникновения системы, фактором управления либо опосредованно определяют условия ее существования. Интеграция необходима для обработки ресурсного потока, но выраженного через энергетический эквивалент.

Следовательно, применение системного подхода предполагает изучение: логистической системы в ее взаимодействии с экзогенными факторами; механизма функционирования эндогенных факторов; системных качеств, возникающих в процессе синергического эффекта.

Определение эффективности (результативности) потоковых процессов до применения интегральной логистической концепции и после ее применения позволит отразить степень эффективности логистических изменений. Эффективность (результативность) является отношением результата (эффекта) и затрат. Эффективность управления — это «относительная характеристика результативности деятельности конкретной управляющей системы, отражающаяся в различных показателях» [1. С. 38], таких как объект управления и собственно управленческой деятельности (субъекта управления), имеющих как количественные, так и качественные характеристики. Динамика критерия эффективности ориентирована на получение максимального результата при минимальных затратах.

Основным объектом управления и оптимизации в логистике всегда являлся *материальный поток*, традиционно включающий находящиеся в состоянии движения материальные ресурсы, незавершенное производство, готовую продукцию, к которым применяются логистические операции и функции [1. С. 12]. Параметрами классификации материальных потоков могут быть: «номенклатура, ассортимент и количество продукции; габаритные характеристики (объем, площадь, линейные размеры); весовые характеристики (общая масса, вес брутто, вес нетто); физико-химические характеристики груза; характеристики тары (упаковки), товароносителя, транспортного средства (грузоподъемность, грузместимость); условия договоров купли-продажи (передачи в собственность, поставки); условия транспортировки и страхования; финансовые (стоимостные) характеристики; условия выполнения других операций физического распределения, связанных с перемещением продукции, и др.» [3. С. 12]. Также выделяют следующие признаки классификации материальных потоков ресурсов: «по отношению к логистической системе; по отношению к звену логистической системы; по отношению к подсистеме логистической системы; по физико-химическим свойствам; по удельному весу груза; по характеру перемещения элементов потока; по степени упорядоченности элементов потока; по интенсивности; по степени совместимости» [8. С. 10]. Отношение единицы измерения к единице времени представляет собой показатель материального потока.

Финансовые и информационные потоки традиционно рассматриваются как сопутствующие потоку материальных ресурсов. Информационный поток — «поток сообщений в устной, документной (бумажной и электронной) и других формах, сопутствующий материальному или сервисному потоку в рассматриваемой логистической системе и предназначенный в основном для реализации управляющих функций» [7. С. 7]. Можно выделить элементарные, ключевые и поддерживающие информационные потоки, сопровождающие соответствующие операции и функции.

Выделяется множество подходов к классификации информационных потоков, их исследование позволяет выявить возрастающую значимость и влияние информационных потоков на систему услуг культуры. Многие ученые сходятся во мнении, что в процессе управления и контроля материальными, финансовыми, трудовыми потоками главенствующая роль принадлежит циркулирующей в логистических системах информации.

Выделяется определенная совокупность *свойств информационных потоков*, включающая следующие элементы: «нематериальность — формирующая свойства и отличия от материального потока; состав информационного потока; наличие конкретного отправителя и получателя информационного потока; наличие канала передачи данных; точное время требуемого отправления и получения данных; допустимая погрешность потери данных при передаче; объем требуемых данных; издержки по формированию, перемещению и поглощению информационного потока» [7. С. 42].

Также выделяются различные *подходы* к определению показателей информационных потоков: «номенклатура передаваемых сообщений; типы данных; интенсивность и скорость передачи данных; пропускная способность информационных каналов; защита от несанкционированного доступа; помехозащищенность» [6. С. 5]; «источник возникновения; направление движения потока; интенсивность потока» [1. С. 8]; «объем; периодичность, характеризующая частоту их формирования; порядок согласования; порядок утверждения; сроки действия; порядок и срок хранения» [10. С. 21].

Информация, определяемая как «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемая человеком или специальным устройством» [5. С. 17], лежит в основе формирования информационных ресурсов определяемых как ее производная и являющихся отдельными документами, массивом документов, входящих в состав информационных систем. В данном исследовании под информацией следует понимать набор информационных кодов («форма вещества или энергии, с помощью которых перемещается информация» [2. С. 357]), необходимых для принятия решения в системе услуг культуры.

Информационный поток определяется как «поток сообщений в речевой, документной и других формах, генерируемый исходным материальным потоком в рассматриваемой логистической системе между звеньями логистической системы или логистической системой и внешней средой, предназначенных для реализации управленческих функций» [9. С. 25].

Спецификой информационных ресурсопотоковых процессов социально-культурной сферы при взаимодействии с материальными потоками является опережающая функция информационных потоков. Так, опережающий информационный поток во встречном направлении состоит из сведений о заказах сервисных продуктов, передвижениях групп потреби-

лей и потенциальных потребителей. Опережающий информационный поток в прямом направлении содержит предварительные сведения о предстоящем прибытии заказа, группах потребителей.

Под *информационным потоком* в системе услуг культуры в данном исследовании понимается «некоторый, условно выделенный (по критериям отражающим специфику полезности информации для объекта-потребителя) набор информационных кодов, поступающих из отдельно взятого объекта внешней среды к выбранному объекту — потребителю в интервале времени T » [2. С. 532]. Набор информационных кодов в системе услуг культуры в результате интерпретации преобразуется в данные и представляет собой сообщение, включающее различного ряда показатели, которое можно представить в виде

$$i = \vec{k}, \vec{p}, \vec{y}, T, \tag{4}$$

«где, $\vec{k} = (k_1, \dots, k_q)$ — вектор типа данных (управления или наблюдения); $k_r = 1$, если r -й показатель относится к данным управления; $k_r = 0$ если r -й показатель относится к данным наблюдения; $r \in [1, \dots, q]$, где q — количество показателей в сообщении; $\vec{p} = (p_1, \dots, p_q)$ — вектор наименований показателей; p_r — наименование r -го показателя; $\vec{y} = (y_1, \dots, y_q)$ — вектор значений показателей; y_r — значение r -го показателя; T — время поступления информационного потока ответственному субъекту принятия решения» [Там же].

Информационный поток системы услуг культуры представлен на рис. 1.

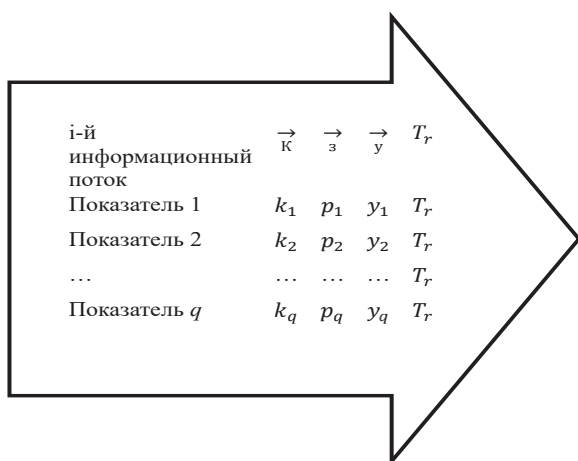

Рис. 1. Структура информационного потока системы услуг культуры

Одновременный материальному информационный поток, в прямом направлении содержит сведения о количественных и качественных параметрах реализуемых продуктов. Информационный поток может отставать от материального в прямом направлении, содержать информацию об изменениях характеристик сервис-

ного продукта или отправляемых групп потребителей. Информационный поток, отстающий от материального, может двигаться во встречном направлении и содержать информацию о результатах приема групп потребителей и сервисного продукта по количеству и качеству рекламации и документальное подтверждение на реализацию поставщиком аккредитива.

Возможно существование больших временных разрывов между информационными и материальными потоками, или сделки могут не предусматривать существования реального материально потока, так как товарно-нематериальные ценности могут менять владельцев, оставаясь на одном месте либо еще не существуя.

Информационные потоки в сфере услуг обладают определяющим значением исходя из характеристик самих услуг: неосвязаемости, невозможности хранения, невозможности определения качества до процесса потребления услуг, одновременности процесса потребления и производства услуг. По своим нематериальным характеристикам информационные потоки выполняют связующую функцию в структуре логистической системы сферы сервиса и услуг. Специфической чертой информационных потоков сферы услуг культуры является необходимость объединения множества информации в одно время, в одном месте, с надлежащим качеством, с учетом требований потребителей. Классификация информационных потоков с целью обеспечения эффективности принятия логистических решений в сфере культуры в дальнейшем обеспечивает организацию информационно-аналитической базы данных системы услуг культуры.

Одной из составляющих информационно-логистической системы услуг культуры с точки зрения элементов структуры является совокупность информационных потоков.

Управление движением информационными потоками системы услуг культуры регламентируется известными логистическими правилами: «информационный поток должен содержать информацию надлежащего качества: достоверная информация в требуемом объеме в необходимой потребителю форме; должен поступать точно в установленный срок; должен поступать тому потребителю, которому он необходим для принятия или реализации решений; затраты на формирование, движение и хранение всех информационных потоков не должны превышать эффект от функционирования информационно-логистической системы услуг культуры» [1. С. 14].

Основные логистические характеристики информационного потока системы услуг культуры:

- Время поступления потребителю каждого информационного потока, определяемое как $|T_{jif}^n - T_{jif}| \rightarrow 0$,

где требуемый момент времени поступления к n -му потребителю $n_{jif} — T_{jif}$, а фактический момент потребления — T_{jif}^n .

- Содержание в потоке данных определенного, актуального, достоверного набора данных.

- Высокая эффективность потока.

Приведение в соответствие с требованиями лиц, принимающими логистические решения, параметров и методологии принятия решений повышает эффективность управления.

Информационные потоки напрямую взаимосвязаны и формируют финансовые потоки. В современных условиях рыночной экономики повышение эффективности функционирования информационных, материальных потоков реализуется за счет их финансового обслуживания, что возможно лишь при условии применения логистических методов и принципов.

Финансовые потоки в виде движения денежных средств и финансовых ресурсов сопровождают проведение хозяйственной и предпринимательской деятельности. Представляется возможным определить «финансовые потоки как направленное движение финансовых ресурсов, связанное с материальными, информационными и иными потоками как в рамках логистической системы, так и вне ее» [9. С. 51].

Таким образом, под *финансовыми потоками* в логистике в системе услуг культуры понимается направленное движение финансовых средств, циркулирующих в логистической системе услуг культуры, а также между данной логистической системой и внешней средой (экзогенными факторами), необходимыми для обеспечения эффективного движения определенного потока услуг культуры, выступающего в виде товаропотока.

Необходимость эффективного управления финансовыми потоками системы услуг культуры обуславливает их классификацию, с использованием следующих признаков: «отношение к логистической системе; направление движения; назначение; способ переноса авансированной стоимости; форма расчета; вид хозяйственных связей» [Там же. С. 52] и др.

Классификация финансовых потоков в логистике системы услуг культуры представлена на рис. 2. Следует отметить, что возможна и дальнейшая классификация финансовых потоков системы услуг культуры — по таким признакам, как стадия круговорота капитала, источники получения финансовых средств, сроки их прохождения и др. Однако, если она обуславливается потребностью определения наиболее эффективных способов управления ресурсопотоковыми процессами услуг культуры, тогда в каждом кон-

кретном случае следует устанавливать свой, особый способ классификационных признаков логистических финансовых потоков системы услуг культуры.

С изменением способов управления материальными потоками структура финансовых потоков изменилась:

- 1) «логистический финансовый поток (ЛФП) — это не просто движение финансовых ресурсов, а их направленное движение;

- 2) под ЛФП понимается движение финансовых средств только в логистических системах или между ними;

- 3) специфика ЛФП заключается в потребности обслуживания процесса перемещения в пространстве и во времени соответствующего материального потока» [10. С. 177].

Финансовое сопровождение материальных потоков в системе услуг культуры в настоящее время остается малоизученной сферой: некоторые проблемы вообще опускаются из рассмотрения в специализированной литературе, по другой части вопросов прослеживаются существенные расхождения в понимании самой сущности финансовых потоков.

Финансовые потоки, так же как и потоки других видов ресурсов, «характеризуются рядом показателей, обусловленных неоднородностью их состава, назначения, форм транспортировки, видов отправителя и получателя, направлений движения, регулярности и видов движения» [Там же. С. 42]. Спецификой финансовых потоков услуг культуры представляется возможным определить необходимость учета нематериальных составляющих основного товара — услуги. В качестве основного товара, результата деятельности, результата функционирования сервисной логистической системы выступает услуга как комплекс нематериальных благ, предоставляемых потребителю, следовательно, поток услуг является главным и определяющим в логистической системе услуг культуры.

Финансовые потоки системы услуг культуры в некоммерческом секторе имеют свою специфику: «довольно часто субъект платежеспособного спроса (тот, кто платит деньги) не совпадает с непосредственным потребителем (клиентом)» [4. С. 165]. Так, типичные потребители услуг в сфере культуры — это дети, подростки, часто лично не оплачивающие оказываемых им услуг. Фактически в сфере культуры действуют как минимум два финансовых рынка: рынок потребителей и рынок спонсоров (доноров).

Исходя из специфических характеристик услуг функциональные логистические подсистемы услуг культуры относятся лишь к дополнительным или сопровождающим товарам культуры, а основным

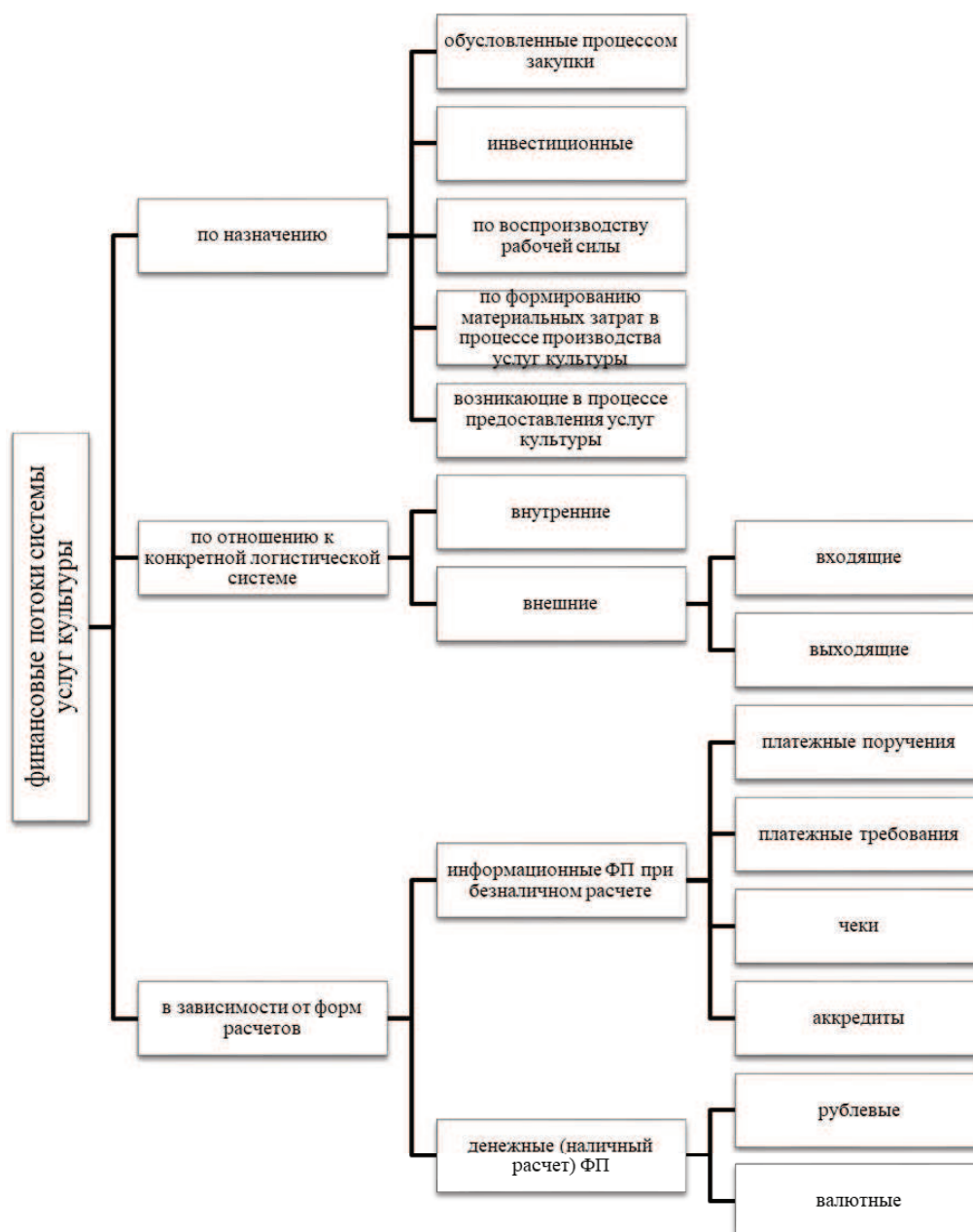

Рис. 2. Классификация финансовых потоков системы услуг культуры

функциональным процессом выступает — одно-моментный процесс предоставления, потребления и оценки услуг культуры.

При сокращении временного промежутка или его отсутствии потоковые процессы, рассматриваемые в определенный момент, могут быть определены как запасы соответствующих ресурсов. В сфере сервиса ввиду нематериальности сервисных потоков в качестве запасов выступают или материальные ресурсы, как обеспечивающие процесс обслуживания, или информационные ресурсы, как иницирующие или управляющие, или финансовые, в качестве сопутствующих, в зависимости от вида выполняемой логистической операции. Являясь элементами логистической системы, потоки взаимосвязаны, а в процессе их формирования

и функционирования частично взаимозаменяемы. Данные зависимости представляются в виде «модели балансовых уравнений» [2. С. 137]:

$$\begin{cases} P_{пр} = P_{вх} - \Delta S_{пр} \\ O_{тп} = P_{пр} + C_{дс} - \Delta S_{нп} \\ P_{вых} = O_{тп} - \Delta S_{тов} \end{cases}, \quad (5)$$

«где $P_{пр}$ — объем производственного потребления материальных ресурсов за период; $P_{вх}$ — интенсивность входного материального потока или объем поставок материальных ресурсов за период; $O_{тп}$ — объем производства товарной продукции за период; $P_{вых}$ — интенсивность выходного материального потока или объем отгрузки готовой продукции за период; $C_{дс}$ — размер добавленной стоимости за период; $\Delta S_{пр}$ и $\Delta S_{тов}$ — изменение величины производственного и товарного запаса

за период; $\Delta S_{\text{нп}}$ — изменение остатков (запасов) незавершенного производства за период» [Там же].

Модель соотношения статических и динамических параметров потока ресурсов, в основе которой лежит относительная стабильность системы, формируется как дифференциальная и интегральная зависимость данных состояний при применении временного показателя как переменной.

Условия, порождаемые противоречием динамичного потока и статичного запаса, также описываются уравнением балансового типа

$$S_{\text{н}} + P_{\text{вх}} = S_{\text{к}} + P_{\text{вых}} - S_{\text{пот}}, \quad (6)$$

«где $S_{\text{н}}$ — размер запаса на начало периода или начальный переходящий запас; $S_{\text{к}}$ — размер запаса на конец периода или выходной переходящий запас; $P_{\text{вх}}$ — интенсивность входного материального потока или количество продукта, поступившего в запас за период; $P_{\text{вых}}$ — интенсивность выходного материального потока или количество продукта, израсходованного (потребленного, выданного, отгруженного, проданного и пр.) из запаса за период; $S_{\text{пот}}$ — величина потерь запаса от хранения за период» [Там же].

Формирование комплекса потоковых процессов в системе услуг культуры на основе сквозной схемы процессов производства и обращения позволяет представить процесс обслуживания от источника до конечного потребителя и определить возможные издержки на данном пути. Сервисное обслуживание формируется при продвижении какого-либо логистического потока, при непосредственном их взаимодействии.

В результате применение логистических принципов в области управления особенно информационными потоковыми процессами имеет приоритетное значение в системе услуг культуры. Именно сфера услуг культуры, «имеющая основной своей характеристикой комплексность, направлена на комбинацию в определенный временной промежуток нескольких потоковых процессов услуг, что требует принятия оперативных высокоэффективных решений» [4. С. 167]. Вариант, когда бизнес системы услуг культуры может получить преимущества и место для будущей конкуренции представляется оптимальным с использованием информационных технологий.

На основании анализа потоковых процессов на основе традиционного подхода представляется возможным сформулировать следующий вывод: потоковые процессы ресурсов традиционно являются объектом рассмотрения логистики; существуют общие характерные признаки потоков ресурсов традиционной логистики и потоков сферы услуг; расширение области исследования логистики распространяется на сферу сервиса и услуг; управление потоковыми процессами осуществляется при помощи интегрированных логистических систем; оптимизация потоковых процессов сферы сервиса возможна только при условии применения методологии логистики.

Пути повышения эффективности функционирования потоковых процессов сферы культуры состоят в системном применении инновационных методов логистики в управлении данной сферой с учетом специфики ее функционирования.

Список литературы

1. Гаджинский, А. М. Основы логистики: учеб. пособие / А. М. Гаджинский. — М.: Маркетинг, 1995. — 124 с.
2. Инженерная логистика: логистически-ориентированное управление жизненным циклом продукции / Л. Б. Миротин, И. Н. Омельченко, А. А. Колобов [и др.]. — М.: Горячая линия — Телеком, 2011. — 644 с.
3. Модели и методы теории логистики: учеб. пособие. — 2-е изд. / под ред. В. С. Лукинского. — СПб.: Питер, 2008. — 448 с.
4. Мальшина, Н. А. Модель совершенствования управления потоковыми процессами в интегрированных сервисных комплексах / Н. А. Мальшина // Изв. Саратов. ун-та. Н. С. Сер.: Экономика. Упр. Право. — 2014. — № 1. — С. 163—167.
5. Мильнер, Б. З. Управление знаниями / Б. З. Мильнер. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 178 с.
6. Основы логистики: учеб. пособие / под ред. Л. Б. Миротина, В. И. Сергеева. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 200 с.
7. Родкина, Т. А. Информационная логистика / Т. А. Родкина. — М.: Экзамен, 2001. — 288 с.
8. Семенов, А. И. Логистика. Основы теории: учеб. для вузов / А. И. Семенов, В. И. Сергеев. — СПб.: Союз., 2001. — 544 с.
9. Сергеев, В. И. Логистика в бизнесе: учебник / В. И. Сергеев. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 517 с.
10. Фоменко, А. В. Концептуальные подходы к формированию комплекса потоковых процессов в интегрированных логистических системах / А. В. Фоменко. — Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т., 2005. — 235 с.

Сведения об авторе

Мальшина Наталия Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова, Саратов, Россия. malsnataliya@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 24—31.*

THE TYPOLOGY OF THE MAIN RESOURCE FLOW PROCESSES SYSTEM SERVICES CULTURE

N.A. Malshina

Saratov State Conservatory Named after L.V. Sobinov, Saratov, Russia. malsnataliya@yandex.ru

The article was made with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-010-01004 “Development of organizational, economic and financial mechanisms of support and strategic development of the cultural industry in the regions of Russia”

The key competences of socio-economic systems, the tool of management of socio-economic systems (the optimal connection in the process of movement of resources in a certain combination to achieve the goal), defined resource orientation as the basis for the creation and development of systems. Theoretical analysis includes the definition of information flow in the system of cultural services, financial flow in the system of cultural services, material flow of resources with the identification of their characteristics and requirements for operation. Classification of information flows and structuring of flows of the system of cultural services in order to ensure and implement the processes of making logistics decisions significantly simplifies the task of organizing information and analytical database of the system of cultural services. The rules and basic logistic characteristics of the information flow of the system of cultural services are defined. For the classification of financial flows in logistics in the system of cultural services, the features are defined and presented in the form of a figure.

Keywords: *information and financial flow processes of the system of cultural services, information and logistics system.*

References

1. Gadzhinskij A.M. *Osnovy logistiki* [Logistics basics]. Moscow, Marketing Publ., 1995. 124 p. (In Russ.).
2. Mirotin L.B., Omelchenko I.N., Kolobov A.A. [et al.]. *Inzhenernaya logistika: logisticheski-orientirovanoe upravlenie zhiznennym ciklom produkcii* [Engineering logistics: logistics-oriented product life cycle management]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2011. 644 p. (In Russ.).
3. Lukinskij V.S. [ed.]. *Modeli i metody teorii logistiki* [Models and methods of logistics theory]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 448 p. (In Russ.).
4. Mal'shina N.A. Model' sovershenstvovaniya upravleniya potokovymi processami v integrirovannyh servisnyh kompleksah [Model of improvement of flow processes management in integrated service complexes]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New series. Economy Series. Management. Right], 2014, no. 1, pp. 163-167. (In Russ.).
5. Mil'ner B.Z. *Upravlenie znaniyami* [Knowledge management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 178 p. (In Russ.).
6. *Osnovy logistiki* [Logistics basics]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 200 p. (In Russ.).
7. Rodkina T.A. *Informacionnaya logistika* [Information logistics]. Moscow, Ekzamen Publ., 2001. 288 p. (In Russ.).
8. Semenenko A.I., Sergeev V.I. *Logistika. Osnovy teorii* [Logistics. Fundamentals of the theory]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2001. 544 p. (In Russ.).
9. Sergeev V.I. *Logistika v biznese* [Business logistics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. 517 p. (In Russ.).
10. Fomenko A.V. *Konceptual'nye podhody k formirovaniyu kompleksa potokovyh processov v integrirovannyh logisticheskikh sistemah* [Conceptual approaches to the formation of a complex of flow processes in integrated logistics systems]. Saratov, Sarat. gos. tekhn. un-t, 2005. 235 p. (In Russ.).

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 32—42.

УДК 330.16
ББК 65.01

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10904

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Г. Ф. Деттер

*Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики», Салехард, Россия*

Представлены результаты исследований по выявлению детерминантов экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, локализованных на территории Арктической зоны РФ. Исследование актуализировано включением Арктики в орбиту глобальных экономических и политических интересов, сопровождающихся активным воздействием на традиционное хозяйство и традиционный образ жизни. Предложена гипотеза исторической предназначенности существования коренных народов как элементов экосистемы арктических пространств. Показано, что культурные и технологические инновации, трансформация природных и социально-экономических систем формируют вызов устойчивому существованию коренных малочисленных народов Севера в традиционном (сложившемся) укладе.

Ключевые слова: *Арктика, коренные малочисленные народы Севера, экономическое поведение, этноэкономика, предназначенность.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации».

1. Введение

В настоящее время глобализация оказывает непосредственное влияние на все общественные процессы, в том числе на экономическое поведение людей (акторов) независимо от происхождения и места проживания. Включение Арктики в актуальную орбиту глобальных экономических и политических интересов, активное государственное и надгосударственное влияние на традиционное хозяйство и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС), локализованных на сухопутной территории Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) приводит к трансформации экономического поведения лиц, относящихся к данной категории. Социологические и психологические исследования выявляют множество проблем в жизнедеятельности КМНС, которые не всегда находят позитивное разрешение, формируют девиантное поведение и способствуют маргинализации.

Несмотря на многочисленные теоретические концепции, анализирующие различные аспекты экономического поведения, существует дефицит научных

концепций (моделей), объясняющих формирование и трансформацию экономического поведения КМНС. Становится очевидным, что применительно к КМНС классические теории анализа экономического поведения требуют уточнения. Назрела необходимость разработки принципиально новой оптимальной модели трансформации экономического поведения и механизмов, обеспечивающих позитивный вектор исследуемого процесса, с учетом специфики существования КМНС в глобальном информационном пространстве, в обществе потребления.

2. Основная часть

Цель исследования: разработка интеграционных механизмов позитивной трансформации экономического поведения КМНС в условиях глобализации, повышение уровня их субъективного и экономического благополучия.

Предмет исследования — виды, детерминанты и особенности экономического поведения КМНС в условиях глобализационных процессов и модернизации социально-экономических отношений на территориях АЗРФ.

Работа базируется на результатах теоретических и эмпирических исследований в экономике, социологии, психологии и культуре, исследованиях этносоциальных особенностей коренных народов и влиянии их на экономическое поведение, а также на статистическом и историческом анализе развития КМНС, социологических данных, сравнительном анализе социально-экономических факторов, определяющих экономическое поведение и субъективное благополучие.

2.1. Экономическое поведение как предмет изучения в экономике, социологии, психологии

Исследования в области экономики преимущественно направлены на анализ и прогноз человеческого поведения, поскольку человек является первоисточником экономических отношений, которые впоследствии распространяются на корпоративные и публичные организации, народы и страны. Основоположник экономической теории как науки А. Смит [1] обосновал модель экономического поведения человека как рационального, ориентированного на получение выгоды существа, которая легла в основу классических представлений о рыночной экономике. В развитие это тезиса высказались многие видные экономисты, в частности Л. Роббинс [2], К. Эрроу [3].

Сформированный на базе классической теории Гэри Беккером [4] экономический подход к объяснению человеческого поведения основан на предположении о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений актора. Иррациональное поведение объясняется высокими издержками (денежными, психологическими и пр.), необходимыми для получения полной информации, обеспечивающей рациональное поведение. Стабильность предпочтений определяет отношение людей к фундаментальным аспектам жизни (здоровье, престиж, чувства и пр.), которые являются ограниченно стабильными, но такая предпосылка важна для прогностического эффекта. В иных случаях постулируют сдвиг в предпочтениях, объясняя любые очевидные расхождения с предположениями. Сторонники экономического подхода считают его всеобъемлющим и применимым ко всякому человеческому поведению — политической деятельности, браку, рождаемости, разводам, преступности и т. д.

Российская экономическая наука не предложила кардинально новых подходов и под экономическим поведением также, к примеру В. Л. Тамбовцев [5], понимает «целенаправленный выбор вариантов действий, регулирующихся критерием максимизации прибыли». В. И. Верховин [6] базируясь на работах Н. Д. Кондратьева, П. Самуэльсона, Н. Дж. Смелзера,

формирует научные подходы по изучению экономического поведения, которое определяется им как «система социальных действий, во-первых, связанных с использованием разных по функциям и назначению экономических ценностей (ресурсов), во-вторых, ориентированных на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения». Он выделяет основные виды экономического поведения, реализуемые в разных фазах воспроизводственного цикла: производственное, обменное, распределительное и потребительское.

Изучение теоретических и эмпирических данных, приведенных выше и в других российских и зарубежных источниках, позволяет в целях исследования квалифицировать основные виды экономического поведения исходя из особенностей формирования и использования ресурсов (структура доходов и расходов экономического агента), а также по отношению к правам на ресурсы.

По способу формирования ресурсов выявляются следующие виды экономического поведения: наемно-трудовая, предпринимательская (самозанятость), рентная, иждивенческая (потребительская), криминальная (игровая). Формирование ресурсов дополнительно может классифицироваться по степени активности (активное или пассивное), по степени риска (рисковые или нерисковые), а также по другим типам и стратегиям поведения.

По способу использования ресурсов, то есть то, как будут расходоваться ограниченные ресурсы (богатства) на неограниченные потребности, выявляются следующие виды экономического поведения: рациональное (балансовая модель), направленная на поддержание равновесия в экономической среде, ему присуща экономия материальных ресурсов, времени, пространства, жизненных сил; инвестиционное — вложения в будущие долгосрочные доходы, связанные с риском; сберегательное — накопления на будущее, долгосрочные потребности или же показательное (соревновательное) накопление; иррациональное — использование ресурсов без учета будущего и возможностей актора, в результате недостатка информации или культурно-психологических особенностей актора; показательное — свойственно акторам, почти не ограниченным в ресурсах.

Виды экономического поведения по отношению к правам на ресурсы: собственность (владение), пользование и распоряжение. Вид поведения обусловлен тем, чьими активами, ресурсами управляет актор: собственными, общественными, государственными и т. д.

А. М. Сергиенко [7] выделяет и другие классифицирующие признаки видов экономического поведения:

по степени инновационности: традиционное и инновационное; демографические: пол, возраст, уровень образования; территориальные: страна, регион, город, село; отраслевые: сырьевые, промышленные, информационные и пр.; по уровню социализации: индивидуальное, семейное, кооперативное, корпоративное, групповое, коллективное, общественное.

Приведенные научно-теоретические данные показывают, что экономическое поведение является предметом изучения не только экономики, но и социологии. Если экономическая наука изучает то, как в результате человеческих действий (поведения) образуются и распределяются богатства, то, по мнению В. И. Верховина [6], «социология изучает, как социальные субъекты (институты) реализуют свои интересы, в том числе экономические. Предмет внимания социолога — модели социального поведения, связанные с применением и интерпретацией принципа максимизации результата и минимизации затрат, а также те институты, которые делают возможным или существенно лимитируют рациональное применение экономических ресурсов». Таким образом, на стыке двух наук возникает экономическая социология. Согласно В. В. Радаеву [15], «социальное действие — это форма деятельности, которая, во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия». Можно добавить, что экономическая социология является инструментом экономической науки и позволяет изучать прямые и обратные зависимости в регуляции поведения людей, индивидуальные и типичные проявления особенностей экономического поведения.

Экономическая социология тесно связана с экономической психологией, с той лишь разницей, что последняя больше уделяет внимание причинам (предпочтениям). По мнению В. Н. Дружинина [9], это «субъективные, психологические, осознаваемые и неосознаваемые явления, связанным с отражением человеком экономической сферы жизнедеятельности и регуляцией его экономического поведения». Сомнение в том, что только «рациональным поведением» можно объяснить поведение потребителя, высказали основоположники поведенческой экономики Г. Саймон и Дж. Катон. В частности, Дж. Катон [10] указывал, что «на решения о покупке предметов потребления влияет не только размер дохода покупателя, необходимость делать сбережения, величина процента за потребительский кредит и другие объективные факторы, но и чисто субъективные психологические причины». Он пришел к выводу о том, что «объективное окружение влияет на психические процессы человека и его субъективное

экономическое благополучие, а установки, ценностные ориентации и ожидания относительно личной ситуации и экономики в целом влияют на экономическое поведение». То есть происходит взаимодетерминация ценностных моделей поведения человека и общественно-корпоративных моделей.

Исследования поведенческой экономики продолжались в работах Д. Канемана, А. Тверских, Р. Талера и других исследователей-бихевиористов [11], в результате которых стало очевидно, что люди далеко не рациональны и склонны делать ошибки, приносящие ущерб не только им, но и обществу. Соответственно государство имеет право вмешиваться в экономические отношения, «подталкивать» экономических агентов к более рациональному поведению, что явилось обоснованием патерналистских методов управления.

Таким образом, экономическая теория, социология и психология по-разному объясняют закономерности экономического поведения. Ценность настоящего исследования заключается в междисциплинарности, позволяющей объединить аргументы разных наук.

2.2. Этнический фактор экономического поведения

Изучая особенности экономического поведения, необходимо принимать во внимание экономическую культуру общества и человека. Экономическая культура в узком смысле слова — это типичный способ экономического мышления и деятельности народа, группы, индивидов, представляет собой совокупность институционализированных способов деятельности (нормативных стандартов, экономических интересов, ценностей, норм, правил, умений и навыков, образцов поведения, культурных эталонов, традиций, социальных привычек). По мнению Я. И. Кузьминова, благодаря экономической культуре «общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования и в то же время являются регуляторами экономического поведения. Другими словами, экономическая культура состоит из поведенческих стереотипов и экономических знаний» [12]. В связи с этим экономическая культура является важнейшим детерминантом экономического поведения. Согласно В. И. Верховину [6], «социокультурная матрица экономического поведения, сформированная в определенных конкретно-исторических условиях, консервируется в стереотипах массового сознания и воспроизводит доминирующие способы и методы контроля над экономическими ресурсами. Последние приобретают относительно автономное существование и начинают оказывать обратное воздействие на функционирование экономических институтов».

Таким образом, в исследованиях экономического поведения нельзя ограничиваться чисто экономическими факторами, необходимо расширять поиск в направлении этносоциокультурных, религиозных, политических, мировоззренческих, когнитивных и институциональных факторов.

М. Вебер [13] считал, что идеи являются основными мотивирующими факторами действий индивидов, по крайней мере в макроскопической картине. Идеи и мировоззрения детерминируют поведение человека. Им было «выделено четыре типа социального действия в порядке убывания их осмысленности и осмысленности: целерациональное — человек экономический; ценностно-рациональное — вера в ценность определенного действия независимо от его успеха; традиционное — определяется традицией или привычкой, воспроизводит шаблон социальной активности, который использовался в подобных ситуациях ранее им или окружающими; аффективное — эмоции».

Влияние культуры, обычаев и традиций на предпочтения людей подводит к необходимости исследования этносоциальных особенностей экономического поведения народов (этноэкономика) и выявления ценностей и предпочтений этносов, детерминирующих различные формы экономического поведения.

Российскими исследователями [14] этноэкономика определяется как «раздел экономической науки, изучающей экономические отношения, возникающие внутри региональной хозяйственной системы под воздействием традиционного хозяйственного уклада автохтонного этноса». Хозяйственная деятельность конкретного этноса, с его культурно-духовной составляющей, устойчиво (долговременно) населяющего определенное пространство, увязывается с этим пространством, его природно-географическими, климатическими и биологическими особенностями. Э. П. Хулхачиева [15] показывает: «Мировой опыт свидетельствует, что регион преуспевает в основном в тех секторах, которые отвечают исторически сложившимся условиям и национальному характеру».

В работе К. В. Павлова [16] указывается, что для русских характерна «общинность, государственность и патернализм, чему способствовали исторические факторы и специфика природно-географических условий, поскольку огромные размеры территории и экстремальные (северные) условия хозяйствования» усиливали роль государства в делах экономики, способствовали повышению издержек при производстве продукции. Особенности русского этноса считаются сдерживающими факторами для развития рыночной экономики. Более близким для него является «азиатский способ производства»: авторитарность;

государственная собственность на землю и инфраструктуру (соединение власти с собственностью); коррумпированность; ресурсный характер экономики, экстенсивный характер развития, неинновационность.

Согласно Л. Х. Узденовой [17], этноэкономика разделяется на традиционный и нетрадиционный (адаптационный) сектора. Для традиционного основными детерминантами становятся опыт и обычаи этноса, природно-экономические характеристики территории. Нетрадиционный сектор разделяется на индустриальную и рыночную компоненты, являющиеся результатом трансформации (приспособления) традиционного под влиянием различных факторов (инновации, глобализация). Детерминанты образования индустриального компонента: изменения культурно-духовных основ этноса и появление новых интересов, ценностей, возможностей, влекущие за собой увеличение материальных потребностей; отход от традиционных технологий ведения хозяйства к инновационным, повышение уровня образования; расширение и появление новых рынков, способствующих большому производству традиционной продукции на базе местного сырья. Детерминантой к появлению рыночной (постиндустриальной) компоненты являются глобальные изменения всего мироэкономического пространства, появление новых потребностей у внешней среды, что приводит к появлению новой или модернизированной продукции на базе местного сырья, использованию традиционных ресурсов для предоставления услуг (туризм, медицина, образование).

2.3. Конкретизация объекта изучения экономического поведения КМНС

Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, к таковым относит «народы в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия, которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством»¹.

В науке определение коренных народов имеет различные оттенки, в зависимости от поставленных целей, также отмечается трансформация этого понятия. В работах российских ученых [18] понятие «коренных народов» включает в себе: 1) самоидентификацию; 2) признание особого социального статуса государством и мировым сообществом; 3) переосмысление «традиционных форм коллективной идентичности» и утверждение их социальной значимости.

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция МОТ 169), 1989.

Согласно российскому законодательству коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — «народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйство и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»¹. В настоящее время в России насчитывается 47 таких народов². Поскольку территориальные рамки исследований ограничиваются АЗРФ, а сухопутная территория АЗРФ определена указом Президента РФ³, то, соответственно, к КМНС, проживающим в АЗРФ, относятся только 18 народов, а именно с запада на восток: саамы, вепсы, ненцы, ханты, манси, селькупы, энцы, нганасаны, кеты, долганы, эвенки, эвены (ламуты), юкагиры, кереки, коряки, чуванцы, чукчи, эскимосы. Их общее количество по данным переписи 2010 года составляет 197 835 чел. Самым многочисленным народом являются ненцы 44 640 чел., далее эвенки — 38 396 чел., ханты — 30 943 чел., что составляет почти 58 % всех КМНС⁴.

Активное промышленное развитие АЗРФ происходит преимущественно на территориях Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), Ненецкого автономного округа и на севере Красноярского края, где проживают около 90% популяции ненцев. Наибольшее число КМНС проживает на территории ЯНАО — 41 415 чел. (21%), в том числе: ненцы — 29 972, ханты — 9 489, селькупы — 1 988, манси — 166 чел., что составляет почти 8% населения региона; из них ведут традиционную хозяйственную деятельность 14 667 чел., или 35% всех КМНС ЯНАО. По данным органов власти ЯНАО, к 2019 г. численность КМНС выросла и превысила 48 тыс. чел., что уже более 9% населения региона⁵. Приведенные данные показывают уникальное положение ЯНАО и огромную роль в сохранении культуры и развитии КМНС с учетом того, что на территории региона последние 70 лет происходит активное промышленное и инфраструктурное освоение.

¹ Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

² Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

³ Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

⁴ См.: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm).

⁵ Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО (<https://dkmns.yanao.ru/opendata/>).

КМНС в ЯНАО достаточно хорошо исследованы этнографами, историками, социологами. Изучению культуры ненцев, устройства быта и внутренней организации посвящены работы Л. В. Хомич, В. Й. Васильева, И. А. Карапетова, А. В. Головнёва, А. А. Южакова, А. Д. Мухачева и Г. П. Харючи. Изучением культуры ханты, социальной организации и религиозных представлений, функций родо-племенных структур, хозяйства занимались Н. В. Лукина, Е. Г. Федорова, А. В. Головнев, З. П. Соколова, В. М. Кулемзин, И. Н. Гемуев, А. П. Зенько, О. М. Рындина. Этногенез селькупов освещен Е. А. Хелимским, С. В. Глушковым, Э. Г. Беккер, Н. А. Туковой, Л. А. Чиндиной, Ю. И. Ожередовым.

На начало II тыс. уклад КМНС характеризуется неоднородностью. Г. П. Харючи [19] выделяет три группы: 1) тундровое или лесное, кочевое или полукочевое население, занятое в традиционных отраслях хозяйства, сохраняющее традиционное расселение, образ жизни и культуру; 2) поселковые КМНС, отказавшиеся от традиционных занятий; 3) городские представители КМНС, по образу и уровню жизни мало или почти не отличающиеся от представителей коренных народов, часть которых ассимилирована. При этом вторая группа подразделяется: 1) на поддерживающих постоянные связи с родственниками ведущими традиционный образ жизни; 2) часть коренного населения, полностью оторвавшаяся от традиционных условий, не посещающая священных мест и не испытывающая в этом потребности. Отдельной группой является вышедшая из среды коренных народов национальная интеллигенция, которая присутствует и в поселковой, и в городской среде.

Согласно предположению Г. Н. Прокофьева (см. [20]), опиравшегося на теорию Фишера — Кастрена, «предками современных ненцев, а также нганасан, энцев, селькупов были самодийские племена Саянского нагорья, продвинувшиеся из Южной Сибири в более северные районы и смешавшиеся там с аборигенными племенами приполярной зоны, заселявшими территорию Обь-Енисейского бассейна с древнейших времен».

В настоящее время для решения вопросов происхождения отдельных этносов и восстановления эволюционной истории в различных регионах, помимо общепринятых археологических и этнографических подходов, стали широко применяться методы молекулярной генетики. С. Роотси с соавторами [21] исследовал миграцию древнего человека по территории Евразии по Y-хромосоме, относящегося к гаплогруппе N. Результаты свидетельствуют о том, что его высокая частота гаплогруппы N на территории АЗРФ обусловлена расширением ареала расселения

на Запад по северному маршруту против часовой стрелки из внутренней Азии (Южной Сибири), начавшееся примерно 12—14 тыс. лет назад. Источник начального распространения находится в южной части Восточной Азии (Южный Китай и Камбоджа). В этом сценарии Алтайско-Саянский регион мог бы быть местом перехода гаплогруппы N на Запад (см. рисунок)¹.

Таким образом генетические исследования показывают, что практически все коренные народы Севера являются представителями гаплогруппы N, которые в основном малочисленны, а ареал их расселения в основном вписывается в сухопутную территорию АЗРФ.

В традиционный сектор экономической деятельности КМНС входят оленеводство, рыболовство, охотпромысел и ряд разнообразных народно-производственных промыслов, использующихся для жизнеобеспечения (пошив одежды, изготовление мобильных жилищ, предметов быта, упряжи). В зависимости от национальной принадлежности и мест проживания традиционные виды деятельности сочетаются по-разному. Для тундровых ненцев основным видом деятельности является крупнотабунное оленеводство. Оно ведется на основе традиционных технологий выпаса, укоренено в традиционной семье и неразрывно связано с природой, природными ландшафтами и пастбищами. В исследованиях оленеводства Г. Ф. Деттера [22] общей базовой единицей для всех оленеводческих хозяйств является семейно-родовое хозяйство. «Северное оленеводство составляет экономическую основу КМНС, ведущих кочевой образ жизни. Продукция оленеводства является необходимым элементом питания населения, проживающего в сельских поселениях, ресурсной основой хозяйственной деятельности перерабатывающих предприятий региона, поступает на экспорт. Оленеводство играет этносохраняющую роль для КМНС, занимает важное место в традиционной культуре и мировоззрении ненцев». В то же время

¹ European journal of Human Genetics (<https://www.nature.com/articles/5201748/figures/2>).

Ю. Н. Квашнин [23] показывает, что обские ханты, лесные ненцы или верхнетазовские селькупы ведут комплексное хозяйство. Круглый год они ловят рыбу, охотятся в тайге на разных животных, мясо которых идет в пищу а шкурки на продажу. Оленеводство для них является вспомогательной отраслью.

2.4. Детерминанты и особенности экономического поведения КМНС

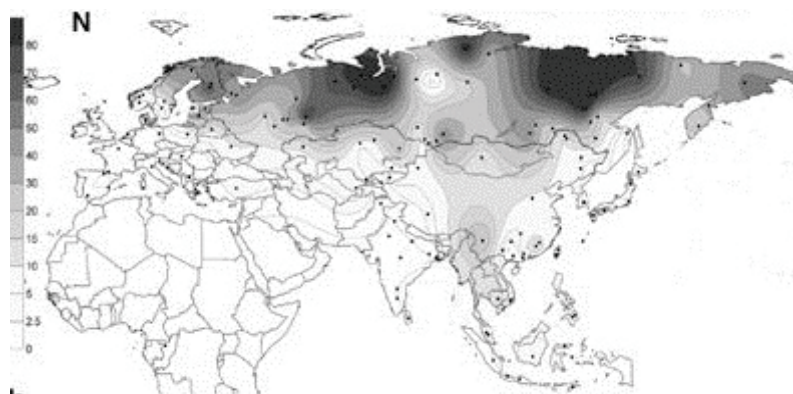
В результате обобщения приведенных выше теоретических и эмпирических исследований выявлены и теоретически обоснованы основные детерминанты экономического поведения коренных малочисленных народов АЗРФ:

1) идеи и мировоззрение этноса, включающие набор ценностей, норм, правил, образцов поведения, культурных эталонов, религиозных воззрений, обрядов, традиций, социальных привычек. В динамике — культурный взаимообмен и культурные новации, феномен массовой культуры;

2) природно-климатические и географические условия, геоботанические и биологические ресурсы — все то, что определяет ресурсную основу экономики, в том числе выгодность положения, транспортная доступность рынков, возможность ведения и глубина ареала торговли, хозяйственные связи (геоэкономика). В динамике — рост или стагнация этноэкономики;

3) геополитические условия и события, в том числе отношения с соседними народами, объединение или вхождение в состав других народов и государств, миграция, оседлость, войны и политическая напряженность, признание или ограничения прав коренных народов. В динамике — процессы глобализации и глокализации;

4) этносоциальная стратификация и расслоение на фратрии, роды, классы, слои, социальные группы, различающиеся по роли в социально-экономической жизни общества, иерархические установки этнической самоидентификации, статусность, привилегии;

Ареал расселения гаплогруппы N

5) законодательство вообще и в сфере этноэкономики в частности, формальные нормативные правила, институты страны (региона) проживания, государственная политика, связанная с сохранением и развитием этноэкономики (патернализм);

6) технологии этноэкономики и внешняя технологическая среда. В динамике — индустриальный и постиндустриальный переходы;

7) компетенции в сфере этноэкономики и в сопутствующих направлениях: уровень образования, профессиональная подготовка, умения и навыки.

Приведенные детерминанты экономического поведения, естественно, присущи и другим (некоренным) народам с той лишь разницей, что для КМНС большее значение имеет традиционное мировоззрение, они главным образом зависят от природно-климатических условий и традиционных ресурсов, меньше влияют на геополитику, геоэкономику и законодательство, имеют уникальные этносоциальные особенности и быт, находятся в зависимости от внешней технологической и образовательной среды. Количественные показатели значимости данных детерминант подлежат уточнению в ходе исследования.

Этнографами, историками, археологами, социологами, психологами, филологами, фольклористами наработан большой массив информации по религии, культуре, быту, внутренней социально-экономической организации, языку, фольклору, генезису, социально-психологическим особенностям КМНС, который может стать основой для исследований экономического поведения КМНС на основании предложенных детерминантов.

2.5. Формулировка гипотезы

В обычном режиме этноэкономика КМНС обеспечивает формирование и использование человеческого капитала (занятость, заселенность) на экстремальных территориях, является источником предпринимательской активности. Тем не менее влияние этноэкономики на региональное развитие может оцениваться негативно. По мнению С. В. Паникарова и соавторов [24], «наличие традиционного сектора экономики нарушает целостность экономического пространства региона и мешает его сбалансированному развитию». Этноэкономика выступает противником изменений, которые нарушают устоявшийся уклад жизни, особенно при изъятии земель и ресурсов в промышленных целях. При промышленном и инфраструктурном освоении территорий возникает необходимость учета мнения коренного населения. Соппротивление традиционного сектора может осложнять достиже-

ние целей региональной экономической политики, повышается сложность управления территорией. Государственный аппарат и промышленные группы используют ресурсы и прилагают значительные усилия для согласования своих действий с представителями этноэкономики. Последняя, в свою очередь, приспосабливается к внешним воздействиям, сохраняя свои основные типологические признаки.

Этносы в соответствии со своей культурой формируют свои типы экономик. Рассматривая этнокультурную составляющую народов, Й. Г. Гердер [25] утверждал, что «каждый народ несет в самом себе центр своего счастья, как пуля свой центр тяжести». Для него народы — это «мысли Бога», его проявления. В работах Гердера подчеркивается самодостаточность самых простых обществ («дикарей»), он призывает «вживаться» в них, чтобы понять и восстановить картину мира в их понимании. В основе каждого народа лежит его индивидуальный народный дух, который и есть культура.

Если рассматривая резистивное поведение этноэкономики с этой точки зрения, выявляются позитивные элементы ее воздействия на устойчивое социально-экономическое развитие региона. В первую очередь — экологические, поскольку таким образом этноэкономика выявляется как сдерживающий фактор массового захвата, присвоения и использования земель и ресурсов промышленно-финансовыми группами. Ее существование накладывает ограничения на качество управления природными ресурсами, в том числе на выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду, использование техники и технологий. Международное признание прав коренных народов — носителей этноэкономики во многом содействовало усилению роли этноэкономик в регулировании геополитических и геоэкономических процессов как в мире, так и в отдельных странах. Инициативно или вынужденно страны приближаются к стандартам «зеленой экономики». Кроме того, исторический анализ показывает, что преимущественно благодаря этноэкономике сформирована пространственно-хозяйственная матрица АЗРФ. Изначально поселки и города возникали в результате торгово-промысловой колонизации в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов, на территориях стойбищ, факторий, промысла.

С учетом данных о происхождении и расселении КМНС выявляется предназначенность существования коренных народов в сложных природно-климатических и географических условиях, уникальность их культуры и бытия и их иррациональность,

с точки зрения массового сознания. Коренные народы, таким образом, выявляются как элементы арктической экосистемы необходимой для сохранения пространств и территорий. Им свойственно находиться практически в полном гомеостазе с окружающей средой; несмотря на жесткость условий, природа дает им все необходимое для жизни. Освоение территорий нарушает экологический баланс, и тогда коренные народы становятся сдерживающим фактором для государств и компаний. Происходит взаимодетерминация активности, направленной на сохранение баланса. Такая связь, вероятно, и предопределяет культурно-психологические особенности коренных народов и, соответственно, их экономическое поведение, сохраняет приверженность традициям, земле предков, не используя в полной мере возможности, которые дает цивилизация [26]. В этом контексте объясняется самодостаточность традиционного хозяйства, его материально-бытовой минимализм.

Тем не менее инновации все больше заменяют традиции и меняют уклад жизни КМНС [19]. Предназначенность бытия коренных народов в период массового освоения территорий становится причиной не только их резистентного поведения, но и экзистенциального кризиса, то есть кризиса бытия, страха за свое существование, депрессии, утраты смысла жизни, веры и традиций. Можно предположить, что элиминация коренных народов сопровождается природными катаклизмами как реакцией на нарушение баланса в арктической экосистеме.

Признание роли этноэкономики как природосберегающего фактора в периоды индустриального и постиндустриального развития предопределяет возможности трансформации ее предназначенности в новые виды экономической деятельности и занятости, формы и объемы государственной поддержки. При индустриальном развитии (новые технологии, техника, рынки) трансформация происходила в направлении добычи, производства и переработки традиционной продукции в промышленных масштабах. При постиндустриальном развитии, когда ресурсов традиционной экономики уже недостаточно, трансформация может происходить в направлении сбора и обработки информации о состоянии окружающей среды (наука), предоставления услуг, связанных с защитой и использованием природных ресурсов (экопатруль, туризм, медицина), проведения работ, связанных с восстановлением природных ресурсов (очистка, рекультивация, восстановление), искусственного разведения биологических ресурсов.

3. Заключение

1. В результате изучения теоретических и эмпирических данных исходя из особенностей формирования и использования экономических ресурсов квалифицированы виды экономического поведения, в том числе: по способу формирования ресурсов; по способу использования ресурсов; по отношению к правам на ресурсы. Классификация позволит более предметно исследовать экономическое поведение КМНС.

2. Уточнен объект исследования, а именно коренные малочисленные народы Севера, локализованные на сухопутной территории АЗРФ в состав которых входят 18 этносов, имеющих общие генетические черты, различающиеся численностью, местом обитания, основными видами экономической деятельности, социальным положением и изученностью их этнографического, исторического, культурного и хозяйственного потенциала.

3. В результате обобщения теоретических и эмпирических исследований выявлены и теоретически обоснованы основные детерминанты экономического поведения коренных малочисленных народов АЗРФ, в том числе: мировоззренческий капитал; природно-климатические условия; геополитические условия; этносоциальные особенности; законодательство; технологии; образование.

4. Предложена гипотеза исторической предназначенности существования коренных народов как элементов арктической экосистемы. Сильная связь с арктической экосистемой предопределяет культурно-психологические особенности экономического поведения КМНС, формирует мировоззрение, приверженность к своим идеалам и культуре. В этом контексте объясняется самодостаточность традиционного хозяйства, которое основано на материально-бытовом минимализме и в настоящее время подвергается культурным и технологическим инновациям, нарушающим первоначальную связь с арктической экосистемой. Неизбежность трансформации природных и социально-экономических условий традиционного хозяйствования КМНС в контексте гипотезы исторической предназначенности ставит задачу поиска и апробации новых видов хозяйственной деятельности КМНС, сохраняющих первоначальную связь с экосистемой, но характерных для постиндустриального общества, в том числе: получение и обработка информация об экосистеме, предоставление услуг и проведение работ в сфере природных и биологических ресурсов.

Благодарность

Автор выражает признательность за оказанную помощь при написании настоящей статьи руководителю научного проекта № 19-013-00394 Светлане Александровне Курносой и участнику этого же проекта Екатерине Вячеславовне Забелиной за ценные комментарии.

Список литературы

1. Смит, А. Исследования о причинах богатства народов / А. Смит. — М., 1962.
2. Роббинс, Л. Предмет экономической науки / Л. Роббинс // THESIS. — 1993. — Вып. 1. С. 10—23.
3. Эрроу, К. Информация и экономическое поведение / К. Эрроу // Вопр. экономики. — 1995. — № 5.
4. Becker G. S. Экономический анализ и человеческое поведение / G. S. Becker // THESIS: теория и история экон. и соц. ин-тов и систем. — 1993. — № . 1. — С. 24—40.
5. Тамбовцев, В. Л. Опыт эмпирического исследования экономического поведения / В. Л. Тамбовцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. — 1994. — № 3.
6. Верховин, В. И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа / В. И. Верховин // Социол. исследования. — 1994. — № . 10. — С. 120—125.
7. Сергиенко, А. М. Виды и формы экономического поведения россиян в период реформ: теоретические подходы и опыт регионального исследования / А. М. Сергиенко // Изв. Алтайс. гос. ун-та. — 2002. — № . 2.
8. Радаев, В. В. Еще раз о предмете экономической социологии / В. В. Радаев // Экон. социология. — 2002. — Т. 3, № 3.
9. Дружинин, В. Н. Экономическая психология / В. Н. Дружинин // Психология. — СПб., 2000.
10. Katona, G. Psychological Analysis of Economic Behavior / G. Katona. — NY : McGraw-Hill, 1951.
11. Loewenstein, G. The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of ‘Light’ Paternalism / G. Loewenstein, E. Haisley // Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations / handb. of Economic Methodologies. Vol. 1 / ed. by A. Caplin, A. Schotter. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2006.
12. Кузьминов, Я. И. Теоретическая экономическая культура в современной России / Я. И. Кузьминов // Обществ. науки и современность. — 1993. — № 5.
13. Вебер, М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.
14. Паникарова, С. В. Институты развития этноэкономики / С. В. Паникарова, М. В. Власов, В. П. Чебодаев // Пробл. соврем. экономики. — 2011. — № 4.
15. Хулхачиева, Э. П. Социальная этноэкономика региона: опыт, проблемы, перспективы развития / Э. П. Хулхачиева // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе : материалы рос. науч. практ. конф., Элиста, 12—13 янв. 2007 г. — Элиста : КалмГУ, 2007. — С. 114—117.
16. Павлов, К. В. Этнонациональные особенности социально-экономического поведения / К. В. Павлов // Часопис економічних реформ. — 2013. — № . 1. — С. 102—110.
17. Узденова, Л. Х. Типологические признаки отнесения традиционных видов деятельности населения к сфере этноэкономики [Электронный ресурс] / Л. Х. Узденова // МИТС — НАУКА. — URL: www.roseis.ru.
18. Даллманн, В. Коренной — местный — аборигенный: путаница и проблемы перевода. [2003] [Электронный ресурс] / В. Даллманн, Х. Голдман. — URL: <http://www.npolar.no/ansipra/russian/Items/ConfusionR.html> (дата обращения 06.05.2019).
19. Харючи, Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века) / Г. П. Харючи. — Томск : Томс. гос. ун-т, 2001.
20. Головнев, А. В. История народов Ямала / А. В. Головнев, Г. С. Зайцев, Ю. П. Прибыльский. — М., 138 с.
21. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe / S. Rootsi [et al.] // European J. of Human Genetics. — 2007. — Т. 15, № 2.
22. Деттер Г. Ф. Стратегии северного оленеводства Гыдана и Ямала: от сохранения к устойчивому, технологическому развитию / Г. Ф. Деттер // Науч. вестн. Ямало-Ненец. автоном. округа. 2019. — № 1. — С. 12—20.
23. Квашнин, Ю. Н. Особенности организации оленеводческого хозяйства у селькупов верхней реки Таз (по материалам полевых исследований 2014 и 2017 гг.) / Ю. Н. Квашнин, А. Дыбчак // Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции «Полевые исследования на Алтае, в Прииртыше и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год». — 2018. — С. 235—238.

24. Паникарова, С. В. Институты развития этноэкономики [Электронный ресурс] / С. В. Паникарова, М. В. Власов, В. П. Чебодаев // ПСЭ. — 2011. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-razvitiya-etnoekonomiki> (дата обращения: 11.06.2019).

25. Жирмунский, В. Жизнь и творчество Гердера / В. Жирмунский // Очерки по истории классической немецкой литературы. — 1972. — С. 209—276.

26. Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем : монография / отв. ред. А. Н. Силин // Тюмень : ТИУ, 2017.

Сведения об авторе

Деттер Геннадий Филиппович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», Салехард, Россия. detter@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 32—42.*

ECONOMIC BEHAVIOR OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN NORTH: STATEMENT OF THE PROBLEM

G.F. Detter

State Institution of Yamal-Nenets Autonomous Okrug Scientific Center for Arctic Studies, Salekhard, Russia. detter@mail.ru

The article presents the results of the research on identification of the determinants of the economic behavior of the indigenous peoples of the North living in the Arctic zone of the Russian Federation. The research is of current interest due to the inclusion of the Arctic in the orbit of global economic and political interests, accompanied by an active influence on their traditional economy and traditional way of life. A hypothesis of the historical purpose of the existence of indigenous peoples as custodians of the Arctic spaces is proposed. However, cultural and technological innovations, the transformation of natural and socio-economic systems are challenging the existence of the indigenous peoples of the North.

Keywords: *arctic, indigenous peoples of the North, economic behavior, ethno-economics, purpose.*

References

1. Smith A. *Issledovaniya o prichinah bogatstva narodov* [An inquiry into the causes of the wealth of nations]. Moscow, 1962. (In Russ.).
2. Robbins L. *Predmet ekonomicheskoy nauki* [The subject-matter of economics]. THESIS, 1993, iss. 1, pp. 10-23. (In Russ.).
3. Arrow K. *Informaciya i ekonomicheskoe povedenie* [Information and economic behavior]. *Voprosy ekonomiki* [Economic matters], 1995, no. 5. (In Russ.).
4. Becker G.S. *Ekonomicheskij analiz i chelovecheskoe povedenie* [Economic analysis and human behavior]. *THESIS: teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems], 1993, no. 1, pp. 24-40. (In Russ.).
5. Tambovtsev V.L. *Opyt empiricheskogo issledovaniya ekonomicheskogo povedeniya* [Experience of empirical research on economic behavior]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Economics Bulletin], 1994, no. 3. (In Russ.).
6. Verkhovin V.I. *Ekonomicheskoe povedenie kak predmet sociologicheskogo analiza* [Economic behavior as a subject of sociological analysis]. *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological studies], 1994, no. 10, pp. 120-125. (In Russ.).
7. Sergienko A.M. *Vidy i formy ekonomicheskogo povedeniya rossiyan v period reform: teoreticheskie podhody i opyt regional'nogo issledovaniya* [Types and forms of economic behavior of Russians during the reform period: theoretical approaches and experience of regional research]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University], 2002, no. 2. (In Russ.).
8. Radaev V.V. *Eshche raz o predmete ekonomicheskoy sociologii* [Once again on the subject of economic sociology]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], 2002, vol. 3, no. 3. (In Russ.).

9. Druzhinin V.N. Ekonomicheskaya psikhologiya [Economic psychology]. *Psychology*. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
10. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behavior*. NY, McGraw-Hill Publ., 1951.
11. Loewenstein G., Haisley E. The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of 'Light' Paternalism. *Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations. The Handbook of Economic Methodologies. Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press. 2006.
12. Kuzminov Y.I. Teoreticheskaya ekonomicheskaya kul'tura v sovremennoj Rossii [Theoretical economic culture in modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern Time]*, 1993, no. 5, 1992. (In Russ.).
13. Weber M. Osnovnye sotciologicheskie poniatiya [Basic concepts in sociology]. *Selected Works*. Moscow, Progress. 1990. (In Russ.).
14. Panikarova S.V., Vlasov M.V., Chebodaev V.P. Instituty razvitiia etnoekonomiki [Institutes for the development of ethno-economics]. *Problemy sovremennoy ekonomiki [Problems of modern economy]*, 2011, no. 4. (In Russ.).
15. Khulhachieva E.P. Sotcial'naiia etnoekonomika regiona: opyt, problemy, perspektivy razvitiia [Social ethno-economics of the region: experience, problems, development prospects]. *Vosstanovlenie natsionalnoi gosudarstvennosti repressirovannykh narodov Rossii i perspektivy ikh razvitiia na sovremennom etape [Restoration of the national statehood of the repressed peoples of Russia and the prospects for their development at the present stage]*. Elista, Kalmyk State University, 2007. Pp. 114-117. (In Russ.).
16. Pavlov K.V. Etnonatsional'nye osobennosti social'no-ekonomicheskogo povedeniya [Ethnonational features of socio-economic behavior]. *Chasopis ekonomichnih reform [Journal of Economic Reforms]*, 2013, no. 1, pp. 102-110. (In Russ.).
17. Uzdenova L.H. Tipologicheskie priznaki otneseniia traditsionny'kh vidov deiatel'nosti naseleniia k sfere e'tnoekonomiki [Typological signs of attributing traditional activities of the population to the sphere of ethno-economics]. *MITS — NAUKA*. Available at: www.roseis.ru, accessed 06.05.2019. (In Russ.).
18. Dallmann W., Goldman H. *Korennoy — mestnyy — aborigenny: putanitsa i problemy perevoda [Indigenous — native — aboriginal: confusion and translation problems]* (2003). Available at: <http://www.npolar.no/ansipra/russian/Items/ConfusionR.html>, accessed 06.05.2019. (In Russ.).
19. Kharyuchi G.P. *Tradicii i innovacii v kul'ture neneckogo etnosa (vtoraya polovina HKH veka) [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos (second half of the twentieth century)]*. Tomsk, Tomsk State University, 2001.
20. Golovnev A.V., Zaytsev G.S., Pribylskiy Y.P. *Istoriya narodov Yamala [The history of the peoples of Yamal]*. Moscow, 138 p. (In Russ.).
21. Rootsi S. [et al.]. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe. *European Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 15., no. 2.
22. Detter G.F. Strategii severnogo olenevodstva Gydana i Yamala: ot sokhraneniia k ustoychivomu, tekhnologicheskomu razvitiuu [Strategies of Gydan and Yamal reindeer husbandry: from preservation to sustainable technological development]. *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, 2019, no. 1, pp. 12-20.
23. Kvashnin Y.N., Dybczak A. Osobennosti organizatsii olenevodcheskogo hoziai'stva u sel'kupov verhoviy reki Taz [Features of the organization of reindeer husbandry of the Selkups of the headwaters of the Taz River (based on field studies in 2014 and 2017)]. *Collection of works of the XIII International Scientific and Practical Conference "Field studies in Altai, Irtysh region and upper Ob region (archeology, ethnography, oral history): 2017"*. 2018. Pp. 235-238. (In Russ.).
24. Panikarova S.V., Vlasov M.V., Chebodaev V.P. Instituty razvitiya etnoekonomiki [Institutes for the development of ethno-economics]. *Problems of modern economy*, 2011, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-razvitiya-etnoekonomiki>, accessed 11.06.2019. (In Russ.).
25. Zhirmunskiy V. Hizn' i tvorchestvo Gerdera [Herder's life and work]. *Ocherki po istorii klassicheskoy nemetskoj literatury [Essays on the history of classical German literature]*. Leningrad, 1972. Pp. 209-276. (In Russ.).
26. Silin A.N. *Chelovek v Arktike: innovatsionnye tekhnologii resheniya social'nyh problem [Man in the Arctic: innovative technologies for solving social problems]*. Tyumen, TIU. 2017. (In Russ.).

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» И «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Пространственное развитие России, самой большой страны в мире, остается важной научной и практической проблемой. Любые решения в этой сфере должны основываться на подробном и достоверном знании о текущей ситуации. Такое знание должно опираться на ясную методологическую базу, которая объясняла бы складывающиеся тенденции и давала бы точный прогноз результатов управленческих действий. Предлагается и развивается подход, основанный на выделении на национальном уровне среди регионов центров периферии, которые рассматриваются в условиях «новой нормальности». Даны характеристики регионов-центров и периферийных регионов; анализируются тенденции основных характеристик социально-экономического развития центров и периферии в разрезе федеральных округов.

Ключевые слова: *новая нормальность, центр, периферия, экономика России, региональная экономика.*

Национальная экономика России на данном этапе технологического и социально-экономического развития сталкивается с рядом проблем, которые в экономической литературе трактуются как «новая реальность» и «новая нормальность». За период с 2010 г., когда начали использовать этот термин, появилось значительное число работ, направленных на осмысление этого феномена в контексте как всех мировых изменений (см. М. Эль-Эриан [2]), так и встраивания отдельных стран в условия общемировых тенденций (В. В. Путин [14], К. Юдаева [19], П. Мозиас [13], Д. А. Медведев [12], В. И. Бархатов и Д. С. Бенц [5; 6], В. С. Бочко [8], Я. П. Силин, Е. Г. Анимца и Н. В. Новикова [16], А. В. Бузгалин [9], Ху Аньган [1], С. Д. Бодрунов [7], Е. Ф. Авдокушин [3], Н. Ю. Кони́на [11]).

В данный период имеется объективная потребность перехода производительных сил к новому технологическому укладу. Такой переход неразрывно связан с изменениями как национальной, так и региональной структуры производства. Для национальной экономики и составляющих ее элементов региональных экономик сегодня характерны низкие темпы экономического роста. Структура экономики, сложившаяся в период доминирования предшествующих технологических укладов, не позволяет ни в целом по стране, ни на уровне регионов, обеспечить темпы экономического роста, соответствующие общемировым трендам. Современное экономическое развитие предполагает не только использование новых качественных факторов, но и преодоление неравномерностей регионально-

го развития. Низкие темпы экономического роста не позволяют регионам решать проблемы, связанные с появлением новых вызовов, и обеспечивать рост доходов населения регионов. Существующие и появляющиеся вновь институциональные формы управления регионами из центра не обеспечивают должной эффективности и не способствуют ускорению социально-экономического развития регионов. Движение финансовых ресурсов к центру и затем в обратном направлении не создает достаточных условий ускоренного экономического развития. Экономическое пространство России оказывается крайне неоднородным по уровню социально-экономического развития. Для каждого региона возникает «особая нормальность» и «особая реальность», являющиеся следствием неравномерности социально-экономического развития, сохраняющегося на протяжении всего периода новейшей российской истории (1991—2019). Постепенно формировались региональные центры экономического роста и периферийные (даже на уровне межрегионального взаимодействия) регионы. Развитие именно такой модели межрегионального взаимодействия ослабляет экономические связи между его субъектами, не способствует развитию кооперации труда и ограничивает движение капитала. В результате в региональных и федеральном центре возникают излишки капитала при его дефиците в периферийных регионах. В такой модели движение капитала зависит не от объективных законов, формирующих это движение как между центрами или периферийными экономиками, так и в отношениях

центра и периферии, а от субъективной воли государственных монополий, действующих на федеральном и региональном уровнях. Это усиливает барьеры на пути движения капитала внутри страны. Сложившиеся центры социально-экономического развития как центры концентрации финансового и банковского капитала не вовлекают в полной мере в орбиту своего влияния и не способствуют развитию периферийных экономик, находящихся вокруг центра. Такое сдерживание отрицательно влияет на качество экономического роста в отстающих периферийных регионах, не способствует переходу на новые технологические уклады и не повышает качество жизни. А для всестороннего ответа на вопрос о качестве роста национальной экономики недостаточно оценивать усредненные по стране показатели. Качественный рост и развитие должны фиксироваться только тогда, когда в соответствующие процессы вовлечена большая часть регионов, включая периферийные экономики.

Методологически правильным будет рассматривать показатели регионов-центров во взаимосвязи этих же показателей с окружающими их периферийными экономиками. Необходимо иметь возможность оценивать, насколько центр может за счет своих финансовых ресурсов вовлекать в процессы производственной, технологической, финансовой деятельности. Результатом такой деятельности должны и могут стать новые центры роста, сформированные на территории периферий и способные привлекать различные ресурсы из центра. Максимизации экономического роста центра и периферий может способствовать слияние промышленного и банковского капитала промышленных элит, согласования их экономических интересов, направление их усилий на решение проблем не только лишь одного региона, но и их совокупности, что позволило бы максимизировать получаемый эффект. Задача согласования экономических интересов региональных элит лежит на государстве. Оно, разрабатывая стратегию социально-экономического развития, должно учитывать интересы промышленных и финансовых элит центра и периферийных экономик. При размещении новых производств и направлении в регионы государственных инвестиций следует руководствоваться важностью продвижения и развития нового технологического уклада в пространстве центра и периферии. Это позволит, в частности, решить проблемы экономического роста, промышленного развития, роста уровня жизни населения и снижения безработицы, а также роста объема инвестиций. Формирование пространства «центр — пери-

ферия» предполагает решения различного уровня. Периферия, как определенное социально-экономическое, финансовое, производственное и технологическое пространство, неоднородно в своей структуре. Экономико-финансовый центр могут окружать регионы, которые часто обозначаются как отсталые (см. М. Н. Толчинская [18], А. Г. Гранберг [10]). А. Г. Гранберг при исследовании отсталых регионов рассматривал два подхода: во-первых, основанный на выделении остроты кризисности в социально-экономическом развитии. Наиболее кризисными признаются регионы, в которых наблюдается разрушение экономического потенциала, снижение качества и объема человеческого капитала, консервация отсталых технологических укладов. Во-вторых, А. Г. Гранберг подчеркивает, что отсталые регионы имеют совокупность проблем (в том числе экономические, демографические, этнические. Для отсталых проблемных регионов характерны: низкий уровень жизни, экономический и технологический застой, слабая диверсификация производства, слабый научно-технологический потенциал. К депрессивным регионам А. Г. Гранберг относит регионы, которые в прошлом имели достаточно высокий производственно-технический потенциал, но в условиях «новой нормальности» утратили его значительную часть.

Технологический уклад, сложившийся в процессе длительного развития, не уступает место новому, привлекающему новые инвестиции и предъявляющему новые требования к компетенциям на рынке труда. Действующие в таких регионах элиты, в результате перераспределения прав собственности на основные активы и поиска наиболее выгодных способов их использования или продажи, привели структуру экономики региона в депрессивное состояние. Промышленные элиты, реализуя собственные экономические интересы, часто шли вразрез и с общенациональными интересами, и с интересами населения региона. Это привело к формированию неэффективного промышленного и банковского капитала территорий, его накоплению и выводу за пределы территорий. Накапливаемая доля прибыли имеет тенденцию к снижению. Кроме того, по мнению А. Г. Гранберга, депрессивные территории также можно разделить на две группы: а) дореформенные депрессивные регионы и б) новые депрессивные регионы.

Таким образом, отсталые регионы изначально имеют низкий производственный и финансовый потенциал, а депрессивные, напротив, обладая достаточным потенциалом, не могут его реализовать,

находясь в состоянии перманентного структурного и финансового кризиса, и не могут выйти на траекторию устойчивого роста. В пространстве всей территории страны сложилась определенная структура, включающая разные уровни экономического, производственного, финансового и человеческого потенциала, который позволяет в условиях новой нормальности выйти из «депрессивного» состояния. Понимаемая таким образом пространственная структура российской экономики может быть представлена в виде схемы (рис. 1).

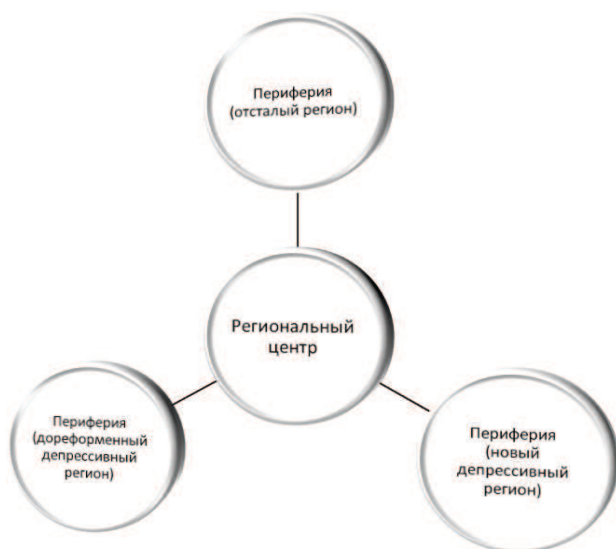

Рис. 1. Пространственная структура российских регионов с точки зрения соотношения центра и периферии и различного потенциала периферийных регионов

Сложившаяся пространственная структура «центра» и «периферии», окружающей эти центры, требует иной методологии определения их роли в росте национальной экономики и направления их дальнейшего развития. Возникает настоятельная потребность исследования региональных экономик различного уровня экономических потенциалов, с учетом условий «новой нормальности» и «новой реальности», в которых сегодня приходится действовать регионам. Анализ региональных экономик следует дифференцировать в зависимости от типа и величины их потенциала, используя деление регионов на «центры» и «периферии» трех типов. Оценка реакции региональных экономик на условиях «новой нормальности» позволит определять тип региона и оценивать тренды его экономического роста.

В российской и зарубежной экономической науке продолжается дискуссия о сущности «новой нормальности» и ее связи с термином «новая реальность». Не вдаваясь в детальный анализ этой дискус-

сии, подчеркнем лишь ключевые ее результаты, полезные для их определения применительно к оценке регионов и трендов регионального развития. Часто авторство термина «новая нормальность» приписывают М. А. Эль-Эриану [2]: это состояние полной неопределенности процесса нормализации экономики в посткризисный период. Он подчеркнул, что экономика долгие годы усиленно развивалась, и такое положение дел считалось нормальным, но возникший кризис изменил ситуацию. Накопившиеся проблемы и диспропорции замедлили экономический рост, и возникшая экономическая ситуация существенно отличается от имевших место ранее. Новые технологические выводы требуют новых форм воздействия государства на все сферы экономики. Опора на сложившийся ранее потенциал не позволяет в посткризисный период возвратиться к прежним темпам экономического роста, возникает и развивается «новая реальность», с новыми технологическими и экономическими лидерами как результат появления условий «новой нормальности». Другой автор, Р. Макнейми, под новой реальностью понимает «время новых возможностей для инвесторов, которые могут брать на себя инвестиционные риски в течение длительного периода».

Дж. Стиглиц и П. Кругман использовали термин *new normal* для описания длительных кризисных явлений, в том числе низких темпов экономического роста и роста безработицы. По их мнению, причина такого устойчивого кризисного состояния «новой нормальности» лежит в плоскости неэффективного управления (см. описание их точки зрения в [17]). В России этим термином пользовались Д. А. Медведев [12], А. Улюкаев, К. В. Юдаева [19]. В частности, А. Улюкаев отождествлял эти термины, и понимал под ними процесс выравнивания темпов экономического роста в странах с развивающейся и развитой экономикой, отсутствием стран-лидеров, где присутствовали бы высокие темпы экономического роста. Для этих условий характерно бурное развитие технологий с одновременным замедлением роста спроса на сырьевые ресурсы, снижение роли этого фактора в экономическом росте и снижение инвестиционной привлекательности соответствующих сфер экономики. Д. А. Медведев [12] отмечал, что новая нормальность из характеристики посткризисного развития экономически развитых стран превратилась в общемировой тренд, который сохранится, скорее всего, до следующего глобального мирового кризиса.

Для России в целом и для ее регионов проблемы кроются не столько в трендах развития мировой

экономики, сколько в обременениях, которые и экономика, и ее подсистемы наследовали от предыдущего этапа развития, перехода от одного способа производства к другому (см. [4]), консервации до определенного момента технологического уклада, постепенно становившегося устаревшим. Начавшийся переход от одного технологического уклада к новому не всегда затрагивал периферийные экономики, особенно если их потенциал развития мал (отсталые регионы).

Ряд авторов (К. С. Тетерятников [17]) видят в *new normal* абстрактное понятие, термин, используемый как эвфемизм, удобно заменяющий «кризис под воздействием внешних факторов бизнес-среды». Мы допускаем, что на применение этого термина в разных странах должны накладываться специфические проблемы этих стран, тем не менее полагаем возможным дать экономическое определение понятий «новая нормальность» и «новая реальность», с учетом условий технического и экономического потенциала, накопившихся экономических и социальных проблем и способа их разрешения в конкретном периоде. Нормальность — это система сложившихся у субъектов экономики представлений об уровне экономического и социального развития, на базе сложившихся технологий в определенный период. Новая нормальность — это возникающая и развивающаяся новая социально-экономическая система на основе перехода к новым технологическим укладам, способным увеличить темпы экономического роста. Новая нормальность создает условия для максимизации основных параметров развития в условиях глобальных вызовов. Но на начальном этапе становления из-за требуемых структурных сдвигов, институциональных и социальных изменений, новая нормальность предполагает торможение основных параметров социально-экономического развития, что иногда ошибочно принимается за кризисные явления. В действительности же новая нормальность предполагает максимизацию параметров развития в условиях глобальных вызовов. С учетом такого понятия российские регионы можно разделить на: регионы с высокими темпами экономического роста (центры развития), регионы с низкими темпами экономического роста, регионы с нулевыми темпами экономического роста, регионы с отрицательными темпами экономического роста (различные группы периферийных регионов). Такой подход позволяет определить специфику региональных экономик, выявить их совокупности, имеющие предпосылки к экономическому росту. В дополнение к экономическому росту при определении «нормальности» и способности

реагировать на нее регионов необходимо учитывать: уровень развития производства, долю собственных доходов в бюджете региона, доход на душу населения, уровень безработицы, объем инвестиций в основной капитал. Оценка «нормальности» региона на основе предлагаемой методологии должна осуществляться в сопоставлении с данными о среднероссийских тенденциях и данных регионов-лидеров.

Для иллюстрации предлагаемого подхода оценки экономического роста и развития российских регионов приведем графики, показывающие соотношение ключевых характеристик социально-экономического развития регионов-центров и периферии в разрезе федеральных округов за период 2000—2018 гг. (номинальный ВРП и темп его роста, среднедушевые доходы и объем инвестиций в основной капитал) (рис. 2—9). На графиках отчетливо видны тенденции: между регионами центра и периферии нет существенных различий в темпах экономического роста, если оценивать его по номинальному ВРП, и вместе с тем уровень доходов существенно отличается (до полутора-двухкратного превышения), а объем инвестиций в основной капитал в центре больше в разы. Это подтверждает выдвинутую гипотезу о формировании структуры российской экономики по принципу выделения центра и периферии. Другой важный вывод, к которому можно прийти: после 2009 г. (и особенно после 2014 г.) темпы экономического роста остаются устойчиво низкими, что контрастирует с «докризисными» значениями и подтверждает, в первом приближении, гипотезу о наступлении периода «новой нормальности».

В Центральном федеральном округе тенденции роста номинального ВРП отражают интересный тренд выравнивания и даже опережающего роста этого показателя у регионов периферии в период наступления «новой нормальности». Однако и по уровню доходов, и (особенно) по инвестициям в основной капитал Москва намного и стабильно опережает свое окружение-периферию. При этом разрыв только увеличивается (рис. 2). Важно отметить, что изменение внешнеэкономической ситуации в 2014 г. не отразилось на тренде инвестиций в отличие от кризиса 2008—2009 гг., когда произошло временное отклонение от тренда.

В Западном федеральном округе ситуация похожая: темпы роста номинального ВРП центра и периферии почти совпадают, а среднедушевые доходы и инвестиции в основной капитал центра ускоренными темпами опережают периферийные регионы. Важным отличием является синхронное снижение среднедушевых доходов в 2018 г., чего не наблю-

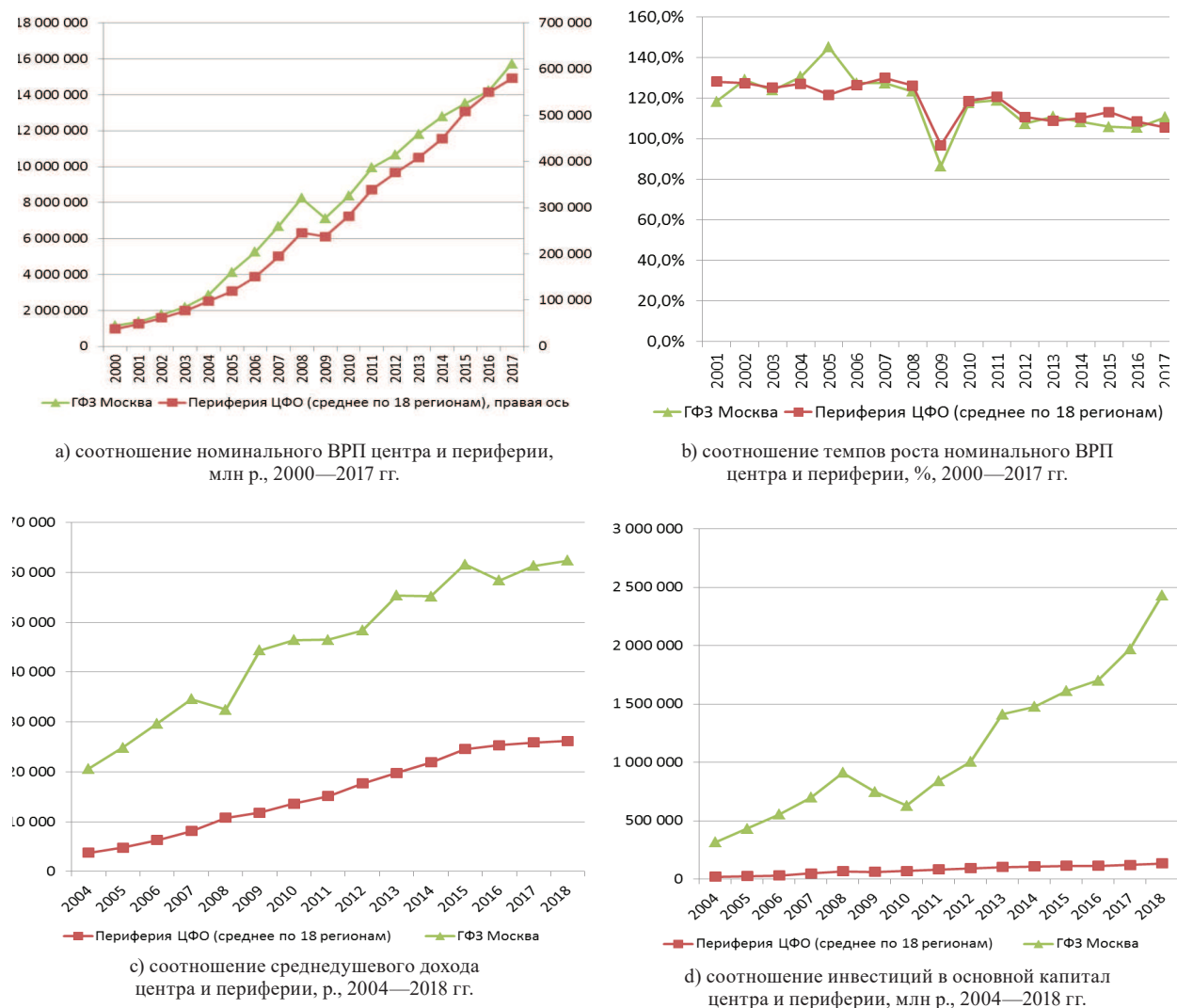

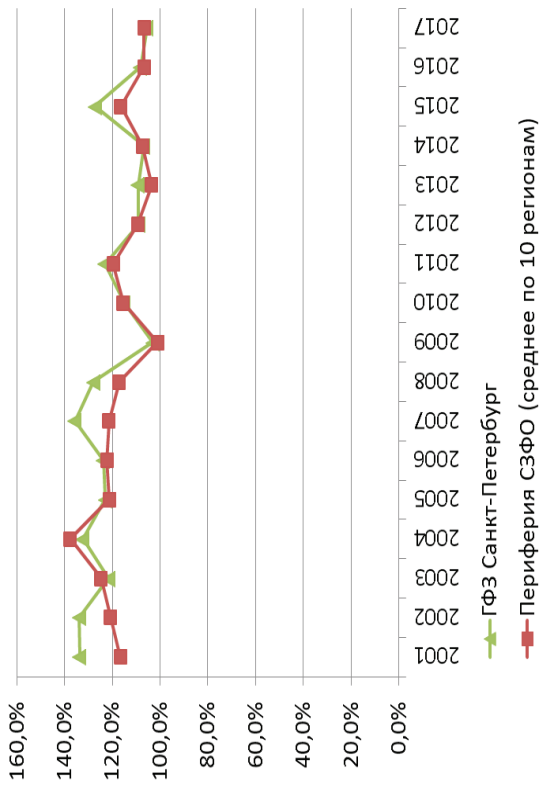
Рис. 2. Сравнительные характеристики центра и периферии в Центральном федеральном округе

далось в ЦФО. Также можно отметить похожесть трендов инвестиций в основной капитал первого и второго центров России (рис. 3).

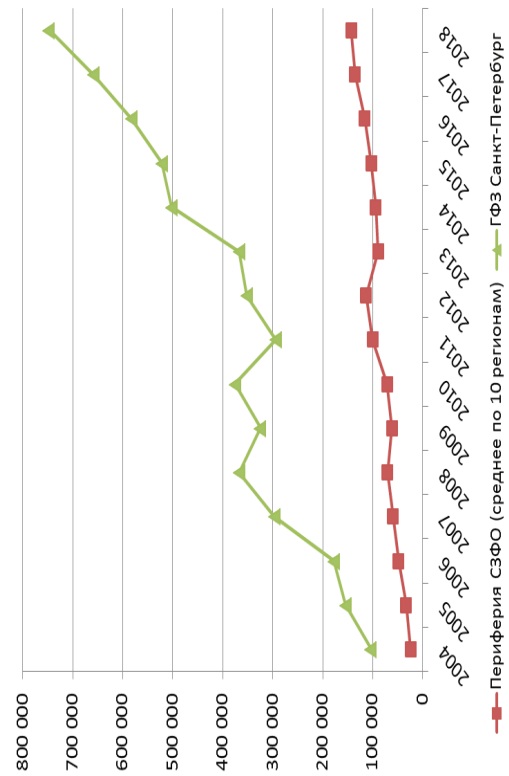
В Южном федеральном округе мы наблюдаем аналогичную тенденцию в динамике номинального ВРП центра и периферии, при этом в период 2010—2014 гг. темпы роста ВРП в центре были выше, чем в периферии, что нехарактерно для России. Среднедушевой доход в центре за рассматриваемый период стал выше периферийного почти в полтора раза, при этом начиная с 2014 г. соотношение данного показателя стабильное, а сами доходы растут крайне медленно. График инвестиций в основной капитал у периферийных регионов повторяет общероссийские тренды крайне низкого роста, а у центра можно наблюдать резкий рост с 2007 по 2013 г., что связано в первую очередь с созданием инфраструктуры для Олимпиады в Сочи и возвращением к первоначальному тренду в 2016 г. (рис. 4).

Номинальный центр Северо-Кавказского федерального округа Ставропольский край, показывает не столь значительные отличия в своих характеристиках от окружающей его периферии, как в других федеральных округах. Да и в целом по округу тренд изменения номинального ВРП более гладкий, чем в соседних округах. Уровень среднедушевых доходов центра и периферии примерно одинаков, а уровень инвестиций в основной капитал отличается, но не так явно, как в других ФО (рис. 5).

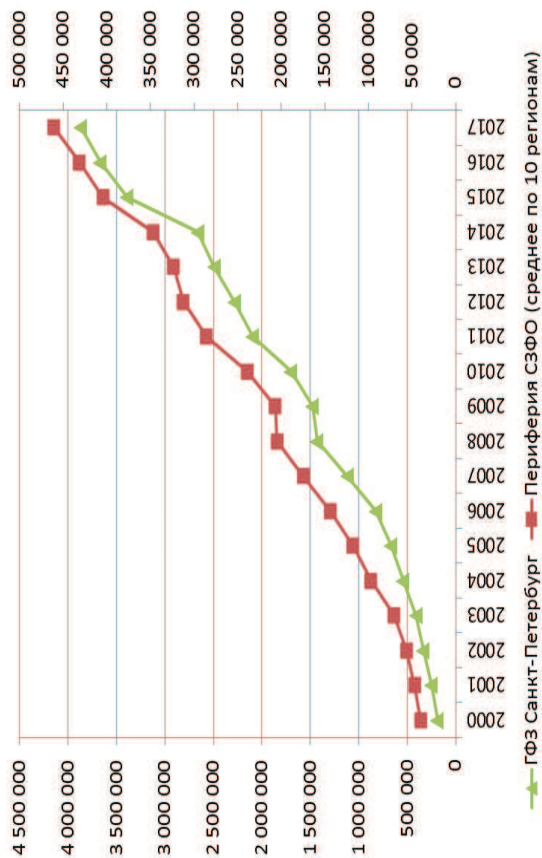
В Приволжском федеральном округе тренды номинального ВРП центра и периферии практически совпадают, а тренд среднедушевого дохода почти повторяет ситуацию в Южном федеральном округе, с одним отличием — здесь замедление началось в 2015 г. Объем инвестиций в центре существенно опережает объем инвестиций в периферийных регионах (рис. 6).

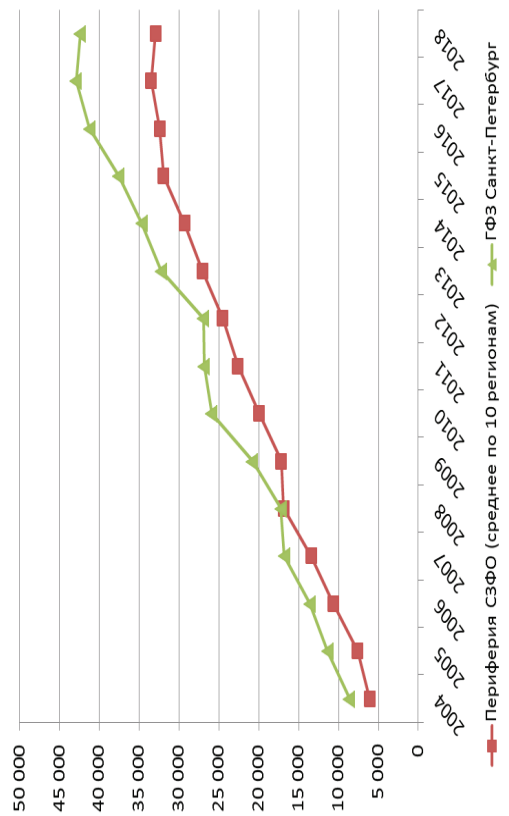
а) соотношение номинального ВРП центра и периферии, млн р., 2000—2017 гг.

б) соотношение темпов роста номинального ВРП центра и периферии, %, 2000—2017 гг.

в) соотношение среднего номинального ВРП центра и периферии, млн р., 2004—2018 гг.

г) соотношение среднего дохода центра и периферии, р., 2004—2018 гг.

Рис. 3. Сравнительные характеристики центра и периферии в Северо-Западном федеральном округе

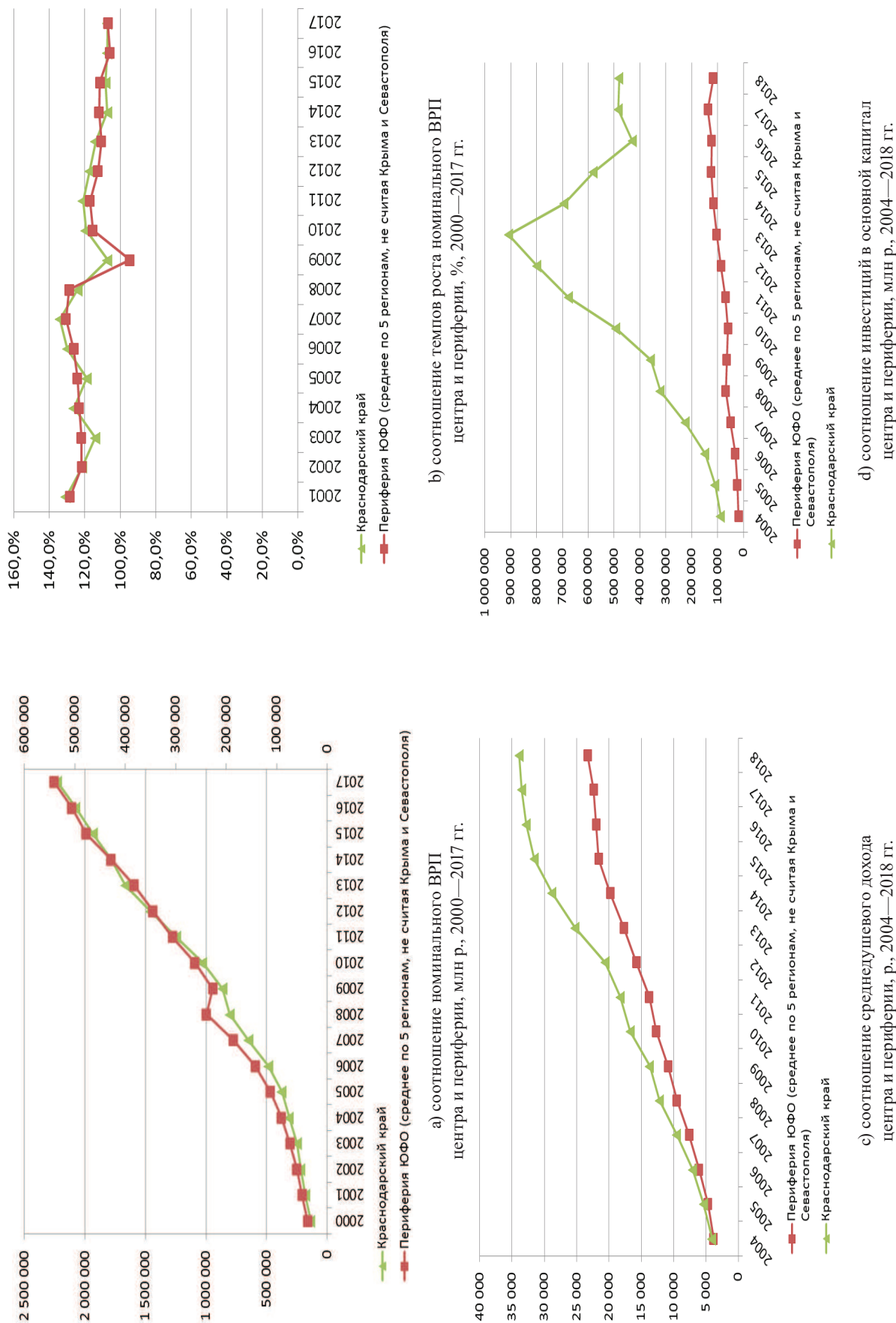
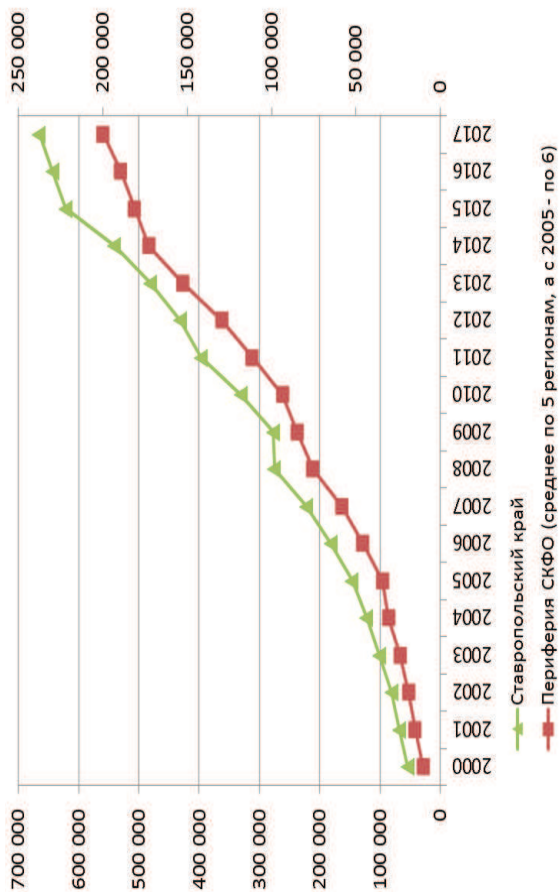
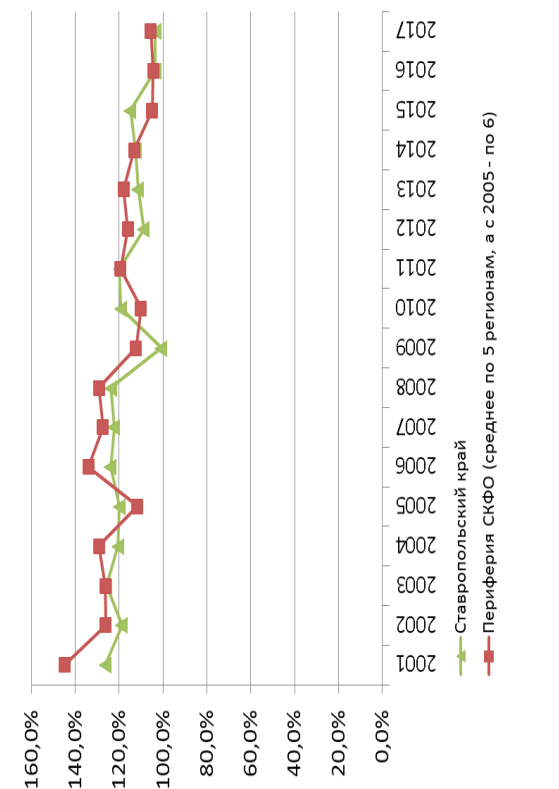
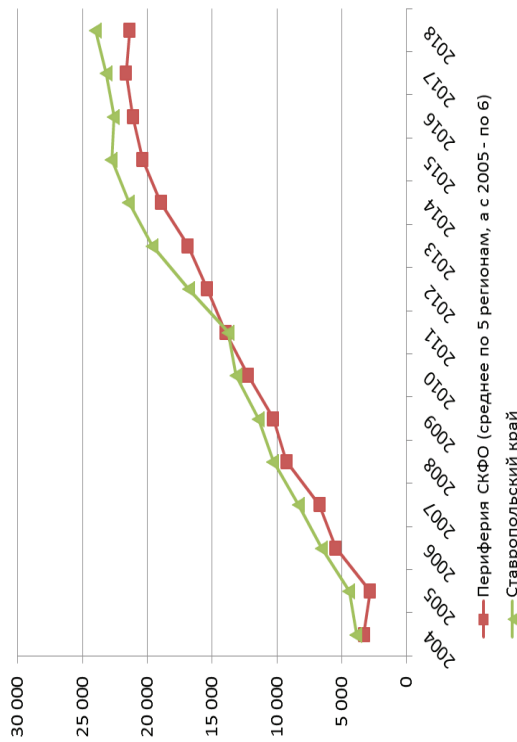
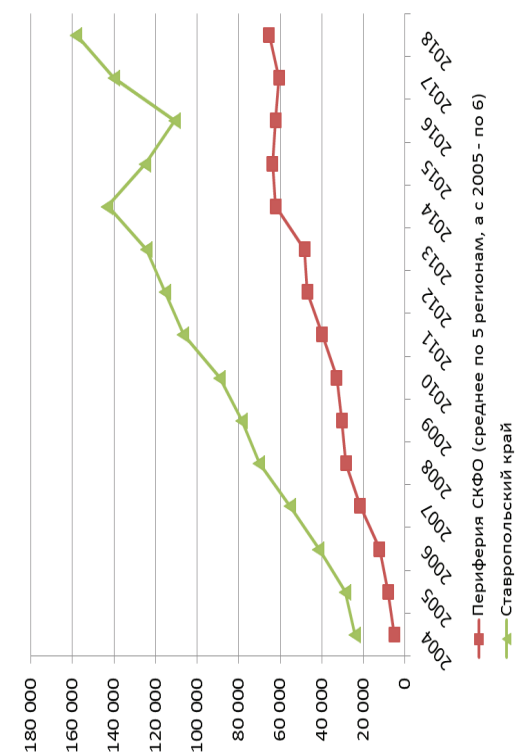

Рис. 4. Сравнительные характеристики центра и периферии в Южном федеральном округе

а) соотношение номинального ВРП центра и периферии, млн р., 2000—2017 гг.

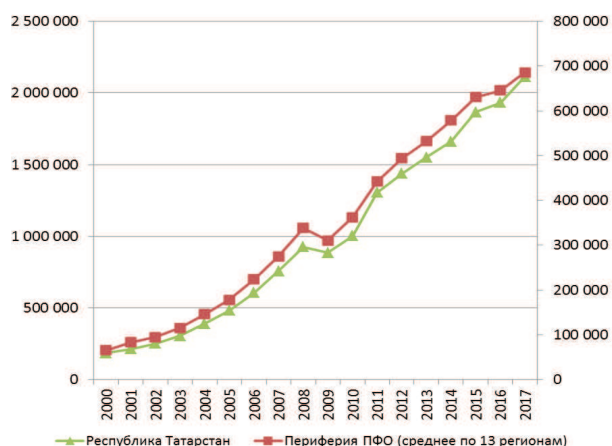

б) соотношение темпов роста номинального ВРП центра и периферии, %, 2000—2017 гг.

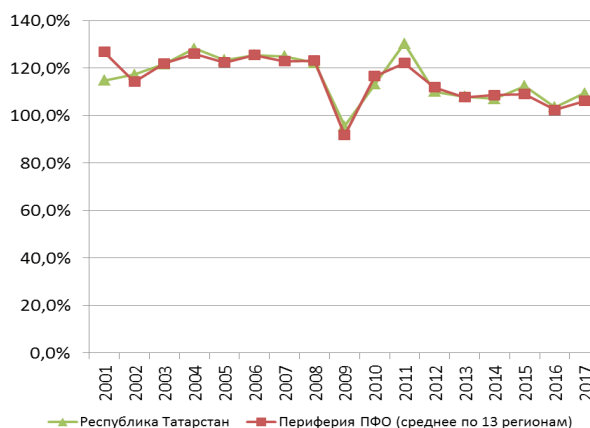
д) соотношение инвестиций в основной капитал центра и периферии, млн р., 2004—2018 гг.

с) соотношение среднегодового дохода центра и периферии, р., 2004—2018 гг.

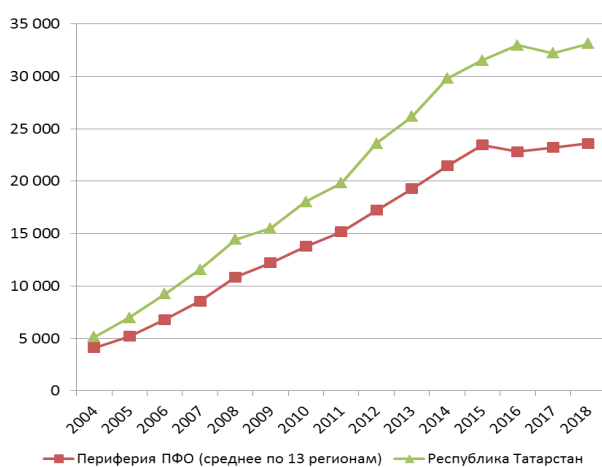
Рис. 5. Сравнительные характеристики центра и периферии в Северо-Кавказском федеральном округе

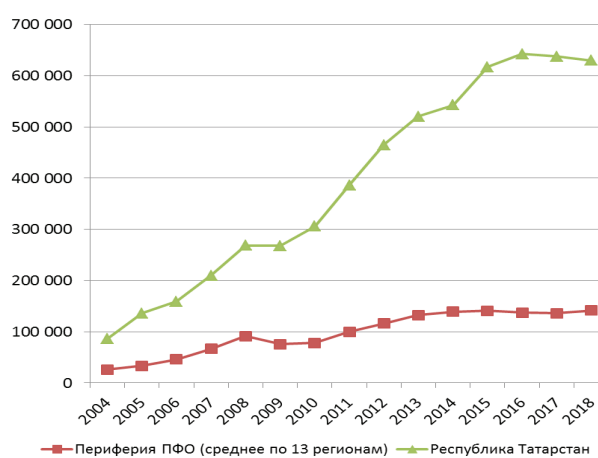
а) соотношение номинального ВРП центра и периферии, млн р., 2000—2017 гг.

б) соотношение темпов роста номинального ВРП центра и периферии, %, 2000—2017 гг.

в) соотношение среднедушевого дохода центра и периферии, р., 2004—2018 гг.

г) соотношение инвестиций в основной капитал центра и периферии, млн р., 2004—2018 гг.

Рис. 6. Сравнительные характеристики центра и периферии в Приволжском федеральном округе

В Уральском федеральном округе (из которого в расчетах была исключена Тюменская область с входящими в ее состав ХМАО и ЯНАО как самостоятельными субъектами) наблюдается сходная тенденция: ВРП изменяется синхронно, а среднемесячная зарплата центра возросла до полуторакратного превышения над периферией (при этом образующие периферию Челябинская и Курганская области существенно отличаются значениями этого показателя: Курганская область «тянет» его вниз), а инвестиции в основной капитал центра после периода бурного роста в 2011 г. постепенно идут на спад, а у периферии, напротив, после периода застоя в 2018 г. наметились положительные сдвиги (рис. 7).

В Сибирском федеральном округе проявляется одна из закономерностей пространственного развития России — чем дальше на восток, тем меньше различий центра и периферии, тем более равномерным становится и само развитие, и его результаты.

Номинальный ВРП здесь в отличие от европейской части не менял тренда темпов своего роста после кризиса 2008 года — там и до, и после мирового финансового кризиса наблюдалось снижение темпов роста ВРП и у центра (Красноярского края) и у периферии. Разрыв трендов среднедушевого дохода незначительный, если опять же сравнивать с европейской частью России, а вот величина инвестиций в основной капитал, напротив, сходна с общероссийским трендом — центр намного опережает периферию (рис. 8).

Дальневосточный федеральный округ — самый равномерно развивающийся, и даже, более того, в нем тренд среднедушевых доходов периферии стабильно находится выше центра, преимущественно из-за высоких доходов «северян». Тренды инвестиций имеют сходную динамику, за исключением всплеска в 2010—2012 гг., когда реализовывались проекты развития инфраструктуры в рамках проведения саммита АТЭС (рис. 9).

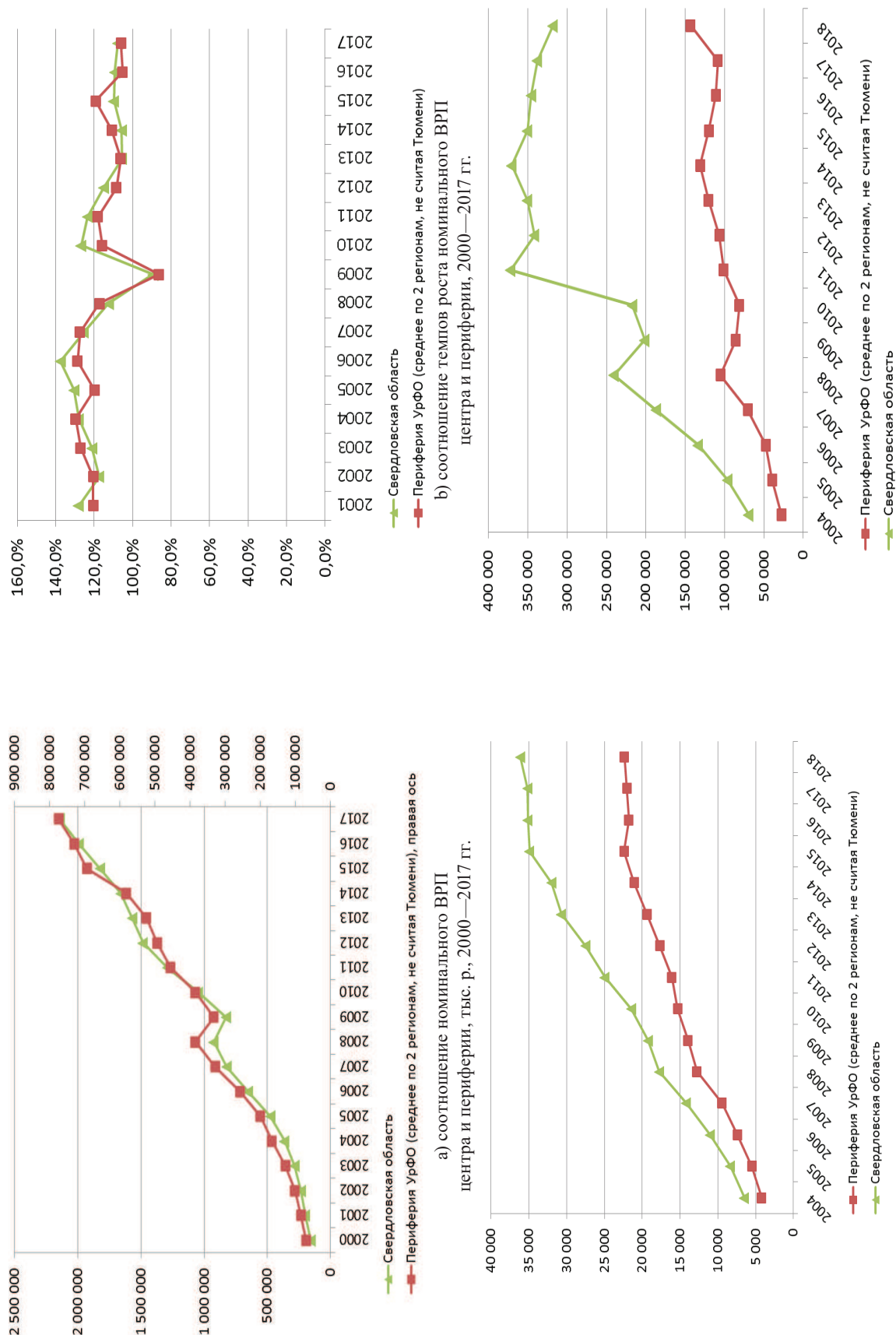

Рис. 7. Сравнительные характеристики центра и периферии в Уральском федеральном округе

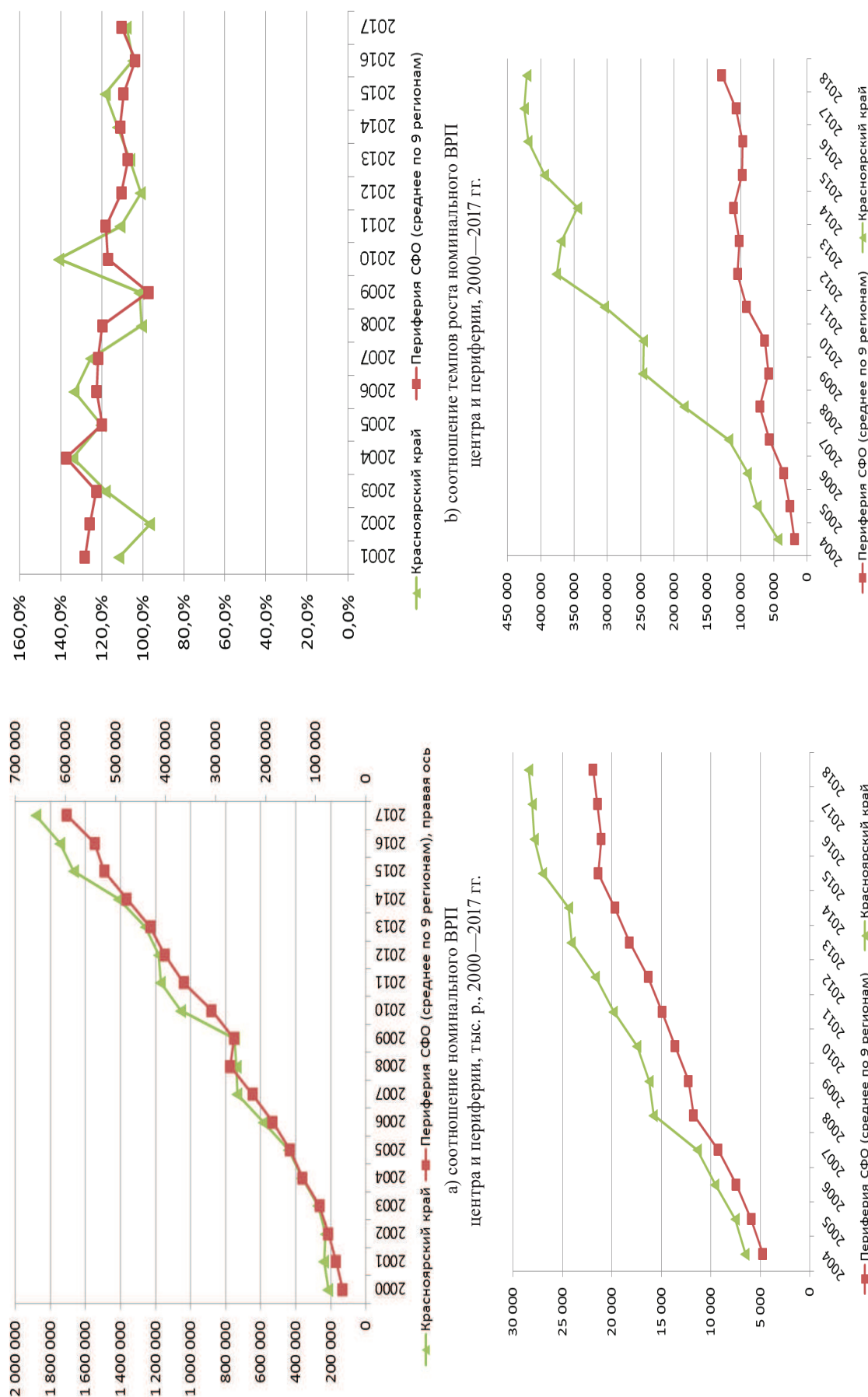

Рис. 8. Сравнительные характеристики центра и периферии в Сибирском федеральном округе

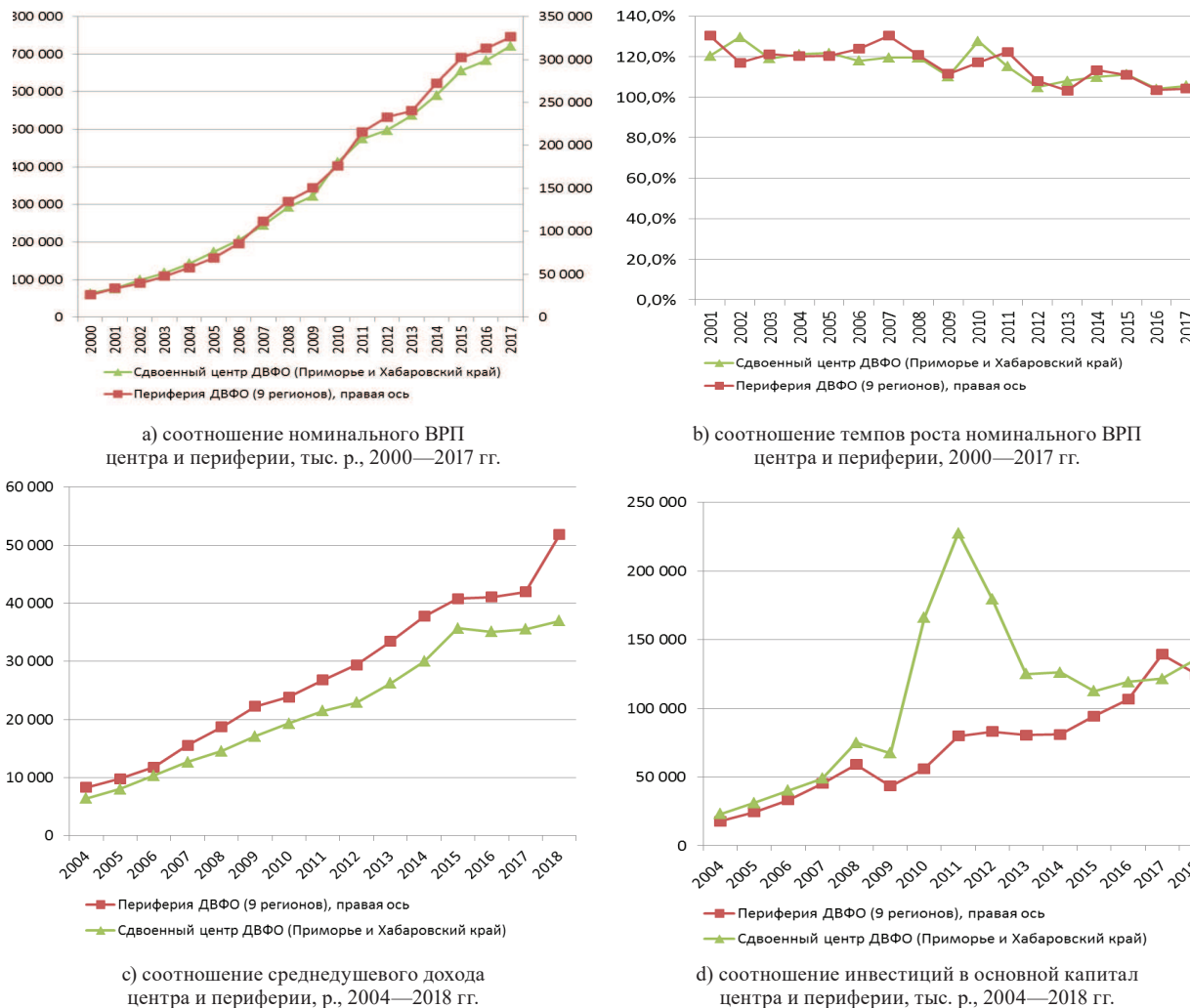

Рис. 9. Сравнительные характеристики центра и периферии в Дальневосточном федеральном округе

Таким образом, предлагаемая концепция выделения в экономике России регионов центров и периферийных региональных экономик имеет право на жизнь и требует дальнейшего развития. Из направлений развития подхода следует отметить:

1) разработку методологического подхода к выявлению регионов-центров, исходя из совокуп-

ности показателей их социально-экономического развития;

2) формирование системы показателей, которые характеризуют тенденции в изменении положения того или иного региона, включая отнесение его к одному из типов: отсталый и депрессивный;

3) проверку гипотезы о наступлении «новой нормальности» на более широкой выборке данных.

Список литературы

1. Angang, Hu. Embracing China's "New Normal" / Hu Angang // Foreign Affairs. — 2015. — № 3.
2. El-Erian, M. A. Navigation the new normal in industrial countries / M. A. El-Erian. — Washington, DC : Per Jacobsson Foundation, 2010.
3. Авдокушин, Е. Ф. «Новая нормальность» мировой экономики и пути ее преодоления / Е. Ф. Авдокушин // Вопр. новой экономики. — 2016. — № 1 (37). — С. 17—23.
4. Бархатов, В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 3 (413). — С. 7—10.
5. Бархатов, В. И. Источники роста промышленного региона в Уральском федеральном округе / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 3 (413). — С. 19—29.

6. Бархатов, В. И. Промышленные рынки Уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц // Управленец. — 2019. — Т. 10, № 3. — С. 83—93.
7. Бодрунов, С. Д. Судьба науки в России в условиях «новой нормальности» / С. Д. Бодрунов // Производство, наука и образование России: новые вызовы : сб. материалов III междунар. конгр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. — 2017. — С. 16—26.
8. Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности / В. С. Бочко // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 2. — С. 342—358.
9. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопр. экономики. — 2018. — № (2). — С. 122—141.
10. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов / А. Г. Гранберг. — 3-е изд. — М. : ГУ ВШЭ, 2003.
11. Кониная, Н. Ю. «Новая нормальность» как важный вопрос мирового развития и фактор изменения в геоэкономической расстановке сил / Н. Ю. Кониная // Экон. науки. — 2017. — № 149. — С. 97—100.
12. Медведев, Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы / Д. А. Медведев // Вопр. экономики. — 2015. — № 10. — С. 5—29.
13. Мозиас, П. Экономика Китая: погружение в новую нормальность / П. Мозиас // Вопр. экономики. — 2015. — № 5. — С. 134—158.
14. Путин, В. Seriously менять модель экономического развития / В. Путин // Междунар. экономика. — 2012. — № 12. — С. 8—10.
15. Рязанов В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? / В. Т. Рязанов // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Экономика. — 2013. — № 4. — С. 3—34.
16. Силин Я. П. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 714—725.
17. Тетерятников К. С. Новая нормальность в мировой и российской экономике / К. С. Тетерятников // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2016. — № 4. — С. 36—43.
18. Толчинская М. Н. Типизация отсталых регионов России и пути преодоления их депрессивности / М. Н. Толчинская // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 4 (17). С. 3.
19. Юдаева К. New Normal для России / К. Юдаева // Эконо. политика. — 2010. — № 6. — С. 196—200

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieoscience@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 43—56.

REGION DEVELOPMENT TRENDS IN THE CONDITIONS OF “NEW NORMAL” AND “NEW REALITY”

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieoscience@csu.ru

The spatial development of Russia, the largest country in the world, remains an important scientific and practical problem. Moreover, any decisions in this area should be based on a detailed and reliable knowledge of the current situation in this area. And this knowledge should be based on a clear methodological base that would explain the emerging trends and give an accurate forecast of the results of certain managerial actions. The article proposes and develops such an approach, based on the identification at the national level among the regions of the centers of the periphery, which are considered under the conditions of “new normal”. The characteristics of the regions-centers and peripheral regions are given, as well as the trends of the main characteristics of the socioeconomic development of centers and peripheries in the context of federal districts are analyzed.

Ключевые слова: *New normal, Center, Periphery, Russian economy, Economy of Regions.*

References

1. Angang Hu. Embracing China's "New Normal". *Foreign Affairs*, 2015, no. 3.
2. El-Erian M. A. *Navigating the new normal in industrial countries*. Washington, DC: Per Jacobsson Foundation. 2010.
3. Avdokushin E.F. "Novaya normal'nost'" mirovoj ekonomiki i puti ee preodoleniy ["New Normality" of the World Economy and the Ways to Overcome It]. *Voprosy novoj ekonomiki* [Questions of the new economy], 2016, no. 1 (37), pp. 17-23. (In Russ.).
4. Barkhatov V.I. K voprosu o vozmozhnosti i faktorah ekonomicheskogo rosta v Rossii [To the question of the possibility and factors of economic growth in Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 7-10. (In Russ.).
5. Barkhatov V.I., Benz D.S. Istochniki rosta promyshlennogo regiona v Ural'skom federal'nom okruge [Sources of industrial region growth in the Ural Federal District]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 19-29. (In Russ.).
6. Barkhatov V.I., Benz D.S. Promyshlennye rynki Ural'skogo regiona: ekonomicheskiy rost v usloviyah "novoj normal'nosti" [Industrial markets of the Ural region: economic growth in the context of the "new normality"]. *Upravlenec* [Manager], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 83-93. (In Russ.).
7. Bodrunov S.D. Sud'ba nauki v Rossii v usloviyah "novoj normal'nosti" [The fate of science in Russia in the context of the "new normality"]. *Proizvodstvo, nauka i obrazovanie Rossii: novye vyzovy Sbornik materialov III mezhdunarodnogo kongressa* [Production, Science and Education of Russia: New Challenges Collection of materials of the III International Congress], 2017, pp. 16-26. (In Russ.).
8. Bochko V.S. Ekonomicheskaya samostoyatel'nost' regionov v usloviyah novej real'nosti [Economic independence of regions in the new reality]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, no. 2, pp. 342-358. (In Russ.).
9. Buzgalin A.V. Zakat neoliberalizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) [The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2018, no. (2), pp. 122-141. (In Russ.).
10. Granberg A.G. *Osnovy regional'noj ekonomiki: uchebnik dlya vuzov. -3-e izd.* [Fundamentals of the regional economy: a textbook for universities. 3rd ed.]. – Moscow, HSE Publ. 2003. p. 418(In Russ.).
11. Konina N.Yu. "Novaya normal'nost'" kak vazhnyj vopros mirovogo razvitiya i faktor izmeneniya v geoekonomicheskoy rasstanovke sil ["New Normality" as an important issue of world development and a factor of change in the geoeconomic balance of power]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2017, no. 149, pp. 97-100. (In Russ.).
12. Medvedev D.A. Novaya real'nost': Rossiya i global'nye vyzovy [New reality: Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2015, no. 10, pp. 5-29. (In Russ.).
13. Mozias P. Ekonomika Kitaya: pogruzhenie v novuyu normal'nost' [Chinese Economy: Immersion in a New Normality]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2015, no. 5, pp. 134-158 (In Russ.).
14. Putin V. Ser'ezno menyat' model' ekonomicheskogo razvitiya [Seriously change the model of economic development]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics], 2012, no. 12, pp. 8-10. (In Russ.).
15. Ryazanov V.T. Neustojchivyy ekonomicheskij rost kak "novaya normal'nost'"? [Unsustainable economic growth as a "new normality"?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], 2013, no. 4, pp. 3-34. (In Russ.).
16. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. "Novaya normal'nost'" v rossijskoj ekonomike: regional'naya specifika ["New Normality" in the Russian economy: regional specificity]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 714-725. (In Russ.).
17. Teteryatnikov K.S. Novaya normal'nost' v mirovoj i rossijskoj ekonomike [New normality in the global and Russian economies]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie* [Management and business administration], 2016, no. 4, pp. 36-43. (In Russ.).
18. Tolchinskaya M.N. Tipizaciya otstalyh regionov rossii i puti preodoleniya ih depressivnosti [Typification of backward regions of Russia and ways to overcome their depression]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 2008, no. 4 (17). (In Russ.).
19. Yudaev K. New Normal dlya Rossii [New Normal for Russia]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2010, no. 6, pp. 196-200. (In Russ.).

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

С. А. Головихин, Е. А. Неживенко, Г. В. Неживенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена проблеме оценки уровня конкурентоспособности региона в мировой экономике. Представлен новый подход к построению методологии оценки конкурентоспособности региона на основе концепции базовых свойств конкурентоспособности. К базовым свойствам конкурентоспособности отнесены сила, быстрота, ловкость и приспособляемость, высота достижений. Раскрываются методические подходы к определению регионального индекса конкурентоспособности, согласованного с глобальным индексом конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Результаты расчетов регионального индекса конкурентоспособности на основе статистической информации представлены по 85 регионам России. Эти результаты создают предпосылки для разработки экономических решений для формирования конкурентных преимуществ и конкурентоспособности региона. Определена конкурентная позиция ряда российских регионов в мировом экономическом пространстве.

Ключевые слова: *регион, конкурентоспособность, региональный индекс конкурентоспособности, базовые свойства конкурентоспособности, глобальная экономика.*

В глобальной экономике существуют страны с большим количеством регионов. К ним относятся Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада, Индия, Китай, Германия, Франция, Бразилия, Мексика и др. Регионы этих стран имеют разный уровень социально-экономического развития и могут конкурировать между собой внутри страны за внутренние и внешние рынки сбыта, привлечение инвестиций, получение кредитов и грантов на региональное развитие, сохранение и привлечение нового населения, научно-технические ресурсы, размещение предприятий и наукоемких кластеров.

Кроме того, некоторые из таких регионов имеют потенциал, сравнимый с целыми странами, и могут быть полноценными участниками конкурентной борьбы в международном масштабе. В таких условиях возникает потребность в оценке конкурентоспособности регионов для того, чтобы инвесторы определяли, какие регионы страны приоритетны для инвестиций, а органы государственного управления получали информацию, необходимую для региональной дифференциации экономической политики. Для этого нужно иметь сравнительную (рейтинговую) характеристику региональной конкурентоспособности, дающую возможность сопоставления с конкурентоспособностью стран.

В настоящее время Всемирным экономическим форумом разработана методика глобального индекса конкурентоспособности, позволяющая оценивать конкурентоспособность стран в целом и выстраивать их рейтинг без разбивки по регионам. В Глобальном индексе конкурентоспособности 4.02018 включены в рас-

смотрение региональные особенности конкурентоспособности [33]. Но регионы при этом рассматриваются не как части внутренней структуры государств, не как отдельные географически выделенные и имеющие собственные системы управления субъекты, входящие в какое-либо государство (штаты, кантоны, субъекты федерации и пр.), а как совокупность географически близких государств (например, Европа, Северная Америка, Восточная Азия и Океания, Ближний Восток и Северная Африка, Евразия, Латинская Америка, Южная Азия, Тропическая Африка). При этом возможность сравнения отдельных регионов в составе национальных экономик с другими странами и внутренними регионами других стран по уровню конкурентоспособности утрачивается. Утрачивается и важный ориентир инвесторов в определении приоритетов и эффективности вложений.

В научной литературе вместе с тем имеются попытки оценки конкурентоспособности внутренних регионов стран. Ряд авторов, такие как Н. И. Ларина и А. И. Макеев [5], В. Е. Андреев [1], Н. Я. Калюжнова [4], Л. Н. Чайникова [13; 14], Л. И. Ушвицкий и В. Н. Парахина [12], Б. М. Гринчель и Н. Е. Костылева [3], И. А. Новоселова [7], В. В. Меркушов [6], выстраивают интегральный показатель региональной конкурентоспособности, который объединяет частные социально-экономические показатели, имеющиеся в официальной статистике.

Следует отметить, что методики указанных выше авторов не опираются на концепцию четырех стадий развития наций Портера [8—11], на которой базируется методика оценки глобального индекса конкуренто-

способности, и не связываются с возможностью сравнения конкурентоспособности региона одной страны с конкурентоспособностью других стран и регионов.

Кроме того, разработанные к настоящему времени методики оценки конкурентоспособности региона базируются на принципе «ресурсы — результат». Частные оценочные показатели подбираются авторами с целью получения сравнительной характеристики экономического потенциала и достигнутого уровня социально-экономического развития региона. Их применение позволяет получить представление о ресурсном потенциале. Эти характеристики важны и должны участвовать в оценке конкурентоспособности региона. Но их не достаточно для характеристики конкурентоспособности региона. В любом соревновании, в том числе в конкурентной борьбе экономических субъектов, выигрывает тот, кто кроме силы и высоты достижений демонстрирует ловкость и быстроту [28].

Таким образом, целью исследования является разработка методики построения регионального индекса конкурентоспособности, гармонизированного с глобальным индексом конкурентоспособности и учитывающего все свойства конкурентоспособности (сила, ловкость, быстрота и высота). Эта методика должна дать возможность получения сравнительной характеристики конкурентоспособности регионов и стран.

Решение проблемы конкурентоспособности региона требует формирования полных научных представлений о тех теоретических и эмпирических подходах, которые в этом плане созданы экономической мыслью. Поэтому теоретические рамки исследования конкурентоспособности региона создаются путем выделения тех элементов существующих теорий и концепций, применение которых целесообразно для обеспечения региональной конкурентоспособности.

Научную основу для исследования конкурентоспособности региона и ее связи с параметрами глобальной конкурентоспособности дают теории: «полюсов роста» Ф. Перру [29], диффузии инноваций Т. Хегерстранда [19], итальянских промышленных округов Дж. Бекаттини, М. Пиоре, С. Сабея [15; 30]; концепции: техно-экономической парадигмы К. Фримэна, К. Переса, Б.-А. Лундвалла [18; 22], «индекса качества» экономической деятельности Э. Райнерта [31; 32]; концептуальные положения теорий, разработанных М. Портером [8—11]; труды М. Энрайта [16; 17], Р. Каплински, Дж. Хамфри, Х. Шмитца [20; 21], Д. Мэйя, Н. Гросжана [23—25], Э. Маркусен [26; 27].

Результатом изучения данных трудов является вывод о том, что исследование конкурентоспособности в экономической среде пока не стало комплексным. Имеются значительные пробелы и методологические

ошибки в таких теориях и концепциях. Это препятствует позитивному развитию научных исследований конкурентоспособности, а в практической области ухудшает качество регионального управления. Сокращению пробелов в науке о конкурентоспособности регионов и созданию ее теоретических основ способствует разработка концепции базовых свойств конкурентоспособности [2. С. 113—117].

Суть этой концепции заключается в том, что конкурентоспособность региона формируется под воздействием совокупности свойств, которыми должен обладать любой соревнующийся за лидерство субъект независимо от природы и формы его представления. Это может быть биологический субъект в природной среде, участник спортивных соревнований, экономический субъект, участвующий в конкурентной борьбе за ресурсы, рынки, предпочтения. К таким универсальным свойствам следует отнести силу, быстроту, ловкость и приспособляемость, высоту достижений. Регион, который сможет сформировать и развивать такие свойства, имеет преимущества в конкурентной борьбе.

Базирование исследования региональной конкурентоспособности на этих научных взглядах означает, что учитывается сама природа, глубинная суть конкурентных отношений. Это значит, что появляется возможность формировать теорию региональной конкурентоспособности и практику управления конкурентоспособностью исходя из истинных содержательных характеристик соревновательности и раскрыть методологию исследования конкурентоспособности региона наиболее полно и точно.

Такой подход позволил сформировать принципиально новый показатель региональной конкурентоспособности (см. рисунок). В его расчете задействовано 123 частных показателя, сведенных в субиндексы факторов и свойств конкурентоспособности.

В основе определения группы субиндексов факторов лежат разработки М. Портера в части его концепции четырех стадий развития наций.

Расчет субиндексов осуществляется с учетом определения значимости каждого из них исходя из стадии развития региона, поскольку на разных стадиях экономического развития факторы конкурентоспособности действуют с разной интенсивностью. При этом для обеспечения возможности отнесения региона к той или иной стадии экономического развития необходимо проводить оценку по двум критериям: уровень жизни, который можно выразить через показатель валового внутреннего продукта на душу населения (табл. 1), и прогрессивность отраслевой структуры валового регионального продукта, определяемую удельным весом сферы услуг в его составе.

Если регион отличается высоким уровнем жизни, но основным источником его доходов являются отрасли, связанные с добычей сырья (при этом региональный экспорт более чем на 70% состоит из минеральных продуктов в среднесрочном периоде), то такой регион следует относить к группе субъектов РФ, для которых характерен переход от первой ко второй стадии.

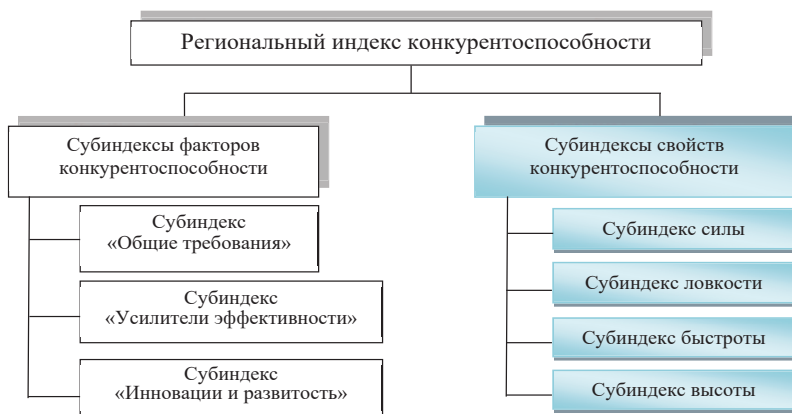
Расчет сводных индексов конкурентоспособности региона по факторам и свойствам предполагает выделение субиндексов, а в их составе групп и подгрупп частных показателей, отражающих принципы формирования рейтинга конкурентоспособности стран, принятых Всемирным экономическим форумом в международных расчетах при построении глобального индекса конкурентоспособности. Таким образом достигается цель гармонизации расчета регионального индекса конкурентоспособности с глобальным индексом конкурентоспособности, что является обязательным условием обеспечения достоверности результатов определения конкурентоспособности региона в глобальной экономике и построения соответствующих сравнительных характеристик, а также принятия управленческих решений в отношении построения политики формирования региональных конкурентных преимуществ.

Расчет региональных индексов по факторам (RIC_f) и свойствам (RIC_p) конкурентоспособности производится по формулам (1) и (2) соответственно:

$$RIC_f = b_R I_R + b_E I_E + b_I I_I, \quad (1)$$

$$RIC_p = S + A + R + H, \quad (2)$$

где b_R, b_E, b_I — коэффициенты значимости субиндексов факторов конкурентоспособности; I_R — субиндекс общих требований; I_E — субиндекс усилителей эффективности; I_I — субиндекс инноваций

Принципиальный подход к формированию обобщающего показателя региональной конкурентоспособности

и развитости; S — субиндекс силы; A — субиндекс ловкости; R — субиндекс быстроты; H — субиндекс высоты.

Расчет показателей индекса проводится на базе официальной статистики.

При построении рейтинга целесообразно группировать регионы следующим образом:

- при расчетном значении индекса от 3 до 7 баллов регион следует относить к группе конкурентоспособных. В ее составе возможно дополнительное выделение подгруппы регионов, имеющих высокий уровень конкурентоспособности (от 5 до 7 баллов), уровень выше среднего (от 4 до 5) и ниже среднего (от 3 до 4);
- при расчетном значении индекса от 1 до 3 баллов регион признается неконкурентоспособным.

Результаты выстраивания рейтинга конкурентоспособности регионов по факторам и свойствам фрагментарно представлены в табл. 2 и 3.

Сравнение полученных результатов расчета регионального индекса конкурентоспособности регионов России позволяет рассматривать региональную конкурентоспособность в глобальном контексте (табл. 4).

Предложенная методология дает основания к построению системы анализа силы и характера

Таблица 1

Принцип отнесения регионов к стадии развития

Показатели	Стадии развития региона				
	Стадия 1: зависимости от факторов производства	Переход от стадии 1 к стадии 2	Стадия 2: зависимости от эффективности	Переход от стадии 2 к стадии 3	Стадия 3: зависимости от инноваций
ВВП на душу населения, долл. США	< 2 000	2 000—2 999	3 000—8 999	9 000—17 000	> 17 000
Доля субиндекса общих требований, %	60	40—60	40	20—40	20
Доля субиндекса усилителей эффективности, %	35	35—50	50	50	50
Доля субиндекса инноваций и развитости, %	5	5—10	10	10—30	30

Таблица 2

Региональный индекс конкурентоспособности по факторам за 2017 г. (фрагмент)

Регион	Общий индекс		Субиндексы					
	Ранг	Индекс	Общие требования		Усилители эффективности		Инновации и развитость	
			Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс
Конкурентоспособные регионы								
<i>Регионы с высоким уровнем конкурентоспособности</i>								
—								
<i>Регионы со средним уровнем конкурентоспособности</i>								
Москва	1	4,401	1	5,095	1	4,848	2	3,193
<i>Регионы с уровнем конкурентоспособности ниже среднего</i>								
Сахалинская область	2	3,988	5	4,549	3	3,529	11	2,845
Тюменская область	3	3,934	4	4,585	4	3,496	80	2,077
Санкт-Петербург	4	3,842	2	5,018	2	3,916	9	2,935
Хабаровский край	5	3,580	10	4,380	5	3,477	24	2,639
Свердловская область	6	3,574	9	4,401	6	3,429	20	2,698
Чукотский АО	7	3,560	60-61	3,941	10	3,316	50	2,398
Республика Саха (Якутия)	8	3,536	58	3,966	14	3,265	74	2,197
Республика Татарстан	9	3,526	3	4,607	7	3,418	7	2,984
Республика Коми	10	3,517	26	4,214	54	2,906	59	2,332
Челябинская область	19	3,373	28	4,202	17	3,199	31-32	2,565
Ростовская область	20	3,371	65	3,896	11	3,285	13	2,797
Московская область	21	3,368	7	4,483	8	3,373	26	2,617
Красноярский край	51	3,207	46	4,062	21-22	3,144	15	2,741
Ленинградская область	72	3,068	6	4,531	34	3,078	81	2,074
Республика Крым	73	3,008	80	3,512	76	2,564	76	2,159
Неконкурентоспособные регионы								
Алтайский край	74	2,987	74	3,709	64	2,809	57	2,349
Республика Дагестан	75	2,968	78	3,655	74	2,659	19	2,709
Республика Тыва	77	2,949	79	3,641	81	2,499	48	2,429
Республика Ингушетия	82	2,613	81	3,273	82	2,189	77	2,091

Таблица 3

Региональный индекс конкурентоспособности по свойствам за 2017 г. (фрагмент)

Регион	Общий индекс		Субиндексы							
	Ранг	Индекс	Силы		Ловкости		Быстроты		Высоты	
			Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс
Конкурентоспособные регионы										
<i>Регионы с высокой конкурентоспособностью</i>										
—										
<i>Регионы со средним уровнем конкурентоспособности</i>										
Москва	1	4,401	1	1,456	1	0,928	10	0,660	23	1,387
<i>Регионы с уровнем конкурентоспособности ниже среднего</i>										
Сахалинская область	2	3,988	3	1,163	70	0,495	1	0,750	2	1,712
Тюменская область	3	3,934	2	1,218	63	0,539	5-7	0,678	1	1,739
Санкт-Петербург	4	3,842	37	0,852	21	0,624	33	0,561	40	1,326
Хабаровский край	5	3,580	8	0,971	7	0,686	18	0,591	20	1,403
Свердловская область	6	3,574	6	0,991	11	0,664	35	0,556	14	1,422
Чукотский АО	7	3,560	9	0,951	6	0,696	37-38	0,548	3	1,609
Республика Саха (Якутия)	8	3,536	4	1,032	76-77	0,471	28	0,572	4	1,601
Республика Татарстан	9	3,526	15	0,916	2-3	0,729	49-50	0,529	36	1,334
Республика Коми	10	3,517	10	0,948	75	0,472	3	0,738	5	1,505
Челябинская область	19	3,373	29	0,868	45-46	0,571	23	0,585	33	1,345
Ростовская область	20	3,371	14	0,917	36	0,594	76	0,448	16	1,415
Московская область	21	3,368	22	0,891	10	0,666	49-50	0,529	65	1,245
Красноярский край	51	3,207	17	0,907	16	0,639	79	0,437	71	1,220
Ленинградская область	72	3,068	67	0,772	25	0,612	53	0,525	79-80	1,131
Республика Крым	73	3,008	74	0,745	80	0,448	39	0,546	11	1,435
Неконкурентоспособные регионы										
Алтайский край	74	2,987	65	0,775	57	0,552	80	0,431	68	1,227
Республика Дагестан	75	2,968	75	0,741	42	0,577	72	0,475	78	1,162
Республика Тыва	77	2,949	79	0,706	81	0,417	14	0,608	59	1,252
Республика Ингушетия	82	2,613	82	0,492	82	0,395	13	0,627	81	1,094

Таблица 4

**Конкурентная позиция российских регионов
в мировом экономическом пространстве (фрагмент) в 2017 г.**

Регион России	Ранг в рейтинге конкурентоспособности регионов России	Региональный индекс конкурентоспособности по факторам	Страна	Ранг страны в рейтинге Всемирного экономического форума	Глобальный индекс конкурентоспособности
Москва	1	4,401	Латвия	49	4,40
Сахалинская область	2	3,988	Кения	96	3,98
Тюменская область	3	3,934	Тунис	95	3,93
Санкт-Петербург	4	3,842	Ливан	101	3,84
Хабаровский край	5	3,580	Камерун	116	3,65
Свердловская область	6	3,574	Гамбия	117	3,61
Челябинская область	19	3,373	Мадагаскар	121	3,40
Красноярский край	51	3,207	Сьерра-Лионе	130	3,20
Алтайский край	74	2,987	Чад	135	2,99
Республика Ингушетия	82	2,613	Йемен	137	2,87

воздействия как факторов, так и свойств региональной конкурентоспособности и синтеза прикладных управленческих решений, лежащих в основе разработки стратегии и тактики социально-экономического развития отдельных регионов, а также государственной региональной экономической политики. Важным аспектом владения предложенной методологией является то, что потенциальные инвесторы получают представление о конкурентоспособности отдельных регионов страны, что будет способствовать формированию инвестиционного решения со сниженным риском.

Следует отметить, что совершенствование методологии построения глобального индекса конкурентоспособности и обновление методики построения рейтинга конкурентоспособности стран мира, принятые в 2018 г. Всемирным экономическим форумом, потребуют изменений и в построении регионального индекса. В частности, это связано с введением новой структуры групп показателей в глобальном индексе конкурентоспособности 4.0.2018:

— создание благоприятных условий (группа 1 «Институты», группа 2 «Инфраструктура», группа 3 «Внедрение ИКТ», группа 4 «Макроэкономическая стабильность»);

— человеческий капитал (группа 5 «Здоровье», группа 6 «Навыки»);

— Рынки (группа 7 «Товарный рынок», группа 8 «Рынок труда», группа 9 «Финансовая система», группа 10 «Размер рынка»);

— Инновационная экосистема (группа 11 «Деловая активность», группа 12 «Инновационные возможности»).

Аналогичные группы показателей необходимо предусмотреть в структуре регионального индекса конкурентоспособности российских регионов, что обеспечит его дальнейшую унификацию с глобальным индексом конкурентоспособности и позволит получать более точную оценку конкурентной позиции российских регионов в мировом экономическом пространстве.

Список литературы

1. Андреев, В. Е. Конкурентоспособность региона и методика ее оценки [Электронный ресурс] / В. Е. Андреев. — URL: <http://www.reklama.rezultat.com/> (дата обращения 12.01.2018).
2. Головихин, С. А. Конкурентоспособность российских регионов : монография / С. А. Головихин, Е. А. Неживенко. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. — 227 с.
3. Гринчель, Б. М. Важнейшие факторы повышения конкурентоспособности регионов [Электронный ресурс] / Б. М. Гринчель, Н. Е. Костылева. — URL: <http://hoster.metod.ru:8086/regionforum/forum/materials/0> (дата обращения 24.08.2018).
4. Калюжнова, Н. Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации / Н. Я. Калюжнова. — М. : ТЕИС (МГУ), 2004. — 526 с.
5. Ларина, Н. И. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов / Н. И. Ларина, А. И. Макеев // Эко. — 2006. — № 10. — С. 2—26.
6. Меркушов, В. В. Интегральная оценка конкурентоспособности регионов / В. В. Меркушов // Региональная наука : сб. науч. тр. — М. : СОПС, 2004. — Т. 1. — С. 205—213.
7. Новоселова, И. А. Интегральная оценка конкурентоспособности экономики регионов [Электронный ресурс] / И. А. Новоселова // Упр. экон. системами. — 2009. — № 1. — URL: <http://www.uecs.ru/uecs-17—172009/item/129-2011-03-22-08-24-17> (дата обращения 28.10.2018).
8. Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов : пер. с англ. / М. Портер. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 454 с.

9. Портер, М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость : пер. с англ. / М. Портер. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 715 с.
10. Портер, М. Конкуренция: пер. с англ. / М. Портер. — М. : Вильямс, 2005. — 608 с.
11. Портер, М. Международная конкуренция: пер. с англ. / М. Портер. — М. : Междунар. отн., 1993. — 896 с.
12. Ушвицкий, Л. И. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние [Электронный ресурс] / Л. И. Ушвицкий, В. Н. Парахина // Сб. науч. тр. СевКазГТУ. Сер.: Экономика. — 2005. — № 1. — URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения 27.03.2018).
13. Чайникова, Л. Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона : монография / Л. Н. Чайникова. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. — 148 с.
14. Чайникова, Л. Н. Разработка методики оценки конкурентоспособности региона [Электронный ресурс] / Л. Н. Чайникова // Вопр. соврем. науки и практики. — 2008. — Т. 1, № 4 (14). — С. 154—165. — URL: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2008/04g/22g_14.pdf (дата обращения 29.10.2018).
15. Becattini, G. From Marshall's to the Italian "Industrial Districts". A Brief Critical Reconstruction / G. Becattini. — URL: <http://www.competitiveness.org/newsletter/files/becattini.pdf> (дата обращения 06.02.2018).
16. Enright, M. J. The Geographical Scope of Competitive Advantage / M. J. Enright // *Stuck in the Region? Changing scales for regional identity* / ed. by E. Dirven, J. Groenewegen, S. van Hoof. — Utrecht, 1993. — P. 87—102.
17. Enright, M. J. Why Clusters are the Way to Win the Game? / M. J. Enright // *World Link*. — No. 5, July/August, 1992. — P. 24—25.
18. Freeman, C. Structural Crises of Adjustment: Business Cycles and Investment Behaviour / C. Freeman, C. Perez // *Technical Change and Economic Theory* / ed. by Dosi G. et al. — Leicester : Pinter Publ., 1988. — P. 38—66.
19. Hagerstrand, T. Innovation Diffusion as a Spatial Process / T. Hagerstrand. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1967. — 350 p.
20. Humphrey, J. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? / J. Humphrey, H. Schmitz // *IDS Working Paper*. — 2002. — 16 p.
21. Kaplinsky, R. Spreading the gains from globalization: what can be learned from value chain analysis? / R. Kaplinsky // *IDS Working Paper* № 110, 2000. — 37 p.
22. Lundvall, B.-Å. The Learning Economy / B.-Å. Lundvall, B. Johnson // *J. of Industry Studies*. — 1994. — Vol. 1. — P. 23—42.
23. Maillat, D. From the industrial district to the innovative milieu: contribution to an analysis of territorialized productive organizations / D. Maillat // *Working Paper 9606b*. — Neuchâtel : Univ. de Neuchâtel, 1996. — 28 p.
24. Maillat, D. Globalization and territorial production systems / D. Maillat, N. Grosjean // *Working Paper 9906b*. — Neuchâtel : Univ. de Neuchâtel, 1999. — 19 p.
25. Maillat, D. Interactions between urban system and localized productive system: An approach to endogenous regional development in terms of innovative milieu / D. Maillat // *Working Paper 9701b*. — Neuchâtel : Univ. de Neuchâtel, 1997. — 20 p.
26. Markusen, A. Regions: Economics and Politics of Territory / A. Markusen. — London : Rowman and Littlefield Publ., 1987.
27. Markusen, A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts / A. Markusen // *Economic Geography*. — Vol. 72, iss. 3, July 1996. — P. 293—313.
28. Regional Index of Competitiveness of Russian Regions / E. Nezhivenko, S. Golovikhin, T. Dubynina, A. Dolinskaia // *Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020*. — 2018. — 25—26 April, Milan. — P. 4921—4932.
29. Perroux, F. Economic space: theory and applications / F. Perroux // *Quarterly J. of Economics*. — 1950. — Vol. 64. — P. 89—104.
30. Piore, M. The second industrial divide: Possibilities for prosperity / M. Piore, C. Sabel. — N.Y. : Basic Books, 1984. — 234 p.
31. Reinert, E. S. Catching-up from Way Behind — a Third World Perspective on First World History / E. S. Reinert // *Catching-up, Forging ahead, and Falling Behind. On the Dynamics of Technology, Trade, and Growth* / ed. by J. Fagerberg et. al. — London : Edward Elgar, 1994. — P. 168—197.
32. Reinert, E. S. Competitiveness and its predecessors — a 500-year cross-national perspective / E. S. Reinert // *STEP GROUP, Report* № 03-94. — Oslo, 1994. — 32 p.
33. *The Global Competitiveness Report 2016—2017*. — Geneva : World Economic Forum, 2016. — 400 p.
34. *The Global Competitiveness Report 2018*. — Geneva : World Economic Forum, 2018. — 671 p.

Сведения об авторах

Головихин Сергей Александрович — доктор экономических наук, доцент, декан факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. decanatupr@csu.ru

Неживенко Елена Алексеевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. mrcpk@list.ru

Неживенко Григорий Викторович — аспирант факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nezhivenkogr@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 57—64.*

COMPETITIVENESS OF THE REGION IN THE GLOBAL ECONOMY

S.A. Golovikhin

Chelyabinsk state University, Chelyabinsk, Russia. decanatupr@csu.ru

E.A. Nezhivenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mrcpk@list.ru

G.V. Nezhivenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nezhivenkogr@mail.ru

The article is devoted to the problem of assessing the level of competitiveness of the region in global economy. A characteristic of a new approach to the construction of a methodology for assessing the competitiveness of the region based on the concept of the basic properties of competitiveness is given. The basic properties of competitiveness include strength, speed, agility and adaptability, the height of achievements. Methodical approaches to the definition of the regional competitiveness index harmonized with the global index of competitiveness from the World Economic Forum are disclosed. The results of calculations of the regional competitiveness index which is defined of 123 indicators grouped into three sub-indices (each of which characterizes the main factors of competitiveness of the region) and four sub-indices (each of which characterizes the properties of competitiveness of the region) based on statistical information are presented for 85 Russian regions. These results create the prerequisites for the development of economic solutions for the formation of competitive advantages and competitiveness of the region. The competitive position of a number of Russian regions in the global economic space is determined.

Keywords: *region, competitiveness, regional index of competitiveness, basic characteristics of competitiveness, global economy.*

References

1. Andreyev V.Ye. *Konkurentosposobnost' regiona i metodika yeye otsenki* [Competitiveness of the region and the method of its assessment]. Available at: <http://www.reklama.rezultat.com/>, accessed 12.01.2018. (In Russ.).
2. Golovikhin S.A. *Konkurentosposobnost' rossiyskikh regionov* [Competitiveness of Russian regions]. Chelyabinsk, 2017. 227 p. (In Russ.).
3. GrinChel' B.M. *Vazhneyshiye faktory povysheniya konkurentosposobnosti regionov* [The most important factors for improving the competitiveness of regions]. Available at: <http://hoster.metod.ru:8086/regionforum/forum/materials/0>, accessed 24.08.2018. (In Russ.).
4. Kalyuzhnova N.Ya. *Konkurentosposobnost' rossiyskikh regionov v usloviyakh globalizatsii* [Competitiveness of Russian regions in the context of globalization]. Moscow, TEIS (MGU) Publ., 2004. 526 p. (In Russ.).
5. Larina N.I. *Klasterizatsiya kak put' povysheniya mezhdunarodnoy konkurentosposobnosti strany i regionov* [Clustering as a way to improve the international competitiveness of the country and regions]. *Eko* [Eko]. 2006, no. 10, pp. 2-26. (In Russ.).
6. Merkushev V.V. *Integral'naya otsenka konkurentosposobnosti regionov* [Integral assessment of regional competitiveness]. *Regional'naya nauka* [Regional Science]. Moscow, SOPS Publ., 2004. Vol. 1, pp. 205-213. (In Russ.).
7. Novoselova I.A. *Integral'naya otsenka konkurentosposobnosti ekonomiki regionov* [Integral assessment of the competitiveness of the regional economy]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami* [Management of economic systems], 2009, no. 1. Available at: <http://www.uecs.ru/uecs-17-172009/item/129-2011-03-22-08-24-17>, accessed 10.28.2018. (In Russ.).

8. Porter M. Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otrasley i konkurentov [Competitive strategy: A technique for analyzing industries and competitors]. *Al'pina Biznes Buks* [Alpina Business Books]. 2005. 454 p. (In Russ.).
9. Porter M. *Konkurentnoye preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' yego ustoychivost'* [Competitive advantage: How to achieve high results and ensure its sustainability]. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2005. 715 p. (In Russ.).
10. Porter M. *Konkurentsia* [Competition]. Moscow, Williams Publ., 2005. 608 p. (In Russ.).
11. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia* [International Competition]. Moscow, 1993. 896 p. (In Russ.).
12. Ushvitskiy L.I. Konkurentosposobnost' regiona kak novaya realiya: sushchnost', metody otsenki, sovremennoye sostoyaniye [Competitiveness of the region as a new reality: the essence, assessment methods, current state]. *Sbornik nauchnykh trudov SevKazGTU* [Collection of scientific works of the North Kazakhstan State Technical University], 2005, no. 1. Available at: <http://www.ncstu.ru>, accessed 03.27.2018. (In Russ.).
13. Chaynikova L.N. *Metodologicheskiye i prakticheskiye aspekty otsenki konkurentosposobnosti regiona* [Methodological and practical aspects of assessing the competitiveness of a region]. Tambov, Publishing House Tamb. state tech. University, 2008. 148 p. (In Russ.).
14. Chaynikova L.N. Razrabotka metodiki otsenki konkurento-sposobnosti regiona [Development of a methodology for assessing the competitiveness of a region]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice], 2008, vol. 1, no. 4 (14), pp. 154-165. Available at: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2008/04g/22g_14.pdf, accessed 10.29.2018. (In Russ.).
15. Becattini, G. *From Marshall's to the Italian "Industrial Districts". A Brief Critical Reconstruction*. Available at: <http://www.competitiveness.org/newsletter/files/becattini.pdf>, accessed 06.02.2018.
16. Enright M.J. The Geographical Scope of Competitive Advantage. *Stuck in the Region? Changing scales for regional identity*. Utrecht, 1993. Pp. 87-102.
17. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? *World Link*, 1992, no. 5, July/August, pp. 24-25.
18. Freeman C. Structural Crises of Adjustment: Business Cycles and Investment Behaviour. *Technical Change and Economic Theory*. Leicester, Pinter Publishers, 1988. Pp. 38-66.
19. Hagerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 350 p.
20. Humphrey J. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *IDS Working Paper*, 2002. 16 p.
21. Kaplinsky, R. Spreading the gains from globalization: what can be learned from value chain analysis? *IDS Working Paper*, 2000, no. 110. 37 p.
22. Lundvall B.-Å. The Learning Economy. *Journal of Industry Studies*, 1994, vol. 1, pp. 23-42.
23. Maillat D. From the industrial district to the innovative milieu: contribution to an analysis of territorialized productive organizations. *Working Paper 9606b*. Neuchâtel: Université de Neuchâtel, 1996. 28 p.
24. Maillat D. Globalization and territorial production systems. *Working Paper 9906b*. Neuchâtel, Université de Neuchâtel, 1999. 19 p.
25. Maillat D. Interactions between urban system and localized productive system: An approach to endogenous regional development in terms of innovative milieu. *Working Paper 9701b*. Neuchâtel, Université de Neuchâtel, 1997. 20 p.
26. Markusen A. *Regions: Economics and Politics of Territory*. London, Rowman and Littlefield Publishers, 1987.
27. Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts. *Economic Geography*, 1996, vol. 72, iss. 3, July, pp. 293-313.
28. Nezhivenko E. Regional Index of Competitiveness of Russian Regions. *Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020*. 2018. 25-26 April, Milan, pp. 4921-4932.
29. Perroux F. Economic space: theory and applications. *Quarterly Journal of Economics*, 1950, vol. 64, pp. 89-104.
30. Piore M. *The second industrial divide: Possibilities for prosperity*. N.Y., Basic Books, 1984. 234 p.
31. Reinert E.S. Catching-up from Way Behind — a Third World Perspective on First World History. *Catching-up, Forging ahead, and Falling Behind. On the Dynamics of Technology, Trade, and Growth*. London, Edward Elgar, 1994. Pp. 168-197.
32. Reinert E.S. Competitiveness and its predecessors — a 500-year cross-national perspective. *STEP GROUP*, Report № 03-94. Oslo, 1994. 32 p.
33. *The Global Competitiveness Report 2016-2017*. Geneva: World Economic Forum, 2016. 400 p.
34. *The Global Competitiveness Report 2018*. Geneva: World Economic Forum, 2018. 671 p.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ДОКТРИНЫ ВСТРАИВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

О. В. Брижак

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Раскрывается содержание доктрины встраивания пространственных систем в мировую экономику, раскрывающей сложноорганизованный двусторонний процесс изменений, ориентированный на обеспечение потребностей функционирования и развития системы, где преобразуются и встраиваемый системный субъект — от корпорации до национальной экономики, и принимающая его система — от региональной экономики до глобальной экономики, — в которой он призван функционировать. Показано, что эта доктрина предназначена обеспечить продуктивное взаимодействие сложных систем в условиях ускоряющихся преобразований и предполагает переход к качественно новой, гибкой и одновременно устойчивой организации взаимодействия между территориями, местными хозяйствами, для чего востребованы инновационные кластерные структуры, новые промышленные районы, города, обладающие значительным научно-образовательным потенциалом, развитой инфраструктурой и вписанные в глобальные сетевые взаимодействия. Анализируются приоритетные направления исследования в рамках доктрины встраивания, имеющие важное значение для российской экономики в области технологического, институционального и эволюционного развития. На основе результатов исследования разработана стратегия управления процессом встраивания пространственных систем в мировую экономику в современных условиях новой экономической реальности. Учитывая многогранность и многоаспектность исследуемой предметной области, автор использует концептуальные возможности воспроизводственного и институционального подходов, современной теории стратегирования, коллективного планирования, теории контрактов, технологии таргетирования.

Ключевые слова: *доктрина встраивания, технологический уклад, инновации, мирохозяйственный уклад, пространственная система, институты, контракты, кластер, интеллектуальный капитал.*

Переплетение глубоких технологических сдвигов, свидетельствующих о становлении шестого уклада, динамичных преобразований организационных механизмов, пронизывающих все уровни хозяйственных связей, институциональных изменений, затрагивающих сообщества различных масштабов, стало отличительным признаком современного этапа социально-экономического развития. Под воздействием трансформационных процессов в экономике ослабляется и подрывается системное взаимодействие, что в полной мере относится и к России. Процессы преобразований, идущие с разной скоростью, с разной глубиной, порождают потребность для различных системных объектов входить в эти процессы, взаимно встраиваться один в другой, приспособливаться. Экономическая наука не осталась в стороне от указанных преобразований и отреагировала на них введением в свой оборот доктрины встраивания.

В современной научной литературе понятие «доктрина» несколько размыто и не до конца сформировано [6; 7; 15; 17]. Представление о доктрине

предполагает некоторую систему теоретических положений, связанную концепцию, совокупность принципов о какой-либо области явлений.

Если говорить о доктрине встраивания, то она представляет собой сложно организованный двусторонний процесс изменений, ориентированный на обеспечение потребностей функционирования и развития системы, где преобразуются и встраиваемый системный субъект — от корпорации до национальной экономики, и принимающая его система — от региональной экономики до глобальной экономики, — в которой он призван функционировать.

Для чего востребована такая доктрина? Чтобы обеспечить продуктивное взаимодействие сложных систем в условиях ускоряющихся преобразований. При этом неравномерность развития задает некую комбинацию приоритетов, которые лежат в основании доктрины встраивания, ими являются человек, наука и технологии.

Положение России в этом плане удручающее. На образование приходится 4% ВВП, а не 6%,

как в развитых странах, на здравоохранение — 5 % ВВП, (в Европе — 10,2 %, в Америке — 17 %) [1. С. 20].

Существенную стратегическую угрозу конструктивному встраиванию пространственных систем в экономику несет ее отставание в инвестировании НИОКР. Так, доля расходов на НИОКР в ВВП Кореи составляет 4,3 % ВВП, Японии — 3,6 %, Китая — 2 %. В России данный показатель приближается к 1,2 %, немногим опережая такие страны, как Бразилия и Индия [18]. Значительную долю расходов на научные исследования и разработки несет корпоративный сектор, по данным Инжинирингового химико-технологического центра, отечественный корпоративный сектор осуществляет около 60 % расходов на научно-исследовательские разработки при низкой отдаче от данных вложений. По данным названного источника, вклад России в мировое высокотехнологичное научное производство составляет всего лишь 0,3 % [9; 12; 14].

В последние годы Россия не столько интегрируется в мировую экономику, сколько отчуждается от ее ядра развития и выдавливается на дальнюю периферию. Для перелома такой тенденции востребован интеллектуальный капитал, который способен формировать высокопродуктивные капитальные комбинации. Однако корпоративный капитал сырьевой экономики России за последние годы резко снизил запрос на интеллектуальный капитал и слабо заинтересован в его воспроизводстве.

Возвращаясь к доктрине встраивания, следует отметить, что наряду с использованием интеллектуального капитала, генерирующего новые идеи, знания, необходимы качественно новые, эластичные и прочные связи между регионами, отраслями, муниципалитетами, для чего востребованы инновационные кластерные структуры, новые промышленные районы, города, обладающие достаточными научными возможностями, креативным потенциалом, развитой системой специфических институтов и встроенные в глобальные сетевые связи [4. С. 109]. Однако отечественная практика в данной сфере создает деформированные результаты экономической интеграции, формируя макрорегиональные образования, принимающие важные региональные решения в отрыве от ресурсных и производственных возможностей; подменяется процесс кластеризации созданием небольших кластеров, не имеющих между собой семантических связей и испытывающих давление местных органов власти.

Доктрина встраивания предполагает опору развития отечественной экономики на собственную тех-

нологическую базу, однако такая база была в значительной мере подорвана в 1990-х гг. Представляется, что определенную роль здесь сыграл перенос чужеродных институтов и технологий. В итоге актуальные процессы информатизации, компьютеризации приобрели в российской экономике сугубо надстроечный характер, не пустили в ней корни. Страна ориентируется на импорт технологий, оборудования, норм, стандартов современных бизнес-процессов, что подтверждает индекс глобальной конкурентоспособности, включающий 12 контрольных показателей, среди которых: качество институтов, уровень технологического развития, инновационный потенциал, конкурентоспособность фирм, развитость финансовых рынков и др. Согласно указанному показателю, Россия занимает 43-е место из 140 стран, уступая Латвии, Литве, Словении, Польше. При этом индекс глобальной конкурентоспособности России равен 65,6; для сравнения, данный индекс США равен 85,6, Сингапур — 83,5, Германия — 82,8, Тайвань — 79,3, Израиль — 76,6, Китай 72,6 [13].

Формируя доктрину встраивания в преобразуемую мировую экономику, необходимо учитывать требования к институтам. Мир переходит к новому институциональному укладу, обновляются способы упорядочивания экономических отношений. Если еще сто лет назад можно было от деда к внуку передать весь уклад хозяйственной жизни — договоры, нормы права и прочее, то сейчас, вступая в хозяйственную жизнь, необходимо пройти несколько циклов обновления институтов, способов упорядочивания организации экономических отношений. На наших глазах ежегодно меняются нормы права, регулирующие рынки, обновляются формы контрактов, формы экономического поведения, статусы.

Доктрина встраивания предполагает существенное изменение характера проводимой экономической политики. Те национальные проекты, которые были выдвинуты в начале года и начинают реализоваться, представляют собой правильный шаг в таком изменении, но слишком робкий, не соответствующий императивам мировой конкуренции. В частности, в них не реализованы даже те возможности, которые были заложены в ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» [16], принятом несколько лет назад.

Процессом встраивания национальной экономики в мировую экономику можно и нужно управлять, используя возможности современного менеджмента. Упомянем здесь возможности

стратегирования — стратегического управления, рассматриваемого в рамках воспроизводственного подхода [3]. Востребованы стратегические сценарии управления процессом встраивания, предполагающие выдвигание стратегических целей развития системы экономики, с их четким согласованием, интеграцией возможностей целеполагания и проектирования институтов развития с учетом поставленных перспективных целей пространственного развития, соотнесения результатов функционирования сформированных институтов территориального развития со стратегическими целями первой группы и перехода к постановке следующей группы стратегических целей, что расширило оценку продуктивности данных институтов и соотнесения их с вновь возникшими императивами развития национальной экономики в процессе системных социально-экономических преобразований. Мы уже долгие годы находимся в процессе бессистемной смены стратегических целей и постоянного приспособления нашей текущей политики к этим меняющимся целям. Цели выдвигаются, потом проходят годы, и выясняется, что они не достигнуты, выдвигается следующая совокупность целей и т. д.

С учетом приведенных положений сформулируем требования к доктрине встраивания российской экономики в мировую экономику:

— необходимо учитывать сложные условия взаимодействия многих трансформационных процессов, требующих поиск и поддержание поэтапного сбалансированного развития национальной экономики согласно преобразованиям в мировой экономике;

— необходимо учитывать соответствие выдвигаемых целей и задач возможностям их достижения, чтобы обеспечить встраивание национальной экономики в общий процесс системных преобразований на каждом этапе инновационных преобразований, что требует других решений и подходов. Для решения данного требования необходим четкий контроль гражданского общества за процессом инвестирования корпоративного капитала в развитие высокотехнологичного производства, новых идей, способов организации экономических отношений, инновационных проектов и пр.;

— требуется развитие высококачественных компетенций человеческого фактора на стыке междисциплинарных возможностей, применение которых позволит сформировать квалифицированную базу специалистов, таргетируя постановку стратегических целей — поиск средств для их достижения — контроль достигнутых результатов;

— необходимо развитие интеллектуального капитала как генератора инноваций. В современной экономике корпорации, базирующиеся на вертикальных способах координации экономических связей, не соответствуют требованиям конкурентоспособности. На смену им приходят мягкие, гибкие формы, для которых детерминантом является нарастающая скорость социально-экономических преобразований [Там же].

Острота проблемы обеспечения социально ориентированной модели пространственного развития в российской экономике в условиях перехода к новым формам и технологиям организации экономических отношений повышает значимость разработки соответствующих форм взаимодействия участников данного процесса, соответствующих инструментов институционально-хозяйственного характера, которыми являются особые контракты (стратегические, специфицированные и партнерские).

Выделим здесь аспект эффективного взаимодействия между корпорациями и территориальными хозяйствами, предполагающего эффективное сотрудничество, согласование интересов, равномерное распределение ресурсов и др. Представляется, что к одному из инструментов стратегического управления встраиванием принадлежит предлагаемый нами стратегический контракт между территориальным образованием и крупными корпорациями [8. С. 54].

Взаимодействие крупных корпораций и субъектов малого и среднего бизнеса необходимо для реализации кластерных программ, закрепляющих их институциональные связи и деловую активность в рамках территориальных образований. Вне таких связей предприниматели смогут привлечь необходимые средства и обеспечить инфраструктурную платформу [2; 10. С. 135; 11]. Поэтому важнейшую роль в кластеризации хозяйственных пространств играет институт стратегического планирования, с помощью которого осуществляются долгосрочное функционирование кластера и выполнение инновационных проектов его участниками. Разработка специфицированных контрактов [5] обеспечит расширение сферы экономических, финансовых и политических интересов участников контракта, доступ малых и средних фирм к госзаказам, установление личных связей, закрепленных сильным авторитетом административного и корпоративного ресурса. Так, специфицированные контракты мы предлагаем, потому что есть ситуации, где нужно притереть и приспособить

отношения. Долгосрочный период взаимного приспособления, встраивания, позволяет продумать форму данного контракта, многолетние отношения позволяют что-то перевести на доверие, многое защитить определенными средствами защиты, например страхованием, и разработать детализированный, проработанный, четкий контракт, который позволит учесть двусторонние интересы субъектов крупного, малого, среднего бизнеса [3].

Интеграция интеллектуального капитала в экономику и социальную сферу является императивом дальнейшего развития России, как сказано выше. Если корпорация, государство, пространственные субъекты заинтересованы в инвестировании в интеллектуальный капитал, то такие инвестиции должны быть защищены долгосрочными контрактами с субъектом, обладающим указанным капиталом или предпосылками его формирования. В основе партнерских контрактов лежит понятие интеллектуального капитала, которое зачастую сводится к какому-то доверию, надстройке над обычной рабочей силой, а ведь это другое качество экономических отношений, отсюда — предложение: особый контракт между обладателем указанного капитала и корпорацией, предполагающий форму бизнес-партнерства [Там же].

В поисках выхода из сценария затяжного системного кризиса для современной России интересен опыт Китая, где была реализована стратегия «непрямого действия». В частности, китайское правительство расширило инвестиции на приоритетных направлениях развития сельского хозяйства и национальной промышленности, усилило финансовую

и организационную поддержку микросубъектов бизнеса, сформировало институты развития новой экономики, использовало инструменты диалога с внешними инвесторами, искавшими защищенные зоны для вложения средств в условиях глобальной рецессии. Для согласованного выхода системы национальной экономики из современной стагнации необходимо соответствие долгосрочных стратегических целей, реализуемых на макроуровне и в корпоративном секторе относительно развития интеллектуального капитала, нематериальных активов, финансового рынка, инвестиционного процесса и др. Если мы не успеем встроиться в ядро нового технологического уклада и сформировать институты нового мирохозяйственного уклада, то мы останемся в периферийном положении, на обочине эволюционного и социально-экономического прогресса.

В завершение — о темпоральном императиве встраивания. Когда речь идет о встраивании, очень важно сосредоточиться на времени этого процесса. Процесс встраивания тяготеет к настоящему времени, к реальности. Если мы встраиваемся в систему экономики, оглядываясь на вчерашний день, на вчерашние ценности, постулаты, идеи, институты, — мы обречены на неудачу. Если мы далеко заглядываем в будущее, беря какие-то туманные образы будущего, прогнозные оценки применяем к текущему дню, мы получим такой же разлад. Только один способ встраивания «обречен» на позитивный результат — исходить из сегодняшнего дня — из реалий, которые есть. Они есть — в них надо встраиваться.

Список литературы

1. Аганбегян, А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста / А. Г. Аганбегян // Экон. возрождение России. — 2019. — № 2 (60). — С. 17—23.
2. Белова, И. А. Влияние программ поддержки малого и среднего бизнеса в России на их успешное функционирование / И. А. Белова, В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации : сб. тр. междунар. науч. конф. — Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2016. — С. 147—151.
3. Брижак, О. В. Конформирование корпоративного капитала в условиях системных социально-экономических преобразований / О. В. Брижак. — Краснодар : ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2018. — 302 с.
4. Галазова, С. С. Оценка ресурсного потенциала социально-инновационного развития федерального округа / Т. Г. Краснова, Т. Н. Плотникова // Корпоратив. упр. и инновац. развитие экономики Севера : вестн. Науч.-исслед. центра корпоратив. права, упр. и венчур. инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. — 2016. — № 4. — С. 106—111.
5. Городецкий, А. Е. Теория планирующих систем Гэлбрейта и уроки российских административных реформ / А. Е. Городецкий // Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. — М. : Культур. революция, 2017. — С. 285—318.
6. Данилов-Данильян, А. В. Корректировка экономического курса в рамках либеральной доктрины / А. В. Данилов-Данильян // Экономика и упр. собственностью. — 2006. — № 1. — С. 2—8.

7. Ерзнкян, Б. А. Доктрина академика Львова против неолиберальной доктрины: сопоставление структуры и логики исследовательских программ / Б. А. Ерзнкян // Вестн. Ун-та (Гос. ун-т упр.). — 2016. — № 6. — С. 62—68.
8. Брижак, О. В. Стратегические аспекты конформирования корпоративного капитала российской экономики / О. В. Брижак, А. А. Ермоленко // Экон. наука соврем. России. — 2018. — № 3 (82). — С. 48—61.
9. Национальный доклад об инновациях в России — 2017 год [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (дата обращения 28.09.2018).
10. Плетнев, Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний / Д. А. Плетнев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2019. — № 3 (425). — С. 132—139.
11. Плетнев, Д. А. Корпорация как институциональная система : монография : в 2 ч. Ч. 2 / Д. А. Плетнев. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. — 206 с.
12. Расходы на НИОКР. Институт комплексных стратегических исследований [Электронный ресурс] // События и комментарии. — 2018. — № 16 (45). — URL: http://icss.ru/images/pdf/research_pdf/20161116.pdf (дата обращения 16.07.2019).
13. Рейтинг глобальной конкурентоспособности стран (Global Competitiveness Index) за 2017—2018 годы [Электронный ресурс] // Сайт всемирного экономического форума. — URL: <https://www.weforum.org/> (дата обращения 10.07.2019).
14. Сайт ИХТЦ: Исследования и разработки [Электронный ресурс]. — URL: <http://ect-center.com/blog/rashodi-niokr> (дата обращения 02.08.2019).
15. Сигов, В. И. Формирование национально-государственной социально-экономической доктрины / В.И. Сигов // Журн. правовых и экон. исслед. — 2012. — № 2. — С. 29—32.
16. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 10.08.2019).
17. Шапиро, Н. А. Экономические доктрины и угрозы рынку / Н. А. Шапиро // Проблемы взаимодействия хозяйствующих субъектов реального сектора экономики России: финансово-экономический социально-политический, правовой и гуманитарный аспекты : сб. науч. статей. — СПб., 2011. — С. 61—64.
18. Каковы объемы инвестиций стран в НИОКР? Новый инструмент ЮНЕСКО для сбора данных выявил перспективных инвесторов [Электронный ресурс] // Статистический институт ЮНЕСКО (Монреаль, Канада). — URL: <http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single> (дата обращения 10.07.2019).

Сведения об авторе

Брижак Ольга Валентиновна — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и инвестиций Института экономики, управления и бизнеса Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. brizhak71@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 65—71.*

INSTITUTIONAL AND TECHNOLOGICAL DOMINANTS OF THE DOCTRINE OF INTEGRATING SPATIAL SYSTEMS IN THE WORLD ECONOMY

O.V. Brizhak

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia. brizhak71@mail.ru

The article reveals the content of the doctrine of embedding spatial systems in the global economy, revealing a complex organized two-way process of change, focused on meeting the needs of the functioning and development of the system, where the embedded system subject is transformed - from the corporation to the national economy - and its host system - from the regional economy to global economy - in which it is called to function. It is shown that this doctrine is designed to ensure the productive interaction of complex systems in the context of accelerating transformations and involves a transition to a qualitatively new, flexible

and at the same time sustainable organization of interaction between territories, local economies, for which innovative cluster structures, new industrial areas, cities with significant scientific knowledge are in demand — educational potential, developed infrastructure and inscribed in global network interactions. The article analyzes the priority areas of research within the framework of the doctrine of embedding, which are important for the Russian economy in the field of technological, institutional and evolutionary development. Based on the results of the study, a strategy has been developed for managing the process of embedding spatial systems in the world economy in modern conditions of a new economic reality. Given the versatility and multidimensionality of the studied subject area, the author used the conceptual possibilities of reproductive and institutional approaches, the modern theory of strategy, collective planning, theory of contracts, and targeting technology.

Keywords: *embedding doctrine, technological structure, innovation, world economy, spatial system, institutions, contracts, cluster, intellectual capital.*

References

1. Aganbegyan A.G. O preodolenii stagnatsii, retsessii i dostizhenii pyatiprotsentnogo rosta [On Overcoming Stagnation, Recession and Achieving Five Percent Growth]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [Economic Revival of Russia], 2019, no. 2 (60), pp. 17-23. (In Russ.).
2. Belova I.A., Barkhatov V.I., Pletnev D.A. Vliyaniye programm podderzhki malogo i srednego biznesa v Rossii na ikh uspeshnoye funktsionirovaniye [The impact of support programs for small and medium-sized businesses in Russia on their successful functioning]. *Metodologiya ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiia v usloviakh novoi industrializatsii* [Methodology of sustainable economic development in the context of a new industrialization, proceedings of an international scientific conference]. Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2016. 287 p.
3. Brizhak O.V. *Konformirovaniye korporativnogo kapitala v usloviakh sistemnykh sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy* [Conforming corporate capital in the context of systemic socio-economic transformations]. Krasnodar, 2018. 302 p. (In Russ.).
4. Galazova S.S., Krasnova T.G., Plotnikova T.N. Otsenka resursnogo potentsiala sotsial'no-innovatsionnogo razvitiya federal'nogo okruga [Assessment of the resource potential of social and innovative development of the federal district]. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2016. no. 4, pp. 106-111. (In Russ.).
5. Gorodetskiy A.Ye. Teoriya planiruyushchikh sistem Gelbreyta i uroki rossiyskikh administrativnykh reform [Galbraith's theory of planning systems and lessons from Russian administrative reforms]. Gelbreyt: vozvrashchenie [Galbraith: The Return]. Moscow, Cultural Revolution Publ., 2017. Pp. 285-318. (In Russ.).
6. Danilov-Danil'yan A.V. Korrektirovka ekonomicheskogo kursa v ramkakh liberal'noy doktriny [The adjustment of the economic course in the framework of the liberal doctrine]. *Ekonomika i upravleniye sobstvennost'yu* [Economics and Property Management], 2006, no. 1, pp. 2-8. (In Russ.).
7. Yerznkyan B.A. Doktrina akademika L'vova protiv neoliberal'noy doktriny: sopostavleniye struktury i logiki issledovatel'skikh programm [The doctrine of academician Lvov against the neoliberal doctrine: a comparison of the structure and logic of research programs]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*. [University Herald (State University of Management)], 2016, no. 6, pp. 62-68. (In Russ.).
8. Brizhak O.V., Yermolenko A.A. Strategicheskiye aspekty konformirovaniya korporativnogo kapitala rossiyskoy ekonomiki [Strategic Aspects of Conforming Corporate Capital of the Russian Economy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia], 2018, no. 3 (82), pp. 48-61. (In Russ.).
9. Natsional'nyy doklad ob innovatsiyakh v Rossii — 2017 god [National Innovation Report in Russia — 2017]. Available at: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf, accessed 28.09.2018. (In Russ.).

10. Pletnev D.A. Trudnaya sud'ba rossiyskikh bystrorastushchikh kompaniy [The difficult fate of Russian fast-growing companies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2019, no. 3 (425), pp. 132-139. (In Russ.).

11. Pletnev D.A. Korporatsiya kak institutsional'naya sistema: v 2 ch. Ch. 2 [Corporation as an institutional system: in 2 pt. Pt. 2]. Chelyabinsk, Publishing House Chelyab. State University, 2019. 206 p. (In Russ.).

12. Raskhody na NIOKR. Institut kompleksnykh strategicheskikh issledovaniy [R&D expenses. Institute for Integrated Strategic Studies. *Sobytiya i kommentarii*. [Events and Comments], 2018, no. 16(45). Available at: http://icss.ru/images/pdf/research_pdf/20161116.pdf, accessed 16. 07.2019. (In Russ.).

13. Reyting global'noy konkurentosposobnosti stran (Global Competitiveness Index) za 2017-2018 gody [Global Competitiveness Index for the years 2017-2018]. *Website of the World Economic Forum*. Available at: <https://www.weforum.org/>, accessed 10.07.2019. (In Russ.).

14. *Sayt IKHTTS: Issledovaniya i razrabotki* [IHTC Website: Research and Development]. Available at: <http://ect-center.com/blog/rashodi-niokr>, accessed 02.08.2019. (In Russ.).

15. Sigov V.I. Formirovaniye natsional'no-gosudarstvennoy sotsial'no-ekonomicheskoy doktriny [The formation of the national-state socio-economic doctrine]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*. [Journal of legal and economic studies], 2012, no. 2, pp. 29-32. (In Russ.).

16. *Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation" dated 06.06.2014 No. 172-ФЗ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/, accessed 10.08.2019. (In Russ.).

17. Shapiro N.A. Ekonomicheskiye doktriny i ugrozy rynku. *Problemy vzaimodeystviya khozyaystvuyushchikh sub'yektov real'nogo sektora ekonomiki Rossii: finansovo-ekonomicheskyy sotsial'no-politicheskiy, pravovoy i gumanitarnyy aspekty* [Problems of interaction between business entities of the real sector of the Russian economy: financial, economic, social, political, legal and humanitarian aspects]. St. Petersburg, 2011. Pp. 61-64. (In Russ.).

18. *Statisticheskiy institut YUNESKO (Monreal', Kanada)* [UNESCO Institute for Statistics (Montreal, Canada)]. Available at: <http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single>, accessed 10.07.2019.

НЕЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Я. Дегтярев, О. В. Веселова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлен проблемный анализ особенностей внешнеэкономической деятельности (ВЭД) Челябинской области за период 1991—2018 гг. На региональных материалах раскрыто содержание нового понятия «неэквивалентный характер ВЭД региона». Выявлены наиболее существенные признаки неэквивалентного характера внешнеэкономической деятельности региона: несоответствие добавленной стоимости вывозимой с данной территории и ввозимой на нее продукции; неравенство реальной ценности вывозимых из региона и получаемых им в обмен благ; нарушение равновесия экономики региона вследствие его внешнеэкономических операций. Подвергнут сомнению тезис о том, что ВЭД региона эффективна и отвечает задачам подлинного (национально-ориентированного) экономического развития. Уточнены подходы к оценке эффективности ВЭД разномасштабных территориальных образований. По мнению авторов, оценка экономической эффективности ВЭД региона (в отличие от оценки эффективности ВЭД предприятия, основывающейся на критерии максимизации прибыли) должна основываться на критериях народнохозяйственной эффективности и учитывать степень эквивалентности внешнеэкономического обмена региона. Подчеркнута необходимость перехода к новой модели внешних связей.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, сальдо внешней торговли, внешнеторговая квота, страны-контрагенты, иностранные инвестиции, органическое строение капитала, неэквивалентный характер ВЭД, ловушка неэквивалентного обмена.

Рассмотрение региона в качестве открытой подсистемы национальной экономики, связанной потоками товаров (услуг) и факторов производства не только с другими регионами страны, но и с остальным миром, нацеливает на анализ особенностей его внешнеэкономической деятельности.

Внешеэкономическая деятельность может выступать одним из ключевых факторов развития национальной экономики, и этот постулат не подвергается сомнению на самых высоких уровнях управления. Так, в ежегодном Послании Федеральному собранию президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил расширение международного сотрудничества в экономике и торговле в качестве одного из приоритетов внешней политики нашей страны. Кроме того, в данном документе подчеркнута актуальность международной экономической интеграции, развитие которой позволит «формировать общие рынки и укреплять внешние связи Евразийского экономического союза» [16].

Между тем внешнеэкономическая деятельность может скрывать в себе и потенциальные угрозы национальному хозяйству. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. сформулированы несколько угроз, обусловленных внешними факторами. Среди них,

в частности, «усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков», «исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития» и «ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта», а также «подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам» [22].

Наиболее актуальный вопрос, связанный с организацией внешнеэкономической деятельности страны и ее регионов, заключается в следующем: каким образом избежать потенциальных угроз, исходящих из взаимодействия с зарубежными партнерами, и превратить взаимодействие с ними в локомотив развития собственной экономики? Изменение товарной структуры экспорта и импорта через развитие импортозамещающих производств и стимулирование экспорта продукции высокой степени обработки могут выступить приоритетными направлениями такого развития.

На протяжении многих лет внешнеэкономическая деятельность является объектом научного интереса. Различные подходы к анализу и оценке внешнеэкономической деятельности представлены в работах Л. М. Бабак, О. А. Веретенниковой, Ю. Г. Лавриковой, В. Е. Маневич, М. И. Масленникова, Т. В. Миролюбовой, Е. Д. Обориной, О. В. Подшувейт, С. Н. Растворцевой, Е. А. Сте-

панова, С. И. Ультан и др. [1; 7; 8; 11; 13—; 20; 23]. Однако, несмотря на кажущееся многообразие научных работ, посвященных этой тематике, внешнеэкономическая деятельность трактуется авторами исключительно в качестве фактора развития экономики предприятия, региона, страны.

В 1990-х гг. принятый подход к оценке эффективности ВЭД основывался на сопоставлении показателей объемов внешнеторговых операций, валютной выручки и затрат, сопряженных с реализацией этих операций [13]. В XXI в. исследователи продвинулись в своих взглядах и устанавливают определенные (в том числе измеряемые количественно) взаимосвязи между состоянием внешнеэкономической деятельности предприятий региона и развитием региональной экономики [14; 23]. Так, Л. М. Бабак, О. А. Веретенникова, В. Е. Маневич подчеркивают факт присутствия негативных факторов, затрудняющих внешнеэкономическую деятельность. Среди них жёсткая международная конкуренция, нестабильность ситуации на валютном рынке и т. д. [1; 11]. Трудно не согласиться с позицией С. Н. Растворцевой в том, что анализ количественных показателей внешнеэкономической деятельности целесообразно дополнять характеристикой ее качественных сторон [17]. М. И. Масленников отображает проблемы ВЭД, возникающие в связи с появлением новых центров силы в мировой и региональной экономике [7]. Ю. Г. Лаврикова отмечает необходимость учета перспектив пространственного развития при формировании направлений развития внешнеэкономической деятельности [8], а О. В. Подшувейт — важность информационных деловых центров как инструментов содействия региональной ВЭД [15]. Согласно подходу Е. Д. Обориной, состояние внешнеэкономической деятельности целесообразно оценивать с учетом уровня открытости региональной экономики, уровня ее специализации и уровня развития инвестиционной деятельности [14]. Е. А. Степанов возвращает нас к необходимости анализа сравнительных преимуществ регионов — участников ВЭД [20].

Тем не менее мнения авторов по-прежнему сводятся к позиции, сформулированной С. И. Ультан: «В современных условиях интернационализации и глобализации экономики активное втягивание национальной экономики во внешнеэкономические связи способствует ее качественному преобразованию. Под давлением иностранной конкуренции в ней происходит структурная перестройка: свертываются нежизнеспособные или приходящие в упадок производства, внедряются новые фор-

мы организации хозяйственной деятельности, совершенствуются методы управления... Внешняя торговля, промышленно-инвестиционное и кредитное сотрудничество с зарубежными странами дают, таким образом, мощный дополнительный импульс развития» [23]. Такая точка зрения, возможно, оправданная двадцать лет назад, в настоящее время представляется нам весьма наивной. Слишком много за эти годы было примеров того, как внешнеэкономическая деятельность, безусловно, способная дать импульс к развитию экономики, служила инструментом ее деградации.

Цель работы состоит в следующем: раскрыть взаимосвязь между характером ВЭД региона и состоянием его производительных сил и сформулировать представление о ловушке неэквивалентного обмена на примере Челябинской области.

В структуре внешнеторгового оборота России на долю Челябинской области приходится около 1,5% [2].

Сфера экономических интересов области выходит далеко за рамки ее границ и формируется в настоящее время посредством внешнеэкономических связей с более чем 120 странами мира (более 2/3 их общего числа)¹. Однако среди важнейших контрагентов региона насчитывается всего полтора десятка стран ближнего (соседи первого порядка) и дальнего зарубежья [4].

С некоторой долей условности за начальную точку становления внешнеэкономических связей региона можно принять 1749 г., когда был издан Указ Сената об открытии ярмарочной торговли в пограничной крепости Троицк и организации таможенной службы в Оренбургской губернии. На Меновом дворе Троицка продавались товары из Персии, Средней Азии, Индии, Китая, Турции и заключались договора по продаже зерна в страны Европы. В конце XVIII — начале XIX в. Троицкая ярмарка занимала 3-е место в России после Нижегородской (Макарьевской) и Ирбитской. В 1868 г. Оренбургский таможенный округ был упразднен в связи с передачей его функций на Туркестанскую границу, а Троицкая таможня закрыта. Вновь таможня появилась в Троицке в 1992 г.: был создан Троицкий таможенный пост на границе с Казахстаном.

Важнейшим элементом внешнеторговой инфраструктуры выступают таможни, таможенные посты и пограничные переходы [18]. С географической точки зрения, территория области входит

¹ По данным таможенной статистики, в 2010 г. общее число стран — контрагентов Челябинской области — 122, в 2017 г. — 129 [24; 25].

в состав Уральского таможенного управления (центр — Екатеринбург), в зоне ответственности которого насчитывается восемь таможен, в том числе Челябинская и Магнитогорская. Таможенных постов в области десять: аэропорт Баландино, ЖДПП Троицк, Златоустовский, МАПП Бугристов, Миасский, Озерский, Саткинский, Троицкий, Челябинский, ЧЭМК. Непосредственно на государственной границе функционируют пограничные пункты пропуска — пограничные переходы: автомобильные (Бугристов), железнодорожные (Карталы — Бускуль, Троицк — Кайраки Магнай) и авиационные (Челябинск — Баландино и Магнитогорск).

С 2015 г. функционирует Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в составе единого таможенного пространства которого пять государств: Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан [6]. С началом его функционирования Челябинская область получила выход к дополнительному (кроме России) рынку с общей численностью населения в 35 млн человек (доля Челябинской области от численности населения всех стран ЕАЭС — 1,9%).

Сегодня ВЭД включает не только международную торговлю товарами и услугами, но и инвестиционное сотрудничество, производственную кооперацию, валютные и денежно-кредитные операции. Оценка качественной стороны данных процессов, с точки зрения их воздействия на региональное развитие, представлена ниже.

Важнейшей компонентой ВЭД являются экспортно-импортные операции. Сумма стоимостей экспорта и импорта за один календарный год составляет внешнеторговый оборот региона. Отметим, что по объему внешнеторгового оборота область устойчиво занимает 3-е место в УрФО (после Свердловской области и ХМАО-Югры). Удельный вес Челябинской области в структуре

внешнеторгового оборота УрФО составляет в последние годы 15—18% [2; 8; 24].

За последнюю четверть века внешнеторговый оборот области в целом демонстрировал положительную динамику и тесную корреляцию с мировой и национальной цикличностью (рис. 1).

Е. А. Степанов считает, что тенденция к росту номинальной величины оборота свидетельствует о наличии сравнительных конкурентных преимуществ хозяйственного комплекса региона в международной торговле [20]. Мы не можем принять данный тезис. Так называемые сравнительные конкурентные преимущества, о которых пишут большинство авторов, на самом деле мнимые. В последующем изложении мы дадим развернутое обоснование данного положения.

Многолетняя динамика внешнеторгового оборота определяется рыночной конъюнктурой (спросом и предложением на мировых рынках товаров и услуг) и в значительной степени зависит от колебаний валютных курсов (валютные пары «доллар — рубль», «евро — рубль» и др.). Размах вариации (минимум внешнеторгового оборота области пришелся на 2000 г., максимум — на 2008 г.) составил почти 480%.

Один и тот же *физический объем экспорта* (или импорта) в денежном выражении может получить различную оценку. Например, в ситуации, когда контрактные цены на черные и цветные металлы (основная статья экспорта Челябинской области) падают, *денежный объем экспорта*, исчисленный в долларах, также сократится. Девальвация рубля по отношению к доллару означает удешевление экспорта и удорожание импорта.

В контексте «бургерномики» по состоянию на январь 2019 г. цена 1 долл. США должна была составлять 20 р. [12]. В то же время официальный курс ЦБ

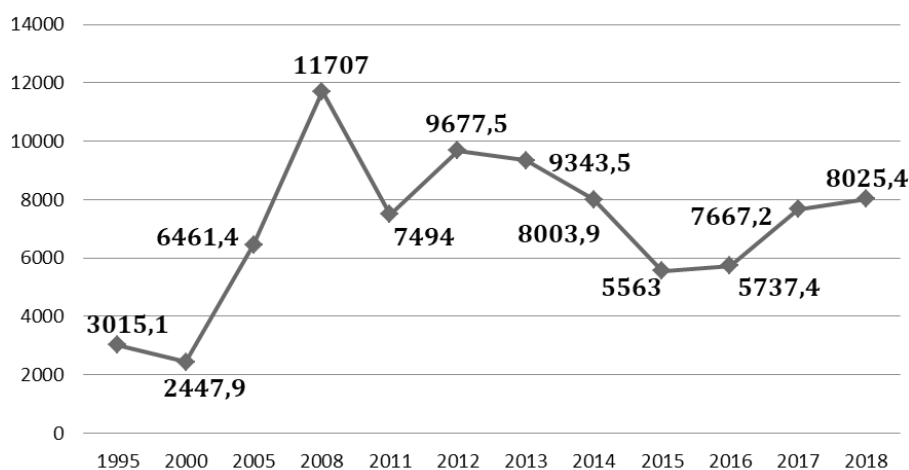

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота Челябинской области, млн долл. США [5; 21; 24]

РФ с 17.01.2019 составил 66,76 р. за 1 долл. США. Заниженный в 3,3 раза (по отношению к паритету покупательной способности — ППС) курс рубля означает продажу товаров другим странам (экспорт) по ценам ниже национальной себестоимости и, наоборот, покупку товаров (импорт) по ценам выше их стоимости. При подобном неэквивалентном «размене» происходит перераспределение национального богатства России в пользу привилегированных стран — хозяев мировых денег, курс национальной валюты которых завышен. Если обменный курс доллара в рублях оказывается существенно завышенным, то это означает, что Россия (и Челябинская область) платят за импорт больше, чем это вытекает из ППС.

Разве был бы эффективен сырьевой и полупродуктовый экспорт из России, если бы за один доллар давали, к примеру, один рубль?¹ Конкурентоспособность нашего экспорта — это миф, в том смысле, что она (конкурентоспособность экспорта) поддерживается за счет политики Центрального банка РФ, направленной на все большую девальвацию рубля. Ослабление рубля повышает рентабельность экспорта, но ничего не прибавляет к цене экспортируемых товаров. Как отмечает В. Е. Маневич, дополнительный доход (экспортная премия), возникающий в результате удорожания доллара на внутреннем валютном рынке России, выплачивается экспортеру не внешними, а внутренними игроками, которые вынуждены приобретать доллары по возросшей цене в рублях [11]. Таким образом, разность между экспортной ценой, переведенной в рубли по валютному курсу, и ценой, переведенной в рубли по ППС, представляет ренту, уплачиваемую не внешними игроками, а самой российской экономикой.

Отсюда приходим к важному выводу: вся существующая методика оценки эффективности ВЭД нуждается, как минимум, в существенной корректировке, поскольку ее общепринятый вариант отвечает интересам компрадорской буржуазии и игнорирует национальные экономические интересы.

В контексте неэквивалентных отношений особый интерес представляет сопоставление динамики стоимостного и весового объемов экспорта. По УрФО в целом в 2015 г. (по сравнению с 2014 г.) экспорт в стоимостном выражении упал на 38,8%, а в натуральном (весовом) — вырос на 18%; в 2016 г. стоимостной объем экспорта уменьшился на 16,7%, а весовой увеличился на 13,7% [24]. Иными словами, мы стали продавать больше, а зарабатывать

¹В 1986 г. при прямой котировке официальный курс доллара США составлял 75 советских копеек.

меньше, официальная статистика не акцентирует на этом внимания. Акцент делается на количестве — росте объемов продаж. Но простое наращивание продаж не ведет к адекватному увеличению доходности экспорта, и, значит, при формальном росте абсолютных объемов экспорта его эффективность снижается.

Низкий уровень реального обменного курса («слабый рубль»), отвечающий интересам компаний — экспортеров сырья и полуфабрикатов, ослабляет стимулы к модернизации экономики, консервирует неэффективную отраслевую структуру хозяйства, не создает предпосылок для роста инвестиций в реальный сектор экономики и усиливает отток капитала из страны. Только политика «сильного рубля» способна переломить сложившиеся негативные тенденции в ВЭД России и ее регионов.

Как справедливо отмечает О. В. Веселова — эксперт в сфере ВЭД Челябинской области, «складывается ситуация, при которой стратегические позиции региона определяются не эффективностью регионального хозяйства, а влиянием внешних факторов» [2].

Обращает на себя внимание высокая зависимость доходов регионального бюджета от экспортных цен на металлы и их сплавы. Волатильность цен ставит экономическое благополучие региона в критическую зависимость от совокупного спроса и предложения на внешнем рынке. Это наглядно показал финансовый кризис 2007—2008 гг. Область в связи с неблагоприятной конъюнктурой в первом квартале 2009 г. недополучила 90% налога на прибыль [5].

Благополучие территорий — центров базирования экспортно-ориентированных производств во многом стало определяться внешними ценовыми факторами. Например, если в 2010 г. на Лондонской бирже металлов средняя цена (спот²) на рафинированную медь достигла максимума — 7534 долл. США за тонну, то к маю 2016 г. она опустилась до 4960 долл./т. Соответственно, это повлияло на финансовые показатели предприятий медеплавильной отрасли региона (Карабаш, Кыштым). Если бы в России и ее регионах развивались высокотехнологичные отрасли и производства, предъявляющие спрос на медный прокат, подобной зависимости от внешней конъюнктуры можно было бы избежать.

Традиционно в структуре внешнеторгового оборота доминируют экспортные поставки. Так, в 2018 г. на долю экспорта пришлось 65,5% оборота, на долю импорта — 34,5%.

²Spot (англ.) — наличный товар; цена за товар с немедленной оплатой.

Разница между стоимостью экспорта и импорта составляет сальдо внешнеторгового оборота. По отношению к 2005 г. в 2016 г. сальдо внешней торговли региона сократилось в 1,6 раза (рис. 2), что связано с ухудшением условий осуществления ВЭД (индекс экспортных цен и др.). Если экспортные цены падают, а импортные растут, складываются наиболее неблагоприятные условия для осуществления ВЭД и, как результат, ухудшается платежный баланс.

Как видно из рис. 2, для области характерно устойчивое положительное сальдо внешней торговли (объема экспорта превышает объем импорта) — табл. 1. И этот факт исследователи преподносят в качестве несомненного плюса ВЭД региона [3; 7; 20]. Однако активный торговый баланс содержит не только плюсы для развития экономики региона и страны в целом. Данные табл. 1 фактически означают, что из года в год в условиях торгового профицита часть экспортируемой из Челябинской области продукции размещается не на реальные экономические блага — какие-либо товары, а «превращается» в «фантики» — доллары США. В работе М. В. Леденевой [10] подобная ситуация называется абсолютно неэквивалентным обменом, поскольку реальная потребительная стоимость обменивается на фиктивную стоимость.

Парадокс: в условиях профицита внешней торговли (почти 2,5 млрд долл. США в 2018 г.) экономика региона испытывает острый финансовый голод и «ждет» иностранных инвесторов! Поскольку практически все крупные компании-экспортеры — это

холдинговые структуры, «сидящие» в офшорных юрисдикциях, положительное сальдо торгового баланса предлагаем трактовать в качестве добавленной стоимости, ушедшей из страны¹ и служащей источником олигархической ренты. Данную точку зрения можно подтвердить расчетами В. Е. Маневича, согласно которым в первом квартале 2017 г. 60% нефтегазового экспорта России использовалось не для оплаты импорта, а для чистого вывоза капитала [11]. По нашему мнению, более желательным и справедливым (эквивалентным), отвечающим национальным интересам, был бы близкий к нулю торговый баланс.

Индикатором интегрированности региона в мировое хозяйство выступает показатель внешне-торговой квоты (ВТК). Он рассчитывается как отношение величины внешнеторгового оборота региона к объему его валового регионального продукта (ВРП). Записать этот показатель можно следующим образом:

$$\text{ВТК} = \frac{\text{Экспорт} + \text{Импорт}}{\text{Валовой региональный продукт}} * 100\%. \quad (1)$$

При исчислении ВТК возникают определенные трудности, поскольку внешнеторговый оборот оценивается в долларах — мировой резервной валюте, а валовой региональный продукт в рублях — национальной денежной единице.

Внешнеторговая квота Челябинской области превышает 40%, что свидетельствует о высокой степени

¹ В ситуации отмены в России (с 2007 г.) обязательной продажи валютной выручки этому ничто не препятствует.

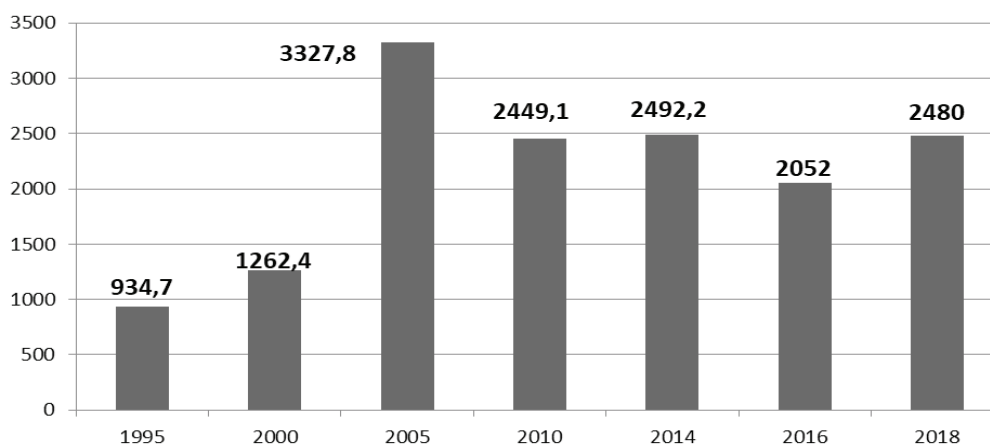

Рис. 2. Сальдо внешней торговли Челябинской области, млн долл. США [5; 21]

Показатели внешней торговли Челябинской области
(в фактически действовавших ценах, млн долл. США) [24]

Показатель	1995	2005	2010	2015	2018
Экспорт	1974,9	4756,8	5116,5	4123,8	5253,1
Импорт	1040,2	1529	2667,4	1439,2	2772,3
Сальдо	+ 934,7	+ 3227,8	+ 2449,1	+ 2684,6	+ 2480,8

Таблица 1

открытости региональной экономики. Вопрос надо ставить следующим образом: каково качество «открытости» региональной экономики? У Японии ВТК почти в 2 раза меньше [19], а уровень экономического развития и качества жизни населения выше! В условиях избыточной открытости мировому рынку развитие приобретает конъюнктурный (обусловленный спросом и ценовыми условиями на глобальных товарных рынках) характер, а «размен» сырья и полуфабрикатов на импортную высокотехнологичную продукцию консервирует нашу отсталость. Развитие ВЭД по такому сценарию развивает нашу недоразвитость!

По итогам 2018 г. почти 60% внешнеторгового оборота Челябинской области приходилось на страны дальнего зарубежья. Поскольку регион занимает глубинное, ультраконтинентальное транспортно-географическое положение, преимущественная ориентация экспортно-импортных операций на рынки стран дальнего зарубежья снижает эффективность ВЭД.

Представление о важнейших торговых партнерах Челябинской области дают цифры табл. 2.

Таблица 2
Ведущие страны — контрагенты
Челябинской области [3; 24]

Экспорт	Доля, %	Импорт	Доля, %
2011 г.			
Иран	21,1	Италия	20,1
Бельгия	13,5	Китай	19,5
Турция	8,4	Германия	14,9
Нидерланды	7,7	Украина	9,0
Украина	7,1	Франция	3,8
Италия	5,5	Корея	3,0
Узбекистан	3,8	Япония	2,8
Итого	67,1		73,1
2016 г.			
Казахстан	16,41	Казахстан	42,21
Кувейт	9,96	Китай	15,7
Турция	7,99	Италия	6,99
Нидерланды	6,05	Германия	6,06
Иран	5,88	США	3,14
Египет	5,86	Беларусь	3,02
Италия	4,49	Украина	2,28
Итого	56,64		79,4

Из табл. 2 следует, что географическая структура импорта менее диверсифицирована, чем географическая структура экспорта. На долю первой семерки стран приходится 55—65% экспорта и 70—80% импорта области.

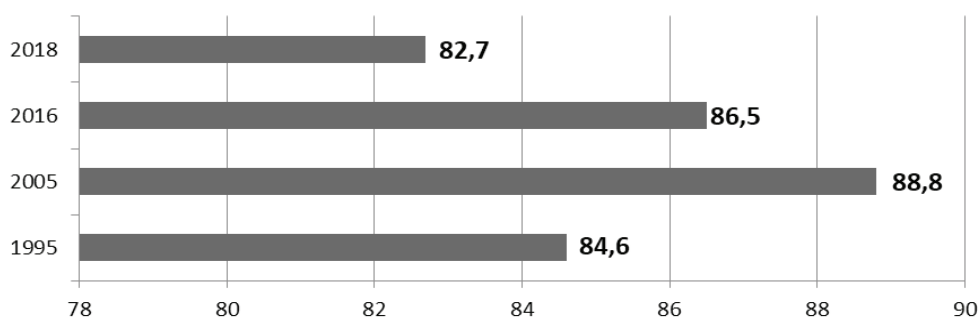

Рис. 3. Доля металлов и изделий из них в товарной структуре экспорта Челябинской области, % [5; 21]

Товарная структура экспорта Челябинской области носит *монотоварный характер*: на долю металлов и изделий из них (сплавы, различные виды проката) приходится более 80% объема (рис. 3).

Преобладание металлопродукции в экспорте области, по мнению И. А. Степанова, является объективным отражением реальных и наиболее значимых преимуществ Челябинской области в международном разделении труда [20]. Но эти преимущества мнимые, поскольку проистекают из экологической антиренты (экономии компаний-экспортеров на природоохранных затратах) и более низкой цене труда на внутреннем рынке. Цена труда в России (средняя ставка часовой заработной платы) по отношению к наиболее развитым государствам занижена в 3—4 раза; доля природоохранных затрат также отстает в разы. Если бы по этим показателям мы «догнали Запад», то ни о каких преимуществах говорить бы не пришлось. Формально преимущества в торговле, конечно, есть, но они покоятся на гнилом фундаменте: низкая цена труда не создает предпосылок к переходу на высокие технологии пятого и шестого укладов, а экономия на экологии оборачивается подрывом здоровья нации. Мы по-прежнему боимся созидательного разрушения, предпочитаем поддерживать то, что себя давно изжило (отрасли, базирующиеся на технологиях третьего и четвертого укладов).

В конце 1980-х гг. менее 10% металлов, производимых в Челябинской области, шло на экспорт, продукция металлургического комплекса была востребована на внутреннем рынке достаточно развитым машиностроением, то есть в условиях «плана» развитие носило более сбалансированный характер. В условиях «рынка» региональное хозяйство фактически превратилось в полупродуктовый придаток стран — импортеров металлургической продукции.

Доля продукции машиностроения в региональном экспорте составляла, за период января — ноября 2016 г. ничтожную величину — только 5,1%. Деградация предприятий гражданского машиностроения и их незначительное участие в ВЭД региона свидетельствуют о деградации всего регионального

хозяйственного комплекса. Экспорт продукции машиностроения многократно перекрывается ее импортом, причем за период с 1995 по 2016 гг. доля продукции машиностроения в импорте возросла в 2,5 раза (рис. 4). Это, безусловно, подорвало возможности развития отечественного машиностроения.

Обращает на себя внимание 11-кратный (по отношению к 1991 г.) рост доли импорта во внешне-торговом обороте Челябинской области (рис. 5).

Подчеркнем: избыточная зависимость области от импорта не создает достаточных предпосылок к самоподдерживающемуся, комплексному и сбалансированному развитию региона. Кроме того, рост цен импорта приводит к так называемому эффекту переноса — импортируемой из-за рубежа инфляции.

Кроме продукции машиностроения, область импортирует большой объем продовольствия и сельскохозяйственного сырья, товаров легкой промышленности и промышленности строительных материалов, тем самым работая на промышленность других стран, развившуюся до уровня отраслей международной специализации, в ущерб интересам региональной экономики. В импорте области традиционно присутствуют руды и концентраты железа, хрома и цинка (35%), что связано с истощением собственной минерально-сырьевой базы металлургии.

Иностранные инвестиции не стимулируют положительные структурные преобразования в экономике региона, а наоборот, закрепляют и усиливают ее неэффективное участие в международном разделении труда. Львиная доля поступающих в Челябинскую область иностранных инвестиций направляется в низкие переделы, связанные с металлургией (рис. 6).

По основным видам международных услуг в структуре экспорта области преобладают транспортные (30%), а в структуре импорта — также транспортные (более 30%) и услуги в области туризма (13,4%). Общий объем международных услуг в 2018 г. составил почти 250 млн долл. США, причем сальдо по международным услугам сложилось отрицательное [25].

Обобщая сказанное выше, следует констатировать неэквивалентный характер ВЭД региона. Неэквивалентность обмена связана с доминированием в экспорте продукции металлургии (более 80%), а в импорте — машиностроения (более 50%).

Развитие России и Челябинской области в контексте интересов наднациональных структур, с одной стороны, связано с поддержанием неэквивалентного обмена с мировым рынком, который способствует развитию недоразвитости (development of underdevelopment), а с другой — нацелено на втягивание национальной экономики в зону нулево-

го/отрицательного роста. И то и другое ввергает страну и отдельные регионы в ее составе в своеобразную отраслевую ловушку (рис. 7).

Комментируя рис. 7, обратим внимание на принципиальные отличия в органическом строении капитала (термин К. Маркса) стран «центра» и стран «периферии». Если для первых характерно высокое органическое строение капитала, то для вторых — низкое. Их взаимоотношения — это игра с нулевой суммой, когда проигрыш одного игрока (периферийных стран) равнозначен выигрышу другого.

Для Челябинской области характерно низкое органическое строение капитала, поскольку в ее экспорте преобладают товары, на производство которых затрачивается менее квалифицированный и более дешевый труд, и, значит, ее экономика ввергнута в отраслевую ловушку неэквивалентного обмена.

В условиях перехода к рынку деиндустриализация экономики негативного типа привела к встраиванию хозяйства Челябинской области в воспроизводственный контур глобальной ТНК-экономики: преимущественно внутреннее разделение труда было замещено преимущественно международным разделением труда. Преимущественно полупродуктовая специализация Челябинской области в международном разделении труда не позволяет динамично развиваться внутреннему рынку. Полупродуктовые отрасли сравнительно нетрудоемкие и не создают оптимального количества рабочих мест. Сложившаяся модель ВЭД ущербна хотя бы потому, что не создает в экономике региона положительного мультипликативного (умножающего) эффекта: *рабочие места* → *налогооблагаемая база* → *доходы бюджетов*.

Откуда появится, к примеру, спрос на инженерные и научные кадры, развитие системы профессионального технического образования и др., если сохранится огромная зависимость национальной экономики от высокотехнологичного импорта?

И еще одно немаловажное обстоятельство: *экстерриториальный характер крупного российского бизнеса*, при котором налоги платятся по месту регистрации компаний, а не по месту их базирования, выступает еще одним фактором, снижающим эффективность ВЭД региона. При подобной практике налогообложения явно нарушаются интересы территорий и проживающего на них населения, поскольку муниципальный и региональный бюджеты теряют значительную часть налогооблагаемой базы. Это дает основания говорить о неэквивалентности экономических отношений уже внутри страны, на межрегиональном уровне, а не только между странами или экономическими блоками стран.

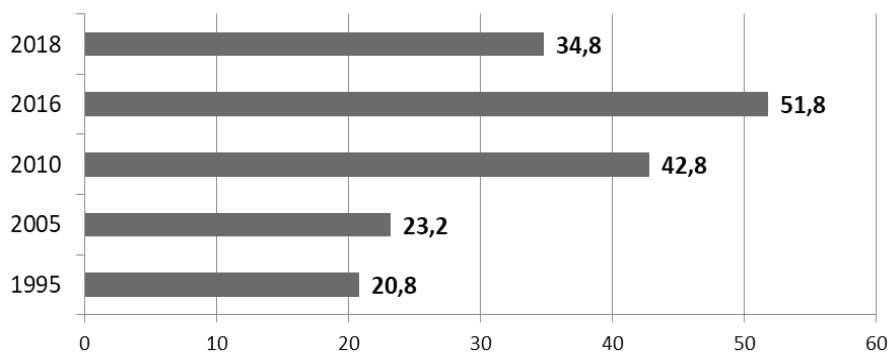

Рис. 4. Доля продукции машиностроения в товарной структуре импорта Челябинской области, % [5; 21]

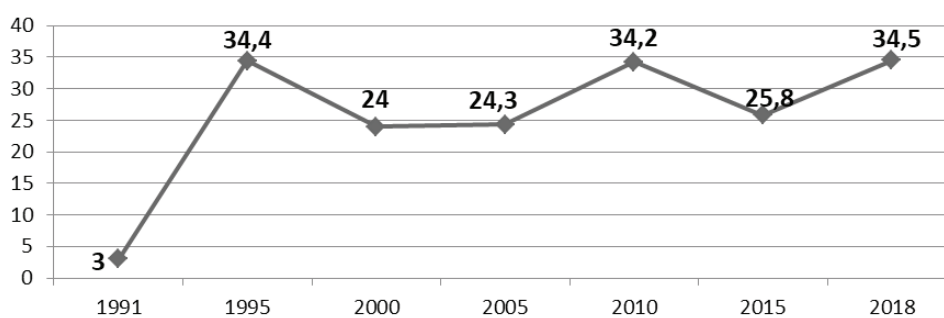

Рис. 5. Доля импорта во внешнеторговом обороте Челябинской области, % [5; 21]

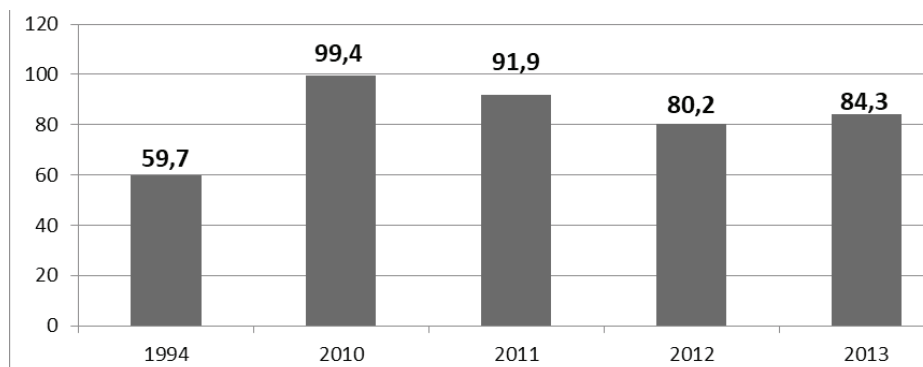

Рис. 6. Доля инвестиций в металлургическое производство от общего объема иностранных инвестиций в экономику региона, % [5]

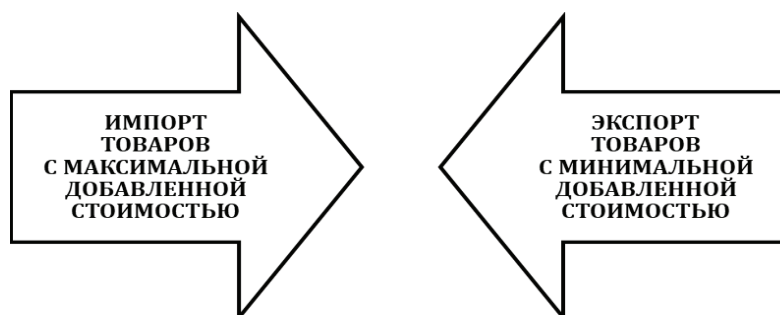

Рис. 7. Сущность отраслевой ловушки неэквивалентного обмена

Все сказанное выше позволяет прийти к парадоксальному выводу: из фактора развития региона ВЭД превращается в фактор ускоренной деградации его хозяйственного комплекса.

Отсюда задача на ближайшие десятилетия: уйти от экспорта продукции низких переделов с незначительной добавленной стоимостью и стать экспортером продукции высоких переделов с максимальной добавленной стоимостью. Можно предложить несколько вариантов преодоления периферийной зависимости:

1. Успешное догоняющее развитие (догоняющая модернизация).

2. Успешное опережающее развитие на базе прорывных инноваций.

3. Умеренная автаркия (индустриальный протекционизм, импортозамещение максимально полного цикла).

4. Контрглобализм — создание альтернативного центра.

5. Смешанный вариант.

Вполне очевидно, что наиболее предпочтительной является реализация на практике смешанного варианта преодоления отраслевой ловушки неэквивалентного обмена с мировым рынком.

Следует отметить, что понятия «эквивалентный обмен» и «неэквивалентный обмен» не являются новыми в экономической науке. Так, М. В. Леденёва предлагает рассматривать эквивалентный обмен как «обмен товаров, при котором понимается равенство добавленной стоимости, созданной каждым из участников обмена, при условии равенства оплаты труда равной квалификации и равенства нормы прибыли при равном уровне риска» и выделяет в качестве важнейшего условия эквивалентности «равенство рыночного положения участников обмена» [9]. Соответственно, товарный обмен, не обладающий перечисленными признаками, может считаться неэквивалентным. Изложенное выше подтверждает, что внешняя торговля Челябинской области на современном этапе обладает характеристиками, присущими неэквивалентному обмену.

В связи с этим предлагаем ввести в научный оборот понятие «неэквивалентный характер внешнеэкономической деятельности региона». Под неэквивалентным характером ВЭД региона следует понимать *состояние внешнеэкономической деятельности региона, которое характеризуется несоответствием добавленной стоимости экспортируемой и импортируемой продукции, неравенством реальной ценности вывозимых и ввозимых благ и нарушением структурных пропорций региональной экономики вследствие внешнеэкономических операций.*

Таким образом, выделим признаки неэквивалентного характера внешнеэкономической деятельности региона:

1. Несоответствие добавленной стоимости вывозимой с данной территории и ввозимой на нее продукции. Если регион экспортирует сырьевые товары и импортирует продукцию высокой степени обработки — его внешняя торговля носит неэквивалентный характер, так как складывается ситуация, при которой снижение экономического роста неизбежно, а экономическое развитие невозможно («ловушка неэквивалентного обмена»).

2. Неравенство реальной ценности вывозимых из региона и получаемых им в обмен благ. Если региональная ВЭД основана на вывозе продукции местных производителей, обладающей реальной ценностью, в обмен на фиатные деньги — такую внешнеэкономическую деятельность тоже нельзя назвать эквивалентной.

3. Нарушение равновесия экономики региона вследствие его внешнеэкономических операций. Если регион принимает иностранные инвестиции, которые усугубляют структурные диспропорции его экономики, — его внешнеэкономическая деятельность тоже носит неэквивалентный характер, поскольку ухудшает стратегические позиции территории.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать следующие основные выводы:

1. Теория сравнительных преимуществ, которая утверждает, что в результате развития внешнеторговых отношений все участвующие в них страны получают выигрыш в виде прироста общего благосостояния, — это не более чем умозрительная конструкция, игнорирующая неэквивалентный характер ВЭД.

2. Внешнеэкономическая деятельность Челябинской области на протяжении всего постсоветского периода носит неэквивалентный характер и обладает всеми признаками неэквивалентного обмена. Сохранение текущих внешнеэкономических приоритетов не будет способствовать развитию экономики региона.

3. Ловушка неэквивалентного обмена — это ориентированное на экспорт гипертрофированное развитие в стране и ее регионах отраслей с низким органическим строением капитала (при одновременном сжатии производств с высоким органическим строением капитала, по причине замещения их продукции импортом) и прогрессирующее перераспределение добавленной стоимости и национального дохода в пользу транснациональных структур.

4. Необходимо пересмотреть существующие подходы к оценке состояния и эффективности региональной внешнеэкономической деятельности. Оценка экономической эффективности ВЭД региона (в отличие от оценки эффективности ВЭД предприятия, основывающейся на критерии максимизации

прибыли) должна основываться на критериях на- степень эквивалентности внешнеэкономического
роднохозяйственной эффективности и учитывать обмена страны (региона).

Список литературы

1. Бабак, Л. М. Оценка эффективности внешнеэкономической деятельности предприятия [Электронный ресурс] / Л. М. Бабак, О. А. Веретенникова, В. А. Осипова // Междунар. журн. приклад. и фундамент. исслед. — 2016. — № 7-6. — С. 1011—1015. — URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10085> (дата обращения 08.06.2019).
2. Веселова, О. В. Устойчивая внешнеэкономическая деятельность как точка роста экономики Челябинской области / О. В. Веселова // Вестн. ЧелГУ. — 2016. № 6 (388). Экон. науки. Вып. 53. — С. 36—43.
3. Анализ тенденций внешней торговли Челябинской области / И. А. Данилова, Е. А. Степанов [и др.] // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 27—37.
4. Дегтярев, П. Я. Социально-экономическая география Челябинской области / П. Я. Дегтярев. — Челябинск : Абрис, 2010. — 240 с.
5. Дегтярев, П. Я. Экономика деградации / П. Я. Дегтярев. — Челябинск : Край-РА, 2017. — 320 с.
6. Евразийская экономическая интеграция: между абсолютными и относительными выгодами. — М. : Дискуссион. клуб «Валдай», 2019. 23 с.
7. Масленников, М. И. Пути наращивания экспортного потенциала и внешнеэкономической экспансии России и регионов Урала / М. И. Масленников. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2008. — 218 с.
8. Лаврикова Ю. Г. и др. Развитие внешнеэкономических связей УрФО с учетом перспектив пространственного развития / Ю. Г. Лаврикова // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 73—84.
9. Леденёва, М. В. Накопление и перераспределение национальных богатств в условиях глобализации : дис. ... д-ра экон. наук / М. В. Ледёнева. — Волгоград, 2013. — 463 с.
10. Леденева, М. В. Сущность и факторы неосязаемого капитала / М. В. Ледёнева // Финансы и кредит. — 2010. — № 25 (409). — С. 42—53.
11. Маневич, В. Е. Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель» роста российской экономики / В. Е. Маневич // Вопр. экономики. — 2017. — № 8. — С. 121—137.
12. Мельников, М. Новый «индекс Бигмака» показал, что цена доллара — 20 рублей [Электронный ресурс] / М. Мельников // Царь-град. — URL: https://tsargrad.tv/articles/novuj-indeks-bigmaka-pokazal-chto-sena-dollar-20-rublej_178095 (дата обращения 08.06.2019).
13. Миролюбова, Т. В. Совершенствование внешнеэкономической деятельности предприятий в условиях рыночной экономики : дис. ... канд. экон. наук. — Екатеринбург, 1992. — 164 с.
14. Оборина, Е. Д. Формирование стратегии развития внешнеэкономической деятельности региона : дис. ... канд. экон. наук. — Екатеринбург, 2011. — 182 с.
15. Подшуweit, О. В. Внешнеэкономический потенциал региона как фактор конкурентного развития территории : дис. ... канд. геогр. наук. — СПб., 2017. — 170 с.
16. Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль, 20 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения 08.06.2019).
17. Внешнеэкономическая деятельность российских предприятий в условиях глобализации / С. Н. Растворцева [и др.]. — СПб., 2011. — 112 с.
18. Салийчук, В. Ф. Инфраструктура внешней торговли приграничного региона / В. Ф. Салийчук // Экономика региона. — 2011. — № 3. — С. 124—135.
19. Социально-экономическая география Японии / под ред. И. С. Тихоцкой. — М. : Аспект Пресс, 2016. — 528 с.
20. Степанов, Е. А. Сравнительные преимущества УрФО в мировой экономике / Е. А. Степанов // Вестн. ЧелГУ. — 2017. — № 14 (410). Экон. науки. Вып. 59. — С. 53—62.
21. Челябинская область в цифрах : стат. сб. Ежегод. изд. Челябинск, 2018. — 212 с.
22. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>.
23. Ультан, С. И. Анализ показателей и методов оценки внешнеэкономической деятельности региона / С. И. Ультан // Вестн. Омс. ун-та. Сер.: Экономика. — 2012. — № 3. — С. 38—49.
24. Уральское таможенное управление [Электронный ресурс]. — URL: <http://utu.customs.ru>.
25. Федеральная таможенная служба России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.customs.ru>.

Сведения об авторах

Дегтярев Павел Яковлевич — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dp19721@mail.ru

Веселова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ovveselova@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 72—83.*

NONEQUIVALENT CHARACTER OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF CHELYABINSK REGION

P.Ya. Degtyarev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dp19721@mail.ru

O.V. Veselova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ovveselova@rambler.ru

The article presents a problem analysis of the characteristics of foreign economic activity of Chelyabinsk region for the period 1991-2018. The content of the new concept of “nonequivalent character of foreign economic activity of a region” is disclosed on regional materials. The most significant signs of the nonequivalent nature of the region’s foreign economic activity were identified: the discrepancy between the value added of goods exported from this territory and products imported to it; inequality of real value exported from the region and received in exchange for goods; imbalance of the region’s economy as a result of its foreign economic operations. The thesis that the region’s foreign economic activity is effective and meets the challenges of genuine (nationally-oriented) economic development has been challenged. The approaches to the evaluation of the effectiveness of foreign economic activity of different-scale territorial entities are clarified. According to the authors, an assessment of the economic efficiency of a foreign economic activity of a region (as opposed to an assessment of the effectiveness of a foreign economic activity of an enterprise based on criteria for maximizing profit) should be based on criteria of economic efficiency and take into account the degree of equivalence of the region’s foreign economic exchange. The need to move to a new model of external relations was underlined.

Keywords: *foreign economic activity, foreign trade turnover, export, import, balance of foreign trade, foreign trade quota, Contracting countries, foreign investment, organic structure of capital, non-equivalent nature of foreign trade, trap of non-equivalent exchange.*

References

1. Babak L.M., Veretennikova O.A., Osipov V.A. Otsenka effektivnosti vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatiya [Evaluation of the effectiveness of foreign economic activity of the enterprise]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], 2016, no. 7-6, pp. 1011-1015. (In Russ.).
2. Veselova O.V. Ustoychivaya vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kak tochka rosta ekonomiki Chelyabinskoy oblasti [Sustainable foreign economic activity as a point of economic growth of the Chelyabinsk region]. *Vestnik Chel-GU. Ekonomicheskkiye nauki.* [Bulletin of CSU. Economic sciences], 2016, no. 6 (388), iss. 53, pp. 36-43. (In Russ.).
3. Danilova I.A., Stepanov Ye.A. Analiz tendentsiy vneshney trgovli Chelyabinskoy oblasti [Analysis of trends in foreign trade of the Chelyabinsk region]. *Vestnik YUUrGU. Seriya Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of SUSU. Series “Economics and Management”], 2016, no. 4, pp. 27-37. (In Russ.).
4. Degtyarev P.Ya. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya Chelyabinskoy oblasti* [Socio-economic geography of Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, Abris, 2010. 240 p. (In Russ.).
5. Degtyarev P.Ya. *Ekonomika degradatsii* [Economics of degradation]. Chelyabinsk, Kray-RA, 2017. 320 p. (In Russ.).
6. *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: mezhdub absolyutnymi i otnositel'nymi vygodami* [Eurasian Economic Integration: Between Absolute and Relative Benefits]. Moscow, Valday, 2019. 23 p. (In Russ.).
7. Maslennikov M.I. *Puti narashchivaniya eksportnogo potentsiala i vneshneekonomicheskoy ekspansii Rossii i regionov Urala* [Ways of increasing export potential and foreign economic expansion of Russia and the Urals regions]. Yekaterinburg, IE UrO RAN, 2008. 218 p. (In Russ.).
8. Lavrikova Yu.G. Razvitiye vneshneekonomicheskikh svyazey UrFO s uchetom perspektiv prostranstvennogo razvitiya [Development of foreign economic relations of the Ural Federal District taking into account

the prospects for spatial development]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2017, no. 9, pp. 73 – 84. (In Russ.).

9. Ledeneva M.V. *Nakopleniye i pereraspredeleniye natsional'nykh bogatstv v usloviyakh globalizatsii* [The accumulation and redistribution of national wealth in the context of globalization. Thesis]. Volograd, 2013. (In Russ.).

10. Ledeneva M.V. Sushchnost' i faktory neosyazayemogo kapitala [Essence and factors of intangible capital]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2010, no. 25 (409), pp. 42-53. (In Russ.).

11. Manevich V.Ye. Al'ternativnyye strategii preodoleniya stagnatsii i "novaya model'" rosta rossiyskoy ekonomiki [Alternative Strategies to Overcome Stagnation and the "New Model" of the Growth of the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki* [Economic questions], 2017, no. 8, pp. 121-137. (In Russ.).

12. Mel'nikov M. Novyy «indeks Bigmaka» pokazal, chto tsena dollara — 20 rubley [The new Bigmak index showed that the dollar price is 20 rubles]. *Tsar'-grad* [Tsar-Grad]. Available at: https://tsargrad.tv/articles/novyj-indeks-bigmaka-pokazal-cto-cena-dollar-20-rublej_178095, accessed 08.06.2019. (In Russ.).

13. Mirol'yubova T.V. *Sovershenstvovaniye vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatij v usloviyakh rynochnoy ekonomiki* [Improving the foreign economic activity of enterprises in a market economy. Thesis]. Yekaterinburg, 1992. (In Russ.).

14. Oborin Ye.D. *Formirovaniye strategii razvitiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti regiona* [Formation of the development strategy of the region's foreign economic activity. Thesis]. Yekaterinburg, 2011. (In Russ.).

15. Podshuev O.V. *Vneshneekonomicheskiy potentsial regiona kak faktor konkurentnogo razvitiya territorii* [The external economic potential of the region as a factor in the competitive development of the territory. Thesis]. St. Petersburg, 2017. (In Russ.).

16. Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. Moskva, Kreml', 20 fevralya 2019 goda [Message from the President to the Federal Assembly] *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii* [Official site of the President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863>, accessed 08.06.2019. (In Russ.).

17. Rastvortseva S.N. i dr. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' rossiyskikh predpriyatij v usloviyakh globalizatsii* [Foreign economic activity of Russian enterprises in the context of globalization]. St. Petersburg, 2011. 112 p. (In Russ.).

18. Saliychuk V.F. Infrastruktura vneshney trgovli prigranichnogo regiona [Infrastructure of foreign trade of the border region]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2011, no. 3, pp. 124-135. (In Russ.).

19. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya Yaponii* [Socio-Economic Geography of Japan]. Moscow, Aspekt Press, 2016. 528 p. (In Russ.).

20. Stepanov Ye.A. Sravnitel'nyye preimushchestva UrFO v mirovoy ekonomike [Comparative advantages of UrFO in the global economy]. *Vestnik ChelGU. Ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of CSU. Economic sciences], 2017, no. 14 (410), iss. 53, pp. 53-62. (In Russ.).

21. *Chelyabinskaya oblast' v tsifrakh* [Chelyabinsk region in numbers]. Chelyabinsk, 2018. 212 p. (In Russ.).

22. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017, on the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030. *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii* [Official site of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>, accessed 25.08.2019. (In Russ.).

23. Ul'tan S.I. Analiz pokazateley i metodov otsenki vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti regiona [Analysis of indicators and methods for assessing the foreign economic activity of the region]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika* [Bulletin of Omsk University. Economics series], 2012, no. 3, pp. 38-49. (In Russ.).

24. *Ural'skoye tamozhennoye upravleniye* [Ural Customs Administration]. Available at: <http://utu.customs.ru>, accessed 25.08.2019. (In Russ.).

25. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba Rossii* [Federal Customs Service of Russia]. Available at: <http://www.customs.ru>, accessed 08.06.2019. (In Russ.).

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ВЬЕТНАМА: ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КАК ЗЕРКАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Е. А. Степанов¹, Д. А. Плетнев², Фам Ван Дук³

¹Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³Вьетнамская академия общественных наук, Ханой, Вьетнам

В современном мире высоко значение международного сотрудничества, способности выстраивать двусторонние и многосторонние связи, реализовывать совместные проекты, создавать цепочки поставок товаров, потребность в которых существует в разных странах. Есть множество предпосылок к росту экономического сотрудничества России со странами бывшего «социалистического лагеря», однако потенциал до сих пор не реализован. В статье проводится анализ динамики и структуры внешней торговли между Россией и Вьетнамом по потокам экспорта и импорта в разрезе товарных групп и регионов России, осуществляющих внешнеторговые операции. Используются официальные данные ФТС России о внешнеэкономических сделках за 2006—2018 гг. Выявлен рост объемов внешнеэкономической деятельности и изменение ее структуры. Вместе с тем отмечается, что государственные меры стимулирования внешней торговли между двумя странами не принесли ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: внешняя торговля, экономическое сотрудничество, Россия, Вьетнам, статистические методы анализа

Геополитические изменения и сдвиги в балансе сил в мировой торговле вносят существенные изменения в мировой экономической ландшафт. Для России появляются новые возможности в области международного экономического сотрудничества, в том числе благодаря технологическим и климатическим изменениям: становится экономически целесообразным Северный морской путь, ускоряются международные перевозки. В этих условиях восстановление и развитие экономических связей со странами «социалистического лагеря» представляется важной и перспективной задачей. Целью статьи является анализ тенденций внешней торговли между Россией и Вьетнамом в 2006—2018 гг. как отражение внешнеэкономических связей между этими странами.

Проблема развития международного экономического сотрудничества часто становится предметом исследования российских и зарубежных ученых. Н. Ю. Родыгина и Д. К. Бессонова рассматривают особенности экономического сотрудничества России в условиях внешних ограничений [1], С. А. Липина выделяет Северный морской путь и в целом развитие арктических векторов российской экономики в качестве приоритетного направления для повышения эффективности внешнеэкономического и особенно внешнеторгового сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [2; 3]. Модели

взаимодействия крупных стран и их объединений на примере ЕС с удаленными экономиками, в том числе странами Юго-Восточной Азии, представлены в работе А. Ю. Кнобеля, М. А. Баевой [4]. В фокусе внимания И. В. Цвигун и М. С. Григорьевой [5] находятся проблемы развития сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Фактор США и Китая в развитии внешнеэкономических связей затронут Л. Н. Гарусовой [6]. Россию как тихоокеанскую державу позиционирует в своей работе В. Л. Ларин [7].

Тренды российской внешней торговли рассмотрел В. И. Дерен [8], указав на ее недостаточный объем и недостаточный уровень дифференциации. Влияние внешней торговли на экономический рост российской экономики в национальном и региональном аспектах рассмотрены Е. А. Степановым и коллегами [9—11]. И. Кобрин и Р. Лихачев [12; 13] на основе данных таможенной статистики анализируют развитие экспорта и импорта в России, а также их товарную структуру по странам и регионам мировой экономики. А. Костин провел исследование структуры внешней торговли России с использованием классификатора ТНВЭД [14].

Возможности развития внешнеэкономических связей России и Вьетнама в рамках АТЭС проанализировали Нгуен Тхи Винь [15], Г. А. Шаламов и Чиеу Тьен Дат [16], Хоан Динь Лонг [17],

Е. Л. Андреева, Д. Х. Лан, В. В. Захарова, А. В. Ратнер [18], Е. М. Аксенова [20]. Комплексный анализ современного состояния экономических отношений России и Вьетнама провели участники круглого стола в Институте Дальнего Востока РАН [21]. Н. В. Федоров исследовал эволюцию российско-вьетнамских отношений. Особое внимание уделяется политическим и экономическим эффектам создания зоны свободной торговли между странами [22]. А. А. Алиханов, В. Ю. Скрыбина, Е. В. Тарасюк, используя показатели внешней торговли и ГТАР-модели, выявляют последствия для российской экономики при заключении зоны свободной торговли с Вьетнамом [23].

В исследовании использована база данных экспорта и импорта товаров Федеральной таможенной службы с 2006 по 2019 г. Из этой базы выделена информация об агрегированной таможенной стоимости экспортных и импортных товаров за каждый год, направлении движения товаров и стран-контрагентов. Отраслевая классификация, используемая в базе данных, соответствует 1224 товарным позициям и 97 товарным группам (включая секретный код SS), принятым в товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийской экономической комиссии. Географическая классификация использует 224 страны-контрагента. В результате проанализирована выборка по 5 790 197 товарным потокам.

Методика анализа внешней торговли региона сводится к следующему алгоритму (рис. 1):

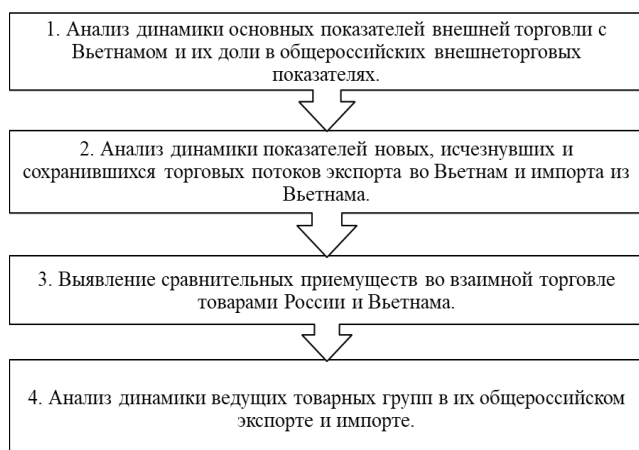

Рис. 1 Методика анализа внешней торговли региона

Первый шаг алгоритма предполагает традиционный анализ динамики основных внешнеторговых показателей: экспорта, импорта и внешнеторгового оборота исходя из статистических данных Федеральной таможенной службы.

Второй шаг алгоритма предполагает декомпозицию валовых темпов роста экспорта и импорта территории на экстенсивный и интенсивный по ме-

тодике Т. Беседаса и Т. Прусы [24]. Предположим, что для любого года t стоимость экспорта может быть записана так:

$$V_t = n_t v_t, \quad (1)$$

где V_t — валовая стоимость экспорта (импорта) в году t ; n_t — число торговых потоков в t году; v_t — средняя стоимость торгового потока в t году.

Число торговых потоков в t году может быть представлено как сумма торговых потоков, которые находились в экспортной (импортной) корзине в $t-1$ году и сохранились в t году, что обозначено s_t , и числа новых торговых потоков x_t , которые появились в t году, тогда: $n_t = s_t + x_t$.

Изменение стоимости экспорта (импорта) между двумя периодами может быть представлено как разница стоимости экспорта (импорта) в период $t+1$ относительно периода t , при этом если число торговых потоков в каждый период представить как сумму сохранившихся и возникших торговых потоков, получим

$$V_{t+1} - V_t = n_{t+1} v_{t+1} - n_t v_t = (s_{t+1} + x_{t+1}) v_{t+1} - (s_t + x_t) v_t = s_{t+1} v_{t+1} + x_{t+1} v_{t+1} - s_{t+1} v_t - d_t v_t = s_{t+1} (v_{t+1} - v_t) - d_t v_t + x_{t+1} v_{t+1} \quad (2)$$

где S_{t+1} — число тех торговых потоков, которые продолжили существовать в период $t+1$ относительно периода t ; $(v_{t+1} - v_t)$ — изменение средней стоимости экспортного (импортного) потока; d_t — число торговых потоков, которые прекратили существование в году t и не возобновились в году $t+1$; x_{t+1} — число новых торговых потоков, возникших в году $t+1$, а $x_{t+1} v_{t+1}$ — общая стоимость новых торговых потоков.

На третьем этапе выявляются национальные сравнительные преимущества. Сравнительные преимущества государства определяются нами как ведущие товарные группы в экспорте всех товарных групп региона, упорядоченных по убыванию стоимости их продаж за год. То есть мы будем говорить, что страна обладает сравнительным преимуществом в производстве товарной группы, если группа находится на одном из первых десяти мест среди экспорта всех товарных групп данной страны, упорядоченных по убыванию стоимости их экспорта.

Четвертый шаг алгоритма предполагает анализ динамики экспорта (импорта) ведущих товарных групп, а также их долю в общей стоимости российского экспорта (импорта).

Результаты проведенного исследования динамики и структуры внешней торговли между Россией и Вьетнамом следующие. Динамика объемов внешней торговли между Россией и Вьетнамом в долларовом выражении и ее доли в совокупном экспорте и импорте

России демонстрируют положительную динамику в 2006—2018 гг. Однако рост показателей не является устойчивым и равномерным. Кроме того, сами объемы внешней торговли с исторически важным партнером для России сохраняются на крайне низком уровне, по экспорту не превышая 0,6%, а по импорту — 1,6%. При этом российский экспорт развивается циклически, с небольшим спадом в 2011—2014 гг. и в абсолютном выражении, и по доле, с последующим устойчивым ростом более чем в 2 раза в стоимостном выражении и почти в 3 раза — в процентном. Это говорит о росте заинтересованности в российских товарах, развитии кооперационных связей и значительном потенциале дальнейшего роста.

Российский импорт показывает более устойчивую динамику роста. Некоторое уменьшение произошло в 2014—2016 гг., но затем оно было компенсировано, и объем импорта вышел на исторически максимальные значения и по доле (1,55%), и в абсолютном выражении (3613,5 млн долл.). Начиная с 2011 г. объем импорта стал почти в два раза превышать объем экспорта (рис. 2, 3). Вместе с тем объемы внешней торговли России и Вьетнама не отражают тесноты исторических, политических, культурных и экономических связей между двумя странами.

Анализ структуры экспорта в разрезе товарных групп показал, что определенных тенденций и устойчивых экономических связей, которые выразились бы в стабильном росте (или хотя бы ста-

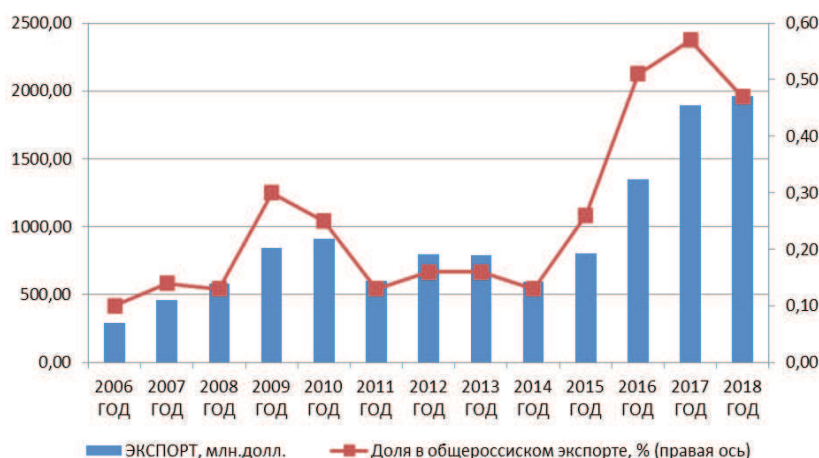

Рис. 2. Объем российского экспорта во Вьетнам (млн р.) и доля в общероссийском экспорте (%), 2006—2018 гг.

Источник: рассчитано на основании данных ФТС, <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:2055408350427246::NO>

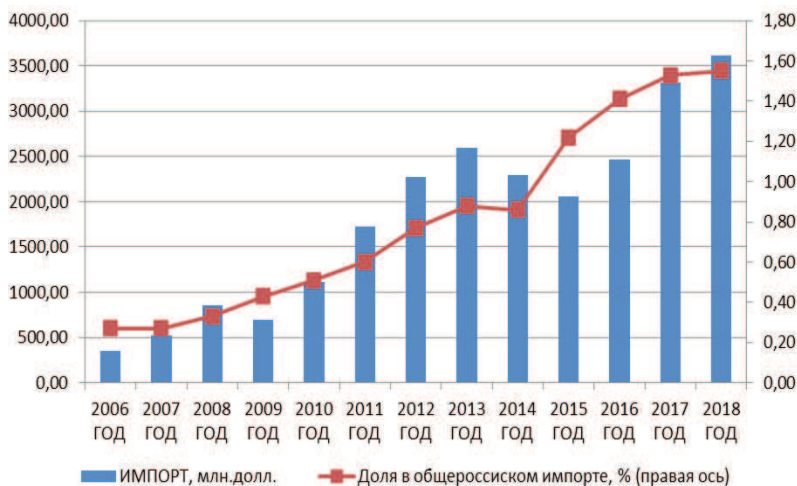

Рис. 3. Объем российского импорта из Вьетнама (млн р.) и доля в общероссийском импорте (%), 2006—2018 гг.

Источник: рассчитано на основании данных ФТС, <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:2055408350427246::NO>

бильном объеме) объемов экспорта по определенной товарной группе, за весь период 2006—2018 гг. не наблюдается. Безусловным лидером можно назвать две товарные группы с низкой степенью переработки: минеральное топливо (уголь и нефтепродукты) и продукцию черной металлургии. За весь рассматриваемый период их доля в среднем составила 13,5 и 21,4% соответственно. При этом в группе черных металлов период с 2013 по 2017 гг. был отмечен существенным спадом активности. В эти же годы наблюдается диверсификация потоков экспорта за счет наращивания объемов внешней торговли злаками, удобрениями, электрическими машинами, а также продукцией для ядерной промышленности (рис. 4). При этом, если рассматривать потоки экспорта более детально, по товар-

ным позициям, то структурные изменения будут еще более явными. В разрезе 72-й товарной группы следует отметить, что в 2018 г. Вьетнам являлся третьей страной мира после Турции и Польши по приобретению у России проката из нелегированной стали (8,9% общероссийского объема экспорта). В этом же году Вьетнам был вторым покупателем после Украины мяса птицы (23,41%), третьим после Египта и Турции — пшеницы (5,4%). Также следует отметить, что Вьетнам является крупнейшим импортером российских грузовых автомобилей, кукурузы удобрений и гетероцикличес-

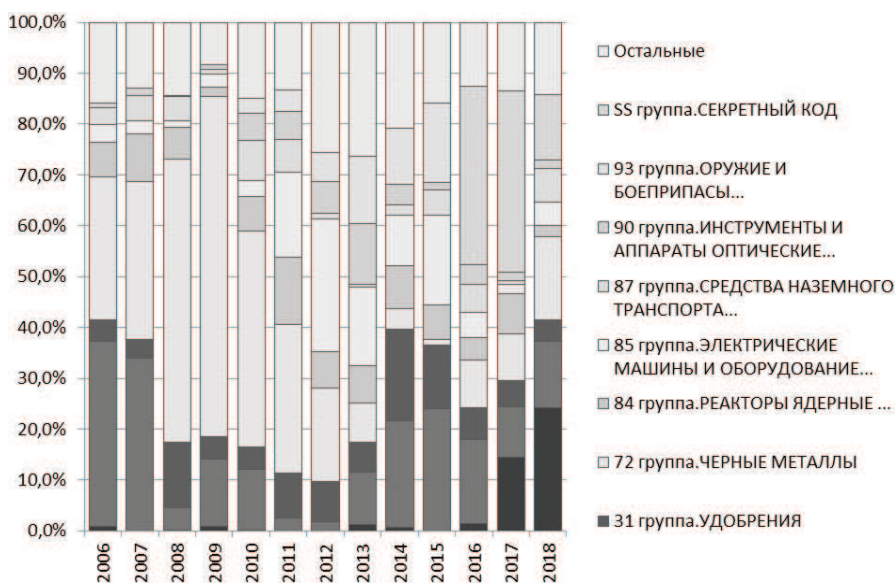

Рис. 4. Динамика структуры экспорта из России во Вьетнам по товарным группам в 2006—2018 гг.

Источник: рассчитано на основании данных ФТС, <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:2055408350427246::NO>

ких соединений азота, которые применяют при производстве пластмасс, каучука и лекарственных препаратов.

К сходным выводам приводит анализ региональной структуры экспорта. В разные годы ведущие позиции по экспорту во Вьетнам занимали Москва (1-е место в 2007, 2010, 2012, 2015, 2017, 2018 гг., и почти во все остальные годы — в тройке регионов-лидеров), Санкт-Петербург (1-е место в 2013, 2014, 2016 гг.), Челябинская область (1-е — в 2009 и 2011 и 5 вторых и третьих мест в остальные годы), Ярославская область (вторые места в 2013 и 2015 гг.). Также среди регионов, в которых развивается экспорт во Вьетнам, можно выделить Ростовскую, Кемеровскую области, Республику Саха (Якутию) и Пермский край. На названные регионы приходится до 80 % экспорта. Вместе с тем изменения по годам в списке крупнейших регионов-экспортеров говорят о том, что устойчи-

во развивающихся связях российских производителей с вьетнамской стороной нет: каждый год участники ВЭД или меняются, или существенно увеличивают/уменьшают объемы своей деятельности.

Анализируя структуру импорта в разрезе товарных групп, можно выявить ряд явных закономерностей (рис. 5). Во-первых, начиная в 2010 г. ведущей товарной группой импорта становится 85-я группа, которая содержит товарную позицию 8517 «Телефонные аппараты, включая сотовые телефоны». В итоге за весь рассматриваемый период

доля этой группы составляет 38,7% по стоимости, а в 2015—2018 гг. ее доля доходит до 50%. По импорту сотовых телефонов в Россию Вьетнам занимает 2-е место, уступая Китаю. С другой стороны, в рассматриваемом периоде доля морепродуктов в импорте постепенно сокращается с 30 до 2—3%. В стоимостном выражении спад не столь существенный, однако тенденция налицо. Вьетнам являлся и является главным поставщиком кофе в Россию (на втором месте — Италия, на третьем — Бразилия), его доля в общероссийском импорте

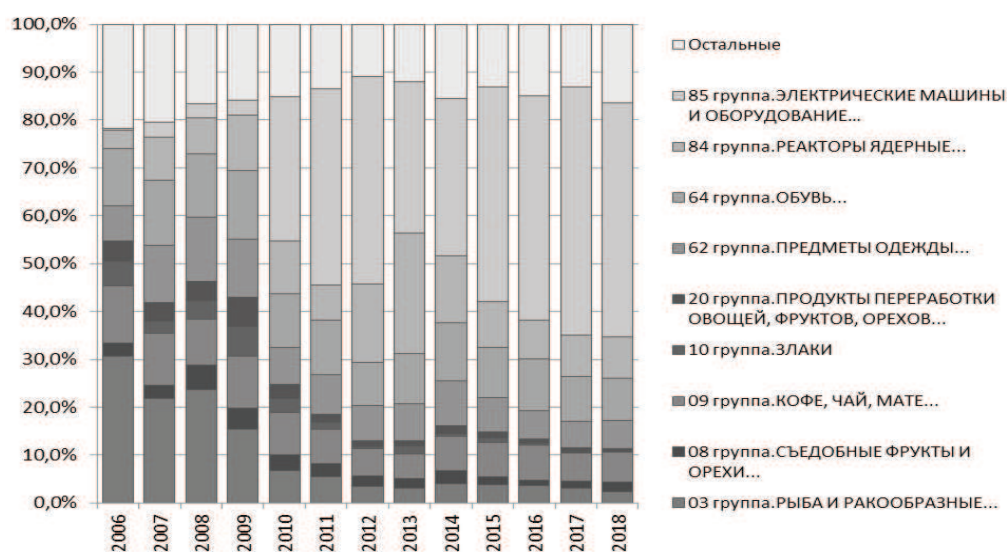

Рис. 5. Динамика структуры импорта из Вьетнама в Россию по товарным группам в 2006—2018 гг.

Источник: рассчитано на основании данных ФТС, <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:2055408350427246::NO>

в 2018 г. составила 19,8%; Вьетнам является вторым после Китая импортером в Россию обуви (64-я товарная группа). В 2018 г. импорт данной группы составил 9,27% всего импорта обуви в Россию. По импорту одежды (62-я группа) в Россию Вьетнам занимает 5-е место, уступая Китаю, Бангладеш, Италии и Турции — доля Вьетнама в общероссийском импорте составила 5,76% в 2018 г. Другая значимая позиция — машины и оборудование (84-я), в том числе принтеры, ЭВМ, — является вполне логичной, однако нельзя не отметить, что ее доля во все-российском импорте крайне мала (0,74% в 2018 г.), и здесь существует неиспользованный потенциал. Хотя в этой группе, Вьетнам занимает 2-е место по поставкам в Россию принтеров (8443-я позиция) и 10-е место по поставке ЭВМ и их принадлежностей (8471-я).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) экспорт во Вьетнам меньше, чем импорт, что означает отток российского капитала. Россия тратит больше денежных средств на покупку вьетнамской продукции, чем получает в результате продаж своих товаров во Вьетнам; 2) товарная структура экспорта в основном имеет сырьевую направленность, в то время как импорта — высокотехнологичную, что означает неэквивалентный обмен между Россией и Вьетнамом; 3) товарная корзина экспорта

во Вьетнам увеличилась с 242 до 408 товарных позиций с 2007 по 2018 г., а импорта — с 310 до 466, что означает увеличение ассортимента обмениваемой продукцией, появление новых внешнеторговых фирм и, соответственно, рост взаимного товарооборота между странами.

Можно предложить следующие актуальные направления дальнейшего исследования трендов внешнеэкономических связей России и Вьетнама:

1. Оценить тренды объемов экспорта и импорта, а также влияние на них институциональных факторов, экстраполировать их на период до 2030 г.
2. Оценить степень дифференциации экспорта и импорта по товарным группам и товарным позициям в динамике 2006—2018 гг.
3. Выявить крупнейших экономических партнеров в России и Вьетнаме, оценить влияние международного торгового сотрудничества на их эффективность.
4. Проанализировать влияние экономических связей РФ и Вьетнама на экономику регионов, проявляющих наибольшую активность в этом вопросе.
5. Оценить барьеры, мешающие развитию внешней торговли России и Вьетнама.
6. Расширить анализ на оценку всех экономических связей России и Вьетнама, включая инвестиции, туризм и другие потоки.

Список литературы

1. Родыгина, Н. Ю. Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Франции в период действия международных санкций / Н. Ю. Родыгина, Д. К. Бессонова // Экономика и предпринимательство. — 2018. — № 3. — С. 203—208.
2. Липина, С. А. Евразийские интеграционные экономические процессы: возможности роста / С. А. Липина // Журн. правовых и эконо. исслед. — 2014. — № 4. — С. 15—23.
3. Липина, С. А. Приоритетные направления и возможности сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / С. А. Липина, К. С. Зайков // Арктика и Север — 2015. — № 21. — С. 33—41.
4. Кнобель, А. Ю. Мировой опыт торгово-экономического сотрудничества крупных интеграционных объединений и территориально удаленных экономик / А. Ю., Кнобель М. А. Баева // ЕЭИ. — 2013. — № 2 (19). — С. 7—19.
5. Цвигун, И. В. Современное состояние и перспективы сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / И. В. Цвигун, М. С. Григорьева // *Vaikal Research J.* — 2014. — № (6).
6. Гарусова, Л. Н. Российско-американские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: фактор Китая / Л. Н. Гарусова // Россия и АТР. — 2014. — № 3 (85). — С. 22—37.
7. Ларин В. Л. Тихоокеанская Россия в «Большой Евразии» начала XXI века: вызовы и ответы / В. Л. Ларин // Историч. и соц.-образоват. мысль. — 2018. — № 10 (3-1). — С. 65—81.
8. Дерен, В. И. Внешняя торговля России: современные тенденции и пути совершенствования / В. И. Дерен // Экон. журн. — 2018. — № 4 (52). — С. 95—111.
9. Степанов, Е. А. Влияние внешней торговли на экономический рост национальной экономики / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 32 (323). — С. 34—43.

10. Внешняя торговля России : монография / под ред. Е. А. Степанова. — Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2018.
11. Степанов Е. А. Анализ тенденций внешней торговли Челябинской области / Е. А. Степанов, И. В. Данилова, И. П. Килина // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2017. — С. 27—37.
12. Кобрин, И. А. Внешняя торговля России в январе — сентябре 2008 г. / И. А. Кобрин // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2009. — № 1. — С. 43—53.
13. Кобрин, И. А. Внешняя торговля России в 2011 г. / И. А. Кобрин, Р. А. Лихачев // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2012. — № 3. — С. 51—73.
14. Костин, А. Измерение торговых отношений России с помощью классификатора ТН ВЭД / А. Костин // Квантиум. Альм. клуба экон. аналитики : электрон. сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. проф. И. П. Гуровой. — М., 2017. — С. 32—40.
15. Нгуен Тхи Винь. Тенденции развития внешнеэкономических связей Вьетнама в рамках АТЭС : дис. ... канд. экон. наук / Нгуен Тхи Винь. — М., 2010.
16. Шаламов, Г. А. Внешнеэкономические отношения Вьетнама и России на современном этапе / Г. А. Шаламов, Чиеу Тьен Дат // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. — 2014. — № 9 (92). — С. 252—256.
17. Хоанг Динь Лонг. Экономическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом: тенденции и перспективы / Хоанг Динь Лонг // Экономика России в XXI веке : сб. науч. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. «Экон. науки и приклад. исследования», Томск, 17—21 нояб. 2015 г. : в 2 т. Т. 1. — Томск : Изд-во ТПУ, 2015. — [С. 360—365].
18. Российско-вьетнамское научно-технологическое сотрудничество в новом геоэкономическом пространстве / Е. Л. Андреева, Д. Х., Лан В. В. Захарова, А. В. Ратнер // Журн. экон. теории. — 2017. — № 1. — С. 17—22.
19. Нгуен Тхи Хонг Зуен. Экономическое сотрудничество Вьетнам — Россия и его перспективы в будущем / Нгуен Тхи Хонг Зуен // Мировая экономика и междунар. экон. отношения. — 2014. — № 11 (120). — С. 113—116.
20. Аксенова, Е. М. Роль транснациональных корпораций в экономическом развитии Вьетнама : дис. ... канд. экон. наук. — Е. М. Аксенова. — М., 2018.
21. Доклады участников Круглого стола на тему «Отношения между Вьетнамом и Российской Федерацией: потенциал и проблемы развития» (к визиту в РФ Генерального секретаря ЦК КПВ Нген Фу Чонга [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/reports_20180830.pdf (дата обращения 20.09.19).
22. Федоров, Н. В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений / Н. В. Федоров // Сравнит. политика. — 2018. — № 1-9. — С. 74—90.
23. Алиханов, А. А. Либерализация торговых взаимоотношений между странами: оценка и последствия / А. А. Алиханов, В. Ю., Скрябина Е. В. Тарасюк // Междунар. торговля и торг. политика. — 2015. — № 3. — С. 3—26.
24. Besedeš, T. The role of extensive and intensive margins and export growth / T. Besedeš, T. J. Prusa // J. of Development Economics. — 2011. — Vol. 96, № 2. — P. 371—379.

Сведения об авторах

Степанов Евгений Александрович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Таможенного дела Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. stepson02031977@mail.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Фам Ван Дук — Vice-President of Vietnam Academy of Social Sciences, President of Graduate, Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam. ducphilosophy@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 84—91.

TRENDS AND PROSPECTS OF RUSSIA-VIETNAM ECONOMIC COOPERATION: FOREIGN TRADE AS A MIRROR OF ECONOMIC RELATIONS

E.A. Stepanov

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia, stepson02031977@mail.ru

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru

Pham Van Duc

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam. ducphilosophy@yahoo.com

In the modern world, the importance of international cooperation, the ability to build bilateral and multilateral ties, implement joint projects, create supply chains of goods, the need for which exists in different countries. There are many prerequisites for the growth of economic cooperation between Russia and the countries of the former “socialist camp”, but the existing potential is still unrealized. The article analyzes the dynamics and structure of foreign trade between Russia and Vietnam by export and import flows in the context of commodity groups and regions of Russia engaged in foreign trade operations. Used official data of the Federal Customs Service of Russia on foreign economic transactions for 2006-2018. An increase in the volume of foreign economic activity and a change in its structure are revealed. At the same time, it is noted that state measures to stimulate foreign trade between the two countries did not bring the expected effect.

Keywords: *foreign trade, economic cooperation, Russia, Vietnam, statistical methods of analysis.*

References

1. Rodygina N.Yu., Bessonova D.K. Torgovo-ekonomicheskoe i investitsionnoe sotrudnichestvo Rossii i Frantsii v period deystviya mezhdunarodnykh sanktsiy [Trade, economic and investment cooperation between Russia and France during the period of international sanctions]. *Economics and Entrepreneurship*, 2018, no. 3, pp. 203-208. (In Russ.).
2. Lipina S.A. Evrazijskie integracionnye ekonomicheskie processy: vozmozhnosti rosta [Eurasian Integration Economic Processes: Opportunities for Growth]. *Journal of Legal and Economic Studies*, 2014, no. 4, pp. 15-23. (In Russ.).
3. Lipina S.A., Zaykov K.S. Prioritetnye napravleniya i vozmozhnosti sotrudnichestva Rossii so stranami Aziatsko-Tihookeanskogo regiona [Priority areas and opportunities for cooperation between Russia and the countries of the Asia-Pacific region]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 33-41. (In Russ.).
4. Knobel A.Yu., Baeva M.A. Mirovoj opyt torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva krupnykh integracionnykh ob'edinenij i territorial'no udalennykh ekonomik [World experience in trade and economic cooperation of large integration associations and geographically remote economies]. *EEI*, 2013, no. 2 (19), pp. 7-19. (In Russ.).
5. Tsvigun I.V., Grigorieva M.S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy sotrudnichestva Rossii so stranami Aziatsko-Tihookeanskogo regiona [The current state and prospects of cooperation between Russia and the countries of the Asia-Pacific region]. *Baikal Research Journal*, 2014, no. 6. (In Russ.).
6. Garusova L.N. Rossijsko-amerikanskije otnosheniya v Aziatsko-Tihookeanskom regione: faktor Kitaya [Russian-American relations in the Asia-Pacific region: the factor of China]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2014, no. 3 (85), pp. 22-37. (In Russ.).
7. Larin V.L. Tihookeanskaya Rossiya v “Bol'shoj Evrazii” nachala XXI veka: vyzovy i otvety [Pacific Russia in “Greater Eurasia” at the beginning of the XXI century: challenges and answers]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2018, no. 10 (3-1), pp. 65-81. (In Russ.).
8. Deren V.I. Vneshnyaya torgovlya Rossii: sovremennye tendentsii i puti sovershenstvovaniya [Russian Foreign Trade: Current Trends and Improvement Paths]. *Economic Journal*, 2018, no. 4 (52), pp. 95-111. (In Russ.).

9. Stepanov E.A. Vliyanie vneshney torgovli na ekonomicheskiy rost natsional'noy ekonomiki [The effect of foreign trade on the economic growth of the national economy]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series "Economics"*, 2013, no. 32 (323), pp. 34-43. (In Russ.).

10. Stepanov E.A., Bobrova A.V., Danilova I.V. and others. *Vneshnyaya torgovlya Rossii: monografiya* [Foreign trade of Russia]. Chelyabinsk, SUSU Publishing Center, 2018. 458 p. (In Russ.).

11. Stepanov E.A., Danilova I.V., Kilina I.P. Analiz tendentsiy vneshney torgovli Chelyabinskoy oblasti [Analysis of trends in foreign trade of the Chelyabinsk region]. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*, 2017, pp. 27-37. (In Russ.).

12. Kobrina I.A. Vneshnyaya torgovlya Rossii v yanvare-sentyabre 2008 [Foreign Trade of Russia in January-September 2008]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2009, no. 1, pp. 43-53. (In Russ.).

13. Kobrina I.A., Likhachev. Vneshnyaya torgovlya Rossii v 2011 [Foreign Trade of Russia in 2011]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 51-73. (In Russ.).

14. Kostin A. Izmerenie torgovykh otnoshenij Rossii s pomoshch'yu klassifikatora TN VED [Measurement of trade relations of Russia with the help of the classifier of foreign trade activities]. *B: Quantum. Almanac of the club of economic analytics: an electronic collection of scientific articles*. Issue 2 / Ed. prof. I.P. Gurova. Moscow, MGIMO-MFA of Russia, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations, 2017. Pp. 32-40. (In Russ.).

15. Nguyen Thi Vinh. *Tendencii razvitiya vneshneekonomicheskikh svyazey V'etnama v ramkah ATES* [Trends in the Development of Vietnam's Foreign Economic Relations within the framework of APEC]. M., 2010. (In Russ.).

16. Shalamov G.A., Chieu Thien Dat. Vneshneekonomicheskie otnosheniya V'etnama i Rossii na sovremenom etape [Foreign Economic Relations of Vietnam and Russia at the Present Stage]. *Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2014, (9 (92)), pp. 252-256. (In Russ.).

17. Hoang Dinh Long. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo mezhdru Rossiej i V'etnamom: tendencii i perspektivy [Economic cooperation between Russia and Vietnam: trends and prospects]. *Russian Economy in the XXI century: collection of scientific papers of the XII International Scientific and Practical Conference "Economic Sciences and Applied Research"*, Tomsk, November 17-21, 2015: 2 tons. Tomsk, TPU Publishing House, 2015. T. 1. Pp. 360-365. (In Russ.).

18. Andreeva E.L., Lan D.Kh., Zakharova V.V., Ratner A.V. Rossiysko-v'etnamskoe nauchno-tehnologicheskoe sotrudnichestvo v novom geoekonomicheskom prostranstve [Russian-Vietnamese scientific and technological cooperation in the new geoeconomic space]. *Journal of Economic Theory*, no. 1/2017, pp. 17-22. (In Russ.).

19. Nguyen Thi Hong Zuen. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo V'etnam — Rossiya i ego perspektivy v budushchem [Economic cooperation Vietnam — Russia and its future prospects]. *World Economy and International Economic Relations*, 2014, 11 (120), pp. 113-116. (In Russ.).

20. Aksenova E.M. *Rol' transnatsional'nykh korporatsiy v ekonomicheskom razvitii V'etnama* [The role of transnational corporations in the economic development of Vietnam / diss. for the competition degrees of cand. econ. Sciences]. M., 2018. (In Russ.).

21. Reports of the participants of the Round Table on the topic "Relations between Vietnam and the Russian Federation: potential and problems of development" on the visit to the Russian Federation of the Secretary General of the CPV Central Committee Ngen Fu Chong. (n.d.). [online] Available at: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/reports_20180830.pdf [Accessed 20 Sep. 2019]. (In Russ.).

22. Fedorov N.V. *Soglashenie o zone svobodnoy torgovli mezhdru EAES i V'etnamom kak faktor rossiysko-v'etnamskikh otnosheniy* [Agreement on a free trade zone between the EAEU and Vietnam as a factor in Russian-Vietnamese relations]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative policy], 2018, no. 1-9, pp. 74-90. (In Russ.).

23. Alikhanov A.A., Scriabin V.Yu., Tarasyuk E.V. Liberalizatsiya torgovykh vzaimootnosheniy mezhdru stranami: otsenka i posledstviya [Liberalization of trade relations between countries: assessment and consequences]. *International trade and trade policy*, 2015, no. 3, pp. 3-26. (In Russ.).

24. Besedeš T., Prusa T.J. *The role of extensive and intensive margins and export growth*. *Journal of Development Economics*, 2011, vol. 96, № 2, pp. 371-379.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ЗАКУПОК В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Д. А. Антонов, Е. С. Силова, Ю. С. Тарынин
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Выявлены особенности института закупок в сфере здравоохранения, такие как высокая интенсивность закупочного процесса, высокая доля специализированных товаров, разнообразие предметов закупки и др. Закупочная деятельность в системе здравоохранения влияет на экономику здравоохранения и на экономическое развитие в целом. В связи с отсутствием единой методики оценки эффективности закупок в сфере здравоохранения в работе предложена методика, основанная на следующих критериях: конкурентности, экономности, соблюдения законодательства в сфере закупок и эффективности планирования закупок. Такая многокритериальность позволит оценить не только экономическую, но и социальную эффективность института закупок.

Ключевые слова: институт закупок, особенности института закупок, эффективность института закупок.

Государственные закупки в настоящее время являются значимым социально-экономическим институтом, принимая во внимание их объем, это финансовые ресурсы, которые могут серьезно влиять на региональную экономику, развитие сектора малого и среднего предпринимательства, а также занятость. Задачами закупочной деятельности могут быть обеспечение социального равенства, поддержка определенных групп населения (инвалиды, заключенные), развитие предприятий, действующих в сфере государственных закупок.

Одним из основополагающих явлений, лежащих в основе института государственных закупок, является контракт, изучением которого занимается теория контрактов, рассматривающая определение параметров контракта экономическими агентами в условиях (как правило) асимметричной информации. В широком смысле контракт трактуется как правовое оформление экономических трансакций ли как обеспеченный правовой санкцией договор между двумя или более сторонами. Огромный вклад в развитие контрактной теории внес О. Уильямсон, изучивший механизмы управления контрактными отношениями, их виды, проблему оппортунизма при реализации контрактов [13]. О. Харт исследовал проблему неполноты контрактов, которая может быть вызвана разными причинами: юридическими сложностями или нежеланием партнеров углубляться в условия сделки [1].

В. И. Бархатов, И. В. Бархатов, Н. И. Кондратьев рассматривают особенности эффективности контрактных отношений в условиях непрерывной трансформации российской экономики и становлению государственных институтов. В. И. Бархатов под-

черкивает роль трансакционных издержек, высокой асимметрии информации, а также присутствующий оппортунизм влияющие на общую эффективность контрактных взаимоотношений, лежащих в основе государственных закупок. Отдельно затронуты вопросы изучения возникновения институциональных рисков контрагентов в закупочном цикле и рассмотрены пути их минимизации [4].

Д. С. Бенц рассмотрела вопросы эффективности контрактных отношений, было уточнено понятие контрактных отношений, которые рассматриваются как особая форма экономических отношений по поводу обмена правами собственности между как минимум двумя субъектами. Контрактные отношения и их эффективность определяются особенностями сложившейся в экономике системы институтов. Предложена методика оценки эффективности [5; 6].

Е. А. Истомина исследовала прикладные вопросы, связанные с закупочным циклом, такие как механизмы функционирования института государственных и муниципальных закупок в трансформируемой экономике. Проведены исследования современной модели института государственных закупок в России выявлены особенности федеральной контрактной системы как новой модели института в российской экономике [7; 8]. И. И. Смотрицкая и С. С. Шувалов рассматривают институциональные изменения в системе закупок, а также зарубежный опыт управления закупками [14].

С точки зрения Л. Г. Каранатовой, государственный заказ — это особое системное образование с совокупностью различных функций: инновационной, мотивационной, регулирующей, координирующей и др.

[9—11]. По мнению Д. Г. Малькова, государственный заказ можно рассматривать как систему отношений по поводу размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд с целью выполнения целей и задач государственных и муниципальных органов управления [12]. Однако автор не указывает источники средств финансирования государственного заказа.

Р. К. Арыкбаев придерживается кейнсианской модели экономики при рассмотрении государственных закупок и их значения в регулировании экономики. По мнению автора, суть этой системы — в формировании и официальном закреплении государственного спроса, а основная роль государственных закупок сводится к контрактации, проявляясь непосредственно на стадии размещения заказа [2; 3].

Анализ категории «государственные закупки» показал, что можно выделить два подхода к анализу. Согласно первому, узкому подходу, экономическая природа государственных закупок заключается в организации эффективного процесса организации поставки товаров, работ и услуг для реализации государством своих функций. Второй, широкий подход исследует механизм перераспределения ресурсов в обществе посредством института закупок. Определенные группы населения наделяются в этом процессе благами.

Здравоохранение является важнейшей отраслью, направленной на сохранение здоровья, эта отрасль серьезно влияет на основные социально-экономические показатели. Рассматривая роль здравоохранения, необходимо, оценивать предотвращенный экономический ущерб (экономический эффект) вследствие реализации мер по снижению заболеваемости, инвалидизации и смертности населения.

Вопросы обеспечения ресурсами отрасли здравоохранения посредством закупочных процедур входят в смету расходов организации. Показатели, характеризующие объем деятельности медицинской организации, изучаются экономикой здравоохранения — комплексом экономических знаний о формах, методах, результатах хозяйственной деятельности в области медицины.

В свою очередь вопросы эффективности государственных закупок, показатели результативности данной деятельности влияют на анализ эффективности использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов здравоохранения; исследование экономической эффективности различных форм оказания медицинской помощи; анализ затрат в здравоохранении; на разработку экономических критериев эффективности здравоохранения.

Следует отметить, что в отечественной практике экономисты, как правило, проводят анализ затрат в экономике здравоохранения отдельно, не рассматривая комплекс закупочных процедур.

На текущий момент затратный, балансовый, индексный подходы в анализе эффективности экономики здравоохранения в разрезе государственных закупок не проводятся. Особенности законодательства в области регулирования государственных закупок, их влияние на результаты процесса обеспечения ресурсами учреждения здравоохранения не изучаются. Результаты определения стоимости того или иного ресурса, являющимся органичным результатом закупочного процесса и зафиксированном в государственном контракте, принимаются за экономический показатель, который берется для дальнейшего анализа деятельности медицинского учреждения. О том, что в закупочном процессе в медицинской отрасли возможны скрытые резервы эффективности финансовой системы здравоохранения, например улучшение качества оказываемой медицинской помощи, сокращение издержек на более быстрой реабилитации пациентов после тяжелых операций за счет использования более дорогих медицинских материалов и лекарственных средств с сокращением общего периода пребывания в больничном учреждении — все это показатели, опосредованно характеризующие сохранение и улучшение здоровья населения, сокращение расходов по социальному страхованию и социальной защите и в итоге увеличение валового внутреннего продукта.

Таким образом, можно говорить о том, что государственные закупки в системе здравоохранения, как род экономической деятельности, направленной на удовлетворение потребностей в товарах, работах, услугах, могут быть источником оптимизации затрат системы здравоохранения: с одной стороны, обеспечение качества медицинской помощи, с другой — сокращение экономических потерь (ущерба) в виде снижения доли ассигнований фондов социального страхования и фондов обязательного медицинского страхования.

Сложившаяся система государственных и муниципальных закупок характеризуется, с одной стороны, как специфический институт, являющийся неотъемлемой частью финансовой системы государства, с другой — как реальный процесс перераспределения денежных средств путем наделения субъектов экономической деятельности определенными благами.

На текущий момент в экономической литературе нет однозначно принятой категории «институт государственных закупок».

Понятие «института» является центральным в изучении институциональной экономики, пришло из сферы социологических наук. В экономической литературе чаще всего используется трактовка понятия Д. Норта, который трактовал институты «как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [13]. Институт государственных закупок — это общественный механизм, результатом действия которого лежит социальное взаимодействие между людьми по поводу удовлетворения потребностей и обязательств государства.

Закупочная деятельность в системе здравоохранения влияет на экономику здравоохранения. Рациональное управление в сфере закупок — явление многофакторное. Качество закупок должно соблюдаться на всех этапах процесса закупок, в этой ситуации большое значение приобретают инструменты общественного контроля за закупками [16—18].

Рассмотрим особенности государственных закупок в медицинской отрасли:

1. Высокая интенсивность закупочного процесса.

В среднем на протяжении года одно учреждение здравоохранения, с прикрепленным населением 200 000—350 000 чел., имеющее поликлинический профиль и стационар, заключает в год около 1900 государственных контрактов. Учитывая, что в среднем в году 52 рабочих недели, на неделю приходится около 37 контрактов, заключаемых по итогам закупочных процедур. Соответственно, примерно такое же количество находится на стадии планирования, размещения, проведения закупочных процедур.

2. Высокая доля специализированных товаров, работ, услуг.

Отрасль здравоохранения сегодня — это необычайно ресурсоемкая непроизводственная отрасль, способная поглотить множество материальных, финансовых, трудовых и прочих ресурсов.

Крупнейшие специализированные рынки, основным покупателем на которых является сфера здравоохранения, — это фармацевтический рынок и его отдельные сегменты (антибиотики резерва), рынок медицинского оборудования, рынок медицинских изделий, рынок оказания различного рода медицинских услуг: от ремонта медицинского оборудования, до предоставления услуг по выполнению лабораторных анализов.

3. Разнообразии предметов закупок. Как правило, в целях исключения ошибок существует внут-

ренняя специализация между сотрудниками контрактных служб по направлениям закупок.

4. Разнообразные требования к заключаемым контрактам по направлениям, различные требования к существенным условиям заключаемых контрактов. Большой альбом типовых форм и видов контрактов, необходимость юридической экспертизы. Необходимость увязки действующих норм, регламентирующих государственные закупки, системы финансирования из различных источников и требований к контрактам, предъявляемые потребителямикупаемых медицинских услуг. Все это требует гибкости подходов при проектировании закупок, в том числе обоснованность того или иного способа закупки.

5. Повышенная ответственность контрактных управляющих и в целом контрактных служб за проведение процедур закупок требуемых ресурсов, соблюдения планов-графиков размещения закупок на электронных торговых площадках в связи с тем, что система здравоохранения — важнейшая социальная сфера общества.

6. Различные требования к поставщикам, которые необходимо учитывать при планировании закупок: например, наличие лицензии на право определенной деятельности, членство в саморегулируемых организациях и прочие аспекты.

7. Специализированный узкий рынок с потенциально низкой конкуренцией либо ее полным отсутствием.

8. Наличие высокой степени риска по проводимым процедурам закупок, влияющая на итоговую эффективность проведенных закупок.

9. Наличие рисков при процедуре определения поставщика, формально подходящего по критериальным требованиям, но возможно недееспособного по факту, что может означать риск неисполнения контракта.

10. Риск отказа победителя от заключения контракта, что означает перезапуск закупочной процедуры — потеря времени и денег, что в свою очередь приводит к срыву муниципального задания.

11. Риск нанесения ущерба пациентам в результате поставки некачественного товара или фальсификата лекарств, изделий медицинского назначения, некачественного медицинского оборудования и расходных материалов.

12. Риск сниженного качества товара в результате неправильного хранения и транспортировки термолабильных (требующих холодовой цепи) лекарственных средств и вакцин, реагентов для лаборатории.

13. Риск задержек сроков поставок по заключенным контрактам либо риск неисполнения контрактов поставщиками.

Для расчета экономического эффекта размещения государственных (муниципальных) заказов необходимо использовать следующие индикаторы:

— сумма сокращения государственных расходов по сравнению с плановым объемом финансирования, которая возникает как результат экономии бюджетных средств при закупках по более низким ценам;

— приобретение более качественных товаров, работ и услуг без переплаты;

— снижение уровня коррупции, повышение степени открытости рынков, улучшение деловой репутации и инвестиционной привлекательности.

Для расчета эффективности требуется большой объем информации о плановых показателях соответствующего бюджета; о среднем уровне цен отдельно на каждый вид закупаемой продукции; о ценах и иных существенных условиях (сроках

и условиях поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, сроках и условиях гарантии и др.) заключенных контрактов; и другая информация.

Отметим, что данных методик по анализу эффективности государственных и муниципальных нужд нет и для различных отраслей государственного сектора, в том числе и для медицинской сферы.

Традиционно в экономической теории рассматривается понятие «экономическая эффективность», а ее показатели можно определить разными способами, но общим для них является установление соотношения достигнутых результатов и понесенных затрат.

В отечественной практике анализа эффективности государственных закупок экономистами были предприняты попытки к разработке методик и модели оценки эффективности, но на текущий момент ни одна из существующих моделей не взята в качестве общепризнанного подхода на государственном уровне.

Расчет показателей эффективности государственных закупок

№ п/п	Показатель	Описание или способ расчета	
<i>1. Анализ по критерию конкурентности</i>			
1.1	Доля конкурентных закупок в общем объеме проведенных закупок	К1	Важность показателя определяется тем, что только конкурентные закупки позволяют обеспечить эффективность закупок для нужд медицинской отрасли. Расчет: $R_{конк} / R_{общ} * 100\%$, где: $R_{конк}$ — стоимость закупок конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) $R_{общ}$ — совокупное (общее) количество проведенных закупок
1.2	Доля несостоявшихся закупок в общем объеме конкурентных закупок	К2	Данный показатель характеризует экономический эффект от проведения закупок конкурентными способами определения поставщиков. Расчет: $R_{отклонен} / R_{конк}$ $R_{отклонен}$ — общее количество несостоявшихся закупок (конкурентных закупок, где подана/допущена единственная заявка участника, заявки не поступили, все заявки отклонены) $R_{конк}$ — общее количество закупок конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) Высокое значение показателя свидетельствует об отсутствии конкуренции, существовании риска получения предложений с завышенной стоимостью и прямо связано с показателем К1 в части оценки эффективности
1.3	Среднее количество участников закупки	К3	Данный показатель характеризует уровень конкуренции при проведении закупок. Расчет: $U_{конк} / K_{конк}$ $U_{конк}$ — количество участников в закупках конкурентными способами $K_{конк}$ — общее количество проведенных закупок конкурентными способами
1.4	Доля открытых аукционов в электронной форме в общем объеме конкурентных закупок	К4	Аукционы являются наиболее открытым, прозрачным, доступным способом закупки, сводящим к минимуму возможную коррупционную составляющую. Расчет: $A_{эф} / K_{конк} * 100\%$, где: $A_{эф}$ — общее количество проведенных открытых аукционов в электронной форме $K_{конк}$ — общее количество закупок конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей)

Окончание таблицы

№ п/п	Показатель	Описание или способ расчета	
1.5	Доля закупок у единственного поставщика	К5	Показатель рассматривается как неэффективность проводимых закупочных процедур (достижение эффекта) при минимальных расходах, то есть нарушается требование Бюджетного кодекса. Расчет: $R_{\text{ед.поставщик}} / R_{\text{общ}}$, где: $R_{\text{ед.поставщик}}$ — сумма заключенных контрактов с единственным поставщиком $R_{\text{общ}}$ — совокупная (общая) стоимость проведенных закупок
<i>2. Анализ по критерию экономности</i>			
2.1	Экономия, полученная по результатам всех закупочных процедур, %	Э1	Экономия определяется в процентах от совокупной начальной (максимальной) цены контракта. Расчет: $(Цн - R_{\text{общ}}) / Цн * 100\%$, где: $Цн$ — совокупная начальная (максимальная) цена контракта по всем проведенным закупкам $R_{\text{общ}}$ — совокупная стоимость заключенных контрактов
2.2	Доля закупок с экономией более 25 %	Э2	Особое внимание уделяется закупкам с необоснованной эффективностью, которая может быть результатом недобросовестных действий победителя либо существенного завышения начальных (максимальных) цен контракта. Расчет: $Э25 / K_{\text{конк}} * 100\%$ $Э25$ — количество закупок, организованных конкурентными способами определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с экономией 25 % и более $K_{\text{конк}}$ — общее количество проведенных закупок конкурентными способами
<i>3. Анализ по критерию соблюдения законодательства в сфере закупок</i>			
3.1	Доля контрактов с СМП в общей стоимости контрактов, %	СМП	Данный показатель характеризует исполнение заказчиками ст. 30 Федерального закона № 44-ФЗ, в соответствии с которой объем закупок, подлежащих размещению у СМП, составляет не менее чем 15 % совокупного годового объема закупок. Расчет: $R_{\text{смп}} / R_{\text{общ}} * 100\%$, где: $R_{\text{смп}}$ — цена заключенных контрактов СМП $R_{\text{общ}}$ — общая стоимость контрактов
<i>4. Анализ по критерию эффективности планирования</i>			
4.1	Доля закупок, осуществленных в IV квартале	ЗАК IV	Во избежание срыва заключения контрактов по причине отсутствия участников закупок (отклонения имеющихся участников) в IV квартале отчетного года и невозможности проведения повторных закупочных процедур при соблюдении установленных сроков до конца текущего года рекомендуется проводить закупки с финансированием отчетного года до истечения III квартала текущего года с целью сохранения возможности проведения дополнительных закупок при образовавшейся экономии, выделении дополнительного финансирования, необходимости проведения повторных закупок. Расчет: $ЗАК IV / R_{\text{общ}} * 100\%$, где: $ЗАК IV$ — стоимость заключенных контрактов в IV квартале $R_{\text{общ}}$ — общая стоимость контрактов

В работе выявлено два подхода к анализу института закупок в отрасли здравоохранения. Согласно первому, узкому подходу, экономическая природа государственных закупок заключается в построении эффективного процесса организации поставки товаров, работ и услуг для реализации государством своих функций. Второй, широкий подход исследует механизм перераспределения ресурсов в обществе посредством института закупок. Определенные группы населения наделяются

в этом процессе благами. В работе проанализированы особенности института закупок в здравоохранении. Наиболее значимыми из них являются высокая интенсивность данного процесса в этой отрасли, большая доля высокоспециализированных товаров, большой ассортимент закупаемой продукции, разнообразные требования и др. В связи с отсутствием единой методики оценки эффективности закупок в сфере здравоохранения в работе предложена методика, основанная на следу-

ющих критериях: конкурентности, экономности, соблюдения законодательства в сфере закупок и эффективности планирования закупок. Такая многокритериальность позволит оценить не только экономическую, но и социальную эффективность института закупок. Разработка подобной методики оценки позволит сделать процесс оценки качества закупок более универсальным.

Список литературы

1. Hart, O. Incomplete contracts and renegotiation / O. Hart, J. Moore // *Econometrica*. — Vol. 56, № 4. — 1988. — P. 755—785.
2. Арыкбаев, Р. К. Управление рисками при бюджетных закупках / Р. К. Арыкбаев // *Регион. проблемы преобразования экономики*. — 2013. — № 1. — С. 264—271.
3. Арыкбаев, Р. К. Формирование и развитие контрактной системы размещения государственного заказа в Российской Федерации / Р. К. Арыкбаев, В. Т. Гаджиева // *Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса*. — 2013. — № 3 (13). — С. 20—27.
4. Бархатов, В. И. Эффективность контрактных отношений в российском корпоративном секторе / В. И. Бархатов, И. В. Бархатов, Н. И. Кондратьев // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика*. — 2010. — № 4. — С. 112—118.
5. Бенц, Д. С. Эффективность контрактных отношений в корпорациях различной структуры собственности / Д. С. Бенц // *Современные хозяйственные отношения: вызовы глобализации : тр. междунар. науч. конф. / под ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева*. — М. : Перо, 2013. — С. 189—196.
6. Бенц, Д. С. Эффективность контрактных отношений в корпорациях на рынке несовершенной конкуренции / Д. С. Бенц // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2013. — № 15 (306). — С. 43—49.
7. Истомина, Е. А. Методические основы оценки эффективности института государственных закупок России / Е. А. Истомина // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2016. — № 14 (396). — С. 58—67.
8. Истомина, Е. А. Проблемы развития федеральной контрактной системы России / Е. А. Истомина // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2015. — № 18 (373). — С. 46—52.
9. Каранатова, Л. Г. Государственные закупки и принципы их осуществления / Л. Г. Каранатова // *Рос. предпринимательство*. — 2015. — № 2. — С. 26—33.
10. Каранатова, Л. Г. Оценка эффективности государственного заказа как механизм повышения качества регионального управления / Л. Г. Каранатова // *Управленч. консультирование. Актуал. проблемы гос. и муницип. упр.* — 2011. — № 4 (44). — С. 118—129.
11. Каранатова, Л. Г. Конкурсная система размещения заказов на закупку продукции для государственных нужд / Л. Г. Каранатова // *Вестн. Поволж. академии гос. службы*. — 2012. — № 1. — С. 124—131.
12. Мальков, Д. Г. Государственный заказ как механизм государственного регулирования национальной экономики / Д. Г. Мальков // *Сб. науч. тр. вузов России «Проблемы экономики, финансов и упр. производством»*. — 2014. — № 25. — С. 210—213.
13. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997.
14. Смотрицкая, И. И. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) / И. И. Смотрицкая, С. С. Шувалов // *Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2017. — Т. 10, № 5. — С. 99—114.
15. Уильямсон, О. И. Природа фирмы : пер. с англ. / О. И. Уильямсон, С. Г. Уинтер. — М. : Дело, 2001. 360 с.
16. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] : в ред. от 01.05.2019 // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.
17. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [Электронный ресурс] : в ред. от 28.11.2018 // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/.
18. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : в ред. от 29.05.2019 // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

Сведения об авторах

Антонов Денис Александрович — магистр экономики Челябинского государственного университета, начальник отдела обеспечения и внутренней экспертизы МАУЗ «ОТКЗ ГKB № 1» города Челябинска, Челябинск, Россия.

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Тарынин Юрий Сергеевич — магистр экономики, преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tys@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 92—99.*

FEATURES OF THE PROCUREMENT INSTITUTION IN HEALTHCARE

D.A. Antonov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

E.S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

Y.S. Trynin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tys@csu.ru

The article identifies the peculiarities of the institute of procurement in the field of health care. Public health procurement affects the health economy and overall economic development. A system of indicators for calculating the economic effect of accommodation has been developed, which formed the basis of the methodology for assessing the effectiveness of public procurement in the field of health care. Due to the lack of a uniform technique of assessment of efficiency of purchases in health sector in work the technique based on the following criteria is offered: criteria of competition, criteria of economy, criteria of compliance with the law in the sphere of purchases and criterion of efficiency of planning of purchases. Such multicraterality will allow to assess not only economic, but also social efficiency of the procurement institution.

Keywords: *institute of procurement, peculiarities of the institute of procurement, efficiency of the institute of procurement.*

References

1. Hart O., Moore J. Incomplete contracts and renegotiation. *Econometrica*, 1988, vol. 56, no. 4, pp. 755-785.
2. Arykbaev R.K. Upravlenie riskami pri byudzhetyh zakupkah [Budget purchases risk management]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional economic transformation challenges], 2013, no. 1, pp. 264-271. (In Russ.).
3. Arykbaev R.K., Gadzhieva V.T. Formirovanie i razvitie kontraktnoj sistemy razmeshcheniya gosudarstvennogo zakaza v Rossijskoj Federacii [Formation and development of the contract system for placing a state order in the Russian Federation]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business], 2013, no. 3 (13), pp. 20-27. (In Russ.).
4. Barhatov V.I., Barhatov I.V., Kondrat'ev N.I. Effektivnost' kontraktnyh otnoshenij v rossijskom korporativnom sektore [Effectiveness of contractual relations in the Russian corporate sector]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6: Economy], 2010, no. 4, pp. 112-118. (In Russ.).
5. Benc D.S. Effektivnost' kontraktnyh otnoshenij v korporacijah razlichnoj struktury sobstvennosti [Effectiveness of contractual relationships in corporations of different ownership structures]. *Sovremennye hozyajstvennyye otnosheniya: vyzovy globalizacii* [Modern economic relations: the challenges of globalization]. Moscow, 2013. Pp. 189-196. (In Russ.).

6. Benc D.S. Effektivnost' kontraktnykh otnoshenij v korporacijah na rynke nesovershennoj konkurencii [Effectiveness of contractual relationships in corporations in the market of imperfect competition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 15 (306), pp. 43-49. (In Russ.).

7. Istomina E.A. Metodicheskie osnovy ocenki effektivnosti instituta gosudarstvennykh zakupok Rossii [Methodical frameworks for evaluating the effectiveness of the Russian Public Procurement Institute]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 14 (396), pp. 58-67. (In Russ.).

8. Istomina E.A. Problemy razvitiya federal'noj kontraktnoj sistemy Rossii [Problems of the development of Russia's federal contract system]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373), pp. 46-52. (In Russ.).

9. Karanatova, L.G. Gosudarstvennye zakupki i principy ih osushchestvleniya [Public procurement and principles for their implementation]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], 2015, no. 2, pp. 26-33. (In Russ.).

10. Karanatova L.G. Ocenka effektivnosti gosudarstvennogo zakaza kak mekhanizm povysheniya kachestva regional'nogo upravleniya [Assessing the effectiveness of the state order as a mechanism to improve the quality of regional governance]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Management counseling. Current problems of state and municipal government], 2011, no. 4 (44), pp. 118-129. (In Russ.).

11. Karanatova L.G. Konkurnaya sistema razmeshcheniya zakazov na zakupku produkcii dlya gosudarstvennykh nuzhd [Competitive system of placing orders for the purchase of products for state needs]. *Vestnik povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby* [Bulletin of Volga Academy of Public Service], 2012, no. 1, pp. 124-131. (In Russ.).

12. Mal'kov D.G. Gosudarstvennyj zakaz kak mekhanizm gosudarstvennogo regulirovaniya nacional'noj ekonomiki [State order as a mechanism of state regulation of the national economy]. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom* [Problems of the economy, finance and production management], 2014, no. 25, pp. 210-213. (In Russ.).

13. Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. Moscow, 1997. (In Russ.).

14. Smotrickaya I.I., Shuvalov S.S. Razvitie instituta publichnykh zakupok (k formirovaniyu novej modeli kontraktnoj sistemy zakupok) [Development of the Institute of Public Procurement (to the formation of a new model of the contract procurement system)]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 5, pp. 99-114. (In Russ.).

15. Uil'yamson O.I., Uinter S.G. *Priroda firmy* [Nature of the firm]. Moscow, 2001. 360 p. (In Russ.).

16. Federal law No. 44-FZ of 05.04.2013 "On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs". *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (In Russ.).

17. Federal law No. 223-FZ of 18.07.2011 "On procurement of goods, works and services by certain types of legal entities". *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (In Russ.).

18. Federal law No. 323-FZ of 21.11.2011 "On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation". *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (In Russ.).

INVESTIGATING THE RELATIONSHIP BETWEEN STATE HEALTH EXPENDITURE ALLOCATION AND ECONOMIC GROWTH (CASE STUDY: IRAN)

A. Seifi¹, H. Makhmal², S. Motaghi²

¹ Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

² Payame Noor University

The present study aims to study the relationship between state health expenditure and economic growth of Iran during 2003-2018 seasonally using a descriptive-analytical approach and applying techniques related to vector self-regression models. Accordingly, in order to answer the research questions in the short term and long term, the VAR and VECM methods were used together with the co-integration and Wald tests (to test the coefficients' significance). State health expenditures in the long run and in the short run are affected by the fluctuations in GDP. On the other hand, if the state health expenditure fluctuates, GDP in the short run will be affected by these expenditures. In the long run, this will lead to the disappearance of the effect and the return of GDP to equilibrium and the main trend.

Keywords: *Health Expenditure, Economic Growth, Iran, VECM.*

1. Introduction

Economic growth (the steady increase in a country's GDP) has always been one of the key ideals of governments and an indicator of their performance evaluation. Achieving economic growth, above all, lies in a proper understanding of the potential routes and factors affecting it. The most important factor influencing this macro index was physical capital and technological advancements prior to the 1960s. With the emergence of new and endogenous growth models and the failure of traditional growth models due to the downward return of physical capital, human capital has been proposed by Becker (1964), Chadwick (1965) and Mincer (1974) as an influential factor on economic growth. It was entered into production function by Menquio, Roemer & Well (1992) as an agent, along with other factors, paving the way for the entrance of health and its expenditures into the economic growth by Grossman (1972), Fogel (1991), and Nulles and Owen (1995).

According to these theories, improving health in a number of ways, including reducing sick days off due to illness, increasing productivity, access to better job opportunities with higher incomes, and extending workers and employees' lives, reduces production losses due to absence and illness of the workforce and physical and mental inefficiency, ultimately resulting in economic growth (Grossman, 1972a). Since human health is a reserve of capital that is depreciated over time and the disease causes abnormal depreciation, investment in the treatment and health compensates for this depreciation and any investment in this sector will contribute to the growth and development of countries (Finally, 2007: 30).

In addition, limited investment in the health sector (low health costs) will increase the death rate and reduce the return on investment in human capital. This negative effect will first be revealed on the profitability of investing in health and, later, in the whole economy, and the closed-loop growth of human capital investment will result in slowing economic growth (Lee, Lee & Chiu, 2013). Also, the heavy burden of disease and its multilateral effects on production capacity, demographics, education, etc. play a prominent role in the chronic poverty of less developed countries and slow down the growth (Asefzade, 2010).

Accordingly, Fogel has shown the relationship between physical dimensions of body and nutrition with long-term labor productivity and economic growth, stating that one-third of French and British economic growth in the last 200 years has been due to improved nutrition and health (Fogel, 1997, 1991). Rivara and Quariz demonstrated the strong statistical relationship between health spending and economic growth in their research (Wanat, 2016). In a study on World Bank, Jami Sen found that health spending accounted for 11% of economic growth in selected countries and Baltaji and Muskein showed the strong links between the 20 OECD countries and economic growth (Muye, 2016).

But the important point in this regard is that health can be seen as an indicator of human development and thus of economic growth and development, which should be provided in societies and all members of society should enjoy it. This cannot be achieved unless governments invest in this sector. This is because, on the one hand, planning and policy-making for social welfare in order to guarantee financial access to indi-

vidual and public health services are fundamental requirements for achieving community health and, on the other, governments' intervention in treatment and community health is essential because of market failure in financing and providing health services by private sector (such as information asymmetry) or due to instability in health markets such as health insurance (including selection of appropriate risk by insurers and ethical risk) as well as to reduce inequality and prevent poverty caused by the miserable costs of treatment (Catlin et al., 2007).

Accordingly, scholars such as Elmi and Sadeghi (2012) demonstrated the significant impact of state health expenditure on economic growth for developed countries from 1990 to 2009, Hassan (2012) for Pakistan from 1972 to 2009, Giorgio (2013) for OECD countries, Lee, Eng, Chiang and Kaplan (2016) for China, South Korea, and Taiwan, and Lee, Lee, and Chiu (2017) for 38 developed and developing countries.

Based on what was said, the present study aims at investigating the causal relationship between state health expenditure and economic growth in Iran by examining the state health spending in Iran. Statistical models and econometric analysis are used to analyze this relationship in different time periods (short and long terms) in order to clarify the role and presence of government in Iranian health sector by explaining the effectiveness of government health sector policies. Thus, decision-makers in various areas of the health sector and politicians in the country can achieve the desired economic growth that is also applicable to other developing countries (like Iran). Therefore, the present research questions will be as follows:

But the important point in this regard is whether the impact of health spending on economic growth can be verified for all countries and regions at different times, or it is different depending on the extent of the participation of governments in the health sector in different countries. Also, is this causal relationship (the impact of state health expenditure on economic growth) unilateral or bilateral? In other words, will economic growth lead to improved health spending?

2. Research methodology

For this research, the Vector Auto-regression (VAR) model, which is widely used today, has been selected. In fact, in traditional concurrent methods, the variables are first divided into two endogenous and exogenous categories and a series of constraints, especially the zero constraints should be considered on the structural equation coefficients by default in order to estimate structural coefficients. But in vector

autocorrelation models, the variables are defined as a function of their lagged values and other variables, as well as random components of e_t . None of the coefficient matrices are presumed to be equal to zero; in other words, zero constraints are not imposed on the model coefficients. Although pure exogenous variables can be included in the VAR model, there is no context for optional division of endogenous and exogenous variables, as is the case in traditional concurrent methods. The degree of lagging that determines the dynamics of the model is determined by criteria such as Akaike, Schwarz-Bayesian, Hannan-Quinn, and the maximum value of the Log-Likelihood function. The reason for choosing this model for this research is that it determines the long-run relationship between variables and on the other hand, is able to explain short-run relationships between variables. The VAR relation is in line with the short-run and long-run relationship between variables. The reasons why the VAR model was used in this study are as follows:

1. The causal relationships can be studied using time series of this system in any particular economy. This approach is very useful for macroeconomics and some other surveys in Third World countries that lack coherent economics theory (such as advanced and market-based economies), and thus, can identify key variables in that particular economy and develop the obtained theory in this economy.

2. Another useful application of VAR systems is the study of the timing of economic shocks.

The first step in developing a VAR model is to select the appropriate variables. The variables used in the present study are as follows (Tab. 1):

Table 1

Research variables

	Variable	Symbol
1	Gross Domestic Production	GDP
2	Incurred Government health expenses	INCO
3	Ratio of financial intermediaries' credits to private sector to GDP	PRIGDP
4	The ratio of total exports and imports to GDP	XMGDP

Source: World Bank / Central bank.

All time-series information is annual and seasonal for the period of 2003-2018. Data are extracted from the Central Bank and the Iranian Health Insurance Organization. Eviews 10 software was used for statistical analysis and econometric methods. Before estimating the VAR model, it is necessary to first evaluate whether all the variables used in the research are stationary or not. Then, the number of optimal lags is determined based on valid criteria.

2.1. Evaluation of model variables stationary state

One of the major problems of researches is not considering variables stationary state and their change over time as an effective factor in regression analysis. Stationary state of data prevents false regression between variables. Therefore, before performing any analysis to ensure that they are not fictitious and then yield reliable results, it should be tested whether the variables are stationary or not. Also, their cointegration degree should be tested. In this study, the Augmented Dickey Fuller (ADF) test was used. In this test, the null hypothesis is that the variable is stationary. Therefore, the computational statistic must be lower than the ADF test statistic to confirm that the variables are stationary. The result of this test for all the variables indicates that all variables become stationary after a one-time difference and thus, the data are valid. According to the results of the Eviwes10 software output, Tab. 2 presents the data stationary report.

2.2. Optimal lag determination

Since it is very important to determine optimal lags in the cointegration test, it is necessary to determine the optimal lags in an appropriate way. To be more precise, it is best to determine the optimal number of lags with the appropriate cointegration test. Here, the optimal lags are determined by combining different test results. Table 3 shows the optimal lag test. According to the Akaike criterion (ALC), the optimal number of lags in this study is 8.

2.3. Johansson Cointegration Test (Matrix and Maximum Eigenvalues Statistics)

In the maximum eigenvalue test, “the null hypothesis of the lack of cointegration relationship $r = 0$ versus one cointegration $r = 1$,” “existence of one cointegration relationship versus two cointegration relationships $r = 2$,” and “existence of two cointegration relationships versus three cointegration relationships” are tested. In the test of effect, “the hypothesis of lack of cointegration relationship versus cointegration relationship,” “existence of one or less cointegration relationship versus more than one cointegration relationships,” and “existence of two or less cointegration relationships versus more than two cointegration relationships” are tested. If the test statistics for these variables exceeds the critical values at the 5% level, the null hypothesis is rejected. This gives the number of cointegration vectors.

The values of the $\lambda_{\max}$ and λ_{trace} test statistics are now used to determine the number of cointegration vectors. As shown in Tab. 4 and 5, the existence of one cointegration vector is confirmed based on the matrix statistics and the maximum eigenvalue statistics. Cointegration test confirms the existence of at least one cointegration vector between the research variables. Therefore, the desired communication pattern can be estimated using VECM method.

Cointegration test with intercept and trend and 8 lags confirm the existence of three cointegration vectors among gross domestic production, incurred government health expenses, ratio of financial intermediaries' credits to private sector to GDP, and the ratio of total exports and imports to GDP. Therefore, it is possible to estimate the ap-

Table 2

Augmented Dickey Fuller (ADF) test results

Variable	Without differentiation			After a one-time differentiation		
	ADF	ADF critical value at 5%	State	ADF	ADF critical value at 5%	State
LGDP	-0.610400	-3.500495	Not stationary	-3.567994	-3.500495	Stationary
LNINCO	-0.109105	-3.513075	Not stationary	-12.32754	-3.515523	Stationary
LXMGDP	-3.244630	-3.495295	Not stationary	-5.185434	-3.495295	Stationary
LPRIGDP	-0.368253	-3.493692	Not stationary	-6.320775	-3.495295	Stationary

Source: research finding.

Table 3

Optimal Lags Test

AIC	FPE	LR	Lag
-3.918665	6.81e-05	-	0
-5.353384	1.63e-05	65.95391	1
-5.832386	1.01e-05	25.46370	2
-6.164863	7.28e-06	18.73645	3
-6.930761	3.41e-06	32.89338	4
-7.188447	2.67e-06	14.24277	5
-7.092332	2.99e-06	2.411722	6
-7.028861	3.27e-06	3.202820	7
-7.370462*	2.50e-06*	13.90206*	8
-6.988292	3.51e-06	3.600302	9
-7.296192	2.83e-06	2.291805	10

Source: research findings.

propriate communication model using the VECM method, the results of which will be presented in the next section.

2.4. Short-term and long-term dynamics

This section presents the results of estimating the impact of GDP fluctuations on state health expenditure in the health insurance organization and its reversal pattern. According to the results of the cointegration test, the VECM model is estimated with 8 lags. The results of significant and effective coefficients are presented in Tab. 6. Now, using the results, the short-term dynamics known as error correction patterns can be examined. The error correction model (ECM) relates the short-term fluctuations of variables to their long-run values.

Confirmation of the probability level of the ECM coefficient plus its negative coefficient mean that there is a long-term causality between the GDP variable and the government health expenditure dependent variable. The coefficient of error correction factor also indicates that in each period, a few percent of the short-term imbalance of state health expenditure in the health insurance organization is adjusted to achieve long-term equilibrium. Or, in other words, this coefficient indicates that it takes some time for

the state health expenditure in the health insurance organization to return to its long-term trend when a declining or rising shock is imposed on the country’s economy.

The results of the error correction model here show that the error correction term coefficient (ECM) is 39%. The high numerical value of this figure indicates that the adjustment rate is too high to achieve long-term equilibrium. That is, the effects of a change in GDP over two and a half time periods are eliminated from state health expenditure, and state health expenditure reacts to price shocks to GDP. Wald test is now used to investigate the short-term impact coefficients and their causality, the results of which are shown in Tab. 7.

In the Tab. 7 C (40) to C (47) are the coefficients of the variables d (lgdp (-1)) to d (lgdp (-8)). The above results show that the short-run effect of GDP fluctuations on state health expenditure is significant (non-zero), equal to 0.3014 and 0.32 and statistically significant at 1% confidence level. The findings of the study suggest that state health expenditure responds to both long-term and short-term economic growth fluctuations. The results of the inverse model (the effect of state

Table 4

Values of the λ_{trace} test statistics to determine the number of cointegration vectors with 8 lags

H ₀	H ₁	Matrix statistics	Critical values (0.05)
R = 1	R ≥ 1	377.0588	0.0001
R ≤ 1	R ≥ 2	128.7075	0.0000
R ≤ 2	R ≥ 3	31.84994	0.0001
R ≤ 3	R ≥ 4	0.657212	0.4175

Source: research findings.

Table 5

Values of the λ_{max} test statistics to determine the number of cointegration vectors with 8 lags

H ₀	H ₁	Matrix statistics	Critical values (0.05)
R = 1	R ≥ 1	248.3514	0.0001
R ≤ 1	R ≥ 2	96.85753	0.0000
R ≤ 2	R ≥ 3	31.19273	0.0001
R ≤ 3	R ≥ 4	0.657212	0.4175

Source: research findings.

Table 6

Results of estimating the impact of GDP fluctuations on state health expenditure

Variable	Estimated coefficient	Prob. Level	t-statistics	SD
Ecm(-1)	-0.396569	1.108147	0.357867	0.0272
D(LGDP(-1))	-0.301414	0.772121	-0.390372	0.0037
D(LGDP(-2))	-0.320007	0.665504	-0.480849	0.0400
D(LNINCO(-1))	0.353266	0.461022	0.766266	0.0096
D(LNINCO(-3))	0.407541	0.335785	1.213696	0.0003
D(LXMGDP(-1))	-1.524964	0.556613	-2.739721	0.0192

Source: research findings.

Table 7

Wald test results for investigating the causality of short-term coefficients

H ₀	Chi-square	Prob. Level	Result	
C(40) = C(41) = C(42) = C(43) = C(44) = C(45) = C(46) = C(47) = 0	15.447355	0.0006	Rejected	Significant effect of short-term coefficients

Source: research findings.

health expenditure fluctuations on GDP) are shown in Tab. 8.

Confirmation of the probability level of the ECM coefficient plus its positive coefficient mean that there is no long-term causality between the government health expenditure independent variable and the GDP dependent variable. This result means that GDP will not be affected by fluctuations in health sector spending in the long term and the effects of changing state health expenditure will be quickly eliminated from GDP. Also, long-term GDP does not significantly respond to government spending shocks in the long term. There was no significant response. Wald test is now used to investigate the short-term impact factors and their causality, the results of which are shown in Tab. 9.

In the Tab. 9 C (12) to C (19) are the coefficients of the variables d (Ininco (-1)) to d (Ininco (-8)). The above results show that the short-run effect of state health expenditure fluctuations on GDP is significant (non-zero), equal to 4, 67, 67, 70, and 70 and statistically significant at 1% confidence level. The findings of the study suggest that economic growth in the long run does not significantly respond to state health expenditure fluctuations. However, it significantly responds to state health expenditure fluctuations in the short run.

3. Conclusion

The present study is based on an analytical-descriptive approach using the VAR and VECM method to investigate the relationship between economic growth fluctuations, on the one hand, and state health expend-

iture, on the other. In this regard, it was attempted to study the relationship between government health expenditure and economic growth and the impact of economic growth on improving government health expenditure (alternative investment index in health sector by government) in Iran through the study of theoretical bases and history of activities in this regard. The research was done during the seasonal period of 2003:1 to 2018:4 using the data of World Bank and Central Bank of Iran. The results of the present study showed that:

State health spending in Iran shows a significant reaction to short-term and long-term GDP fluctuations, which means that any fluctuation in economic growth in Iran leads to significant changes in health expenditures. On the other hand, Iran's economic growth in the short run also shows a significant response to fluctuations in state health expenditure, but this effect is not significant in the long run, which means allocating more state health expenditure in the short run has a positive effect on Iran's economic growth. But in the long run, it will be quickly eliminated from GDP. Accordingly, it is not possible to give a definite opinion about the impact of health spending on economic growth in Iran. However, since this relationship is significant in the short run, health policy makers and government budget providers are suggested to take aligning health spending with economic growth into account in their decisions and negotiations and mitigate the crises of GDP behavior using its optimistic effects.

Table 8

Results of estimating the impact of state health expenditure shocks on GDP

Variable	Estimated coefficient	Prob. Level	t-statistics	SD
Ecm(-2)	1.382356	0.341590	4.046830	0.0019
D(LGDP(-1))	1.257812	0.393968	3.192677	0.0086
D(LGDP(-4))	0.741909	0.264229	2.807828	0.0170
D(LNINCO(-1))	-0.046979	0.235233	-4.450821	0.0010
D(LNINCO(-2))	-0.679170	0.182660	-3.718223	0.0034
D(LNINCO(-3))	-0.674527	0.171331	-3.936975	0.0023
D(LNINCO(-4))	-0.701104	0.182309	-3.845684	0.0027
D(LNINCO(-5))	-0.709253	0.212948	-3.330644	0.0067
D(LXMGDP(-2))	1.199251	0.438162	2.737004	0.0193
D(LXMGDP(-3))	0.856046	0.330552	2.589750	0.0251
D(LXMGDP(-6))	3.226962	0.766365	4.210737	0.0015
D(LXMGDP(-8))	3.200104	0.781115	4.096842	0.0018
D(LPRIGDP(-1))	0.754142	0.159224	4.736354	0.0006
D(LPRIGDP(-2))	0.928608	0.216984	4.279624	0.0013
D(LPRIGDP(-3))	0.849033	0.200216	4.240588	0.0014
D(LPRIGDP(-4))	0.475149	0.138593	3.428381	0.0056

Source: research findings.

Table 9

Wald test results for investigating the causality of short-term coefficients

H_0	Chi-square	Prob. Level	Result	
$C(12) = C(13) = C(14) = C(15) = C(16) = C(17) = C(18) = C(19) = 0$	30.36366	0.0002	Rejected	Significant effect of short-term coefficients

Source: research findings.

References

1. Aslan A., Menegaki A.N., Tugcu C.T. Health and economic growth in high-income countries revisited: evidence from an augmented production function for the period 1980–2009. *Quality & Quantity*, 2016, no. 50 (2), pp. 937-953.
2. Atilgan E., Kilic D., Ertugrul H.M. The dynamic relationship between health expenditure and economic growth: is the health-led growth hypothesis valid for Turkey? *The European Journal of Health Economics*, 2017, no. 18 (5), pp. 567-574.
3. Bloom D., Canning D. The health and poverty of nations: from theory to practice. *Journal of Human Development*, 2003, no. 4 (1), pp. 47-71.
4. Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political economy*, 1972, no. 80 (2), pp. 223-255.
5. Altug S., Filiztekin A., Pamuk Ş. Sources of long-term economic growth for Turkey, 1880-2005. *European Review of Economic History*, 2008, no. 12 (3), pp. 393-430.
6. Denison E. *Trends in American economic growth*. Brookings Institution Press, 2011
7. Flora C.B., Flora J.L., Gasteyer S.P. *Rural communities: Legacy + change*. Westview Press, 2015.
8. Gollin D., Parente S., Rogerson, R. The role of agriculture in development. *The American Economic Review*, 2002, no. 92(2), pp. 160-164.
9. Hartwig J. Is health capital formation good for long-term economic growth? Panel Granger-causality evidence for OECD countries. *J. Macroecon.* 2010, no. 32, pp. 314-325 [doi: 10.1016/j.jmacro.2009.06.003].
10. Inwood S. Agriculture, health insurance, human capital and economic development at the rural-urban interface. *Journal of Rural Studies*, 2017, no. 54, pp. 1-14.
11. Lee C.C., Lee C.C., Chiou Y.Y. Insurance activities, globalization, and economic growth: New methods, new evidence. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 2017.
12. Lee C.C., Lee C.C., Chiou Y.B. The link between life insurance activities and economic growth: Some new evidence. *Journal of International Money and Finance*, 2013, no. 32, pp. 405-427.
13. Lee Y.H., Ang T.F.A., Chiang T.C., Kaplan W.A. Growing concerns and controversies to Taiwan's National Health Insurance — what are the lessons from mainland China, South Korea and Singapore? *The International journal of health planning and management*, 2016.
14. Lucas R.E. On the mechanics of economic development. *Econometric Society Monographs*, 1998, no. 29, pp. 61-70.
15. Malloy L.C., Pearson-Merkowitz S., Morris I.L. State-Sponsored Health Insurance and State Economic and Employment Growth. *Politics & Policy*, 2016, no. 44(5), pp. 945-975.
16. Muye I.M., Hassan A.F.S. Does Islamic Insurance Development Promote Economic Growth? A Panel Data Analysis. *Procedia Economics and Finance*, 2016, no. 35, pp. 368-373.
17. Pradhan R.P., Arvin M.B., Nair M., Hall J.H., Gupta A. Is there a link between economic growth and insurance and banking sector activities in the G-20 countries? *Review of Financial Economics*, 2017, no. 33, pp. 12-28.
18. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of political economy*, 1986, no. 94 (5), pp. 1002-1037.
19. Schultz T.P. Health and schooling investments in Africa. *The Journal of Economic Perspectives*, 1999, no. 13 (3), pp. 67-88.
20. Wanat S., Papież M., Śmiech S. Insurance Market Development and Economic Growth in Transition Countries: Some new evidence based on bootstrap panel, 2016.

Сведения об авторах

Anahita Seifi — Assistant Professor of social science, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. a.seifi@atu.ac.ir

Hassan Makhmali — Assistant Professor of Economics, Payame Noor University. H.Makhmali@gmail.com

Samira Motaghi — Assistant Professor of Economics, Payame Noor University. samira.motaghi@gmail.com

ЗАВИСИМОСТЬ ВНУТРИМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

И. А. Нурмухаметов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Объектом исследования являются внутримиграционное движение человеческого капитала и его зависимость от региональной политики в отношении развития региональной инфраструктуры. Понимание природы исследуемого объекта позволит скорректировать процесс модернизации инфраструктуры, оценить эффективность существующих инструментов и использовать результаты исследования для разработки новых подходов к решению инфраструктурных проблем на региональном и государственном уровнях. Цель работы — выявить ключевые виды инфраструктуры, которые могут регулировать приток и отток качественного человеческого капитала. В качестве основных задач проанализирована актуальность инфраструктурных направлений и определена степень их влияния на внутримиграционный баланс человеческого капитала. Кроме того, анализируется роль государства в развитии региональной инфраструктуры и влияние качества человеческого капитала на потенциал и динамику экономического и социального развития регионов.

Ключевые слова: *человеческий капитал, инфраструктура регионов, внутримиграционный процесс, качество человеческого капитала.*

Работа по регулированию процессов внутренней миграции человеческого капитала как объекта исследования обновляется уже довольно давно. Серьезная работа в этом направлении велась в дореволюционной России и Советском Союзе. Технологии регулирования и управления этими процессами за последние двести лет претерпели огромные изменения, хотя нельзя не отметить ряд проблем, требующих научного подхода. Целью исследования является работа по выявлению ключевых видов инфраструктур, способных регулировать приток и отток качественного человеческого капитала.

Кроме того, сама концепция человеческого капитала претерпела кардинальные изменения. Расширение структурно-функционального потенциала, расширенное понимание спектра его влияния на парадигму развития всей структуры общества в цивилизационном масштабе привело к новому восприятию стран и мирового сообщества. И на этом этапе формирования новых экономических, социально-политических, постмодернистских реалий человеческий капитал занял ведущее место в национальном богатстве и в совокупном производительном капитале развитых стран, который составляет около 80 %.

В будущем перераспределение потоков человеческого капитала способно оказать ключевое влияние на социально-экономический климат стран, инвестирующих в развитие региональ-

ной инфраструктуры. «В философском смысле модернизация и динамическое развитие государства — это системные изменения в физических, институциональных, организационных, нематериальных (интеллектуальных), финансовых и других факторов его функционирования. Можно с уверенностью сказать, что они в конечном итоге приводят к позитивным экономическим, социальным, политическим, институциональным, экологическим, инфраструктурным и другим полезным изменениям» [11].

Качество жизни является наиболее емким понятием, которое напрямую определяет формирование, развитие, рост и межрегиональную миграцию человеческого капитала. Оценка качества жизни в регионе позволяет определять положительные и отрицательные процессы, координировать межведомственное взаимодействие, направленное на улучшение условий, которые на него влияют. Рейтинговая система позволяет оценить межрегиональные различия в сфере повышения качества жизни. Каковы их весы? Многие показатели, характеризующие качество жизни в разных регионах Российской Федерации, по-прежнему различаются в разы. Чтобы определить качество жизни в регионах и оценить существующие дисбалансы в этой области, исследования проводятся каждый год, а рейтинги качества жизни составляются на основе объективных показателей.

И не последнее место в этом занимает развитие инфраструктуры каждого региона.

Для оценки качества жизни и составления рейтинга источником информации являются данные, полученные из следующих источников: Росстат, Министерство здравоохранения России, Министерство финансов России, Центральный банк Российской Федерации и другие открытые источники. Сбор данных осуществляется по 72 показателям, которые распределены по 11 группам, характеризующим все основные аспекты и условия жизни в регионе, от уровня экономического развития и доходов до уровня обеспечения населения различными видами услуг, а также климатические условия в регионе проживания.

Группы, в которых объединены рейтинги:

- 1) уровень доходов населения;
- 2) занятость населения и рынок труда;
- 3) жилищные условия населения;
- 4) безопасность проживания;
- 5) демографическая ситуация;
- 6) эколого-климатические условия;

7) здоровье населения и уровень образования;

8) обеспечение объектов социальной инфраструктуры;

9) уровень экономического развития;

10) уровень развития малого бизнеса;

11) освоение земель и развитие транспортной инфраструктуры.

Объективно эта система позволяет отслеживать динамику процессов, происходящих в регионе и влияющих на формирование и качество человеческого капитала [13]. Сводная таблица (см. ниже) отражает, насколько взаимосвязаны и насколько индивидуальны эти показатели.

На сегодняшний день существует ряд экономических школ, которые по-разному относятся к концепции человеческого капитала. Наша задача — попытаться сформулировать наиболее полное определение человеческого капитала, оценить его возможности, перспективы развития. Неравномерное развитие социальной инфраструктуры в регионе порождает внутреннюю миграцию. Люди покидают деревни в поисках лучших условий и мигрируют в более удобные населенные

Таблица 1

**Приток (отток) человеческого капитала в ряде регионов России
в зависимости от качества жизни**

№	Субъект РФ, в состав которого входит город	Удаленность от столицы, км	Балл в Рейтинге-2017 (мин. 1 / макс. 100) ¹	Январь 2017 г., чел. ²	Январь 2016 г., чел. ²	Динамика роста/сокращения, чел. ²
1	Московская обл.	—	76,92	12 380 664	12 330 126	50 538
2	Ленинградская обл.	714	75,88	5 281 579	5 225 690	55 889
3	Новосибирская обл.	3320	49,11	1 602 915	1 584 138	18 777
4	Свердловская обл.	2150	56,80	1 455 514	1 444 439	11 075
5	Нижегородская обл.	506	55,50	1 261 666	1 266 871	—5205
6	Респ. Татарстан	812	65,59	1 231 878	1 216 965	14 913
7	Челябинская обл.	1776	52,19	1 198 858	1 191 994	6864
8	Омская обл.	2703	42,53	1 178 391	1 178 079	312
9	Самарская обл.	1054	52,81	1 169 719	1 170 910	—1191
10	Ростовская обл.	1074	52,91	1 125 299	1 119 875	5424
11	Респ. Башкортостан	1300	50,53	1 115 560	1 110 976	4584
12	Красноярский край	4141	46,15	1 082 933	1 066 934	15 999
13	Пермский край	1442	45,26	1 048 005	1 041 876	6129
14	Воронежская обл.	514	61,21	1 039 801	1 032 382	7419
15	Волгоградская обл.	969	40,22	1 015 586	1 016 137	—551
...	...					
26	Приморский край	9129	44,19	606 589	606 653	—64

¹ Источник — РИА Рейтинг.

² Источник — Росстат.

пункты и города. В качестве примера рассмотрим диаграмму внутренней миграции в Челябинской области (см. рисунок на с. 108) [10].

Таким образом, мы можем оценить влияние региональных инфраструктур на приток, развитие и качество человеческого капитала. Это, в свою очередь, позволит нам оценить потенциальное влияние человеческого капитала на экономику региона. Кроме того, эти результаты подчеркивают важность демографического перехода как механизма, который лежал в основе роста человеческого капитала, наблюдавшегося в западных экономиках в XX в. [6].

Человеческий капитал — это совокупность элементов системы, где каждый элемент может быть востребован в той или иной сфере экономики. Элементы этой системы могут быть как врожденными (физиологические характеристики, биологические и т. д.), так и приобретенными через образование, опыт на практике. Факторы, определяющие человеческий капитал:

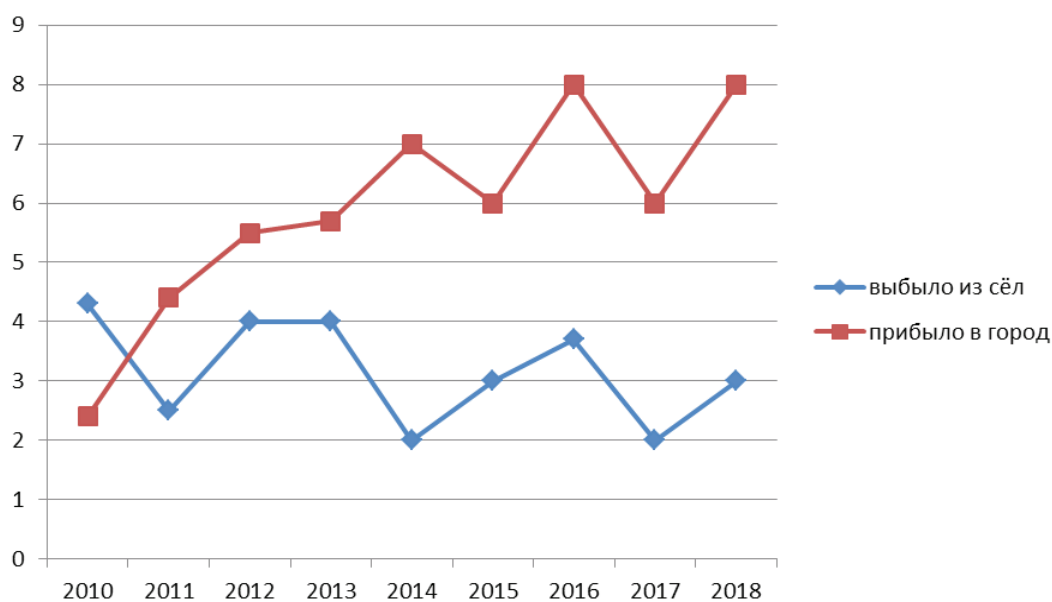
- уровень профессионального образования и квалификации;
- опыт работы и профессиональные навыки;
- навыки социального общения, способность к самостоятельному суждению, лидерство, нравственные качества, образование;
- интеллектуальные и аналитические способности;
- физические и физиологические способности и возможности;
- интуиция, в том числе эмоциональный интеллект;

— стабильность психики и скорость реакции, в том числе стрессоустойчивость.

Другими словами, мы можем сказать, что в экономическом плане это мера квалификации, образовательного потенциала и других индивидуальных характеристик, которые влияют не только на его производительный потенциал, но и на потенциальный доход. Характеристики и их комбинации очень индивидуальны, если не уникальны. Однако, согласно ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), человеческий капитал определяется как: навыки и знания, компетенции и другие личные качества, воплощенные в отдельных лицах или профессиональных сообществах, приобретенные в течение жизни и используемые для производства товаров, услуг или различных типов интеллектуальной собственности в рыночных условиях.

Важно отметить, что человеческий капитал занимает центральное место среди показателей стратегической эффективности предприятия, так как он является источником максимизации прибыли предприятия и обеспечения его устойчивости и минимизации затрат [5]. Наиболее актуален тот факт, что в российской экономической среде возникает понимание того, что человек с его образованием, квалификацией, практическими навыками и опытом (в широком смысле этого слова) является важным и в то же время недооцененным экономическим ресурсом.

При таком понимании мезоэкономика представляет собой промежуточный уровень между макро- и микроэкономикой, на котором син-

Внутрирегиональная миграция населения в Челябинской области в 2010—2018 гг.

тезируются экономические процессы, внутри которых взаимодействуют регионы, отрасли, крупные экономические комплексы (кластеры, холдинги, межрегиональные и межотраслевые корпорации), межотраслевые и межрегиональные технологические цепочки и сети. Мезоэкономика — это сфера экономики, в которой синтезируются институциональные, региональные, отраслевые и инфраструктурные факторы, процессы создания продуктов и предоставления услуг в результате сложного взаимодействия регионов, отраслей, крупных экономических комплексов [1].

Оценка этой экономической категории является важной задачей для микро- и макроуровня. В качестве механизма расчета в основном рассматривается определение стоимости человеческого или трудового потенциала или человеческого капитала, обычно применяющих методологические подходы Всемирного банка, и производятся расчеты, основанные на затратах клиентов, капитализации доходов и соотношении затрат и доходов человеческого капитала посредством оценки образовательного потенциала [8].

Одной из ключевых проблем, поднятых в статье, является проблема перераспределения потоков человеческого капитала. По мнению автора, этот аспект способен оказать ключевое влияние на социально-экономический климат страны, инвестирующей в развитие региональной инфраструктуры, тогда как в философском смысле модернизация и динамическое развитие государства являются системными изменениями физических, институциональных, организационных, нематериальных (интеллектуальных), финансовых и других факторов его функционирования. Можно с уверенностью сказать, что в конечном итоге они приводят к позитивным экономическим, социальным, политическим, институциональным, экологическим, инфраструктурным и другим выгодным изменениям.

Вопросы развития инфраструктурных проектов играют важную роль. Но какие типы инфраструктуры являются наиболее существенным аргументом для обеспечения человеческого капитала качеством жизни, необходимым в современных социально-экономических реалиях? Какие факторы, кроме инфраструктурных, могут влиять на внутримиграционные процессы? Какова роль государства и региональных властей в регулировании внутримиграционных процессов? Вот основные вопросы, требующие исследования.

Социальная функция государства осуществляется через реализацию соответствующей социальной политики, которая определяется как целенаправленная деятельность органов государственной власти по достижению основных целей развития общества.

По мнению большинства исследователей, ключевым фактором, влияющим на качество и рост человеческого капитала, является наличие или отсутствие инфраструктуры, степень ее развития в регионах, где находится так называемая колыбель человеческого капитала. По оценке большинства экономистов, изучающих человеческий капитал, экономическим локомотивом регионов, способствующих росту и развитию качества человеческого капитала, являются такие виды инфраструктур:

— Социальная (жилье, образование, медицинские учреждения, спортивные сооружения).

— Инженерная (энергетические объекты, коммунальные сети).

— Транспортная (железные дороги, морские порты, береговая инфраструктура, аэродромы, аэропорты, трубопроводы).

— Информационно-коммуникационная (системы связи, информационная поддержка принятия решений).

— Инновационная (научная, научно-техническая и инновационная деятельность).

Основываясь на изученном материале, можно с уверенностью сказать, что ряд инфраструктурных систем играют основополагающую роль в стимулировании роста и, что наиболее важно, качества человеческого капитала. Решение важнейших социально-экономических задач требует систематизации инфраструктурных комплексов. Кроме того, их элементы образуют неразрывную социально-экономическую экосистему, которая участвует в воспроизводстве человеческого капитала и обладает компетенциями, необходимыми для развития экономического мезоуровня. Ряд зарубежных исследователей провели эмпирический анализ, основанный на недавно построенном наборе панельных данных для 15 промышленных категорий, в 92 странах за период 1970—2010 гг. Результаты показывают, что степень, в которой рост уровня качества человеческого капитала способствует модернизации промышленности, зависит от уровня институционального качества, измеряемого индексом размера правительства, правовой структуры и доступа к надежным деньгам, свободы торговли и рыночного регулирования [9].

На сегодняшний день развитие региональной инфраструктуры как некой единой системы обусловлено необходимостью вывести ряд регионов из экономического кризиса и противостоять агрессивной экономической ситуации на международном рынке. Важно понимать, что инвестиции в развитие, модернизацию и инновации региональной инфраструктуры наполнят рынок труда востребованным персоналом, сократят безработицу, увеличат доходы людей и качество жизни. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации, поддерживаемая людьми всего мира, — историческая веха в жизни страны, отвечающая объективной необходимости внедрения научных достижений и технологий в экономическую составляющую нового демократического общества. Преодоление негативных проявлений и последствий мирового экономического кризиса, который также затронул наше государство, — это реструктуризация экономики, вложение инвестиций в человеческий капитал, создание среды для инновационного движения, подъем образования, науки и здравоохранения в формировании новой демократической национальной структуры, присущей обществу в целом [2].

На данном этапе экономического и технологического развития совершенно очевидно, что формы экономического использования человеческого капитала существенно изменились и приобрели совершенно иной социально-экономический статус. Говоря об этом, мы имеем в виду инновационный человеческий капитал, который стал важным элементом в накоплении экономических и технологических инноваций. В качестве примера рассмотрим ряд из них:

1. В современных условиях функционирования экономической системы трудоспособность работника не противопоставляется используемым материальным факторам производства. Факторы производства в настоящее время не являются противоположными сторонами функционирующего капитала.

2. Интеграция труда объединяет все отрасли общественного хозяйства, в результате чего формируется единый социально-экономический комплекс, основанный на интеграции материальных и научно-образовательных ресурсов. В таком комплексе каждый отдельный работник действует как часть единого, целого, экономически активного населения. На сегодняшний день существующая система профессионального труда, сформированная в единую систему воспроизводства, являющая-

ся частью экономической системы, основанной на научном, образовательном и материальном производстве [3].

Еще раз, возвращаясь к цели исследуемого объекта, определяем ключевые виды инфраструктур, которые могут регулировать приток и отток высококачественного человеческого капитала. В результате исследования нам необходимо решить поставленные задачи или аргументировать существование факторов, препятствующих достижению желаемых результатов.

Кроме того, в качестве целей автор отмечает:

1. Зависимость объемов внутренней миграции и качества человеческого капитала от уровня развития отдельных видов инфраструктуры в регионе.

2. Взаимосвязь между усилением государственной поддержки развития региональной инфраструктуры и уровнем качества миграции человеческого капитала.

3. Оптимизацию подходов к развитию региональной инфраструктуры и обоснование ключевой роли государства в формировании стабильного уровня притока и оттока человеческого капитала.

Задача сохранения и развития человеческого капитала имеет стратегическое значение. По справедливому замечанию А. Маркова, человеческий капитал в силу своей природы, экономического происхождения и характеристик воспроизводства находится в сфере естественного взаимодействия государства, бизнеса, личности и общества в целом. Таким образом, можно оценить конкретный мировой опыт экономического роста, например, в Китае. Как известно, культурная революция в основном разрушила образование в Китае, особенно это коснулось высшего образования. Данные раннего периода шестидесятых и семидесятых годов показывают, что на тот момент в Китае очень мало людей училось в старших классах и университетах. Когда Китай начал участвовать в мировой экономике, все стало меняться. Китайское правительство начало тратить очень небольшую часть своего дохода на образование [4].

Подводя итоги, следует отметить, что разрыв между областными центрами, за исключением столичных регионов, не так велик, но есть ряд особенностей, которые нельзя упускать из виду.

Во-первых, степень развития инфраструктур, а именно этот аспект отражает показатель балльного рейтинга, значительно выше у тех субъектов, которые расположены ближе к столичному региону. И характерно, что в то же время отток населения в них примерно равен оттоку человеческого капи-

тала из отдаленных регионов с наименее развитой инфраструктурой. Из чего можно сделать вывод, что регионы с наиболее развитой инфраструктурой, более высоким качеством жизни и близостью к столице как магнит втягивают в себя качественный человеческий капитал. Они опустошают те регионы, где развивается инфраструктура, но нет перспектив для дальнейшего развития и высокооплачиваемой занятости. В той же степени те субъекты, в которых необходима инфраструктура менее развита и существует острая нехватка качественного человеческого капитала, страдают от потерь человеческого капитала, поскольку не могут обеспечить себя качественным человеческим капиталом. Во-вторых, климатические особенности, значительная удаленность, изоляция и другие черты некоторых регионов существенно усложняют жизнь и работу человека в этих условиях.

Ясно одно: необходимо если не устранить, то хотя бы компенсировать последствия таких искажений. При всем этом нас интересует роль, отведенная государству как гаранту стабильности

и права, выступающих на стороне самого этого человека [12].

В заключение следует отметить, что развитие качественной социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры играет ключевую роль в формировании качественного человеческого капитала. Это включает в себя жилье, детские сады, школы, университеты, больницы, спортивные и развлекательные комплексы, культурные объекты, транспорт, энергетические объекты, коммунальные сети. Все это позволяет сделать жизнь человека полноценной и качественной. На сегодняшний день развитие региональной инфраструктуры как некой единой системы обусловлено необходимостью вывести ряд регионов из экономического кризиса и противостоять агрессивной экономической ситуации на международном рынке. Важно понимать, что инвестиции в развитие, модернизацию и инновации региональной инфраструктуры наполнят рынок труда востребованным персоналом, сократят безработицу, увеличат доходы людей и повысят качество жизни.

Список литературы

1. Human capital growth and poverty: Evidence from Ethiopia and Peru / O. Attanasio, C. Meghir, E. Nix, F. Salvati // *Rev. of Economic Dynamics*. — 2017. — No. 25. — P. 234—259.
2. Social and economic development of the state in the context of the innovative environment formation / A. Y. Arkatov, E. I. Evtushenko, A. V. Manin, E. S. Dolzhenko, F. I. Rahimov // *Intern. J. of Applied Engineering Research (IJAER)*. — 2014. — No. 9 (22). — P. 16843—16853.
3. Becker, G. S. The manipulation of children's preferences, old-age support, and investment in children's human capital / G. S. Becker, K. M. Murphy, J. L. Spenkuch // *J. of Labor Economics*. — 2016. — No. 34 (S2). — P. 3—30.
4. Becker, G. S. Growing human capital investment in China compared to falling investment in the United States / G. S. Becker // *J. of Policy Modeling*. — 2012. — No. 34 (4). — P. 517—524.
5. Role of human capital among the indicators of enterprise's strategic effectiveness / L. V. Ermolina, V. V. Golikov, Z. N. Kozenko, E. V. Ponosova // *Quality access to success*. — 2018. — February, no. 19 (162). — P. 92—95.
6. Fernihough, A. Human capital and the quantity quality trade off during the demographic transition / A. Fernihough // *J. of Economic Growth*. — 2017. — No. 22 (1). — P. 35—65.
7. Schultz, T. W. Economic value of education / T. W. Schultz. — N.Y. : Columbia Univ. Press, XII, 1963. — P. 71—89.
8. Titarenko, G. The strategy of the human capital reproduction in the concept of the national innovation system development, Economics and management of national economy / G. Titarenko // *Economic annals*. — 2013. — Vol. XXI, no. 11—12 (1). — P. 27—29.
9. Zhou, Y. Human capital, institutional quality and industrial upgrading: global insights from industrial data / Y. Zhou // *Economic Change and Restructuring*. — 2018. — No. 51 (1). — P. 1—27.
10. Каркаев, И. Quality of the Human Capital and State Support of Development of Regional Infrastructure [Электронный ресурс] / I. Каркаев, I. Nurmukhametov // *Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*. — 2019. — P. 367—380. — URL: http://doi.org/10.1007/978-3-030-15577-3_36.
11. Корчагин, Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? : монография / Ю. А. Корчагин. — Воронеж : CIRE, 2005. — 252 с.

12. Нурмухаметов, И. А. Экономически активный возраст трудовых ресурсов / И. А. Нурмухаметов // Современные хозяйственные отношения: в поисках новой модели. Вторая международная научная конференция. — М. : Перо, 2016. — С. 29—33.

13. Каркаев, Y. S. Dependence of intramigration processes on the development of regional infrastructure [Электронный ресурс] / I. Каркаев, I. Nurmukhametov // International Scientific and Practical Conference "Contemporary Issues of Economic Development of Russia: Challenges and Opportunities". —2018. — No. 92. — P. 855—863. — URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.92> (дата обращения 03.06.2019).

Сведения об авторе

Нурмухаметов Илья Анатольевич — преподаватель, инженер по качеству кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. 89058323808@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 106—113.*

DEPENDENCE OF INTRAMIGRATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INFRASTRUCTURE

I.A. Nurmukhametov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. 89058323808@mail.ru

The object of the research in the article is the intramigration movement of human capital and its dependence on regional policies regarding the development of regional infrastructure. Understanding the nature of the object under study will make it possible to adjust the process of modernization of the infrastructure, assess the effectiveness of existing tools and use the results of the study to design new approaches to solving infrastructure problems at the regional and state levels. The aim of the study is to identify key infrastructure areas that can regulate the inflow and outflow of high-quality human capital. As the main tasks in the article: 1. The relevance of the infrastructure directions is analyzed and their degree of influence on the intramigration balance of human capital is determined. 2. Analyses the role of the state in the development of regional infrastructure and the impact of the quality of human capital on the economic and social development potential of the regions and its dynamics. Including methodology of qualitative evaluation of the level of development of enterprise's human capital and level of its correspondence to its needs, and determine the connection between these indicators with the help of the methods of regression and correlation analysis.

Keywords: *education, health, human capital, infrastructure of the regions, intramigration process, quality of human capital.*

References

1. Attanasio O., Meghir C., Nix E., Salvati F. Human capital growth and poverty: Evidence from Ethiopia and Peru. *Review of Economic Dynamics*, 2017, no. 25, pp. 234-259.
2. Arkatov A.Y, Evtushenko E.I., Manin A.V., Dolzhenko E.S., Rahimov F.I. Social and economic development of the state in the context of the innovative environment formation. *International Journal of Applied Engineering Research*, 2014, no. 9 (22), pp. 16843-16853.
3. Becker G.S., Murphy K.M., Spenkuch J.L. The manipulation of children's preferences, old-age support, and investment in children's human capital. *Journal of Labor Economics*, 2016, no. 34 (2), pp. 3-30.
4. Becker G.S. Growing human capital investment in China compared to falling investment in the United States. *Journal of Policy Modeling*, 2012, no. 34 (4), pp. 517-524.
5. Ermolina L.V., Golikov V.V., Kozenko Z.N., Ponosova E.V. Role of human capital among the indicators of enterprise's strategic effectiveness. *Quality access to success*, February 2018, no. 19 (162), pp. 92-95.
6. Fernihough A. Human capital and the quantity quality trade off during the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 2017, no. 22 (1), pp. 35-65.
7. Schultz T.W. *Economic value of education*. N.Y., Columbia University Press, 1963. XII. Pp. 71-89.

8. Titarenko G. The strategy of the human capital reproduction in the concept of the national innovation system development, Economics and management of national economy. *Economic annals*, 2013, vol. XXI, no. 11-12 (1), pp. 27-29.

9. Zhou Y. Human capital, institutional quality and industrial upgrading: global insights from industrial data. *Economic Change and Restructuring*, 2018, no. 51 (1), pp. 1-27.

10. Капкаев И., Нурмухаметов И. Quality of the Human Capital and State Support of Development of Regional Infrastructure. *Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*, 2019. Pp. 367-380. Available at: http://doi.org/10.1007/978-3-030-15577-3_36.

11. Korchagin Yu.A. *Rossiyskiy chelovecheskiy kapital: faktor razvitiya ili degradatsii?* [Russian human capital: a factor of development or degradation?]. Voronezh, 2005. 252 p. (In Russ.).

12. Nurmukhametov I.A. Ekonomicheski aktivnyy vozrast trudovykh resursov [Economically active age of labor]. *Sovremennyye khozyaystvennyye otnosheniya: v poiskakh novoy modeli vtoraya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Modern economic relations: in search of a new model]. Moscow, 2016. Pp. 29-33. (In Russ.).

13. Капкаев Y.S., Нурмухаметов I.A. Dependence of intramigration processes on the development of regional infrastructure. *International Scientific and Practical Conference. Contemporary Issues of Economic Development of Russia: Challenges and Opportunities*, 2018, no. 92, pp. 855-863. Available at: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.92>, accessed 03.06.2019.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

А. Е. Кремин, Е. А. Мазилев

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Опыт составления и реализации стратегических документов развития малого и среднего бизнеса (МСП) на региональном уровне демонстрирует отсутствие широкого распространения данных нормативно-правовых документов в законодательной базе каждого отдельного субъекта РФ. Документы различаются как по сущностному наполнению, так и по инструментам, которые используются органами госуправления для стимулирования исследуемого сектора экономики. Представляется целесообразным осуществить анализ результатов их реализации для определения наиболее эффективного подхода к составлению стратегии развития МСП в регионе. Цель статьи заключается в оценке результатов стратегического планирования развития МСП в регионах РФ для формирования общих рекомендаций по разработке и составлению региональной стратегии. Рассмотрены методические подходы к составлению региональных стратегий развития МСП в регионах, проанализирован опыт реализации данных документов на основе сопоставления трендов изменения базовых индикаторов с их плановыми значениями; разработаны рекомендации по организации контроля над реализацией данных нормативно-правовых документов.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, стратегия, российский опыт стратегирования, результаты реализации региональной стратегии.

Введение

Развитие малого и среднего предпринимательства в РФ является важной задачей органов государственного управления в обеспечении развития экономики государства [3; 4]. Согласно существующей теории, сектор МСП позволяет наделить социально-экономическую систему гибкостью и адаптивностью к возникающему негативному влиянию внешних факторов, позволяя решать различные проблемы, такие как: безработица, моноструктурность (монопрофильность) экономики отдельных территорий, низкий уровень жизни населения и др. [6; 8]. Так, к примеру, по мнению эксперта АНО «Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства» Л. А. Колесниковой, данный сектор экономики определяет уровень социально-экономического развития территории и диверсифицированности ее экономики [5]. В то же время, в работах заслуженного деятеля науки РФ М. Д. Шарьгина также отмечается, что именно МСП — основная база для формирования рациональной структуры местного хозяйства, что определяет необходимость управления его функционированием [11; 12].

Активное стремление отдельных органов государственного управления развивать данный сектор экономики привело к возникновению проблем

несогласованности создаваемых стратегических и программных документов по целям, задачам, техническому и экономическому базису и других, что было отмечено нами ранее [7]. Это привело к потребности создания единого стратегического документа, объединяющего и регламентирующего усилия органов власти в развитии сектора МСП. В то же время его необходимость обусловлена спецификой социально-экономических систем субъектов РФ (различия в объемах ресурсов, проводимой политики, конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и др.).

Вопросы и проблемы развития исследуемого сектора экономики описаны в многочисленных трудах отечественных ученых, но отдельно стоит отметить работы доктора экономических наук В. И. Бархатова и коллег, представивших экспертную оценку состояния сектора МСП и результатов его государственной поддержки, которые свидетельствуют о наличии проблем осуществления данного процесса [1; 2].

Существующие на данный момент подходы к разработке, реализации и оценке стратегии развития МСП в регионах сформированы по инициативе самих органов региональной власти каждого отдельного субъекта РФ, что, в свою очередь, отразилось на структуре и содержании данных нормативно-правовых документов, а также на отсутствии их единообразия, которое не позволяет обеспечить их внедрение в каждом регионе страны [7]. В частности, основной проблемой организации данного процесса является

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

оценка результатов реализации стратегического документа [9; 13; 14]. Ввиду этого возникает потребность в выработке общих рекомендаций по разработке стратегии развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне, что и обусловило актуальность выбранной тематики исследования.

Целью статьи является оценка результатов стратегического планирования развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ для формирования общих рекомендаций по разработке и составлению региональной стратегии. Для ее достижения рассмотрены существующие стратегические документы, регламентирующие развития МСП в отдельном регионе, как результат использования различных методических подходов к их составлению. Также на основе рассмотренного опыта разработаны рекомендации по составлению и реализации стратегических документов на этапе контроля и оценки результатов их реализации региональных стратегий развития малого и среднего бизнеса в регионах России.

Методические подходы к составлению и реализации региональных стратегий развития малого и среднего бизнеса в России

В настоящее время в России главным стратегическим документов, регламентирующим осуществление данного процесса, является Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был принят в 2014 г. В нем описаны основные принципы и механизмы разработки данных нормативно-правовых документов для отдельных социально-экономических систем [10]. Его принятие обусловлено преимущественно тем, что органы государственного управления нацелены на повышение эффективности собственной работы, а не на расширение инструментов, используемых в своей деятельности. Но в то же время конкретных методических рекомендаций по составлению отдельных стратегических документов на региональном уровне в настоящий момент не существует, что обуславливает актуальность данного исследования.

До 2016 г. (до утверждения Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ до 2030 г.) в субъектах РФ было принято только пять отдельных стратегических документов, регламентирующих развитие МСП на территории региона (республики Башкортостан, Саха и Чувашская, Алтайский край, а также Ярославская область) [7]. В остальных регионах данный нормативный документ отсутствовал или заменялся общей стратегией социально-экономического развития территории, в которой выделено направление по управлению состоянием сектора МСП. Также стоит отметить, что развитие малого и средне-

го бизнеса в субъектах регламентируется региональными программами, но важность и приоритетность данного направления делают необходимым создание отдельной стратегии, определяющей деятельность региональных органов власти по управлению развитием исследуемого сектора экономики. Поэтому дальнейший анализ будет ограничен именно данными пятью нормативно-правовыми документами.

Стоит отметить, что после принятия федеральной стратегии только три субъекта дополнили свою нормативно-правовую базу данным стратегическим документом на региональном уровне (Ленинградская, Свердловская области и Республика Тыва), но оценка их результативности в настоящий момент невозможна по причине короткого срока их реализации.

Согласно результатам исследования, полученным ранее, выделены основные положения стратегических документов, которые должны быть проработаны и представлены в тексте стратегического документа:

- паспорт стратегии развития субъектов предпринимательства;
- анализ внешней и внутренней среды функционирования субъектов предпринимательства;
- анализ эффективности госрегулирования деятельности субъектов предпринимательства;
- стратегические цели и показатели поддержки малого и среднего предпринимательства в регионе;
- механизмы реализации стратегии;
- оценка рисков реализации стратегии;
- организация контроля над реализацией стратегии [Там же].

Сравнительный анализ данных документов позволил заключить, что почти все принятые стратегии содержат в себе паспорт или общие положения. Исключением является Стратегия развития малого и среднего предпринимательства Республики Саха. Причиной данного недостатка, по нашему мнению, является наиболее ранние ее публикация и принятие по сравнению с другими анализируемыми стратегическими документами, в 2011 г. Также представленный анализ внешней и внутренней среды функционирования малого предпринимательства не раскрывает сущности текущих проблем исследуемого сектора экономики. Однако остальные стратегии также не лишены недостатков (см. таблицу на с. 116).

Результаты анализа свидетельствуют о том, что данные стратегические документы различаются между собой как по содержанию, так и по направлениям развития сектора МСП. Большинство из них требуют актуализации ввиду несоответствия требованиям Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ» по причине раннего срока их

**Результаты сравнительного анализа
стратегий развития малого и среднего предпринимательства в субъектах РФ**

№ п/п	Субъект РФ	Сроки, год		Наличие паспорта и (или) общего положения	Описание основных принципов реализации стратегии	Оценка внешней и внутренней среды функционирования малого бизнеса			Учет институциональной обеспеченности и эффективности государственного регулирования			Описание механизма реализации стратегии и контроля его функционирования	Оценка рисков реализации стратегии	Привлечение всех участников в процесс актуализации стратегии	
		принятия	окончания			М*	Р*	Ф*	М*	Р*	Ф*				
1	Республика Алтай	2013	2025	+	8		+	+		+/-	+	+	+		
2	Республика Башкортостан	2016	2030	+	6	+	+	+				+/-	+/-	+/-	
3	Республика Саха	2011	2020	-	-		+/-			+		-	-	-	
4	Чувашская Республика	2016	2030	+	5	+/-	+	-	-	+	+	-	-	-	
5	Ярославская область	2014	2025	+	6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-

* М — муниципальный уровень; Р — региональный уровень; Ф — федеральный уровень.

+ — требование выполняется; +/- — требование выполняется не в полной мере; — — требование не выполняется.

принятия. Также стоит отметить, что только в стратегии Ярославской области проводится комплексный анализ внешних и внутренних факторов функционирования сектора МСП на муниципальном, региональном и федеральном уровне, что является несомненным преимуществом по сравнению с другими стратегическими документами. Важным недостатком анализируемых стратегий является отсутствие механизма привлечения всех участников планируемого развития в процессы их составления и реализации.

Ввиду высокой сущностной дифференциации исследуемых стратегий представляется целесообразным осуществить анализ результатов реализации данных стратегических документов с целью определения наиболее эффективного подхода к составлению стратегии развития малого и среднего бизнеса в регионе. Решить данную задачу возможно при помощи оценки достижения целевых значений базовых показателей. Также результаты данного анализа позволят разработать рекомендации по составлению и организации контроля исполнения основных задач стратегического документа, от которого зависит эффективность и гибкость органов государственного управления.

Анализ результатов реализации стратегий развития малого и среднего бизнеса в регионах России

В качестве базы исследования использовались материалы данных стратегических документов, данные органов Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка России, Федеральной налоговой службы и др.

Одним из главных недостатков рассматриваемых нормативно-правовых документов является отсутствие методических пояснений, раскрывающих сущностные характеристики базовых показателей. Данный факт стал одной из причин несоответствия фактических

значений индикаторов, указанных в стратегическом документе, тем значениям, которые указаны в отчетах органов Федеральной службы государственной статистики и других государственных учреждений.

Так, к примеру, ни один из базовых индикаторов Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Алтайского края, характеризующих ситуацию на момент ее разработки, не соответствует фактическим значениям показателей, указанных в отчетах государственных органов (рис. 1). Более того, стоит отметить, что многие индикаторы, заявленные в стратегических документах, не представлены в свободном доступе, что затрудняет оценку результативности процесса развития исследуемого сектора экономики (из 12 индикаторов указанных в Стратегии Алтайского края в общем доступе представлено только пять). Исходя из результатов построения прогноза изменений отдельных индикаторов развития исследуемого сектора экономики в Алтайском крае можно сделать вывод о том, что запланированные результаты реализуемой Стратегии не достигаются, а сам нормативно-правовой документ нуждается в корректировке.

Динамика большинства анализируемых показателей представляет отрицательное значение. Исключением является увеличение удельного веса продукции, произведенной малыми предприятиями, в общем объеме валового регионального продукта. Однако значение данного индикатора зависит от общей ситуации в экономике региона — снижение показателей субъектов экономической деятельности, не входящих в исследуемую категорию, может привести к его искусственному росту. Так, в результате снижения объемов валового регионального продукта, произведенного субъектами не малого и средне-

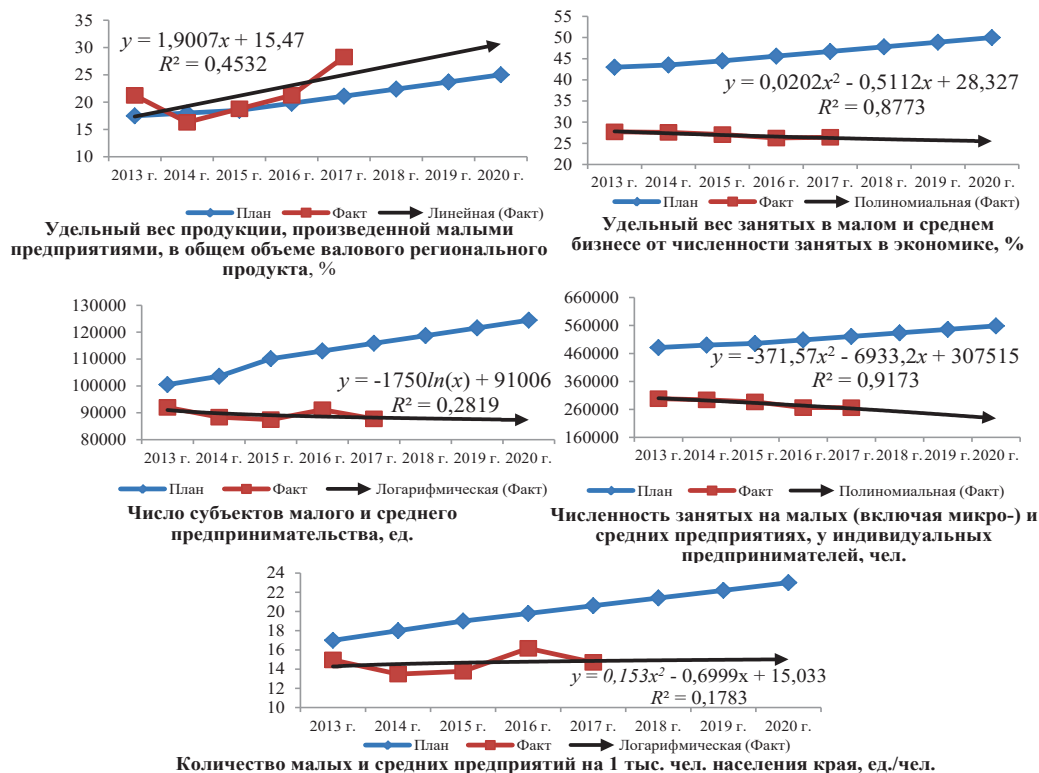

Рис. 1. Базовые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Алтай

Источник: составлено по данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Алтайского края на период до 2025 г. и Федеральной службы госстатистики

го предпринимательства, на 8,3% в 2017 г. привело к дополнительному увеличению доли исследуемого сектора экономики почти на 2%.

В стратегическом документе по развитию малого и среднего бизнеса в регионе, принятом в Республике Башкортостан, в качестве базовых индикаторов эффективности ее реализации выступают четыре

показателя (рис. 2). Заявленные значения на момент его принятия соответствуют данным органов Федерального службы государственной статистики.

Сегодня в Республике Башкортостан наблюдается планомерное развитие исследуемого сектора экономики. Однако значения масштабных показателей сектора МСП выбиваются из планового

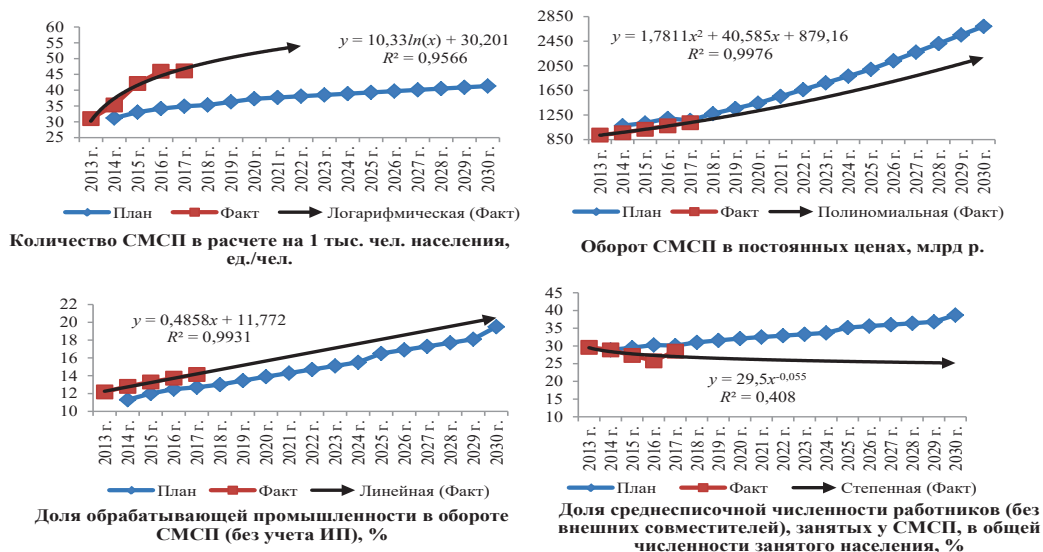

Рис. 2. Базовые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан

Источник: составлено по данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Алтайского края на период до 2025 г. и Федеральной службы госстатистики

тренда. Так, доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей), занятых у СМСП, в общей численности занятого населения демонстрирует отрицательную динамику изменений, а количество субъектов исследуемого сектора экономики региона превысило плановое значение в 2017 г. на 32%. Одной из главных причин таких изменений является дробление крупных предприятий на более мелкие дочерних организации, которые имеют возможность снижения налоговой нагрузки, а создание аффилированных лиц позволяет снижать налоговые отчисления крупных предприятий с оказанных услуг или реализованных товаров (рис. 3). Об этом свидетельствует снижение количества организаций, не входящих в число субъектов малого и среднего предпринимательства региона (более чем на 40%).

В то же время число занятого населения в деятельности данных организаций за 2013—2018 гг. существенно не изменилось, что говорит о преимущественно формальном сокращении данного сектора экономики и является доказательством вышеупомянутого утверждения. В результате анализа содержательной части стратегического документа представляется целесообразным в рамках его реализации разработать и включить мероприятия по обеспечению реального развития субъектов предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан, реализация которых позволит увеличить показатели деятельности субъектов малого и среднего бизнеса не за счет других категорий предприятий, а с помощью активизации потенциала и повышения эффективности региональных ресурсов.

Результаты реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Саха (Якутия) по большинству показателей схожи с результатами Республики Алтай — базовые индикаторы свидетельствуют о невозможности достижения плановых значений, что говорит о необходимости корректировки стратегического документа (рис. 4). Рассматривая динамику базовых показателей, мож-

но отметить, что оборот МСП и заработная плата в регионе увеличились согласно запланированному тренду, но в то же время видно, что первый индикатор не обеспечил рост доли исследуемого сектора экономики в общем обороте организаций, что говорит о более эффективном функционировании иных организаций, которые, в свою очередь, обеспечили увеличение средней заработной платы населения республики. Данный факт свидетельствует о неэффективной реализации стратегического документа.

В то же время существуют примеры удачной разработки и реализации стратегий развития малого и среднего предпринимательства (рис. 5, 6).

С 2016 г. в Чувашской Республике была принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 г. По результатам ретроспективного анализа значений базовых показателей данного документа можно сделать вывод о планомерном развитии исследуемого сектора экономики. Однако из заявленных 15 целевых индикаторов в оперативном свободном доступе находится всего шесть (сбор информации по остальным показателям возможен через дополнительные запросы в государственные учреждения).

Необходимо отметить, что в период 2016—2018 гг. отмечается увеличение динамики роста каждого из анализируемых индикаторов, что свидетельствует об активизации деятельности исследуемого сектора экономики на территории региона. Данный факт может быть представлен в качестве положительного результата реализации стратегического документа, но однозначно заявлять о его эффективности пока рано ввиду того, что с момента принятия стратегии прошло всего 2,5 года.

С точки зрения проработанности прогноза развития малого и среднего предпринимательства в регионе, наиболее качественно составлена стратегия, принятая в Ярославской области, так как включает три прогнозных сценария: оптимистичный, базовый и пессимистичный (рис. 6). Их использование позволяет оценить результаты изменения состоя-

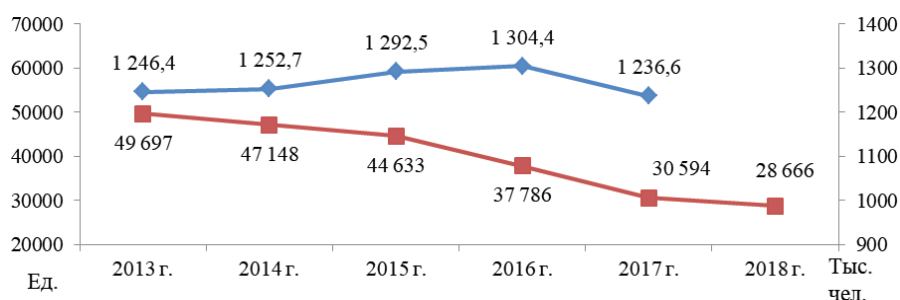

Рис. 3. Количество иных организаций, не входящих в категорию малого и среднего предпринимательства, и занятого в их деятельности населения Республики Башкортостан

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики и Федеральной налоговой службы.

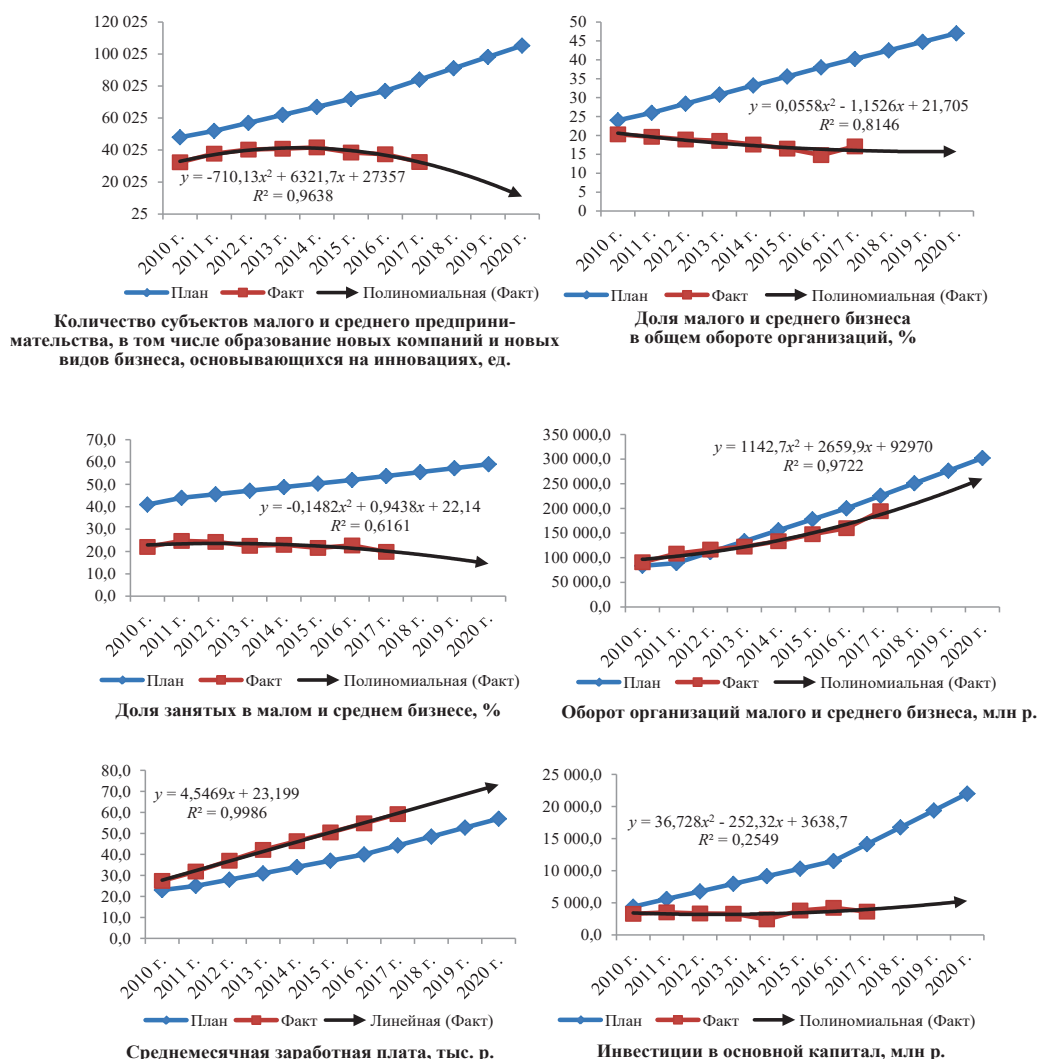

Рис. 4. Базовые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Саха (Якутия)

Источник: составлено по данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия) на период до 2020 г. и Федеральной службы госстатистики.

ние исследуемого сектора экономики, полученных в ходе реализации стратегических мероприятий. Также каждый из базовых индикаторов представлен в свободном доступе, что обеспечивает возможность проведения оперативной оценки результатов реализации данного стратегического документа.

Таким образом, анализ ретроспективных значений целевых показателей говорит о планомерном развитии сектора малого и среднего предпринимательства в регионе. Однако существуют проблемы с увеличением доли инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции малых предприятий — развитие исследуемого сектора по данному направлению идет по пессимистичному сценарию, вероятность реализации которого указана при оценках рисков стратегии. Так, было отмечено, что ключевым риском является неэффективность работы инновационной инфраструктуры. Для его снижения была определена необходимость

проведения образовательных мероприятий для представителей ОИВ и их обучение лучшим отечественным и зарубежным практикам. Но в то же время представляется целесообразным в настоящий момент акцентировать внимание на разработке новых подходов к повышению доли инновационной продукции, выпускаемой субъектами малого бизнеса, в общем объеме реализованного ими товара.

В результате анализа целевых показателей стратегий развития малого и среднего бизнеса, принятых в регионах РФ, можно сделать вывод о том, что большинство нормативно-правовых документов нуждаются в корректировке. Наиболее проработанной и результативной является стратегия, утвержденная в Ярославской области, так как ее принятие дало положительные результаты в активизации исследуемого сектора экономики, а ее целевые показатели соотнесены с приоритетными направлениями государственной поддержки с учетом существующих рисков, что,

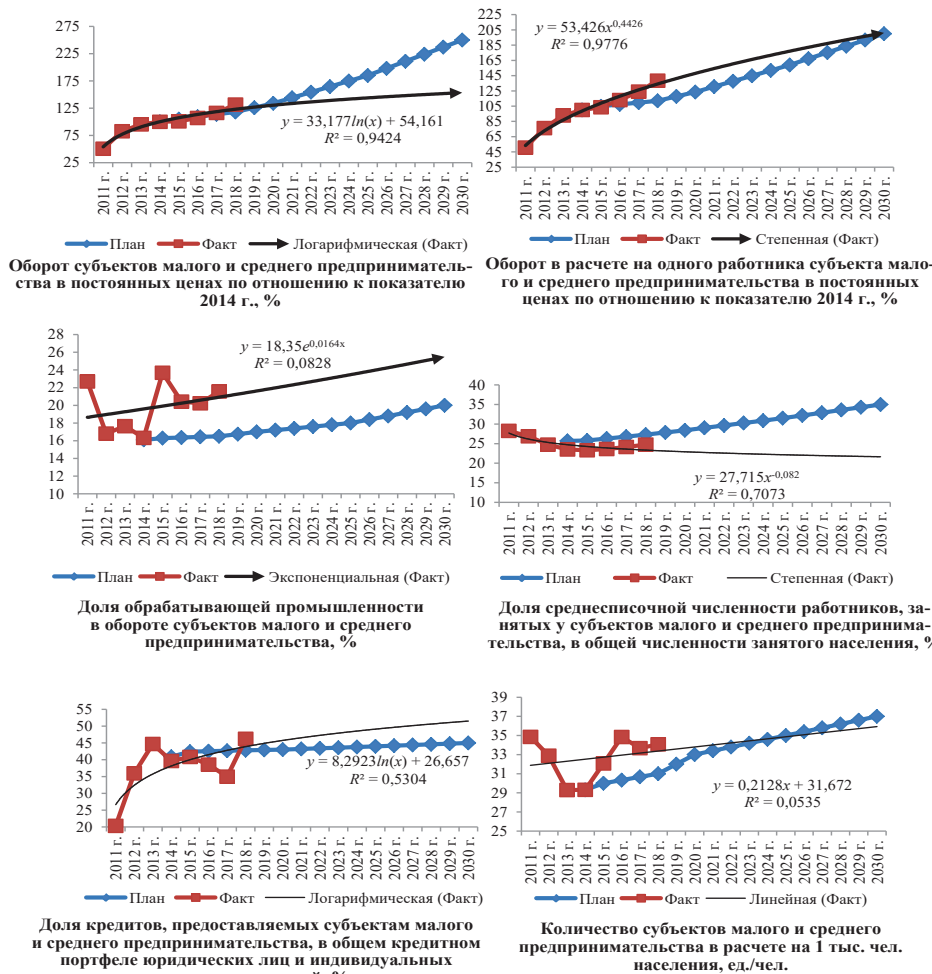

Рис. 5. Базовые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Чувашской Республике

Источник: составлено по данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия) на период до 2020 г., Федеральной службы госстатистики и Центрального банка РФ.

в свою очередь, позволяет осуществлять оперативное управление процессом развития МСП.

Выводы и рекомендации

В результате проведенного анализа подходов к стратегическому планированию развития малого и среднего предпринимательства в регионах РФ сделан вывод о том, что стратегия Ярославской области может быть рассмотрена в качестве примера эффективной разработки стратегического документа, позволяющего добиться поставленных целей государственного управления.

Большинство проанализированных стратегических документов представляется целесообразным скорректировать согласно существующим тенденциям и результатам в связи с невыполнением заявленных плановых значений целевых индикаторов по отдельным направлениям. Но благодаря анализу существующего опыта стратегического планирования развития сектора МСП стало возможным сформировать общие рекомендации по организации контроля над реализацией данных стратегий:

1. Базовые индикаторы, заявленные в стратегии, должны быть представлены в общем доступе с целью обеспечения оперативного управления процессом развития малого и среднего предпринимательства в регионе. Представляется целесообразным вести отдельный ежегодный мониторинг данных индикаторов и размещать его результаты на едином электронном ресурсе (сайт правительства региона, территориального органа Федеральной службы государственной статистики, специализированных институтов развития МСП и др.)

2. Базовые индикаторы стратегии должны отражать степень достижения задач, поставленных в рамках реализации стратегического документа, и учитывать возможные риски, которые могут возникнуть при осуществлении управленческого процесса. Стоит отметить, что все блоки стратегии должны быть взаимосвязаны с целью обеспечения ее эффективности.

3. Плановые значения базовых индикаторов должны содержать несколько вариантов развития сектора МСП. При этом каждый должен содержать отдельный блок

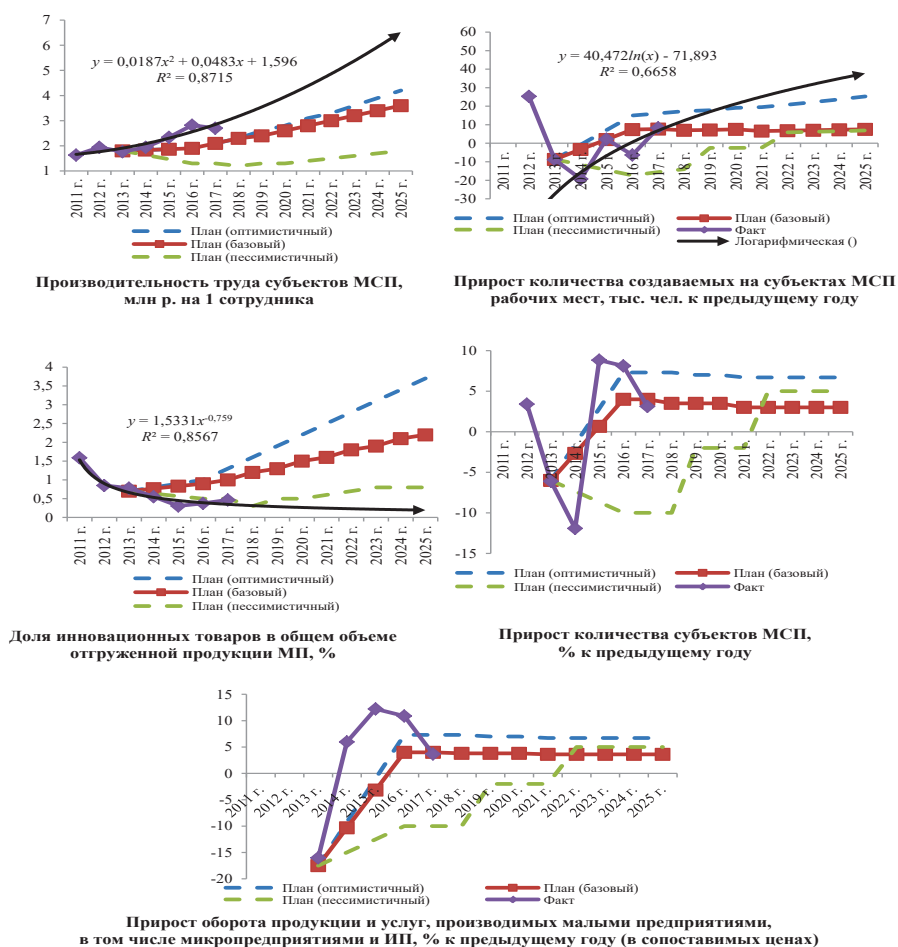

Рис. 6. Базовые индикаторы реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Ярославской области

Источник: составлено по данным Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Ярославской области на период до 2025 г. и Федеральной службы государственной статистики.

мероприятий, которые необходимо реализовывать в результате невыполнения поставленных задач. Данный подход обеспечит сокращение ресурсов, затрачиваемых на доработку и корректировку стратегического документа, и повышение эффективности органов государственной власти и управления, ответственных за развитие исследуемого сектора экономики.

4. Представляется целесообразным прописывать сущность рассматриваемых категорий и целевых показателей в содержании стратегии развития малого и среднего предпринимательства. В связи с многогранностью понятия малого и среднего предпринимательства становится возможным изменять число анализируемых субъектов, добавляя в результаты деятельности сектора МСП других экономических субъектов, которые могут быть отнесены к исследуемой категории, тем самым завышая фактические их значения. Также отсутствие четких формулировок по базовым индикаторам, описывающим их сущностную характеристику, способствует увеличению вариативности результатов реализации стратегического документа.

5. Немаловажным фактором составления реальной оценки результатов реализации стратегии является указание в ней учреждений государственных органов власти, ответственных за предоставление информации о состоянии исследуемого сектора экономики, и их закрепление за каждым отдельным целевым индикатором стратегического документа. Данное требование должно выполняться ввиду наличия большого количества информационных агентств, предоставляющих данные о результатах деятельности МСП, которая, в свою очередь, может различаться между собой.

Результаты исследования могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти и управления при разработке новых и корректировке существующих программ и стратегий социально-экономического развития, нормативно-правовых актов и программно-целевых документов, касающихся сферы малого предпринимательства, с целью повышения эффективности их деятельности. Также материалы статьи будут актуальны в осуществлении образовательного процесса по специальности «Государственное и муниципальное управление».

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Влияние программ поддержки малого и среднего бизнеса в России на их успешное функционирование / В. И. Бархатов, И. А. Белова, Д. А. Плетнев // *Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации* : сб. тр. междунар. науч. конф., Симферополь, 6—7 окт. 2016 г. — Симферополь : Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2016. — С. 147—151.
2. Бархатов, В. И. Государственные программы поддержки малых и средних предприятий в России / В. И. Бархатов, И. А. Белова // *Вестн. ПНИПУ. Соц.-экон. науки*. — 2017. — № 1. — С. 208—223.
3. Глазьев, С. Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С. Ю. Глазьев // *Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2013. — № 1 (25). — С. 23—35.
4. Ершова, И. В. Малое и среднее предпринимательство: приглашаем на интерактивную экспертную площадку / И. В. Ершова // *Lex Russica*. — 2017. — № 9 (130). — С. 156—186.
5. Колесникова, Л. А. Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием : монография / Л. А. Колесникова. — М. : Новый Логос, 2000. — 290 с.
6. Колесниченко, Е. А. Стратегия развития предпринимательства на региональном уровне: тенденции реализации / Е. А. Колесниченко, Е. Г. Смольянинова // *Соц.-экон. явления и процессы*. — 2011. — № 5—6. — С. 54—63.
7. Мазиллов, Е. А. Формирование системы стратегического планирования развития малого предпринимательства / Е. А. Мазиллов, А. Е. Кремин // *Проблемы развития территории*. — 2019. — № 3. — С. 54—63.
8. Пиньковецкая, Ю. С. Производственная функция для решения задач управления малым бизнесом в регионах Российской Федерации / Ю. С. Пиньковецкая // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21: Упр. (государство и общество)*. — 2010. — № 1. — С. 79—88.
9. Сидорин, А. В. Адаптивная стратегия организации [Электронный ресурс] / А. В. Сидорин // *Наукосведение*. — 2013. — № 2 (15). — URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/25tvn213.pdf> (дата обращения 24.07.2019).
10. Ускова, Т. В. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) / Т. В. Ускова, А. Н. Чекавинский // *Экон. и соц. перемены: факторы, тенденции, прогноз*. — 2014. — № 4 (34). — С. 63—67.
11. Шарыгин, М. Д. Основные факторы территориальной организации малого предпринимательства / М. Д. Шарыгин, И. И. Кротов // *Вестн. Балтийс. федер. ун-та им. И. Канта*. — 2014. — № 9. — С. 155—168.
12. Шарыгин, М. Д. Функции малого предпринимательства в системе региональной социоэкономики / М. Д. Шарыгин, И. И. Кротов, Д. А. Носков // *Устойчивое развитие социоэкономики регионов : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* — Пермь, 2012. — С. 168—171.
13. Hrebiniak, L. G. Obstacles to effective strategy implementation / L. G. Hrebiniak // *Organizational dynamics*. — 2006. — № 1, vol. 35. — P. 12—31.
14. Sheehan, N. T. A risk-based approach to strategy execution / N. T. Sheehan // *J. of business strategy*. — 2010. — № 5, vol. 31. — P. 25—37.

Сведения об авторах

Кремин Александр Евгеньевич — заведующий лабораторией инновационной экономики ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия. akremin@inbox.ru

Мазиллов Евгений Александрович — заведующий отделом научно-технологического развития и экономики знаний ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия. eamazilov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 114—123.*

ASSESSMENT OF THE RESULTS OF STRATEGIC PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.E. Kremin

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. akremin@inbox.ru

E.A. Mazilov

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. eamazilov@mail.ru

The existing experience in compiling and implementing strategic documents for the development of small and medium-sized businesses (SMEs) at the regional level demonstrates the lack of wide distribution of these regu-

latory documents in the legislative framework of each individual subject of the Russian Federation. At the same time, the existing documents differ from each other both in their essential content and in the tools used by government bodies to stimulate the studied sector of the economy. In view of this, it seems appropriate to analyze the results of their implementation to determine the most effective approach to drawing up a strategy for the development of SMEs in the region. Therefore, the purpose of the article is to evaluate the results of strategic planning for the development of SMEs in the regions of the Russian Federation to formulate general recommendations on the development and preparation of a regional strategy. The article discusses the existing methodological approaches to compiling regional strategies for the development of SMEs in the regions, analyzes the experience of implementing these documents on the basis of comparing trends in basic indicators with their planned values, and also develops recommendations for organizing control over the implementation of these regulatory documents.

Keywords: *small and medium business, strategy, methodological approaches, experience, implementation results.*

References

1. Barhatov V.I., Belova I.A., Pletnev D.A. Vliyanie programm podderzhki malogo i srednego biznesa v Rossii na ih uspeshnoe funkcionirovanie [The impact of SME support programs in Russia on their successful operation]. *Metodologiya ustojchivogo ekonomicheskogo razvitiya v usloviyah novoj industrializacii* [The methodology of sustainable economic development in the new industrialization]. Simferopol, 2016. Pp. 147-151. (In Russ.).
2. Barhatov V.I., Belova I.A. Gosudarstvennye programmy podderzhki ma-lyh i srednih predpriyatij v Rossii [State programs to support small and medium-sized enterprises in Russia]. *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [The PNIPU Bulletin. Social and economic sciences], 2017, no. 1, pp. 208-223. (In Russ.).
3. Glaz'ev S.Yu. O strategii ustojchivogo razvitiya ekonomiki Rossii [On The Sustainable Development Strategy of Russia's Economy]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 1 (25), pp. 23-35. (In Russ.).
4. Ershova I.V. Maloe i srednee predprinimatel'stvo: priglashaem na interaktivnyuyu ekspertnyuyu ploshchadku [Small and medium-sized entrepreneurship: invite to an interactive expert platform]. *Lex Russica*, 2017, no. 9 (130), pp. 156-186. (In Russ.).
5. Kolesnikova L.A. *Predprinimatel'stvo i malyy biznes v sovremennom gosudarstve: upravlenie razvitiem* [Entrepreneurship and small business in the modern state: development management]. Moscow, 2000. 290 p. (In Russ.).
6. Kolesnichenko E.A., Smol'yaninova E.G. Strategiya razvitiya predprinimatel'stva na regional'nom urovne: tendencii realizacii [Business Development Strategy at the Regional Level: Trends in Implementation]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 5-6, pp. 54-63. (In Russ.).
7. Mazilov E.A., Kremin A.E. Formirovanie sistemy strategicheskogo planirovaniya razvitiya malogo predprinimatel'stva [Formation of a system of strategic planning for the development of small-business]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 2019, no. 3, pp. 54-63. (In Russ.).
8. Pin'koveckaya Yu.S. Proizvodstvennaya funkciya dlya resheniya zadach upravleniya malym biznesom v regionah Rossijskoj Federacii [A manufacturing function to solve small business management problems in the regions of the RF]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie* [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management], 2010, no. 1, pp. 79-88. (In Russ.).
9. Sidorin A.V. Adaptivnaya strategiya organizacii [Adaptive Organization Strategy]. *Naukovedenie* [Science of science], 2013, no. 2 (15) (<https://naukovedenie.ru/PDF/25tvn213.pdf>). (In Russ.).
10. Uskova T.V., Chekavinskij A.N. Zakon o strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii [Strategic Planning Act in the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 4 (34), pp. 63-67. (In Russ.).
11. Sharygin M.D. Osnovnye faktory territorial'noj organizacii malogo predprinimatel'stva [Key factors of the territorial organization of small business]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of Baltic Federal University], 2014, no. 9, pp. 155-168. (In Russ.).
12. Sharygin M.D., Krotov I.I., Noskov D.A. Funkcii malogo predprinimatel'stva v sisteme regional'noj socioekonomiki [Small business functions in the regional socio-economy system]. *Ustojchivoe razvitie socioekonomiki regionov* [Sustainable development of regional socioeconomics]. Perm, 2012. Pp. 168-171. (In Russ.).
13. Hrebiniak L.G. Obstacles to effective strategy implementation. *Organizational dynamics*, 2006, no. 1, vol. 35, pp. 12-31.
14. Sheehan N.T. A risk-based approach to strategy execution. *Journal of business strategy*, 2010, no. 1, vol. 31, pp. 25-37.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О. С. Невская

*Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия*

Целью настоящего исследования является анализ и выделение наиболее эффективных способов управления объектами государственной собственности на территории региона в условиях продолжающейся нестабильности отечественной экономики. Проанализированы приватизационные процессы в современной экономике России, протекающие в условиях санкционного давления, обозначены существующие проблемы разгосударствления экономики, рассмотрены меры, принимаемые государством в целях дальнейшего совершенствования управления государственной собственностью как государственными активами. Обоснована необходимость дальнейших приватизационных процессов объектов государственной собственности на территории региона с учетом достижения социально значимых целей. Предложены критерии оценки эффективности управления государственной собственностью, учитывающие баланс государственных и частных интересов.

Ключевые слова: *государственная собственность, объекты государственной собственности, разгосударствление, социально ориентированная приватизация.*

Современную цифровую экономику невозможно представить без тесной взаимосвязанной системы различных форм собственности, причем указанное взаимодействие происходит в электронном виде, посредством функционирования различных торговых площадок, оказания информационных услуг, практического отказа от наличных денежных средств. Как отмечает Л. С. Гончаренко, «современное общество живет в интернет-пространстве, туда переносятся основные бизнес-процессы» [1]. Вместе с тем государство играет основную роль в установлении и регулировании правил такого взаимодействия, в связи с чем первостепенное значение приобретают вопросы эффективного управления государственной собственностью.

Глобальная цифровизация экономических процессов, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий, способствовала совершенствованию в России правовых и экономических механизмов приватизации и обусловила существенные изменения способов распоряжения государственной собственностью.

Не оспаривая дальнейшую необходимость разгосударствления национальной экономики, автор считает необходимым учитывать риски, возникающие вследствие приватизационных процессов, в результате которых снижается социальная функция государства, а количество предоставляемых

платных услуг увеличивается, что сказывается на их доступности для населения.

Дальнейшие приватизационные процессы должны протекать в их взаимосвязи с социальными преобразованиями в обществе, достигать не только эффективного государственного и частного баланса, но и ориентироваться на достижение социально значимых целей.

Кроме того, события последнего десятилетия характеризуются глобальными мировыми финансовыми кризисами, государства все больше переходят от свободных рыночных правил торговли к жесткой политике протекционизма в целях поддержания и защиты национальных экономик. Указанная тенденция способствует развертыванию настоящих торговых войн и, как следствие, приводит к обратным процессам: отказ от приватизации государственного имущества и возвращение к огосударствлению экономики для эффективного противодействия санкционному давлению извне. Поэтому целью исследования является выработка методов управления государственной собственностью, направленных на защиту национальных интересов при сохранении дальнейших процессов по разгосударствлению экономики, роста числа субъектов малого и среднего предпринимательства.

Причем вся совокупность методов управления государственной собственностью, таких как административные, экономические, законода-

тельные и организационные, по мнению автора, должна быть направлена на повышение эффективности такого управления. Вопросам оценки эффективности в отечественной научной литературе посвящены работы М. С. Игнатовой [2], М. М. Соловьева и Л. И. Кошкина [3], О. В. Пивоваровой [4], А. М. Нагимовой [5] и др.

Эффективность государственного управления определяется по соотношению использованных ресурсов и полученных результатов в достижении стратегических целей политической системы и реализации общих государственных интересов. Эффективность — показатель того, насколько полно усилия (ресурсы), затраченные управляющим субъектом и обществом на решение поставленных проблем, реализованы в социально значимых конечных результатах [6].

Понимание региональных процессов невозможно без сопоставимого анализа показателей эффективности разгосударствления экономики в национальном масштабе. И вот здесь ярко обозначается одна из проблем в управлении госсобственностью в экономике. Как видно из табл. 1, эффективность приватизационных процессов федерального имущества в 2014—2017 гг. лишь дважды превышает 50 % в отчетном периоде, а в некоторых случаях вообще равна нулю.

В этой связи хотелось бы отметить еще одну проблему — квалификация управленческих кадров в области управления государственной собственностью. На сегодняшний день в России существует некий кадровый парадокс — вакансии заняты, но вместе с тем ощущается «кадровый голод». Причина — нехватка квалифицированных специалистов, так как сегодня требуются совершенно другие, иного уровня управленцы: обладающие способностью анализировать, прогнозировать, принимать решения и брать на себя ответственность.

Для комплексного решения этой проблемы Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в 2017 г. учрежден конкурс для руководителей нового поколения «Лидеры России». Целью является поиск, развитие и поддержка перспективных руководителей, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций [7].

Именно управленцам новой формации предстоит применить весь имеющийся инструментарий для эффективного использования государственных активов в условиях непростой международной обстановки, возвращению так называемых «партнеров» от принципов свободного рынка к откровенному

протекционизму, развязыванию торговых войн. Наиболее яркие примеры, это, конечно, оказание США мощнейшего экономического и политического давления на страны Евросоюза, реализующие совместно с Россией проект в газовой сфере «Северный поток-2» [8], а также неприкрытый экономический шантаж Турецкой Республики в связи с подписанием последней контракта с Российской Федерацией на поставку зенитных систем С-400 [9].

В этой связи интерес представляют количественные показатели приватизационных процессов в России, протекающие под влиянием глобальных экономических вызовов. Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о существенном разгосударствлении экономики России за прошедшие два десятилетия, что способствовало развитию конкуренции, увеличению числа предприятий малого и среднего бизнеса, которые являются основным локомотивом рыночного роста и, что особенно важно, наименее подвержены санкционному давлению извне.

Вместе с тем впервые за 20 лет отмечено снижение числа предприятий частной формы собственности: если начиная с 1994 г. их количество ежегодно увеличивалось и в 2016 г. составило 4 122 214 предприятий, то в 2017 г. этот показатель снизился на 4,6 % и составил 3 936 000, что, по мнению автора, является существенным негативным показателем и обусловлено прежде всего продолжающийся общей стагнацией отечественной экономики, связанной в том числе с внешними ограничительными мерами.

Указанные отрицательные тенденции в экономике не остались без внимания на государственном уровне. Развитие малого и среднего предпринимательства, поддержка предпринимательской инициативы и, как следствие, стимулирование роста числа предприятий частной формы собственности является одной из национальных программ, определенных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10].

Кроме того, совершенствование механизмов управления и приватизации федерального имущества является одной из целей Государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» [11]. Согласно прогнозному плану приватизации на 2020—2022 гг. необходимо увеличить динамику сокращения имущества казны Российской Федерации с 3 % в 2013 г. до 34,5 % в 2021 г., то есть более чем в 11 раз, — задача по своей сути амбициозная (табл. 3).

Таблица 1

Эффективность приватизации федерального имущества

Наименование показателя	Данные, используемые для расчета показателя	Алгоритм расчета	Значение показателя по годам			
			2014	2015	2016	2017
Доля преобразованных в отчетном году федеральных государственных унитарных предприятий в общем количестве федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, включенных в прогнозный план (программу приватизации) федерального имущества и возможных к преобразованию в отчетном году	А — количество преобразованных в отчетном году федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных Росимуществу	$K = A : B \times 100\%$	0	0	54,5	40,9
	В — количество федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных Росимуществу, включенных в прогнозный план (программу приватизации) федерального имущества и возможных к приватизации в отчетном году					
Доля пакетов акций, в отношении которых приватизационные процедуры завершены в отчетном году, в общем количестве пакетов акций, включенных в прогнозный план (программу приватизации) федерального имущества и возможных к приватизации в отчетном году	А — количество пакетов акций в уставных капиталах акционерных обществ, в отношении которых приватизационные процедуры завершены в отчетном году	$K = A : B \times 100\%$	13,9	20	52,1	13,6
	В — количество пакетов акций в уставных капиталах акционерных обществ, включенных в прогнозный план (программу приватизации) федерального имущества и возможных к приватизации в отчетном году					

Источник: по данным Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество).

Таблица 2

Динамика изменения количества предприятий в России по видам собственности

Вид собственности	Год	1994	1996	2006	2016	2017
Государственная		324 594	232 763	149 285	108 001	103 100
Муниципальная		171 116	184 356	264 317	203 043	195 900
Частная		1 215 938	1 730 482	3 638 823	4 122 214	3 936 000

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3

**Средние темпы сокращения количества организаций
с государственным участием в 2015—2021 гг., %**

2015		2016		2017		2018	2019	2021	2021
план	факт	план	факт	план	факт	план	план	план	план
13	12	10	15	13	19	10	11,5	12,5	13,5

Источник: по данным Государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом».

Объем выделяемых бюджетных ассигнований на указанные цели также впечатляет: на 2019 г. — 4 092 529 тыс. р., на 2020 г. — 4 155 497,5 тыс. р., на 2021 г. — 4 217 691,4 тыс. р.

В целом достижение указанных показателей, по мнению разработчиков программы, позволит обеспечить формирование устойчивых предпосылок экономического роста, будет способствовать развитию конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности компаний с государственным участием с определением долго- и краткосрочных целей и задач управления, повышению уровня их корпоративного управления и информационной прозрачности, а также ограничит дальнейшее расширение государственного сектора экономики, в том числе путем установления и соблюдения системы адекватных запретов и ограничений, замещения прямого участия государства в экономике мерами отраслевого и иного регулирования.

Говоря об эффективности управления государственной собственностью региона, необхо-

димо проанализировать количественные показатели приватизационных процессов на примере приватизации имущественных комплексов. Из приведенных в табл. 4 данных явно следует, что показатели приватизации государственной собственности в Свердловской области остаются на низком уровне. Пик разгосударствления экономики Свердловской области в рассматриваемый период пришелся на 2008—2009 гг.

В то же время необходимо проанализировать доходы, которые получил областной бюджет от приватизации государственной собственности. Обратимся к показателям 2015 г., в отчетном периоде которого приватизировано девять имущественных комплексов (см. табл. 4). Приведенные в табл. 5 данные наглядно демонстрируют полный провал программы управления государственной собственностью Свердловской области в рассматриваемый период: доходная часть программы выполнена менее чем на 0,1 %. По мнению автора, в первую очередь это обусловлено теми же проблемами, которые остро

Таблица 4

**Отдельные показатели приватизации имущественных комплексов государственных
и муниципальных унитарных предприятий в Свердловской области за 2008—2016 гг.**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2014	2015	2016
Число приватизированных имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий, ед.	11	11	1	7	3	3	9	6

Источники: по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

Таблица 5

**Основные виды и размер доходов областного бюджета
от приватизации государственного имущества Свердловской области [12]**

№ строки	Вид доходов	Плановая сумма, тыс. р.	Фактическая сумма, тыс. р.	Выполнение, %
1	Доходы от продажи акций и иных форм участия в капитале, находящихся в собственности области	1 000 000,0	0	0
2	Доходы от продажи земельных участков, находящихся в собственности области	50 000,0	23 471,0	46,900
3	Доходы от реализации имущества учреждений, находящихся в ведении органов государственной власти области	600 000,0	2 098,0	0,003
4	Доходы от реализации иного имущества, находящегося в собственности области	11 900,0	20 165,1	169,500
5	Всего доходов	1 661 900,0	45 734,1	0,03

стоят на федеральном уровне, а именно отсутствием грамотных управленцев, квалифицированных кадров, в том числе в Министерстве по управлению государственным имуществом Свердловской области, являющемся основным оператором программы.

Таким образом, в последующем необходимо, чтобы приватизационные процессы приняли исключительно «точечный» характер с соблюдением их очередности, инвестиционной привлекательности в целях извлечения максимальной прибыли от реализации объекта госсобственности в каждом конкретном случае.

По мнению автора, осуществление указанной политики будет способствовать достижению наиболее оптимального состава и структуры государственной собственности, увеличению доходов от ее продажи и использования, поступающих в бюджет региона.

Вместе с тем, говоря о приватизации государственной собственности, всегда важно помнить, что собственность общества (в виде государственной собственности), приватизированная в последующем, должна по-прежнему использоваться в общественных, а не в частных интересах.

Игнорирование властью общественного мнения в вопросах распоряжения государственными активами, как показывает практический опыт Свердловской области, приводит к мощному социальному протесту, способному в конечном итоге полностью переформатировать политическую повестку региона.

Так, в апреле 2019 г. специализированным государственным казенным учреждением Свердловской

области «Фонд имущества Свердловской области», реализующим полномочия органов государственной власти региона в сфере управления и распоряжения государственной собственностью, проведен аукцион, по результатам которого юридическое лицо получило в аренду на 4,5 года участок земли площадью почти 6 тыс. кв. м под строительство храма [13], причем в зону застройки попал городской сквер в центре Екатеринбурга. Начало строительных работ вызвало массовый общественный протест, попавший во все федеральные обзоры, в итоге региональные власти были вынуждены отказаться от строительства храма в первоначальном месте [14].

Итак, представленные в статье мероприятия по росту эффективности управления государственной собственностью в регионе способны оптимизировать методы управления государственной собственностью. Таким образом дальнейшая приватизация государственной собственности, по мнению автора, должна быть максимально социально ориентированной. Данный пример наглядно продемонстрировал, что при управлении государственными активами, разгосударствлении экономики важно соблюдать принцип обеспечения баланса интересов — принятие обоснованных решений с точки зрения экономической эффективности и социальной ответственности. Иными словами, дальнейшая приватизация государственной собственности, учитывая негативный опыт прошлого, должна быть максимально социально ориентированной.

Список литературы

1. Гончаренко, Л. С. Цифровая экономика как фактор социально-экономической трансформации России / Л. С. Гончаренко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2019. — № 3. — С. 43—49.
2. Игнатова, М. С. Эффективность управления государственным имуществом в России / М. С. Игнатова // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право». — 2017. — № 1. — С. 90—95.
3. Соловьев, М. М. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью / М. М. Соловьев, Л. И. Кошкин // Менеджмент в России и за рубежом. — 2008. — № 4. — С. 33—46.
4. Пивоварова, О. В. Анализ существующих подходов к оценке эффективности управления государственным имуществом: преимущества, недостатки, направления совершенствования / О. В. Пивоварова // Рос. предпринимательство. — 2017. — № 13. — С. 2035—2048.
5. Нагимова, А. М. Эффективность деятельности органов государственного управления: методика оценки / А. М. Нагимова // Науч. тр. Центра перспектив. экон. исследований. — 2015. — № 9. — С. 146—151.
6. Халиков, М. И. Основы государственного и муниципального управления : учеб. пособие / М. И. Халиков. — Уфа : БАГСУ, 2018. — 284 с.
7. Лидеры России [Электронный ресурс]. — URL: <https://лидерыроссии.рф/> (дата обращения 23.05.2019).
8. Министр энергетики США сообщил о планах Вашингтона ввести санкции против «Северного потока-2» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3975746> (дата обращения 23.05.2019).

9. Пентагон потребовал от Турции отказаться от получения С-400 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interfax.ru/world/656677> (дата обращения 23.05.2019).

10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/ukaz_204.pdf (дата обращения 24.05.2019).

11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 327 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544258/> (дата обращения 24.05.2019).

12. Постановление Правительство Свердловской области от 14 мая 2015 года № 369-ПП «Об отчете об исполнении программы управления государственной собственностью Свердловской области и приватизации государственного имущества Свердловской области на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов за 2014 год» [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/429009842> (дата обращения 24.05.2019).

13. ГКУ СО «Фонд имущества Свердловской области». Итоги торгов [Электронный ресурс]. — URL: <http://fiso96.ru/terminy/> (дата обращения 24.05.2019).

14. Губернатор Свердловской области исключил строительство храма в сквере Екатеринбурга [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/05/22/n_13005469.shtml (дата обращения 24.05.2019).

Сведения об авторе

Невская Ольга Сергеевна — аспирантка кафедры экономики и управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия. nik291284@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 124—130.*

EFFICIENCY OF STATE PROPERTY MANAGEMENT IN SVERDLOVSK REGION

O.S. Nevskaya

*Ural Institute of management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia. nik291284@bk.ru*

The purpose of this study is to analyze and identify the most effective ways to manage public property in the region in the conditions of continued instability of the domestic economy. The article analyzes the privatization processes in the modern economy of Russia, taking place in the conditions of sanctions pressure, identifies the existing problems of denationalization of the economy, considers the measures taken by the state to further improve the management of state property as state assets. The author substantiates the need for further privatization processes of state property in the region, taking into account the achievement of socially significant goals. The criteria for assessing the effectiveness of public property management, taking into account the balance of public and private interests.

Keywords: *state property, objects of state property, denationalization, socially-oriented privatization.*

References

1. Goncharenko L.S. Tsifrovaya ekonomika kak faktor sotsial'no-ekonomicheskoy transformatsii Rossii [Digital economy as a factor of social and economic transformation of Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2019, no. 1, pp. 43-49. (In Russ.).

2. Ignatova M.S. Effektivnost' upravleniya gosudarstvennym imushchestvom v Rossii [Efficiency of state property management in Russia]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of South Ural State University. Series Law], 2017, no. 1, pp. 90-95. (In Russ.).

3. Solov'yev M.M., Koshkin L.I. Problemy otsenki effektivnosti upravleniya gosudarstvennoy sobstvennost'yu [Problems of assessing the effectiveness of state property management]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 2008, no. 4, pp. 33-46. (In Russ.).

4. Pivovarova O.V. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k otsenke effektivnosti upravleniya gosudarstvennym imushchestvom: preimushchestva, nedostatki, napravleniya sovershenstvovaniya [Analysis of existing approaches to assessing the effectiveness of state property management: advantages, disadvantages, areas of improvement]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], 2017, no. 13, pp. 2035-2048. (In Russ.).
5. Nagimova A.M. Effektivnost' deyatel'nosti organov gosudarstvennogo upravleniya: metodika otsenki [Efficiency of public administration: evaluation methodology]. *Nauchnyye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy* [Scientific works of the Center of advanced economic research], 2015, no. 9, pp. 146-151. (In Russ.).
6. Khalikov M.I. *Osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Fundamentals of state and municipal management]. Ufa, 2018. 284 p. (In Russ.).
7. *Lidery Rossii* [The Leaders of Russia]. Available at: <https://lideryrossii.rf/>, accessed 23.05.2019. (In Russ.).
8. *Ministr energetiki SSHA soobshchil o planakh Vashingtona vvesti sanktcii protiv "Severnogo potoka-2"* [The Minister of energy reported about the plans of Washington to impose sanctions against the "Nord stream-2"]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3975746>, accessed 23.05.2019. (In Russ.).
9. *Pentagon potreboval ot Turtcii otkazatsia ot polucheniia S-400* [The Pentagon demanded from Turkey to refuse receiving S-400]. Available at: <https://www.interfax.ru/world/656677>, accessed 23.05.2019. (In Russ.).
10. *Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "On the national goals and strategic tasks of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/ukaz_204.pdf, accessed 24.05.2019. (In Russ.).
11. *Russian Government Decree of April 15, 2014 No. 327 "On approval of the state program of the Russian Federation 'Federal property Management' "*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544258/>, accessed 24.05.2019. (In Russ.).
12. *Resolution of the Sverdlovsk Region Government of May 14, 2015 No. 369-PP "On the report on execution of the program of state property management of the Sverdlovsk region and privatization of the state property of the Sverdlovsk region for 2014 and the planning period of 2015 and 2016 for 2014"*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/429009842>, accessed 24.05.2019. (In Russ.).
13. *GKU SO "Fond imushchestva Sverdlovskoy oblasti". Itogi torgov* [Property Fund of Sverdlovsk region. The results of auctions]. Available at: <http://fiso96.ru/terminy/>, accessed 24.05.2019. (In Russ.).
14. *Gubernator Sverdlovskoy oblasti iskluchil stroitel'stvo khrama v skvere Ekaterinburga* [The Governor of Sverdlovsk region ruled out the construction of the temple in the square of Yekaterinburg]. Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/05/22/n_13005469.shtml, accessed 24.05.2019. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 131—142.

УДК 330.16
ББК 65.012.1

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10915

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА НЕТРАНЗИТИВНОСТИ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Волкова, С. А. Панов, Я. В. Шокин

Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-010-00291 «Моделирование поведения потребителей с применением искусственных нейронных сетей».

Описывается экспериментальное исследование, имеющее своей целью проверку гипотезы авторов о зависимости наличия нетранзитивности предпочтений потребителей от условий совершения выбора и, соответственно, от степени влияния на данный выбор поведенческих факторов. Приводится обзор современного состояния научной проблемы, в том числе современных нейроэкономических исследований, описан используемый методологический базис.

Ключевые слова: *нетранзитивность предпочтений, потребительский выбор, нейроэкономика, поведенческие факторы спроса, составной выбор, рациональность потребителей.*

В свете продолжающихся теоретико-методологических дискуссий между сторонниками неоклассического мейнстрима и представителями поведенческой парадигмы о роли неценовых и, говоря шире, поведенческих факторов потребительского поведения особо актуальным остается вопрос о влиянии на процесс принятия потребительских решений такого феномена, как нетранзитивность предпочтений. Проявление данного феномена, активно выявляемого в экспериментальных исследованиях, говорит о наличии существенной несогласованности используемых ныне теоретических моделей потребительского поведения; так, теория ожидаемой полезности в принципе не допускает наличия какой бы то ни было нетранзитивности предпочтений, поскольку транзитивность предпочтений выступает одной из фундаментальных предпосылок построения любых моделей указанной теории. Что же касается поведенческих теорий выбора, то они, как правило, обходят проблему нетранзитивности стороной, поскольку сводят процедуру потребительского выбора к реализации некоторых устойчивых поведенческих шаблонов (паттернов или эвристик); наличие же нетранзитивности предпочтений возможно установить лишь

в результате сопоставления выбора потребителя, выявленного в различных условиях, что с точки зрения поведенческих теорий означает реализацию различных поведенческих реакций (то есть, по существу, другую ситуацию выбора).

В то же время следует отметить, что пристальное изучение феномена нетранзитивности предпочтений (в проведенных авторами ранее экспериментальных исследованиях [6. С. 214—216; 16. С. 60—74] зафиксирована весьма существенная доля случаев нетранзитивности предпочтений потребителей — вплоть до 70 %) обладает высокой теоретической ценностью, поскольку имеет своей целью упорядочить современное представление о процедуре совершения выбора рациональным потребителем. С точки зрения практической значимости данная проблема становится актуальной во всех сферах жизнедеятельности, которые затрагивают проблему составного выбора — от вопросов распределения ресурсов и бюджетных средств, до сугубо маркетинговых задач на рынке товаров народного потребления. В первую очередь, как представляется, исследование данного феномена имеет значимость для продвижения в решении задачи моделирования поведения отдельного потребителя в изменяющихся условиях выбора.

Современное состояние проблемы

Проблемой нетранзитивности как фактора, корректирующего базовые теоретические предпосылки в отношении предпочтений потребителей, исследователи занимаются на протяжении уже более чем двух столетий. В частности, маркиз де Кондорсе еще в 1785 г. сформулировал парадокс, ныне именуемый в его честь «парадоксом Кондорсе». Суть его заключается в описании ситуации, когда при элементарном принятии некоторого решения каждый из элементов принимается большинством голосов, но при этом оцениваемое решение в целом отвергается. В современных исследованиях из области потребительского поведения подобную ситуацию принято именовать «нетранзитивностью предпочтений», исследованием которой занимались, например, такие выдающиеся экономисты XX в., как Кеннет Эрроу [18] и Морис Алле [2].

Среди представителей неоклассической парадигмы широко распространено использование гипотезы о рациональном поведении экономических агентов, что, в свою очередь, подразумевает выполнение ряда условий:

- 1) все экономические агенты используют одинаковую и доступную для всех информацию;
- 2) все экономические агенты используют одни и те же методы обработки информации;
- 3) все экономические агенты имеют одни и те же цели своей деятельности, под которыми понимается некоторый оптимальный результат — максимизированная прибыль для предпринимателя либо максимизированная полезность для потребителя);
- 4) в условиях неопределенности поведение экономических агентов соответствует максимизации ожидаемой полезности.

Все указанные предпосылки в условиях реального современного рынка либо выполняются условно и частично, либо не выполняются вовсе, что подтверждается многими работами по поведенческой экономике, выполненными за последние 3—4 десятилетия. Указанное обстоятельство, соответственно, дает основания усомниться в справедливости самой гипотезы о рациональном поведении рыночных игроков, по крайней мере в том виде, в котором ее используют представители неоклассической парадигмы (речь идет о 4-й из вышеприведенных предпосылок). По всей видимости, к числу основополагающих работ по поведенческой экономике следует отнести статью Д. Канемана и А. Тверски в журнале *Econometrica* 1979 г. «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска» [22], а также труды в данной области Дэна Ариэли [19],

Алексея Белянина [3; 4; 7] и В. Ключарёва (НИУ ВШЭ) [7; 8; 20] и ряда других ученых.

Нужно отметить, что наиболее яркие проявления расхождений поведения реальных рыночных игроков с предсказаниями неоклассической теории можно наблюдать в ситуациях неопределенности и риска. С целью теоретического объяснения данных расхождений к началу XXI столетия был разработан целый ряд теорий и моделей, каждая из которых ориентирована на выявление закономерностей поведения отдельных индивидуумов в условиях неопределенности и риска.

В то же время большинство указанных теорий на сегодняшний день не удалось довести до прикладного применения в российской практике хозяйствующими субъектами; кроме того, теоретические разработки различных авторов в данной сфере до сих пор характеризуются высокой степенью разрозненности. Как представляется, в качестве краеугольного камня, способного стать объединяющим все поведенческие теории и модели воедино методологическим началом, должно выступить некое единое понимание критериев рациональности экономического субъекта.

Также заслуживает пристального внимания концепция переменной рациональности, авторство которой принадлежит Х. Лейбенштайну [10; 23]. Он, в частности, утверждает, что степень рациональности поведения отдельного индивида определяется двойственной природой человека: его физиологическая природа побуждает экономить мыслительную энергию и не мучиться над принятием решений, но его социальная природа, общественные стандарты и нормы требуют больших затрат умственных сил — в обществе более продуманное, рациональное поведение пользуется большим уважением [1. С. 145].

По всей видимости, с учетом вышесказанного современным исследователям данной сферы следует обратить внимание на новое научное направление — нейроэкономику, которая функционирует на стыке нейронаук (в частности, нейрофизиологии), теории принятия решений, психологии, экспериментальной экономики и других смежных областей. Активное развитие методов нейрофизиологии открыло возможности для специалистов, изучающих процесс принятия человеком решений любого генезиса, познакомиться с реально происходящими в коре головного мозга процессами возбуждения тех или иных групп нейронов, отвечающих за определенные решения и действия. Безусловно, все это формирует гораздо более полное представ-

ление о картине принятия решений человеком, по сравнению с представлением о максимизации некоторой абстрактной функции полезности.

Говоря о нейроэкономических исследованиях, необходимо понимать, что на принятие экономических решений влияет множество факторов, которые присущи нервной организации человека, помимо традиционной экономической мотивации. Выявление подобных факторов необходимо для лучшего понимания базовых характеристик мышления человека во всех сферах гуманитарного знания, что, в свою очередь, может служить базой для формирования взвешенной экономической политики.

Поведенческая экономическая теория, начиная с ранних работ М. Алле и Г. Саймона, неустанно предпринимает попытки объяснить множественные отклонения от неоклассической рациональной схемы, возникающие в поведении агентов в реальных экономических условиях. Примечательно, что множество подобных отклонений наблюдается в финансовой сфере, несмотря на то что с теоретической точки зрения условия жесткой конкуренции и высокая цена ошибки оставляют для этого меньше всего возможностей. Очевидно, это можно объяснить тем, что именно финансовые рынки в наибольшей степени подвержены, с одной стороны, веяниям финансовой «моды», а с другой — спонтанным и слабопредсказуемым изменениям в поведении инвесторов [14. С. 3—5, 10—12].

Перспективы конструктивного исследовательского взаимодействия экономистов и психологов, к сожалению, на сегодняшний день существенно ограничены затрудненными способностями к постановке строгих формальных задач и к проведению экспериментов в жестко контролируемых условиях в психологии. Для экономической науки интерес представляет в первую очередь возможность проведения прямых объективных измерений и фиксации определенных состояний человека в процессе принятия решений. В то же время сами экономисты с давних пор (как минимум начиная с работ Уильяма С. Джевонса) утверждают принципиальную невозможность непосредственного измерения субъективных человеческих ощущений, детерминирующих поведение. Тем не менее следует признать, что в последние десятилетия в распоряжении исследователей появились наконец технические средства для проведения подобных измерений.

Бросая взгляд на историю экономической научной мысли, можно отметить, что вопрос о роли психологических мотивов в экономической деятель-

ности любого рода поднимался уже неоднократно, в том числе в работах крупнейших ученых-экономистов различных эпох. Так, например, Дж.-М. Кейнс называл иррациональные мотивы участников рынка (*animal spirits*) основной причиной краткосрочных колебаний деловой конъюнктуры; Дж.-Б. Кларк писал о необходимости глубокого синтеза экономической и психологической (на тот момент весьма юной) наук для возникновения некоторого целостного представления о такой категории, как мотивация. Нельзя в этой связи не отметить и работы Торстейна Веблена, в которых детально описывается и обосновывается целый ряд психологических феноменов, детерминирующих потребительский выбор.

В XX в., по всей видимости, наиболее значимую теорию (так называемую теорию перспектив) предложили Дэниел Кэнеман и Амос Тверски. Следует особо отметить, что их исследования проводились задолго (примерно за 15—20 лет) до начала применения в нейрофизиологии метода отражения магнитного резонанса (MRI), в связи с чем им удалось сформировать достаточно точное представление о рациональном поведении индивида в отсутствие детальной нейрофизиологической картины человеческого мозга.

Одним из важнейших положений теории перспектив стало выявление того обстоятельства, что человек в процессе принятия решения склонен наряду с сугубо рациональным началом также активно использовать субъективную эмоциональную оценку всех параметров ситуации. Степень ее использования зависит от многих обстоятельств, и в первую очередь — от субъективной значимости оцениваемого решения и ситуационного контекста. Очевидно, например, что крупные сделки (закрываемые как руководством крупных компаний, так и отдельными физическими лицами) оцениваются с существенно большей долей рациональной оценки всех привходящих факторов, нежели, к примеру, рядовая повседневная покупка в супермаркете. Контекстные же факторы могут проявляться, в частности, в виде эмоциональной напряженности жизненной ситуации, в которой находится субъект на момент принятия решения, и в виде наличия ряда жестких внешних ограничений (давление внешней среды, вынуждающее зачастую выдавать чужие предпочтения за свои собственные).

Передовые исследования последних десятилетий в области нейрофизиологии проливают свет на ключевые принципы работы человеческого мозга, что, в свою очередь, дает возможность исследователям

экономистам сформировать более целостную картину процесса принятия решений экономическими агентами. В частности, нельзя не отметить работы американского ученого Антониу Дамасиу (Antonio Damasio), который исследовал пациентов, страдавших физическими повреждениями нижней части фронтальной коры головного мозга (ответственной за эмоциональное восприятие внешней среды); они чаще всего демонстрируют совершенно нерациональное поведение, несмотря на то что обычно такие люди имеют интеллект намного выше среднего. Таким образом, можно прийти к выводу, что отсутствие нормального восприятия и переживания эмоций у подобных людей лишает их также возможности принимать взвешенные, беспристрастные решения; то есть эмоциональное восприятие представляет собой неотъемлемую составляющую рационального выбора.

Возвращаясь к проблеме нетранзитивности предпочтений, с учетом всего вышесказанного можно прийти к выводу, что высокий процент наблюдаемых в экспериментах [6. С. 214—216] выявленных случаев нетранзитивности может быть дедуктивно объяснен значительностью влияния факторов эмоциональной природы, оказывающих, по всей видимости, как направляющее, так и корректирующее воздействие на процесс принятия решения.

Одним из ярчайших представителей (и в какой-то степени основоположник) нейроэкономического направления является Пол Зак (Paul J. Zak), которому приписывают авторство термина «нейроэкономика». П. Зак занимается исследованием присутствия морального мышления при решении экономических проблем. В частности, его исследования показывают, что большинство людей реагируют на основные сигналы социально-этического свойства примерно одинаково, причем он утверждает, что такое положение вещей является для человеческого мышления нормой, а не патологией [27].

В 2004 г. П. Зак провел серию нейрофизиологических экспериментов, в результате которых пришел к выводу, что мозг человека, по-видимому, имеет своего рода «моральные чувства», которые помогают человеку балансировать между эгоистическими и общественными интересами. В данном контексте напрашивается параллель с работами Адама Смита, который в своем труде «Теория нравственных чувств» (1759) утверждал, что сочувствие, или чувство товарищества, является основой морального поведения¹.

¹ Справедливости ради следует отметить, что А. Смит рассматривал вопросы морального поведения

С учетом вышесказанного хотелось бы дополнительно подчеркнуть перспективность дальнейшего развития поведенческих исследований на стыке с нейронауками, и, в частности, исследования в рамках нейроэкономики. Можно предположить, что существование феномена нетранзитивности предпочтений также может найти достоверное объяснение при активном сотрудничестве специалистов в области экономики и нейрофизиологии, что в идеале может привести к формированию новой парадигмы экономического мышления.

Методы исследования

Описываемый ниже эксперимент был проведен в ноябре — декабре 2018 г. при значительной поддержке студентов кафедры социологии и гуманитарных наук государственного университета «Дубна». Целью его являлось оценить степень распространенности случаев нетранзитивности предпочтений группы респондентов в отношении ряда потребительских товаров и проверить гипотезу, выдвинутую в одной из более ранних публикаций авторов [6], о зависимости наличия нетранзитивности предпочтений потребителей от условий совершения выбора и, соответственно, от степени влияния на данный выбор поведенческих факторов.

В предыдущем эксперименте по выявлению случаев нетранзитивности предпочтений [Там же] вопросы для респондентов формулировались умышленно в урезанной форме: респондентам задавались вопросы о попарном последовательном сопоставлении различных вариантов выбора (проектов), но при этом впоследствии не задавался вопрос об их итоговом выборе в отношении данных вариантов. В данном же эксперименте, описываемом в настоящей статье, в конце процедуры анкетирования был добавлен вопрос об итоговом выборе респондента. Это сделано с целью выявления разницы в результатах первого и второго экспериментов: значительное уменьшение числа случаев нетранзитивности предпочтений при добавлении итогового вопроса можно, по-видимому, считать экспериментальным подтверждением вышесказанной гипотезы.

Эксперимент состоял из двух этапов:

1-й этап. Респондентам предлагается сравнить попарно какие-то блага в нескольких товарных категориях (выбирались наименования товаров, наиболее известные и понятные в студенческой среде, с учетом того, что подавляющее большинство скорее с позиций специалиста в области этики, а не политической экономии.

ство респондентов данного эксперимента были студентами университета «Дубна» и других вузов). Таким образом, было выбрано шесть типов благ, и по каждому типу предлагалось сравнить попарно три конкретных товара. Например, респонденту называются блага A_1 , B_1 и C_1 и задается по ним три отдельных вопроса относительно предпочтений респондента в каждой паре: A_1 или B_1 , B_1 или C_1 , A_1 или C_1 , но так, чтобы они были разбросаны по 18 вопросам анкеты и рядом не стояли. Например, вопрос « A_1 или B_1 » идет по счету 1-м, « B_1 или C_1 » — 12-м, « A_1 или C_1 » — 15-м. Потом берется другая тройка товаров — A_2 , B_2 , C_2 , и по ним также готовится три вопроса и также разбрасываются по общему списку.

2-й этап. После проведения всех попарных сравнений респонденту приводятся по каждому типу товаров все три наименования, использованные в блоке 1, и задается итоговый вопрос: «Какое из благ в данной тройке Вы предпочитаете всем остальным?».

Ниже приводится форма анкеты, использованной в данном эксперименте.

Блок 1

1. Телефон какой марки Вы бы приобрели?
  - сотовый телефон бренда 1¹
  - сотовый телефон бренда 2
2. Какой вид отдыха Вы бы выбрали?
  - отель 5*
  - отдых в пансионате
3. Куртку какого бренда Вы бы предпочли?
  - куртка бренда 1
  - куртка бренда 2
4. Автомобиль какой марки Вы бы предпочли?
  - автомобиль бренда 1 (новый)
  - автомобиль бренда 2 (новый)
5. Какой журнал Вы бы предпочли?
  - журнал бренда 1
  - журнал бренда 2
6. Телефон какой марки Вы бы приобрели?
  - сотовый телефон бренда 2
  - сотовый телефон бренда 3
7. Какой вид отдыха Вы бы выбрали?
  - отдых в палатке на природе
  - отдых в пансионате
8. Кольцо из какого металла Вы бы приобрели?
  - желтое золото
  - белое золото

¹ В анкетах указывались названия конкретных, хорошо известных для респондентов брендов, но при публикации результатов исследования эти названия заменены на условные «бренд 1», «бренд 2», «бренд 3».

9. Какой вид отдыха Вы бы выбрали?
  - отель 5*
  - отдых в палатке на природе
10. Какой журнал Вы бы предпочли?
  - журнал бренда 2
  - журнал бренда 3
11. Телефон какой марки Вы бы приобрели?
  - сотовый телефон бренда 1
  - сотовый телефон бренда 3
12. Куртку какого бренда Вы бы предпочли?
  - куртку бренда 2
  - куртку бренда 3
13. Кольцо из какого металла Вы бы приобрели?
  - желтое золото
  - серебро
14. Какой журнал Вы бы предпочли?
  - журнал бренда 1
  - журнал бренда 3
15. Автомобиль какой марки Вы бы предпочли?
  - автомобиль бренда 2 (новый)
  - автомобиль бренда 3 (новый)
16. Куртку какого бренда Вы бы предпочли?
  - куртку бренда 1
  - куртку бренда 3
17. Кольцо из какого металла Вы бы приобрели?
  - белое золото
  - серебро
18. Автомобиль какой марки Вы бы предпочли?
  - автомобиль бренда 1 (новый)
  - автомобиль бренда 3 (новый)

Блок 2

Какое из благ в данной тройке Вы предпочитаете всем остальным?

- 1:**
  1. Сотовый телефон бренда 1
  2. Сотовый телефон бренда 2
  3. Сотовый телефон бренда 3
- 2:**
  1. Куртка бренда 1
  2. Куртка бренда 2
  3. Куртка бренда 3
- 3:**
  1. Журнал бренда 1
  2. Журнал бренда 2
  3. Журнал бренда 3
- 4:**
  1. Кольцо из желтого золота
  2. Кольцо из белого золота
  3. Кольцо из серебра
- 5:**
  1. Автомобиль бренда 1 (новый)
  2. Автомобиль бренда 2 (новый)
  3. Автомобиль бренда 3 (новый)
- 6:**
  1. Отдых в отеле 5*
  2. Отдых в палатке на природе
  3. Отдых в пансионате

Собранные анкеты (298 шт., в качестве респондентов выступали лица обоего пола в возрасте 17—45 лет) были занесены в сводную таблицу MS Excel для последующей обработки.

Результаты эксперимента можно представить в виде таблиц (см. табл. 1—7).

Анализ нетранзитивности проводился следующим образом.

Для обработки результатов каждой группе товаров было присвоено условное буквенное обозначение:

- А — телефоны
- В — вид отдыха
- С — куртки
- Д — автомобили
- Е — журналы
- F — кольца

Предположим в целях интерпретации данного эксперимента существование двух возможных разновидностей (типов) нетранзитивности предпочтений:

1) нетранзитивность предпочтений при попарном последовательном сравнении товаров в каждой группе;

2) нетранзитивность, проявляющаяся в несоответствии итогового выбора респондентов по блоку 2 с их собственными предпочтениями, выявленными по блоку 1.

Рассмотрим все возможные комбинации взаимных попарных сравнений троек предложенных респондентам благ в каждой группе, а также вывод о наличии либо отсутствии нетранзитивности предпочтений первого типа; обозначим при этом наличие нетранзитивности бинарной переменной NT, принимающей два значения: 0 — в случае отсутствия нетранзитивности, 1 — в случае ее присутствия:

1.1) $A_1 > A_2, A_2 > A_3, A_1 > A_3, NT = 0$ (нетранзитивность отсутствует);

1.2) $A_1 > A_2, A_2 > A_3, A_3 > A_1, NT = 1$ (нетранзитивность присутствует);

1.3) $A_1 > A_2, A_3 > A_2, A_1 > A_3, NT = 0$ (нельзя утверждать присутствие нетранзитивности);

1.4) $A_1 > A_2, A_3 > A_2, A_3 > A_1, NT = 0$ (нельзя утверждать присутствие нетранзитивности);

1.5) $A_2 > A_1, A_2 > A_3, A_1 > A_3, NT = 0$ (нельзя утверждать присутствие нетранзитивности);

1.6) $A_2 > A_1, A_2 > A_3, A_3 > A_1, NT = 0$ (нельзя утверждать присутствие нетранзитивности);

1.7) $A_2 > A_1, A_3 > A_2, A_1 > A_3, NT = 1$ (нетранзитивность присутствует);

1.8) $A_2 > A_1, A_3 > A_2, A_3 > A_1, NT = 0$ (нетранзитивность отсутствует).

Как видно, из восьми возможных вариантов попарных сравнений лишь два можно характеризовать как проявление явной нетранзитивности.

Результаты и обсуждение

Для обработки результатов эксперимента была построена аналитическая таблица в MS Excel, в которой для каждой из шести групп товаров по логической формуле с использованием операторов «ЕСЛИ» и «И» было получено значение бинарной функции NT и затем подсчитано общее число случаев явной нетранзитивности предпочтений респондентов в абсолютном и относительном выражении. Итоги вычислений представлены в табл. 1—3.

Как нетрудно увидеть, общее число случаев явной нетранзитивности составило 314, что в относительном выражении соответствует 17,6% общего числа анкет (298 ответов по каждой анкете, умноженных на число товарных групп). Бросается в глаза наименьшее число случаев нетранзитивности предпочтений среди товаров группы А «сотовые телефоны» и В «виды отдыха»; по всей видимости, это можно объяснить тем, что студенты и прочие представители молодого поколения очень хорошо ориентируются в характеристиках и рыночных условиях предложения товаров данной группы, что обуславливает четкость их предпочтений при попарных сравнениях. Также подобный результат для группы В можно объяснить тем, что для видов отдыха использовались не названия конкретных рыночных брендов, а хорошо известные респондентам обобщенные разновидности отдыха. Наибольшее же число случаев нетранзитивности (78) приходится на группу F, в которой потребители, являвшиеся респондентами в данном эксперименте, ориентируются, по-видимому, значительно хуже, и в меньшей степени знакомы с потребительскими свойствами и конкурентными преимуществами, присущими каждому из металлов.

Аналогичным образом анализировалось наличие нетранзитивности 2-го типа — нетранзитивности итогового выбора респондентов, проявляющейся в несоответствии итогового выбора респондентов по блоку 2 с их собственными предпочтениями, выявленными по блоку 1.

Рассмотрим все возможные комбинации взаимных попарных сравнений троек предложенных респондентам благ в каждой группе (в данном случае достаточно будет двух сравнений — A_1 с A_2 , A_2 с A_3), а также вывод о наличии либо отсутствии нетранзитивности предпочтений 2-го типа; обозна-

Таблица 1

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 1-го типа по условию 1.2

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	0
B — вид отдыха	30
C — куртки	61
D — автомобили	23
E — журналы	33
F — кольца	30
Всего	177

Таблица 2

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 1-го типа по условию 1.7

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	32
B — вид отдыха	1
C — куртки	1
D — автомобили	33
E — журналы	22
F — кольца	48
Всего	137

Таблица 3

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 1-го типа суммарно по условиям 1.2 и 1.7

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	32
B — вид отдыха	31
C — куртки	62
D — автомобили	56
E — журналы	55
F — кольца	78
Всего	314

чим при этом итоговый выбор респондента за Y , а наличие нетранзитивности — бинарной переменной NT , принимающей два значения: 0 — в случае отсутствия нетранзитивности, 1 — в случае ее присутствия:

2.1) $A_1 > A_2, A_2 > A_3, Y = A_3, NT = 1$ (нетранзитивность присутствует);

2.2) $A_1 > A_2, A_3 > A_2, Y = A_2, NT = 1$ (нетранзитивность присутствует);

2.3) $A_2 > A_1, A_2 > A_3$, для любого $Y, NT = 0$ (нельзя утверждать присутствие нетранзитивности итогового выбора);

2.4) $A_2 > A_1, A_3 > A_2, Y = A_1, NT = 1$ (нетранзитивность присутствует).

В каждом из рассмотренных случаев критерием присутствия нетранзитивности итогового выбора считалось наличие выбора наихудшего из трех товаров (наиболее строгий вариант), в соответствии с предпочтениями респондента, выявленными в блоке 1.

Для обработки результатов эксперимента была построена аналитическая таблица в MS Excel, в которой для каждой из шести групп товаров по логической формуле с использованием операторов «ЕСЛИ» и «И» было получено значение бинарной функции NT и затем подсчитано общее число случаев явной нетранзитивности предпочтений респондентов в абсолютном и относительном выражении. Итоги вычислений представлены в табл. 4—7.

Наиболее очевидным результатом проведенного эксперимента можно считать следующее:

1) по сравнению с результатами эксперимента, описанного в публикации [6], где вопрос об итоговых предпочтениях респондента в конце анкетирования не задавался, процент случаев нетранзитивности предпочтений существенно снизился, но не исчез полностью;

2) для нетранзитивности 2-го типа товарные группы, для которых выявлено наибольшее

Таблица 4

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 2-го типа по условию 2.1

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	11
B — вид отдыха	0
C — куртки	3
D — автомобили	0
E — журналы	0
F — кольца	1
Всего	15

Таблица 5

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 2-го типа по условию 2.2

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	1
B — вид отдыха	1
C — куртки	8
D — автомобили	17
E — журналы	17
F — кольца	1
Всего	45

Таблица 6

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 2-го типа по условию 2.4

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	29
B — вид отдыха	1
C — куртки	1
D — автомобили	1
E — журналы	1
F — кольца	1
Всего	34

Таблица 7

Выявленные случаи нетранзитивности предпочтений 2-го типа суммарно по условиям 2.1, 2.2, 2.4

Товарная группа	Число выявленных случаев нетранзитивности предпочтений респондентов
A — телефоны	41
B — вид отдыха	2
C — куртки	12
D — автомобили	18
E — журналы	18
F — кольца	3
Всего	94

и наименьшее число случаев нетранзитивности, поменялись местами по сравнению со случаями нетранзитивности 1-го типа;

3) общее число случаев нетранзитивности итоговых предпочтений (2-й тип) существенно сократилось после обработки результатов анкетирования по 2-му блоку анкеты и составило всего 5,3 % против 17,6 % для нетранзитивности 1-го типа.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: процедура совершения простого выбора из двух альтернатив, по-видимому, принципиально отличается от процедуры выбора из трех альтернатив, что вполне согласуется, в частности, с широко известным «парадоксом Кондорсе». Можно предположить, что, оценивая попарно по два блага

в каждой тройке, респондент не ставит себе задачи сформировать представление о взаимном соотношении субъективной ценности всех трех благ в группе; в то же время, когда ему задается этот вопрос в конце проведения эксперимента, он вынужден пересматривать субъективное представление о ценности каждого из товаров, сложившееся у него при прохождении 1-го блока эксперимента, поскольку при совмещении попарных оценок каждой тройки благ зачастую получаются противоречивые результаты. Другими словами, при попарном сравнении респондент пытается дать оценку лишь собственным субъективным предпочтениям в отношении каждого из товаров и их соотношению; в том же случае, когда ему предлагается совершить выбор из трех товаров, к процедуре принятия решения

подключаются поведенческие факторы, связанные с оценкой тех или иных брендов, потребительских привычек и т. п. Так, в числе поведенческих эффектов, в наибольшей степени повлиявших на предпочтения респондентов по группе А (телефоны), очевидно, можно указать «эффект Веблена», «эффект сноба», «эффект инерции».

Одним из практических результатов проводимого исследования, по-видимому, может стать более четкое осознание субъектами рыночных отношений особенностей собственного и чужого рыночного поведения, что позволит бороться с негативными последствиями ошибочных суждений и иллюзий восприятия, прогнозировать действия других участников рынка и разрабатывать эффективные инвестиционные стратегии.

Список литературы

1. Автономов, В. С. Постоянная и переменная рациональность как предпосылка экономической теории / В. С. Автономов // Журн. Новой экон. ассоц. — 2017. — № 1 (33). — С. 142—146.
2. Алле, М. Условия эффективности в экономике / М. Алле. — М. : Наука для о-ва. — 1998. — 304 с.
3. Белянин, А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения / А. Белянин // Вопр. экономики. — 2003. — № 1.
4. Белянин, А. В. Калибрация прогнозов в задачах бинарного выбора / А. В. Белянин, Д. П. Колесникова // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. — 2013. — Т. 10, № 4. — С. 42—66.
5. Гринберг, Р. С. Экономическая социодинамика / Р. С. Гринберг, А. Я. Рубенштейн. — М. : Ин-т соц. экономики, 2000. — 278 с.
6. Зеляк, А. А. Исследование нарушения принципа транзитивности предпочтений в рамках развития поведенческой экономической теории / А. А. Зеляк, Я. В. Шокин // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. — 2012. — № 4. — С. 212—216.
7. Зинченко, О. О. Нейробиологические механизмы поддержания социальной нормы справедливости: обзор междисциплинарных исследований / О. О. Зинченко, А. В. Белянин, В. А. Ключарёв // Журн. высш. нерв. деятельности им. И. П. Павлова. — 2018. — Т. 68, № 1. — С. 16—27.
8. Ключарёв, В. А. Свобода воли: Нейроэкономический подход / В. А. Ключарёв // Журн. высш. нерв. деятельности им. И. П. Павлова. — 2017. — Т. 67, № 6.
9. Ключарёв, В. А. Нейробиологические механизмы социального влияния / В. А. Ключарёв, И. П. Зубарев, А. Н. Шестакова // Эксперимент. психология. — 2014. — Т. 7, № 4. — С. 20—36.
10. Лейбенштейн, Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» / Х. Лейбенштейн // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / под. общ. ред. В. М. Гальперина. — СПб. : Экон. шк., 1995. — С. 477—506.
11. Лившиц, В. Н. Экономика России. Путь к устойчивому развитию / В. Н. Лившиц, С. А. Панов // Россия, стратегия развития в XXI веке. Ч. II. — М. : Ноосфера, 1997.
12. Павлов, И. А. Поведенческая экономическая теория — позитивный подход к исследованию человеческого поведения : науч. докл. / И. А. Павлов. — М. : ИЭ РАН, 2007. — 62 с.
13. Романовский, А. В. Нейроэкономика и ее интеграция в экономическую науку / А. В. Романовский, Я. В. Шокин // Науч.-информ. журн. «Экон. науки». — 2010. — № 4. — С. 42—45.
14. Трофимов, Г. Ю. Экономика и нейронаука — на пути синтеза / Г. Ю. Трофимов // Экономика и мат. методы. — 2006. — № 4. — С. 3—16.
15. Фрэнк, Р. Дарвиновская экономика. Свобода, конкуренция и общее благо / Р. Фрэнк. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. — 342 с.

16. Шокин, Я. В. Методологические аспекты анализа неденежных факторов принятия управленческих решений : монография. — Дубна : Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна», 2013. — 133 с.
17. Эрроу, К. Восприятие риска в психологии и экономической науке / К. Эрроу // THESIS. — 2004. — Вып. 5. — С. 81—90.
18. Эрроу, К. К теории ценового приспособления / К. Эрроу // Теория фирмы. — СПб. : Экон. шк., 2005. — С. 432—447.
19. Ariely, D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions / D. Ariely. — New York : Harper Collins, 2010.
20. Neural mechanisms of cognitive dissonance (revised) : an EEG study / M. Colosio, A. Shestakova, V. Nikulin, Evgeny Blagovechtchenski, V. Klucharev // J. of Neuroscience. — 2017. — Vol. 37, no. 20. — P. 5074—5083.
21. Damasio, A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. / A. Damasio. — London : Vintage Books, 2006.
22. Kahneman, D. Prospect theory: An analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky // Econometrica. — 1979. — Vol. 47, no. 2. — P. 263—291.
23. Leibenstein, H. Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics / H. Leibenstein. — London : Harvard Univ. Press, 1976.
24. Simon, H. A. Theories of Decision — Making in Economics and Behavioral Science / H. A. Simon // The American Economic Rev. — 1959. — June, vol. 49, no. 3. — P. 253—283.
25. Smith, V. L. Economics in the Laboratory / V. L. Smith // The J. of Economic Perspectives. — 1994. — Winter, vol. 8, no. 1. — P. 113—131.
26. Tversky, A. Rational Choice and the Framing of Decisions. Pt. 2: The Behavioral Foundations of Economic Theory / A. Tversky, D. Kahneman // The J. of Business. — 1986. — Oct., vol. 59, no. 4. — P. 251—278.
27. “Introduction” in Moral Markets. The Critical Role of Values in the Economy / ed. by P. Zak. — Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2008. — P. xi—xxii.

Сведения об авторах

Волкова Анна Андреевна — старший преподаватель, государственный университет «Дубна», Дубна, Россия. zela@mail.ru

Панов Станислав Аврорович — доктор технических наук, профессор государственный университет «Дубна», Дубна, Россия. econom@uni-dubna.ru

Шокин Ян Вячеславович — доктор экономических наук, доцент государственный университет «Дубна», Дубна, Россия. yshokin@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 131—142.

THE ANALYSIS OF CUSTOMER'S PREFERENCES NON-TRANSITIVITY PHENOMENON IN A FRAMEWORK OF THE MODERN NEUROECONOMICAL RESEARCHES

A.A. Volkova

Dubna State University, Dubna, Russia. zela@mail.ru

S.A. Panov

Dubna State University, Dubna, Russia. econom@uni-dubna.ru

Ya.V. Shokin

Dubna State University, Dubna, Russia. yshokin@mail.ru

This article describes an experimental research aiming the proof of the authors' hypothesis about the dependence of customer's preferences non-transitivity from the conditions of choice, and accordingly from the behavioral factors influence. The examination of customer's preferences non-transitivity has a high theoretical value because it's appealed to streamline modern vision of the rational customers' choice making. Also

the conclusion of the taken experiment is described, that a procedure of making a simple choice between two alternatives, apparently, fundamentally differs from a procedure of making a choice between three alternatives, what coordinates well with the well known “Condorset paradox”. While pairwise comparing a respondent tries to evaluate only his own subjective preferences about each good and their correlation; but when he is suggested to make a choice between three goods, there is some behavioral factors involved, related to evaluation of some brands, behavioral habits etc. (“Weblen effect”, “snob effect”, “inertia effect”). Also the conclusion is made, that many of economical behavior anomalies (including non-transitivity of preferences phenomenon) may be plausibly explained in the network of such new interdisciplinary school as neuroeconomics. This conclusion is confirmed indirectly by the results of some neuroeconomical researches.

Keywords: *non-transitivity of preferences, consumer's choice, neuroeconomics, behavioral demand factors, multiple choice, consumer rationality.*

References

1. Avtonomov V.S. Postoyannaya i peremennaya racional'nost' kak predposylka ekonomicheskoy teorii [Constant or Variable Rationality as an Assumption of Economic Theory]. *Zhurnal Novej Ekonomicheskoy Assoциации* [The Journal of the New Economic Association], 2017, no. 1 (33), pp. 142-146. (In Russ.).
2. Allais M. *Usloviya effektivnosti v ekonomike* [Conditions of efficiency in economics]. Moscow, Nauka dlya obschestva Publ., 1998. 304 p. (In Russ.).
3. Belyanin A. Daniel Kahneman i Vernon Smith: Nobelevskaya Premiya za chuvstvo real'nosti (ekonomicheskij analiz chelovecheskogo povedeniya) [Daniel Kahneman and Vernon Smith: Nobel Prize for the Feeling of Reality (Economic Analysis of Human Behavior)]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2003, no. 1, pp. 4-23. (In Russ.).
4. Belyanin A.V., Kolesnikova D.P. Kalibraciya prognozov v zadachakh binarnogo vybora [Prognosis Calibration in Binary Choice Tasks]. *Psikhologiya: Zhurnal Vusšej Shkoly ekonomiki* [Psychology: Journal of the Higher School of Economics], 2013, vol. 10, no. 4, pp. 42-66. (In Russ.).
5. Grinberg R.S., Rubinstein A.Ya. *Ekonomicheskaya sociodinamika* [Economical sociodynamics]. Moscow, Institute for Social Economy, 2000. 278 p. (In Russ.).
6. Zelyak A.A., Shokin Ya.V. Issledovanie narusheniya principa tranzitivnosti predpochtenij v ramkakh razvitiya povedencheskoy ekonomicheskoy teorii [The research of the preference transitivity rule's violation in the bounds of behavioral economics' development]. *RISK: Resursy, Informaciya, Snabzheniye, Konkurenciya* [RISK: Resources, Information, Supply, Competition], 2012, no. 4, pp. 212-216. (In Russ.).
7. Zinchenko O., Belyanin A., Klucharev V. Nejrobiologicheskie mekhanizmy podderzhaniya social'noy normy spravedlivosti: obzor mezhdisciplinarnykh issledovanij [Neurobiological Mechanisms of Fairness-Related Social Norm Enforcement: a Review of Interdisciplinary Studies]. *Zhurnal vysshey nervnoj deyatel'nosti imeni I.P. Pavlova* [I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity], 2018, vol. 68, no. 1, pp. 16-27. (In Russ.).
8. Klucharev V. Svoboda voli: nejroekonomicheskij podkhod [Free Will: Neuroeconomics Approach]. *Zhurnal vysshey nervnoj deyatel'nosti imeni I.P. Pavlova* [I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity], 2017, vol. 67, no. 6, pp. 755-760. (In Russ.).
9. Klucharev V.A., Zubarev I.P., Shestakova A.N. Nejrobiologicheskie mekhanizmy social'nogo vliyaniya [Neurobiological mechanisms of social influence]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2014, vol. 7, no. 4, pp. 2-36. (In Russ.).
10. Leibenstein H. Allokativnaya effektivnost' protiv “X-effektivnosti” [Allocative efficiency vs. “X-efficiency”]. *Vekhi ekonomicheskoy mysli. Tom 2. Teoriya firmy.* [Milestones of economic thought. Vol. 2. Theory of a Firm.]. St. Petersburg, School of economy, 1995. Pp. 477-506. (In Russ.).
11. Livshitz V.N., Panov S.A., Trofimova N.V. *Ekonomika Rossii. Put' k ustojchivomu razvitiyu.* [Russian Economy. The way to sustainable development]. *Rossiya, strategiya razvitiya v XXI veke. Ch. II* [Russia, the strategy of development in the XXI century. Pt. II]. Moscow, Noosphere, 1997. (In Russ.).
12. Pavlov I.A. Povedencheskaya ekonomicheskaya teoriya — pozitivnyj podkhod k issledovaniyu chelovecheskogo povedeniya [Behavioral economical theory — a positive approach towards the human behavior research (scientific report)]. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2007. 62 p. (In Russ.).

13. Romanovsky A.V., Shokin Ya.V. Neiroekonomika i ee integraciya v ekonomicheskuyu nauku [Neuroeconomy and its integration into economical science]. *Nauchno-informacionnyj zhurnal "Ekonomicheskiye nauki"* [Scientific-informational journal "Economic science"], 2010, no. 4, pp. 42-45. (In Russ.).
14. Trofimov G.Yu. Ekonomika i nejronauka — na puti sinteza [Economics and neuroscience — on the way of synthesis]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods], 2006, no. 4, pp. 3-16. (In Russ.).
15. Frank R. *Darvinovskaya ekonomika. Svoboda, konkurenciya i obshhee blago* [Darvin economics. Freedom, competition and common welfare]. Moscow, Gaydar Institute Publ., 2013. 342 p. (In Russ.).
16. Shokin Ya.V. *Metodologicheskie aspekty analiza nedenezhnykh faktorov prinyatiya upravlencheskikh reshenij* [Methodological aspects of analysis of non-monetary managerial decision-making factors]. "Dubna" International university of Nature, Society and Man. Dubna, 2013. 133 p. (In Russ.).
17. Kenneth J. Arrow. Vospriyatiye riska v psikhologii i ekonomike [Risk Perception in Psychology and Economics]. *THESIS*, 2004, iss. 5, pp. 81-90. (Originally translated from: Kenneth J. Arrow. Risk Perception in Psychology and Economics. *Economic Inquiry*, January 1982, vol. 20, no. 1, pp. 1-9. © Western Economic Association, 1982). (In Russ.).
18. Kenneth J. Arrow. K teorii cenovogo prisposobleniya [Toward a theory of price adjustment]. *Teoriya firmy* [Theory of a firm]. St. Petersburg, Economical School, 2005. Pp. 432-447. (Originally translated from: Studies in resource allocation processes. Ed. by Kenneth J. Arrow, L. Hurwitz. Cambridge, 1977). (In Russ.).
19. Ariely D. *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. New York, Harper Collins, 2010.
20. Colosio M., Shestakova A., Nikulin V., Evgeny Blagovechtchenski, Klucharev V. Neural mechanisms of cognitive dissonance (revised): An EEG study. *Journal of Neuroscience*, 2017, vol. 37, no. 20, pp. 5074-5083.
21. Damasio A. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. London, Vintage Books, 2006.
22. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263-291.
23. Leibenstein H. *Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics*. London, Harvard University Press, 1976.
24. Simon H.A. Theories of Decision Making in Economics and Behavioral Science. *The American Economic Review*, 1959, June, vol. 49, no. 3, pp. 253-283.
25. Smith V.L. Economics in the Laboratory. *The Journal of Economic Perspectives*, 1994, Winter, vol. 8, no. 1, pp. 113-131.
26. Tversky A., Kahneman D. Rational Choice and the Framing of Decisions. Pt. 2: The Behavioral Foundations of Economic Theory. *The Journal of Business*, 1986, October, vol. 59, no. 4, pp. 251-278.
27. Zak P. (ed.). *"Introduction" in Moral Markets. The Critical Role of Values in the Economy*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2008. Pp. xi –xxii.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Д. А. Сорокин¹, П. Э. Драчук²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия

Представлены текущее состояние и проблемы предприятий нефтегазового сектора российской экономики, влияние развития нефтегазового направления на промышленно-экономический потенциал экономики, что, по мнению авторов, является перспективной экономической и технологической задачей. Рассматривается ряд актуальных вопросов развития нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплекса России, требующих для объективной оценки стратегической эффективности его функционирования адаптации существующих теоретических подходов оценки к реалиям современного рынка, его особенностям и ограничениям. Особое внимание уделено методикам оценки предприятий данной отрасли, что актуально в условиях российской экономики, для которой нефтепереработка является не только драйвером экономического развития, но и стратегическим рычагом реализации геополитических интересов.

Ключевые слова: нефтегазовая отрасль, топливно-энергетический комплекс, теоретические подходы к оценке эффективности, стратегическая эффективность, стратегические ограничения.

В процессе своего развития человечество значительно расширило энергетический потенциал экономики, используя новые виды энергоресурсов, в том числе относящиеся к неисчерпаемым. Например, активно внедряется использование геотермальной, солнечной энергии, гидроэнергии приливов и отливов, предлагаются варианты получения топлива из биоотходов и многое другое, что достаточно подробно описано в монографии В. И. Бархатова, И. П. Добровольского, Ю. Ш. Капкаева [1]. Рост ресурсного потенциала и развитие энергетических технологий в направлении нетрадиционной энергетики вполне объясним даже в рамках действующей экономической парадигмы, хотя и должен в результате своего развития немного скорректировать ее теоретические ограничения касательно абсолютной ограниченности экономических ресурсов (см.: В. И. Бархатов и др. [2]).

Во-первых, это связано с высокой концентрацией капитала на рынках топливно-энергетического комплекса. И хотя предпосылками для этого служили разные факторы — от классической конкуренции на рынке капитала для нефтедобывающей отрасли до естественных ограничений для электроэнергетики (см.: А. Н. Береза и др. [4]), преодолеть их последствия в форме монополизации возможно только за счет расширения рынка, и в первую очередь — за счет формирования рынков новых, альтернативных энергоресурсов, что

рассмотрено В. И. Бархатовым, И. П. Добровольским, Д. А. Сорокиным [3].

Во-вторых, таким образом делается очередная попытка преодолеть базовые проблемы экономической теории, связанные с отсутствием иной возможности сбалансировать ограниченность ресурсного потенциала и безграничность потребления, кроме как построением экономической модели рационального выбора. Однако, несмотря на многолетние устремления экономистов, энергетиков, экологов и многих других научных деятелей преодолеть сложившийся способ производства, изменить ограничительные действия экономических постулатов пока не получается — по причине как значительной дороговизны альтернативных технологий и материалов для их внедрения, так и конкурентного противодействия со стороны классического энергетического рынка, имеющего значительные возможности политического и экономического лоббирования своих интересов. Все это находит отражение в формировании топливно-энергетического баланса российской и мировой экономики и значимости для него таких классических отраслей промышленности, как газовая, нефтяная и угольная, развитие которых в значительной мере влияет на качество жизни населения (см.: Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин [5]). В настоящее время предприятия нефтепереработки являются не только драйвером экономического развития, но и стратегическим рычагом реализации геополитических интересов,

а потому оценка их эффективности, выявление и усиление стратегических конкурентных преимуществ особенно актуальны.

Одной из основ российской экономики являются топливно-энергетические ресурсы, которые формируют экспорт страны, особенно поставка газа и нефти. Основными источниками энергии в течение многих лет были и остаются природные горючие ископаемые: нефть, газ, уголь, торф и прочее, а данные отрасли остаются лидерами роста, определяя его стандарты, что многократно докладывалось участниками VIII ежегодной конференции «Годовой отчет: опыт лидеров и новые стандарты» [7]. На сегодняшний день нефтегазовый сектор однозначно доминирует в экономической системе большинства стран и Российской Федерации, формируя значительную часть дохода национальной экономики и создавая рабочие места для сотен тысяч жителей различных регионов. Это подтверждают и различные статистические данные. Так, в период с 2000 по 2017 г. доля России в мировой добыче нефти возросла с 8,9 до 12,4%. Это подтверждает, что, несмотря на все ограничения и санкции, Россия остается одной из немногих стран, которые могут оказывать влияние на динамику цен на нефтяном рынке (см.: Н. А. Лоханова [6]). Согласно отчету, ежегодно публикуемому на официальном сайте ОПЕК, всего мировые доказанные запасы нефти в 2016 г. составили 1 667 865 млн баррелей, а доказанные запасы газа — 198 281 млрд куб. м. Возвращаясь к нефтегазовому сектору России, стоит также отметить, что в соответствии с «Энергетической стратегией России на период до 2030 г.» увеличение добычи нефти прогнозируется до 535 млн т в год, газа — до 940 млрд куб. м (см.: Д. А. Сорокин [9]).

Таким образом, вопрос эффективности деятельности компаний нефтегазового сектора тесно связан с вопросом эффективности всей российской экономики. С учетом ее слабого роста за прошедшие годы задача измерения эффективности деятельности нефтегазовых компаний выглядит весьма актуальной. С другой стороны, экономическая или финансовая эффективность никак не гарантирует нефтегазовым компаниям, как, впрочем, и всей экономике, устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Многие исследования отмечают необходимость внедрения эффективных стратегий не только в сфере управления финансами или операциями, но также и в социальном и экологическом аспектах деятельности компании. Недаром крупнейшие мировые компании в своих ежегодных

отчетах все чаще отчитываются не только перед акционерами, но и перед той частью общества, которая напрямую или даже косвенно затронута деятельностью компании. При этом наряду с финансовой сообщаются результаты деятельности компании в экологической и социальных сферах, таким образом, годовые отчеты приобретают все более интегрированный характер. Учитывая важность интегрированного подхода к составлению отчетности для устойчивого развития глобальной экономики, можно отметить необходимость разработки методологии комплексного измерения показателей эффективности деятельности компании для последующей объективной возможности выявления лидеров в отрасли. В этом случае представлялось бы возможным сравнить эффективность работы компаний не только с финансовой или операционной точки зрения, но и с точки зрения других аспектов.

Безусловно, результаты деятельности организации, на основании которых рассчитывается эффективность, отражают ключевые задачи, реализуемые в организации на основании существующей стратегии. Необходимо отметить, что в соответствии с последними тенденциями экономики мера эффективности должна быть не только отражением финансового показателя, но и драйвером повышения эффективности деятельности в нефинансовых выражениях (качество, инновации, удовлетворенность потребителя/сотрудников). Также стоит отметить, что измерение эффективности сконцентрировано на результате, а не на причинах, что является характерным для анализа деятельности. Результаты, необходимые для оценки, подразделяются на экономические (финансовые, операционные) и неэкономические (например, результат кампании по сохранению экологии). В современных исследованиях целесообразно применять расширенное толкование экономической эффективности, подразумевая также и финансово-структурную оптимальность организации. Данный подход по рассматриваемому параметру тяготеет к комплексности оценки, благодаря которой границы понятия постоянно расширяются, что более подробно можно рассмотреть в работе И. А. Султанова [11]. Основные показатели эффективности — относительные, которые делятся на прямые (отдача) и обратные (показатели емкости). Классически система показателей эффективности компании включает три группы:

1. Показатели, характеризующие эффективность операционной деятельности предприятия. Она определяется посредством соотношения резуль-

тирующих параметров (прибыли, выручки) и величины затраченных ресурсов (активов, собственного капитала). Согласно традиционному подходу, основные показатели эффективности находятся в данной группе.

2. Финансовые показатели экономической эффективности, отражающие результирующие показатели деятельности стратегических единиц бизнеса.

3. Показатели эффективности инвестиционной деятельности, которые в первую очередь должны увязывать интересы инвесторов как ключевой заинтересованной стороны.

Данная группа показателей играет важную роль в деятельности организации. Так, рассматривается эффективность в контексте соотношения создаваемой компанией ценности на основе имеющихся ресурсов с ценностью, которую планируют получить владельцы активов. Тем самым владельцы активов могут получить максимальную прибыль от своих вложений в случае эффективной работы организации, что соответствует главенствующей долгосрочной задаче управления организацией — максимизации рыночной стоимости компании.

Традиционно специфика нефтегазовой отрасли подразумевает под собой сеть последовательный бизнес процессов. В Российских вертикально-интегрированных нефтегазовых компаниях (ВИНК), существует несколько дочерних компаний, каждая из которых отвечает за определенный сегмент бизнеса. Что касается зарубежных компаний, их деятельность делится на два главных направления: 1) разведка, добыча (upstream) и 2) переработка, транспортировка, сбыт (downstream).

Становится ясно, что компании для эффективной работы должны согласовывать стратегии своих подразделений, создавая синергию. Изначально основой нефтегазового бизнеса являлась добыча полезных ископаемых, следовательно, само измерение эффективности не составляло труда и принятие решения о степени эффективности деятельности компании напрямую зависело от объемов добычи.

Также эффективность международных компаний можно измерить по таким показателям, как выручка, объем переработки и транспортировка. Однако в последние годы появляются новые тенденции измерения эффективности. Изменения заключаются в оценке не только по операционным и финансовым результатам, также берутся во внимание социальные и экологические составляющие. С каждым годом все больше людей беспокоят о вреде, который нефтегазовые компании наносят окружающей среде. Кроме жизненно важных вопросов обеспечения

благополучия населения за счет снабжения энергоресурсами, на сегодняшний день компании должны думать еще и об экологическом вреде, который они наносят посредством выбросов парниковых газов. Можно выделить несколько практически используемых подходов к оценке эффективности компаний данного направления деятельности. В большинстве классических подходов используется принцип стратегического соответствия, который в результате построения сбалансированной системы показателей предлагает проводить оценку эффективности на основании допущения, что стратегия определяет приоритеты деятельности компании (стратегических целей не может быть много), а предлагаемая система ключевых показателей эффективности (key performance indicators, KPI) оценивает соответствие им направлений развития. Сбалансированная таким образом система KPI, по мнению Д. Р. Федорова, не только акцентирует внимание руководителей на бухгалтерских показателях, характеризующих эффективность стратегической деятельности, но и позволяет предупредить на основании анализа их динамики развитие конфликта интересов [8; 12]. В данном случае по каждому из направлений деятельности отбираются показатели, которые лучшим образом характеризуют процесс эффективной работы, а затем каждому из показателей присваивается нормативное значение.

Следует добавить, что еще одной методологией оценки эффективности деятельности нефтяных компаний является рассмотрение компании в разрезе рейтингов результативности и экономичности. Так, результативными принято считать компании, которым удалось добиться фактического прироста показателей прибыли по основным видам деятельности по отношению к своим же результатам предыдущего года. Что касается рейтинга экономичности, в нем лидирующие позиции занимают компании, которые для улучшения показателей прибыли по основной деятельности по отношению к своему результату прошлого года смогли обеспечить уровень расходов такой же или ниже.

Таким образом, эффективными будут считаться организации, которые имеют наивысшие показатели в обоих рейтингах. Затем на основании полученных данных составляется матрица эффективности, являющаяся классическим инструментом визуализации стратегического поведения в стратегическом менеджменте и маркетинге, в соответствии с которой компании распределяются по степени эффективности (см. рисунок на с. 146) (см.: С. Clark, J. Broun [13], С.-L. Liu, Y.-H. Yeh [16]).

Результативность	Высокая	Квadrant II Результативные > 100% Неэкономичные > 100%	Квadrant I Результативные > 100% Неэкономичные < 100%
	Низкая	Квadrant III Результативные < 100% Неэкономичные > 100%	Квadrant IV Результативные < 100% Неэкономичные < 100%
		Низкая	Высокая
Экономичность			

Матрица оценки стратегической эффективности компании

По данной матрице становится понятно, что в первый квадрант входят компании, имеющие максимальную эффективность, то есть прибыль выросла или превысила план, а совокупные расходы при этом были меньше запланированной величины, что означает экономию бюджета. В третьем же квадранте располагаются компании, имеющие наименьшую эффективность, так как рост прибыли оказался ниже запланированного, а также произошел перерасход ресурсов на единицу результата.

Таким образом, описанные выше подходы к оценке эффективности нефтегазовых компаний основываются на базовых понятиях эффективности, и с помощью их результатов сложно проанализировать, по каким именно показателям у компании наименее эффективный результат деятельности. Так, данные методы подходят для поверхностного общего анализа эффективности, однако получить адекватные данные для дальнейшей интерпретации возможности не предоставляется.

За последние 20 лет корпоративная отчетность превратилась из сборника статистики о результатах деятельности организации в аналитические отчеты, с помощью которых появилась возможность качественной оценки функционирования компании и прогноза ее состояния с течением времени. Одним из таких является интегрированный отчет, особенность которого заключается в фокусировании на ресурсах (факторах производства) потребляемых или создаваемых — производственных, финансовых, человеческих, природных и социальных. Интегрированная отчетность («отчетность устойчивого развития») состоит из трех частей: корпоративное управление, экологическая отчетность и социальная. Ее внедрение оказывает влияние на принимаемые инвесторами, аудиторами, аналитиками и собственниками решения, следо-

вательно, способствует повышению качества, значимости отчетности, а также уровня прозрачности отражения всех имеющихся у компании ресурсов (см.: Б. М. Сардасова [10], Д. Р. Федоров [12]).

Понятие «интегрированная отчетность» появилось относительно недавно, впервые оно было упомянуто в начале 2000-х гг., однако на сегодняшний день является одним из ключевых драйверов развития системы корпоративной отчетности. В мировой практике классификации корпоративной отчетности наряду с традиционной финансовой отчетностью и отчетностью об устойчивом развитии уделяется особое внимание развитию интегрированной отчетности. Ведущей организацией, которая стремится распространить информацию о важности данного типа отчета является Международный совет по интегрированной отчетности (International Integrated Reporting Council, IIRC), в состав которого входят A4S, GRI и IAS. Интегрированный отчет — формат отчета, который сводит воедино все существенные данные о стратегии организации, корпоративном управлении, показателях ее деятельности и перспективах таким образом, чтобы они отражали ее экономическое, экологическое и социальное окружение. С помощью данного отчета компания показывает, каким способом осуществляется руководство в организации, а также каким образом в компании создается и поддерживается ценность с течением времени. К основным принципам интегрированной отчетности относятся (см. аналитические материалы VIII ежегодной практической конференции «Годовой отчет: опыт лидеров и новые стандарты» [7], N. Granado-Peiró, J. López-Gracia [15]):

- стратегическая направленность;
- связанность информации;
- реагирование и вовлечение заинтересованных лиц;

- краткость, надежность и существенность;
- ориентация на будущее.

Важным является то, что такую отчетность не рассматривают в качестве альтернативы для общепринятой финансовой, а применяют исключительно для улучшения качества, ценности предоставляемой информации, и она носит добровольный характер. На сегодняшний день ряд крупнейших транснациональных компаний предоставляют интегрированную отчетность для потенциальных пользователей. Вместе с тем некоторые компании, ценные бумаги которых размещены на ведущих торговых площадках, обязаны оформить интегрированные отчеты перед листингом. Масштабный переход крупных транснациональных компаний и бирж к интегрированной отчетности уже становится нормой, что подтверждают статистические данные. Подобные действия являются предпосылками к обязательному составлению данного вида отчетности в скором будущем. На основании статистики, представленной на официальном сайте IIRC, есть возможность проанализировать распределение по составлению интегрированной отчетности по странам и экономическим секторам. К отраслям, в которых компании наиболее активно интегрируют свою отчетность, относятся финансовый и производственный сектора. На их долю приходится более половины публикуемых отчетов. Лидирующее положение занимают европейские страны и Африка. Компании, находящиеся на территории Европейского Союза, активно внедряют в практику составление интегрированных отчетов, а ЮАР относится к первому региону, где составление данного типа отчетности обязательно. Следует отметить, что, по статистике, в России на данный момент низкая доля внедрения интегрированных отчетов, однако наблюдается положительная динамика. Отчеты таких компаний, как «ЛУКОЙЛ», «Норильский никель» в 2011 г. располагались в списке 200 отчетов, вошедших в Global Top 300 Annual Reports. К недостаткам интегрированной отчетности, по мнению А. Klein относятся [7; 15]:

- отсутствие точной формы представления отчетности;
- трудоемкий переход от стандартного вида отчетности к интегрированной;
- недостаточное понимание пользы от внедрения;
- сложность анализа нефинансовых активов при отсутствии регламентации в оценке некоторых видов.

Дополнительным барьером, связанным со сдерживанием широкого применения интегрированной отчетности в Российской Федерации, является негативная макроэкономическая ситуация в стране (колебание курса национальной валюты, санкции, замедление темпов экономического роста). Более того, для внедрения данного вида отчетности понадобятся дополнительные ресурсы; подготовительный процесс может занять длительный период, понадобятся необходимые вложения на начальном этапе, а также наряду с высокими материальными затратами компания будет нуждаться в высококвалифицированном персонале для ведения интегрированной отчетности, так как это сильно повлияет на процесс сбора информации и разработки отчетности, особенно на финальном этапе подготовки.

Интегрированная отчетность подразумевает раскрытие финансовой и нефинансовой информации, которые неразрывно связаны между собой и со стратегическими целями компании. Такой комплексный подход позволяет более точно проанализировать существующее финансовое состояние компании, более того, помогает проанализировать перспективы его развития. Также с помощью интегрированной отчетности можно понять, каким образом компания создает цепочку ценности и как она будет создавать ее в будущем. В перечень показателей интегрированного корпоративного отчета, помимо финансовых результатов, должны быть внедрены показатели по устойчивому развитию: экономические, экологические и социальные. Согласно современным подходам, рассмотренным более детально в работе Н. А. Лоханова, экономическая составляющая устойчивого развития показывает, в какой мере компания оказывает влияние на экономические системы глобального уровня [6].

В интегрированную отчетность входят показатели корпоративной социальной ответственности, влияние которых на финансовые показатели компаний с каждым годом становится актуальнее (см.: М. Neel [17]). Таким образом, устойчивость в контексте принятия решения о важности экологических и социальных проблем широко признается и учитывается в современном бизнесе посредством интеграции в рамках основных стратегий нефтегазовых организаций. Экологическая и социальная составляющие относятся к показателям корпоративной социальной ответственности (КСО).

В связи с относительной новизной интегрированной отчетности для России в перспективе ее внедрение в российские компании будет способствовать

выходу отечественных предприятий на международные рынки, привлечению инвесторов, возможности найти новые источники финансирования для развития своей деятельности, а также получению нефинансовых выгод (экологических, социальных), которые являются критическими во взаимодействии компаний и населения.

В заключение можно сделать вывод о том, что оценка эффективности деятельности компании играет важнейшую роль в управлении компанией нефтегазовой отрасли. В данной статье описаны стандартные подходы к проблеме измерения

эффективности, а также выявлены современные тенденции изменения показателей, на основании которых осуществляется сравнительный анализ. Нефтегазовая отрасль стала одной из первых, где предприняты попытки внедрения практик интегрированной отчетности и, в частности, КСО. Таким образом, компании данного сектора с каждым годом стремятся уделять все больше внимания не только эффективности непосредственных финансовых показателей, но и уровню своего влияния на благосостояние населения и окружающую среду.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Рациональное использование природных ресурсов Челябинской области. Т. 1 : монография / В. И. Бархатов, И. П. Добровольский, Ю. Ш. Капкаев. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2015. — 369 с.
2. Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике : монография / В. И. Бархатов, И. В. Бархатов, Ю. Ш. Капкаев, Н. И. Кондратьев, Д. А. Плетнев [и др.]. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2011. — 358 с.
3. Бархатов, В. И. Ресурсозамещение, основанное на производстве моторного биотоплива, как способ повышения экономической стабильности региона в условиях гиперконцентрации капитала предприятий ТЭК / В. И. Бархатов, И. П. Добровольский, Д. А. Сорокин // Материалы VIII Международной молодежной научной конференции «Наукоемкие технологии в решении проблем нефтегазового комплекса» / отв. ред. К. Ш. Ямалетдинова. — Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2018. — С. 48—53.
4. Экономика и современное общество: факторы и механизмы устойчивого развития : монография / А. Н. Береза, А. Н. Бобышев [и др.]. — Пенза : Наука и просвещение, 2016. — 239 с.
5. Капкаев, Ю. Ш. Информационная открытость как фактор инвестиционной привлекательности предприятия / Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 8. — С. 133—142.
6. Лоханова, Н. А. Состав показателей интегрированной корпоративной отчетности — возможный подход к структуризации [Электронный ресурс] / Н. А. Лоханова // Современ. проблемы науки и образования. — URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/478.pdf> (дата обращения 19.09.2019).
7. Подготовка годовых отчетов: последние тренды и лучшие практики [Электронный ресурс] // Аналитические материалы VIII ежегодной практической конференции «Годовой отчет: опыт лидеров и новые стандарты». — URL: https://www.raexpert.ru/researches/year_report/2010/ (дата обращения 19.09.2019).
8. Положение по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/12116599> (дата обращения 19.09.2019).
9. Сорокин, Д. А. Финансовая модель и оценка эффективности быстрорастущих компаний в России / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 14. — С. 86—92.
10. Сардарова, Б. М. Мошенничество с финансовой отчетностью. Обзор судебных разбирательств за 2016 год [Электронный ресурс] / Б. М. Сардарова // Корпоратив. финанс. отчетность : журн. и практ. разработки по МСФО и управленч. учету. — URL: <https://finotchet.ru/print/articles/1021> (дата обращения 19.09.2019).
11. Султанов, И. А. Обзор показателей эффективности предприятия [Электронный ресурс] / И. А. Султанов // Электронный портал интернет-проекта «Projectimo — время успешных проектов». — URL: <http://projectimo.ru/ocenka-ehffektivnosti/osnovnye-pokazateli-ehffektivnosti.html> (дата обращения 19.09.2019).
12. Федоров, Д. Р. Интегрированная отчетность как современная модель системы корпоративной отчетности [Электронный ресурс] / Д. Р. Федоров // Электрон. науч.-практ. журн. «Соврем. науч. исследования и инновации». — URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/06/54045> (дата обращения 19.09.2019).
13. Clark, C. Multinational Corporations and Governance Effectiveness: Toward a More Integrative Board / C. Clark, J. Brown // J. of Business Ethics. — 2015. — № 132. — P. 565—577.
14. Granado-Peiró, N. Corporate Governance and Capital Structure: A Spanish Study / N. Granado-Peiró, J. López-Gracia // Europ. Management Rev. — 2017. — № 14. — P. 33—45.

15. Klein, A. Discussion of “Financial Statement Comparability and the Efficiency of Acquisition Decisions” / A. Klein // *Contemporary Accounting Research*. — 2018. — Vol. 35. — P. 203—210.
16. Liu, C.-L. Ownership concentration and bank risk: international study on acquisitions / C.-L. Liu, Y.-H. Yeh // *Europ. J. of Finance*. — 2017. — P. 1—51.
17. Neel, M. Accounting comparability and economic outcomes of mandatory IFRS adoption / M. Neel // *Contemporary Accounting Research*. — 2017. — Vol. 34. — P. 658—690.

Сведения об авторах

Сорокин Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. r90r@mail.ru

Драчук Павел Эвальдович — кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного медицинского университета, Челябинск, Россия. pavel_evd@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 143—150.*

THEORETICAL APPROACHES TO ASSESSING THE STRATEGIC EFFICIENCY OF RUSSIAN OIL AND GAS SECTOR ENTERPRISES

D.A. Sorokin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. r90r@mail.ru

P.E. Drachuk

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia. pavel_evd@mail.ru

The article deals with the current state and problems of the oil and gas sector of the Russian economy, the impact of oil and gas development on the industrial and economic potential of the economy, which, according to the author, is a promising economic and technological task. The article discusses a number of topical issues of development of oil extracting and oil refining complex of Russia, is required for an objective assessment of the efficiency of adaptation of available theoretical and methodological principles of evaluation to the realities of the modern market with its features and limitations. The article pays special attention to the consideration of existing methods of evaluation of enterprises in this industry, which in the Russian economy, for which the oil refining industry is not only a driver of economic development, but also a strategic lever for the implementation of geopolitical interests is particularly relevant.

Keywords: *oil and gas industry, fuel and energy complex, efficiency assessment, strategic efficiency.*

References

1. Barkhatov V.I., Dobrovolsky I.P., Kapkayev Yu.Sh. *Rational use of natural resources of Chelyabinsk region* [Rational use of natural resources of Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., vol. 1, 2015. 369 p. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I., Barkhatov I.V., Kapkayev Yu.Sh., Kondratyev N.I., Pletnev D.A., Sorokin D.A., Biryukov E.S., Biryukova E.A., Bents D.S., Kuznetsov V.A., Lyamar E.N., Nikolayeva E.V., Silova E.S. *Ehffektivnost' institucional'nyh form v transformiruemoy ehkonomike* [The effectiveness of the institutional forms in transformed economy]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2011, 328 p. (In Russ.).
3. Barkhatov V.I., Dobrovolsky I.P., Sorokin D.A. Resursozameshchenie osnovannoe na proizvodstve motornogo biotopliva kak sposob povysheniya ekonomicheskoy stabil'nosti regiona v usloviyah giperkonzentratsii kapitala predpriyatij TEK [Resource substitution based on the production of motor biofuels as a way to improve the economic stability of the region in the conditions of hyperconcentration of the capital of fuel and energy enterprises]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoj molodezhnoy nauchnoy konferencii "Naukoemkie tekhnologii v reshenii problem neftegazovogo kompleksa"* [Materials of VIII international youth scientific conference “High technologies in solving problems of oil and gas complex”]. Ufa, Bashkir State University Press, 2018. Pp. 48-53. (In Russ.).

4. Bereza A.N., Bobyishev A.N. *Ekonomika i sovremennoe obschestvo: faktory i mehanizmy ustoychivogo razvitiya* [The economy and modern society: factors and mechanisms for sustainable development]. Penza, Science and education Publ., 2016. 239 p. (In Russ.).
5. Kapkaev Yu.Sh., Sorokin D.A. Informacionnaya otkrytost' kak faktor investicionnoj privlekatel'nosti predpriyatiya [Information openness as a factor of investment attractiveness of the enterprise]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 8, pp. 133-142. (In Russ.).
6. Lohanov N.A. Sostav pokazatelej integrirovannoj korporativnoj otchetnosti — vozmozhnyj podhod k strukturizacii [Composition of integrated corporate reporting indicators—a possible approach to structuring]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya"* [Electronic scientific journal "Modern problems of science and education"]. Available at: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/478.pdf>, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
7. Podgotovka godovyh otchetov: poslednie trendy i luchshie praktiki [Preparation of annual reports: latest trends and best practices]. *Analiticheskie materialy VIII ezhegodnoj prakticheskoy konferencii "Godovoj otchet: opyt liderov i novye standarty"* [Analytical materials of the VIII annual practical conference "Annual report: experience of leaders and new standards"]. Available at: https://www.raexpert.ru/researches/year_report/2010/, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
8. *Polozheniye po bukhgalterskomu uchetu "Bukhgalterskaya otchetnost organizatsii" (PBU 4/99)* [Regulations on accounting "Financial statements of the organization"(PBU 4/99)]. Available at: <http://base.garant.ru/12116599>, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
9. Sorokin D.A. Finansovaya model i otsenka effektivnosti bystrorastushchikh kompaniy v Rossii [Financial model and efficiency assessment of fast-growing companies in Russia]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 14, pp. 86-92. (In Russ.).
10. Sardarova B.M. Moshennichestvo s finansovoy otchetnostyu. Obzor sudebnykh razbiratelstv za 2016 god [Financial reporting fraud. Litigation review for 2016 Corporate financial statements]. *Korporativnaya finansovaya otchetnost: Zhurnal i prakticheskiye razrabotki po MSFO i upravlencheskomu uchetu* [Journal and practical developments in IFRS and management accounting]. Available at: <https://finotchet.ru/print/articles/1021>, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
11. Sultanov I.A. Obzor pokazatelej effektivnosti predpriyatiya [Overview of enterprise performance indicators]. *Elektronnyj portal internet-proekta "Projectimo — vremya uspešnyh projektov"* [Electronic Internet portal project "Projectimo — time successful projects"]. Available at: <http://projectimo.ru/ocenka-ehffektivnosti/osnovnye-pokazateli-ehffektivnosti.html>, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
12. Fedorov D.R. Integrirovannaya otchetnost' kak sovremennaya model' sistemy korporativnoj otchetnosti [Integrated reporting as a modern model of corporate reporting system]. *Elektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal "Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii"* [Electronic scientific and practical journal "Modern scientific research and innovations"]. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/06/54045>, accessed 19.09.2019. (In Russ.).
13. Clark C., Brown J. Multinational Corporations and Governance Effectiveness: Toward a More Integrative Board. *Journal of Business Ethics*, 2015, no. 132, pp. 565-577.
14. Granado-Peiró N., López-Gracia J. Corporate Governance and Capital Structure: A Spanish Study. *European Management Review*, 2017, no. 14, pp. 33-45.
15. Klein A. Discussion of "Financial Statement Comparability and the Efficiency of Acquisition Decisions". *Contemporary Accounting Research*, 2018, no. 35, pp. 203-210.
16. Liu C.-L., Yeh Y.-H., Ownership concentration and bank risk: international study on acquisitions. *European Journal of Finance*, 2017, pp. 1-51.
17. Neel M. Accounting comparability and economic outcomes of mandatory IFRS adoption. *Contemporary Accounting Research*, 2017, no. 34, pp. 658-690.

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ МАРКЕТИНГА НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

Р. М. Качалов, Ю. А. Слепцова, А. И. Ставчиков

Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-02-00095 ОГН).

Маркетинговое направление деятельности научной организации ориентировано на продвижение результатов научных исследований потенциальным потребителям. При этом результаты исследований могут принадлежать: отдельным сотрудникам, формальным научным подразделениям, а также неформальным коллективам сотрудников. Продвижение результатов научно-исследовательской работы осуществляется путем применения разнообразных маркетинговых инструментов и мероприятий в соответствии с разработанной стратегией маркетинга научной организации. При этом маркетинговое направление деятельности научной организации интерпретируется как маркетинговая экосистема. Разработку стратегии маркетинга предлагается выполнять на основе системной экономической теории, с помощью которой выделяются такие виды маркетинговой деятельности научных организаций, как объектная, процессная, проектная и средовая. Для каждого из этих видов определяются требования к формулировке паспорта научного результата, выявляются каналы продвижения маркетинговой информации, а также подбирается адекватный маркетинговый инструментарий. Создание благоприятной коммуникационной среды для распространения научной информации рассматривается как часть маркетинговой стратегии деятельности организации.

Ключевые слова: *маркетинг научной организации, целевая аудитория, маркетинговая экосистема научной организации, маркетинговые процессы и проекты, коммуникационная среда.*

Введение

Основной задачей научной организации (НО) является получение новых знаний. Естественно, что для реализации этой задачи организации необходимы финансовые ресурсы. Однако в нынешних условиях сокращения объемов государственного финансирования научные организации вынуждены направлять существенные усилия на поиск источников дополнительных финансовых ресурсов. Такого рода деятельность принято относить к сфере маркетинга, в данном случае маркетинга научной организации. Особенно остро эта проблема ощущается научными организациями гуманитарного профиля, для которых маркетинговая деятельность явилась сравнительно новым направлением работы¹.

Под научной организацией гуманитарного профиля в настоящем исследовании подразумевается институционально оформленное сообщество научных работников, изучающих проблемы организации, управления и взаимодействия хозяйствующих субъектов в социально-экономическом пространстве, а также разрабатывающих прикладные ме-

тоды применения научных результатов в практике работы других научных, образовательных, производственных или общественных организаций.

Для успешной реализации этого вида деятельности должна быть сформулирована маркетинговая стратегия НО. Понятие «стратегия маркетинга научной организации» может быть рассмотрено двояко. С одной стороны, маркетинговая стратегия научной организации — это документ, включающий описание целевой аудитории, ее сегментацию, принципы коммуникационной политики, а также методы выбора маркетинговых практик и цифровых инфокоммуникационных средств для эффективного распространения информации о научных результатах организации. А с другой стороны, маркетинговая стратегия научной организации может быть представлена как система связей и взаимодействий между акторами маркетингового направления деятельности [10], то есть разработчиками научных результатов и потенциальными и действительными потребителями научной продукции данной организации, денежными и информационными потоками.

Следуя этой стратегии, прежде всего разрабатывают принципы и правила выбора тех научных результатов, которые могут оказаться востребованными на рынке;

¹Уместно обратить внимание на то, что русскоязычных публикаций, относящихся именно к этой тематике, удалось найти буквально считанные единицы. См. список литературы в конце статьи.

описывают субъекты хозяйственной деятельности (то есть потенциальные представители целевой аудитории данной НО), на которые должны быть направлены маркетинговые усилия. Затем разрабатываются процессы, методы, регламенты и политики научной организации, необходимые для распространения во внешнюю среду информации о научных достижениях исследовательской организации. Внедрение подобных специализированных маркетинговых инструментов осуществляется путем развития методологии маркетинга и формирования эффективных коммуникационных сетей, а также расширения представленности результатов научных достижений организации и возможностей в научно-образовательной, хозяйственной и прочих средах, в том числе в среде государственных и общественных структур.

Распространение информации о результатах исследований научной организации может способствовать признанию их социальной значимости, более полному их использованию и, как следствие, привлечению дополнительных ресурсов для продолжения исследований и расширения их тематики. Формирование продуктивных взаимоотношений между сотрудниками научной организации с представителями органов государственной власти, бизнес-сообщества и университетов, а также продвижение маркетинговой информации и самой научной продукции к потребителям во многом зависит от уровня развития применяемых информационно-коммуникационных инструментов.

Поэтому так важно привлекать перспективные методы маркетинга, которые будут способствовать корректному выявлению результатов научной деятельности, обладающих потребительской ценностью, а также определению для этих научных результатов методов привлечения внимания со стороны представителей целевой аудитории. При этом косвенным образом решается и другая маркетинговая задача — формируется и актуализируется позитивный бренд научной организации.

Таким образом, целью данного исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ (проект 17-02-00095 ОГН), является создание новых методов для продвижения бренда научной организации, расширения ее целевой аудитории (в частности, в среде научных издательств, научных периодических изданий и т. п.) и разработка на этой основе продуктивных методов продвижения результатов научной деятельности организации потенциальным потребителям-пользователям для пополнения ресурсного потенциала научной организации.

Специфика маркетинговой деятельности научной организации гуманитарного профиля (и ее отличие от аналогичной деятельности коммерческого или производственного предприятия) обусловлена в первую очередь тем, что возможность практического применения научного результата априори не всегда очевидна его авторам и потенциальным пользователям. Также далеко не всегда понятны сферы применения новых результатов экономических и тому подобных гуманитарных исследований. Следовательно, надо определить и создать условия для возникновения понимания и взаимной заинтересованности производителей научной продукции и потенциальных потребителей этой продукции в том или ином виде. При этом приходится учитывать и как-то преодолевать то обстоятельство, что исследователь (автор или разработчик научного результата) и потенциальный потребитель не всегда говорят на одном и том же, понятном обоим языке. То есть существует еще и проблема адаптации научного результата или его описания к виду, доступному и привлекательному потенциальным пользователям, а значит, необходимо предусмотреть соответствующие действия. Кроме того, из опыта известно, что практическое применение результатов научного исследования возможно в различных формах: а) непосредственно в том виде, в каком оно представлено автором и без специального обучения персонала организации-потребителя; б) с обучением персонала организации-потребителя, в) после определенной доработки научного продукта применительно к специфическим условиям или требованиям организации-потребителя.

Методологической основой данного исследования, посвященного анализу отечественных и зарубежных тенденций развития и применения методов маркетинга в процессах функционирования научных организаций, являются системная экономическая теория, теория экосистем и междисциплинарная теория фирмы [3; 11; 13]. Разносторонняя системная характеристика специфических особенностей маркетинговой деятельности научной организации структурируется в данном исследовании с позиции пространственно-временного подхода, с помощью которого выделены четыре вида маркетинговой деятельности: объектный, проектный, процессный и средовой [11]. Выделение названных направлений маркетинговой деятельности позволило на последующих этапах исследования дифференцированно подходить к выбору адекватных маркетинговых инструментов для решения задач развития и повышения экономической устой-

чивости и, в частности, ресурсной обеспеченности научных организаций гуманитарного профиля.

Маркетинговая экосистема научной организации гуманитарного профиля

Исследование маркетинговой деятельности и разработку стратегии маркетинга научной организации целесообразно выполнять, основываясь на концепции экосистемы и соответствующем подходе. Такой подход к исследованиям и разработкам в области экономической деятельности, заимствованный из биологии, получил признание относительно недавно. Видимо, поэтому до сих пор не сформулировано общепризнанное определение экосистемы даже для инновационной деятельности, где этот подход начали применять раньше других.

Пожалуй, наиболее общее определение экосистемы предложено в работе [12], где указано, что «под социально-экономической экосистемой следует понимать локализованные комплексы организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, способные к длительному функционированию в стабильной внешней среде за счет кругооборота ресурсов и продуктов». Однако в контексте данного исследования, по-видимому, более продуктивно ориентироваться на определения, приведенные в работах [3] и [7]. Исходя из этого, в рамках данной работы «маркетинговую экосистему научной организации» гуманитарного профиля можно определить, как

неформальное устойчивое объединение научной организации с другими внешними субъектами хозяйственной деятельности, создаваемое для передачи научных достижений («научных продуктов») НО сторонним потребителям на коммерческой основе. С этой целью НО создает в своей структуре подразделение маркетинга, которое выявляет среди результатов исследовательской деятельности НО такие «научные продукты», которые могут представить интерес для сторонних пользователей, формирует и осуществляет распространение информации о достижениях, а также о самой НО и тематике ее исследований, всеми возможными инфокоммуникационными средствами, организует научно-прикладное взаимодействие со сторонними потребителями, а также разрабатывает и/или инициирует разработку новых маркетинговых технологий и инструментов для более эффективного продвижения результатов исследовательской деятельности НО.

Как и во всякой экосистеме в составе маркетинговой экосистемы есть внешняя и внутренняя составляющие (см. рисунок). В качестве внутренней составляющей маркетинговой экосистемы в нашем случае выступает научная организация гуманитарного профиля, которая осуществляет маркетинговую деятельность в отношении своих научных результатов. В рассматриваемом случае научная организация гуманитарного профиля считается «базовой» организацией-участником, представленной в экосистеме

Экосистема маркетинга научной организации гуманитарного профиля
(Разработано авторами.)

своей структурой, структурными элементами, а также информацией о своих научных достижениях. Структурными элементами этой внутренней части маркетинговой экосистемы будут являться руководство НО, маркетинговое подразделение НО, научные подразделения, неформальные группы научных работников, отдельные исследователи — авторы научных результатов и, наконец, информация об отдельных научных результатах, представленная в форме паспорта научного результата.

Научная организация как базовый представитель внутренней составляющей маркетинговой экосистемы может быть рассмотрена с разных точек зрения. Например:

— научная организация как множество внутренних элементов (лабораторий, подразделений, научных сотрудников и т. п.) и внешних элементов (научных школ, научных издательств, предприятий и других организаций) и связей с ними;

— научная организация как локализованное в пространстве, относительно устойчивое и неограниченное во времени образование, поддерживающее активное взаимодействие с субъектами внешнего социально-экономического пространства, названными выше участниками маркетинговой экосистемы.

Другая составляющая маркетинговой экосистемы условно названа «внешней», в состав которой входят «внешние участники экосистемы маркетинга». В качестве внешних участников маркетинговой экосистемы можно рассматривать изменчивую совокупность представителей окружающей социально-экономической среды. Прежде всего это те из них, которые потенциально могут быть заинтересованы в использовании — коммерческом и/или некоммерческом — результатов исследовательской деятельности научной организации. Например, это могут быть научно-образовательные, производственные, предпринимательские, государственные и общественные организации, а также индивидуальные исследователи, предприниматели и инвесторы, университетские преподаватели и другие субъекты социума. Ресурсы, коммуникационные средства и технологии представлены в этом контексте как каналы и средства взаимодействия участников в процессе маркетинговой деятельности научной организации.

Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: взаимодействие субъектов маркетинговых экосистем происходит в средовой системе. Это взаимодействие в существенной степени определяет характер воспроизводства знаний в данной

маркетинговой экосистеме и основные количественные параметры ее функционирования. Однако помимо указанных выше участников маркетинговой экосистемы в качестве своеобразного участника можно выделить «внешнюю среду экосистемы» как самостоятельную сущность.

С одной стороны, эта интегрирующая самостоятельная среда может быть интерпретирована как один из обобщенных участников, представленных в процессах обмена информационными ресурсами (маркетинговой информацией, например паспортами ее научных результатов и т. п.). Тем самым экосистема маркетинга научной организации превращается в более или менее целостную сущность. С другой стороны, эта среда проявляет и собственные, внутренне ей присущие свойства, формируя для маркетинговых экосистем российских научных организаций такие условия ее функционирования, как институциональное пространство, инструменты маркетинга, цифровой контент и т. д.). Внешняя среда, как часть экосистемы маркетинга, включает не только участников маркетингового взаимодействия — внутренних и внешних, но и набор «локальных» сред, в которых фактически и происходит взаимодействие участников маркетинговых экосистем научных организаций.

По аналогии с экосистемой инновационного типа можно обнаружить, что различные маркетинговые экосистемы обладают некоторыми общими специфическими чертами [3. С. 97]. Например, такими:

1) каждая локальная маркетинговая экосистема в данном случае создается на основе одной НО, которая является основным участником внутренней составляющей маркетинговой экосистемы и считается для нее в этом смысле «базовой»;

2) маркетинговая экосистема имманентно включена в процесс воспроизводства и распространения научной организацией новых знаний, то есть своих научных достижений, обеспечивающих участникам-потребителям генерацию и возрастание в ходе функционирования маркетинговой экосистемы объема «потребляемых» знаний и как одно следствие этого — пополнение финансово-материальных ресурсов;

3) непрерывное развитие маркетинговой экосистемы в целом и ее составляющих — базовой научной организации и участников-потребителей — как следствие внутренних особенностей базовой (для рассматриваемой маркетинговой экосистемы) научной организации, изменение запросов и характера взаимодействия между участниками маркетинговой экосистемы;

4) наличие таких индивидуальных признаков участников маркетинговой экосистемы, как собственное целеполагание, уникальные и специфические границы участников как субъектов хозяйственной деятельности, внутренняя однородность, возможность обмена информацией внутри экосистемы, что в определенной степени позволяет идентифицировать степень включенности конкретных участников в работу маркетинговой экосистемы;

5) неформальная взаимосвязанность участников маркетинговой экосистемы, обменивающихся в основном фактической и оценочной (субъективной) информацией о научных результатах базовой научной организации и возможностях их практического применения, что должно учитываться и поддерживаться научной организацией в своих интересах;

6) постоянная и ускоряющаяся изменчивость состава участников маркетинговой экосистемы, поскольку многие участники, не обнаружив интересующих их научных результатов, как правило, покидают данную экосистему, возможно, переходя в аналогичную экосистему, основанную другой научной организацией, в то время как подключаются новые участники.

Продолжая углубленное изучение маркетинговой экосистемы, можно в ее деятельности выделить, согласно тому же по пространственно-временному признаку, четыре направления маркетинговой деятельности: объектное, процессное, проектное и средовое.

Объектное направление деятельности в маркетинговой экосистеме научной организации

С известной долей условности можно принять, что «объектное направление маркетинговой экосистемы» включает в свой состав собственно научную организацию со всеми научными сотрудниками и их научными достижениями, а также целевую аудиторию, как совокупность потенциальных и фактических пользователей и приобретателей результатов научной деятельности данной организации.

С точки зрения разработки маркетинговой стратегии, главное отличие научной организации от любой иной организации заключается в совокупности фундаментальных знаний, которыми обладают ее сотрудники (человеческий капитал), научном авторитете и репутации. Кроме того, для научной организации характерны постоянное расширение тематики исследований, возрастание объема

и качества человеческого капитала, которым оперируют сотрудники, а также получение новых научных результатов. Способность предлагать нестандартные решения, как источник обновления и прогресса, была определена как человеческий капитал (см. напр., [4]).

Информация о результатах научно-исследовательских работ НО гуманитарного профиля представлена во внутренней составляющей маркетинговой экосистемы так называемыми «паспортами научных результатов». Маркетинговым «паспортом научного результата» называют структурированное изложение основных характеристик научного результата, составленное автором-разработчиком (возможно, при участии сотрудника маркетингового подразделения). Предварительное обсуждение с исследователями-разработчиками содержания маркетингового паспорта показало, что в паспорте должна быть отражена как минимум следующая первичная информация:

1. Рабочее название научного результата.

2. Характеристика научного результата как потенциального рыночного продукта (например, каким образом может быть использован данный научный результат; то есть, для чего и в каком виде может распространяться этот результат, для решения какой или каких исследовательских и прикладных задач).

3. Области экономики, бизнеса, науки, образования и/или общества, в которых данный научный результат может найти применение.

4. Целевая аудитория: потенциальные субъекты-потребители данного научного результата (первоначально — по мнению автора-разработчика, а затем по совместному с маркетологом мнению).

5. Возможные способы возмездного распространения научного результата. Например, коммерческое распространение (возмездная передача результата без доработки) или после некоторой адаптации (доработки) под потребности конкретного либо потенциального пользователя-реципиента, передача на условиях аутсорсинга, путем кооперации с потребителем или путем платного обучения потребителя приемам использования, а может быть, и распространения научного результата.

6. Предпочтительные методы маркетинга научного результата, а также методы и инструменты выявления (поиска потребителей, рекомендуемые методы маркетинга) и мониторинга представителей целевой аудитории.

7. Ожидаемый эффект от применения маркетинговых мероприятий (качественная оценка).

8. Количественная прогнозная оценка ожидаемого экономического эффекта от внедрения и возмездного распространения научного результата (для научной организации, автора-разработчика).

9. Желательные способы взаимодействия разработчиков и представителей маркетингового подразделения, а также необходимые меры поддержки распространения научного результата со стороны руководства научной организации.

Необходимо заметить, что разработку конкретного паспорта желательно выполнять в ходе совместной работы разработчика и представителя маркетингового подразделения. Кроме того, следует обратить внимание на то, что перед опубликованием паспорта необходимо продумать и предусмотреть меры защиты содержания паспорта от неправомерного заимствования. К сожалению, включить в данную статью такой материал не представляется возможным, этот вопрос требует специальной проработки.

В рамках данного исследования *целевой аудиторией* для маркетинговых усилий НО будем называть совокупность групп людей, предприятий и организаций, которые потенциально могут быть заинтересованы в использовании научных результатов данной организации, налаживании взаимодействия с ней, а также в получении информации о тематике научных исследований и т. д. В отличие от торговых или производственных предприятий, потребителями которых обычно становятся вполне определенные типы личностей или компаний, целевая аудитория научной организации может оказаться более неопределенной и даже значительно более широкой. Из общих соображений можно предположить, что к ней относятся представители научного сообщества — сотрудники других научных и образовательных учреждений, руководители и специалисты производственных компаний, представители органов государственного управления и общественных организаций, студенты и аспиранты высших учебных заведений и др.

Очевидно, что маркетинговое направление деятельности научной организации должно быть ориентировано прежде всего на выявление: а) результатов исследований научной организации, которые могут заинтересовать другие организации или иные хозяйствующие субъекты, б) целевой аудитории научной организации, то есть поиск упомянутых выше субъектов внешней составляющей маркетинговой экосистемы, которые потенциально могут стать пользователями и приобретателями научных результатов данной организации [15]. Если

иметь в виду гуманитарный профиль НО, предлагающих результаты своей исследовательской деятельности, то в состав целевой аудитории могут войти научно-образовательные организации, бизнес-структуры, государственные и общественные организации и другие, которые априори проявляют заинтересованность в приобретении адаптированных для практического использования результатов деятельности либо к получению от сотрудников научной организации консультационных или образовательных услуг по использованию некоторых результатов деятельности научной организации.

Научный авторитет организации, ее бренд обусловлены рациональным или эмоциональным мнением научного сообщества, возникшим в результате восприятия формальных и неформальных характеристик научной организации, таких как, например, наличие среди сотрудников крупных ученых с мировым именем, созданных программных комплексов и т. д. Общественное мнение о достоинствах и недостатках организации формирует репутацию научной организации. Репутация может отражать сравнительную оценку социальной значимости результатов научной организации (монографий, препринтов, статей, тезисов, баз данных), выполнения обязательств, взаимоотношения с другими субъектами общественных отношений и т. д. [2].

Изменения в структуре финансирования научных исследований и образовательной деятельности сопровождались также социальными изменениями, включая, например, мобильность научных сотрудников как на национальном, так и на международном уровне. Согласно некоторым исследованиям [16], «основным сектором вторичной занятости является высшее профессиональное образование, охватывающее 59,9% научных сотрудников, работающих по совместительству. Вместе с тем вторичная занятость каждого пятого (19,8%) кандидата и доктора наук связана с частным сектором, а каждого десятого (11,0%) — с государственным».

Именно в этих секторах научная организация может привлечь потенциальных заказчиков по договорам об оказании консультационных услуг, создании специальных методик или на проведение научных исследований по интересующей тематике, они составляют целевую аудиторию научной организации. Это могут быть крупные промышленные холдинги, инновационные компании или органы государственного управления, на них в первую очередь направлено информационное воздействие маркетинговых подразделений научной организации.

Необходимо также учесть зарубежный опыт, который показывает, что есть и недостатки сотрудничества некоторых научных организаций с представителями реального сектора экономики, которые заключаются в прерывистом характере взаимодействия, а именно в краткосрочности контрактов на выполнение научно-исследовательских работ или оказание консультационных услуг, отсутствие кодифицированных способов для отслеживания эффектов такого сотрудничества и его развития [21]. В то же время научный сотрудник может усложнить проблемы в попытках построить теорию организации с учетом всех возможных проявлений и условий, а бизнес-консультант может упростить сложные организационные вопросы для понимания, объяснений и прогнозов [17].

Облегчение доступа к результатам научных исследований деятельности как отдельных ученых, так и целых лабораторий и организаций позволяет построить систему привлечения новых пользователей к научным результатам. Также открываются возможности для проведения совместных исследований и передачи научных результатов новому контингенту пользователей.

Уточнение границ целевой аудитории научной организации можно осуществлять, принимая участие или знакомясь с материалами различных научных мероприятий. На этой же основе выявляют и формируют некоторые сообщества лиц, заинтересованных в продукции научной организации и в осуществлении трансфера и коммерциализации этих результатов.

Маркетинговые процессы в экосистеме научной организации

Как свидетельствуют результаты исследований, маркетинговая деятельность научных организаций гуманитарного профиля должна быть ориентирована на постепенный переход к так называемому «онлайн-маркетингу», позволяющему использовать перспективные инструменты цифровой среды для расширения целевой аудитории, укрепления связей с образовательной средой и бизнес-средой и увеличения значений ключевых показателей результативности и эффективности маркетинговых инструментов [18; 20].

В российских условиях научный сотрудник работает в рамках тематики своего подразделения. При этом выбор направления фундаментальных исследований может быть данью традиции или иметь иные конъюнктурные причины, но, как правило, не предвзвешивается изучением потребностей рынка

в тех или иных результатах научных разработок. Поэтому зачастую для маркетингового продвижения предлагаются научные результаты, которые могут и не оказаться востребованными научным или хозяйственным сообществом в настоящее время, но получить распространение в будущем. В ходе разработки маркетинговых мероприятий для таких научных результатов важно выявить и сформулировать потенциальную (например, в другой сфере) потребительскую ценность научного результата, подчеркнуть при этом его научную новизну, высокий научный уровень, оригинальность и прикладную значимость результатов этих исследований в недалеком будущем. При этом акцент может быть сделан на обращение к иной научной или производственной аудитории, пока не включенной в целевую аудиторию.

Для разработки стратегии маркетинга применительно к результатам фундаментальных научных исследований должны быть реализованы следующие *маркетинговые процессы*:

- регулярное представление информации о результатах научных исследований сотрудников на сайте научной организации, а также на иных научных сайтах и поисковых платформах в сети Интернет, включая открытый доступ к публикациям сотрудников научных организаций;
- организация постоянной работы по созданию и всеорному распространению специально написанных научно-популярных материалов для распространения на научно-прикладных мероприятиях (конференциях, выставках и т. п.), а также путем распространения в интернет-среде;
- создание условий для предоставления образовательных услуг (в том числе повышение квалификации сотрудников научной организации и/или освоение дополнительной квалификации) в виде проведения краткосрочных курсов лекций или семинарских занятий по сравнительно узким научным направлениям.

В области маркетинга *прикладных* научных результатов НО, целью которого является продвижение этих результатов к потенциальным потребителям, для стратегии маркетинга НО могут оказаться эффективными следующие *маркетинговые процессы*:

- публикация на разнообразных информационных площадках примеров использования в реальных условиях (другими потребителями) результатов данной НО;
- демонстрация реальных или модельных примеров применения результатов научных исследований в специально созданных пространствах

(например, в ситуационных комнатах, на сайте научной организации);

- организация постоянно действующих семинаров и подобных занятий по отдельным прикладным темам с приглашением представителей государственных структур и предпринимательского сообщества;

- подготовка обращений в федеральные и региональные органы власти с предложениями по развитию и финансированию перспективной тематики прикладных исследований потенциально востребованных научных результатов;

- распространение печатной и электронной информации о возможных направлениях практического применения полученных результатов прикладных научных исследований через сетевые структуры;

- стимулирование участия научных работников в работах по оказанию консалтинговых услуг коммерческим и некоммерческим организациям, а также федеральным, отраслевым и региональным союзам;

- направление на сайты государственных структур управления информации о разработанных научных продуктах, рекомендуемых направлениях их применения и предоставляемых услугах научно-прикладного типа;

- переориентация тематики прикладных исследований на потребности представителей целевой аудитории, а также выполнение специальных исследований по выявлению новых потребителей и корректировке состава целевой аудитории данной научной организации.

Маркетинговые проекты в экосистеме научной организации

Проектная составляющая маркетинговой деятельности — это формулирование, выделение и выполнение проектов доработки научных достижений до возможности их использования в практической деятельности представителей целевой аудитории). В частности, самостоятельным проектом может стать проект создания в НО маркетингового подразделения. Целями и задачами такого подразделения должны быть: совершенствование бренда НО; мониторинг целевой аудитории научной организации, базирующийся на применении инструментальных средств системной экономической теории; исследование новых средств доведения до целевой аудитории релевантной информации о новых достижениях НО и выявление возможных способов их продвижения к потенциальным пользователям,

например, выявление новых перспективных сетевых технологий; изучение и анализ показателей эффективности применения новых средств поиска и хранения маркетинговой информации; применение методов неограниченного сетевого доступа для получения дополнительных сведений о своей целевой аудитории, ее интересах и предпочтениях для принятия решений о выборе направлений дальнейших исследований.

В связи с утратой российским сообществом в процессе преобразований последних десятилетий фактора преемственности в научной сфере обострилась проблема пополнения кадров и привлечения молодежи. Как качественные, так и количественные исследования [19], показывают, что студенты и аспиранты университетов в будущем могут стать предпринимателями, используя возможности технопарков и бизнес-инкубаторов университетов, и таким образом перейти в другой сегмент целевой аудитории научной организации. Кроме того, результаты исследований [22] показывают, что внедрение некоторых научных результатов в тематику работы других исследовательских организаций становится возможным благодаря проектам стимулирования мобильности научных работников.

В рамках маркетинговой составляющей экосистемы НО следует инициировать проекты подготовки и проведения научных мероприятий, в том числе в новых инфокоммуникационных форматах, которые помогают вовлечь в активную работу большинство участников процесса, в результате повышается их компетентность, приобретаются полезный опыт или практические навыки, может возникнуть новое отношение к рассматриваемой проблеме, могут появиться оригинальные возможности для решения поставленных задач, что создаст определенные преимущества для базовой НО, под эгидой которой проводятся подобные мероприятия [9].

В новых условиях работы научных организаций для формирования в молодежной среде интереса к научным исследованиям необходима постоянная актуализация места научной организации в социально-экономической структуре общества [1]. Это, в свою очередь, требует запуска проектов использования перспективных инструментов для позиционирования бренда научной организации, таких как, например, разработка более современного дизайна сайта научной организации, запись и трансляция вебинаров, проведение онлайн-дискуссий и др.

В процессе осуществления проектов, выполняемых в рамках маркетинговой экосистемы НО,

время от времени необходимо осуществлять модернизацию сайта НО. Подобный проект подразумевает структуризацию сайта, в соответствии с которой будет формироваться навигация, строиться дизайн, классифицироваться и перераспределяться маркетинговая информация по темам и разделам сайта. Сайт НО должен адаптировать для специфических потребностей данной научной организации перспективные инструменты маркетинга, а также тестировать новые и разрабатываемые методы маркетинга [8]. Известно, что с помощью сайта решаются в том числе такие задачи НО: актуализация бренда научной организации при изменении параметров или состава субъектов внешней составляющей маркетинговой экосистемы; информирование представителей целевой аудитории о научных мероприятиях НО, научных публикациях ее сотрудников по результатам НИР и т. п.

В целях расширения возможностей финансового обеспечения исследований НО к перечисленным выше следует добавить запуск таких проектов:

- финансовая поддержка участия научных сотрудников в отраслевых региональных выставках и других научно-прикладных мероприятиях;
- вовлечение научных работников в разработку стандартов федерального, отраслевого и регионального уровня и обеспечение соответствующей информационной, финансовой и других видов поддержки со стороны руководства НО;
- организация специализированных тематических мероприятий, конференций, выставок, вебинаров, презентаций, реализуемых в том числе с помощью сетевых инфокоммуникационных платформ и инструментов, с приглашением представителей целевой аудитории, например бизнес-сообщества, других НО, преподавателей вузов и т. п.;
- рецензирование опубликованных материалов о научных достижениях и их прикладной значимости, а также продвижение в различных периодических изданиях, на сетевых платформах, инфокоммуникационных порталах и др.;
- разработка проектов методических рекомендаций и других нормативных документов на основе результатов выполненных (завершенных или продолжающихся) исследований сотрудников;
- создание специализированных маркетинговых пространств (ситуационных кабинетов, стендов и т. п.), с помощью которых потенциальные потребители в тестовом режиме могут ознакомиться с работой программных комплексов, созданных научной организацией.

При оценке реализуемости и эффективности маркетинговых проектов научной организации должны учитываться факторы риска недостижения целей проектов, как, например: неудачный дизайн сайта НО; замедленная загрузка разделов сайта; недостаточное техническое оснащение ситуационных кабинетов и т. д. Успешному выполнению маркетинговых проектов НО может помешать недостаток финансовых средств или нарушение сроков внедрения запланированных проектов. Своевременное выявление факторов риска и опережающее введение антирисковых управленческих воздействий будут, как показывает опыт, способствовать повышению эффективности маркетинговой деятельности НО.

К проектной составляющей маркетинговой деятельности НО следует отнести планирование работ по адаптации научных результатов к потребностям реальных конкретных потребителей и обучение сотрудников организаций-потребителей приемам работы с передаваемыми разработками.

Совершенствование инфокоммуникационной среды маркетинговой экосистемы

Основной тренд в процессах формирования продуктивных взаимоотношений между научными организациями, университетами, бизнес-сообществом, государственными структурами управления и общественными организациями связан с развитием коммуникаций. Термин «маркетинговая коммуникация» чаще всего используется маркетингологами в предпринимательской деятельности и практически не использовался до недавнего времени в научной и образовательной сфере [6]. С одной стороны, каждый ученый хорошо представляет область исследования и свои результаты, но, с другой стороны, нуждается в профессиональной поддержке при выборе эффективной технологии распространения информации о них и возможных способах практического применения своих достижений потенциальными потребителями. Выбор того или иного типа маркетинговых коммуникаций должен осуществляться на основе принятой научной организацией стратегии маркетинга [5]. Вместе с тем выбор конкретного стратегического решения определяется еще и тем обстоятельством, что в составе одной НО обычно автономно работают различные ученые, научные школы, формальные научные коллективы (собранные по организационному признаку в лаборатории или отделы) и неформальные временные команды, собранные для проведения конкретного исследования или осуществления необходимой научно-прикладной разработки.

В соответствии с этим разнообразием форм организации работ сотрудников и научных коллективов представляется, что в рамках маркетинговой экосистемы научной организации должна быть выработана единая политика для создания благоприятной коммуникационной среды. Такая политика должна быть основана на принципах этичности, транспарентности, системности и сохранения целостности [14].

Принцип этичности отвечает за соответствие коммуникации человеческим ценностям, способствует развитию отношений между ученым и реципиентом научного знания, допускает право свободного выбора. Критерием этичности коммуникации может служить мотив и цель коммуникации. Намеренное искажение фактов при предоставлении информации о научной продукции, научных результатах, темах научных исследований может сообщать о неэтичной коммуникации. Информация, распространяемая по каналам коммуникации и представленная от лица научной организации, должна быть верифицируемой и не допускать множественного толкования изложенных фактов, то есть иметь однозначную интерпретацию.

Реализация *принципа транспарентности* предполагает закрепление во внутренних нормативных актах научной организации возможности существования определенных механизмов согласования тех или иных решений в области коммуникационной политики, то есть предполагаются согласованные действия сотрудников для обеспечения единого формата представления информации о научной организации во внешнем пространстве. С одной стороны, необходима координация усилий и ответственность сотрудников научной организации, а с другой — подобные требования не должны ущемлять самостоятельности сотрудников при проведении исследований. Внутри научной организации коммуникации между сотрудниками и подразделениями должны быть прозрачными.

Принцип системности коммуникационной политики осуществляется при структуризации целевой аудитории научной организации, определении типа и ожидаемого результата коммуникации или дальнейшего взаимодействия [9]. При выборе метода финансирования и выстраивании персональных отношений с представителями каждого сегмента целевой аудитории также решаются задачи оптимизации каналов коммуникации с учетом ограниченности бюджета на продвижение бренда НО.

Принцип сохранения целостности необходим для сохранения единого стиля или формата ком-

муникаций акторов научной организации с контрагентами, повышения узнаваемости бренда НО.

В настоящее время спектр доступных маркетинговых коммуникационных каналов необычайно широк, однако далеко не все используемые в традиционном маркетинге коммуникационные решения целесообразно применять в решении задач маркетинга научных организаций. Вопрос выбора того или иного коммуникационного инструмента — тема специального исследования. В данной работе ограничимся только примерами и краткой характеристикой априори подходящих методов доведения до потенциальных пользователей информации о научных достижениях исследовательских организаций.

До сих пор наиболее популярными каналами коммуникации в этой сфере остаются персонализированные каналы коммуникации, к которым можно отнести: конференции, семинары, выставки, общение через Интернет, личные встречи потенциальных пользователей с разработчиками (например, в ситуационных кабинетах) и т. п. Далее следует назвать распространение печатных рекламных материалов и буклетов, публикацию статей научно-популярного характера в газетах и ненаучных журналах, создание рекламных теле- и радиопередач, популяризирующих и разъясняющих суть и прикладное значение достижений научных организаций, а также использование информационных платформ.

Следует заметить, что в сфере маркетинга научной продукции весьма распространены такие признанные в традиционном «прямом маркетинге» (direct-marketing) каналы коммуникации, как почтовая рассылка печатных материалов, телефонные сообщения. В то же время многие специальные каналы продвижения информации, такие как рекламные сообщения на одежде, баннерах, утилитарных предметах (брелоки, ручки, карандаши и т. п.) непригодны в сфере научных коммуникаций.

Результатом создания или модернизации коммуникационной среды НО может стать, например, появление новых форм кооперации и сотрудничества с предпринимателями, представителями органов государственной власти, преподавателями университетов и сотрудниками других научных организаций и, как следствие, расширение маркетинговой экосистемы НО. Могут возникнуть и новые виды объединения нескольких научных организаций. Так, в работе [24] обсуждаются наиболее значимые компоненты процессов управления альянсом научных организаций. Важнейшими аспектами такого

альянса могут быть анализ и критическая оценка брендов потенциальных партнеров, корректировка позиционирования бренда каждой научной организации, входящей в альянс, и др. Совместная деятельность НО может осуществляться в виде предоставления таких нефинансовых преимуществ, как доступ к неопубликованным материалам выполненных исследований и даже продолжающихся проектов. Некоторые консалтинговые компании, например, заблаговременно начинают работать совместно с НО, в которых реализованы новые разработки в области менеджмента [23]. Более того, неформальное взаимодействие ученых и потенциальных потребителей научной продукции может предшествовать возмездной передаче результатов научной деятельности и, следовательно, может быть рассмотрено как фактор стимулирования перехода к коммерческому взаимодействию.

Желательно также, чтобы маркетинговые коммуникационные мероприятия, предпринимаемые в рамках маркетинговой экосистемы НО, были заранее ориентированы на формирование партнерских отношений с ключевыми представителями целевой аудитории научной организации. В более общем плане необходимо расширять и поощрять присутствие НО в виртуальном пространстве (например, путем облегчения доступа к информации о результатах своей научной деятельности; проведения серийных онлайн-мероприятий, регулярного обновления информации на сайте НО и т. п.). В работе [25] подчеркивается значение сбора больших данных, налаживания цифровой и мобильной связи для цепочек создания стоимости научных результатов. Все это многообразие инфокоммуникационных инструментов должно позволить НО построить систему привлечения внимания пользователей к результатам и тематике своих научных исследований, а также откроет новые возможности для проведения совместных исследований, корректировки тематики, консультаций и передачи научных результатов новому контингенту пользователей. Вместе с тем целесообразно выявлять заранее приоритетные российские регионы и зарубежные страны, а также отрасли экономики для поиска потенциальных потребителей продукции НО и, соответственно, для формирования маркетинговых каналов коммуникаций и приложения соответствующих усилий научной организации. То есть вся эта совокупность маркетинговых инструментов создает условия для поиска и обретения дополнительного финансирования деятельности НО гуманитарного профиля.

Заключение

Результаты проведенных исследований позволяют сформировать программу совершенствования маркетинговой деятельности научной организации, разработать эффективную стратегию развития маркетинговой экосистемы НО, организовать перманентный поиск и обновление целевой аудитории для научных результатов НО. Ориентируясь на такую стратегию, маркетинговое подразделение НО настраивает работу на регулярное обновление тематики исследований и совершенствование маркетинговых процессов, формирование, разработку и выбор современных и перспективных коммуникационных инструментов.

Разработанное в ходе данного исследования экосистемное представление маркетинговой деятельности НО позволило понять и ввести в аналитическое рассмотрение системную природу такого явления, как «маркетинг научной организации». В свою очередь это позволило более тонко, с системных позиций структурировать маркетинговое пространство, более четко разграничить субъекты этой деятельности, выделить их функции и систематизировать перспективные возможности в социоэкономическом пространстве. В этом направлении удалось описать характеристики и свойства субъектов деловой активности в пространстве маркетинговых взаимоотношений.

Достижение новых результатов исследований в научных организациях и создание на их основе рыночных научных продуктов становится для современных, отечественных научных организаций не просто механизмом выявления предпочтений представителей целевой аудитории, а все чаще инструментом развития самой организации. В русле этого направления НО в целом четче осознает и формулирует свои возможности, ограничения и на этом основании не только корректирует тематику и формы своей основной научной деятельности, но и формирует специальные индивидуализированные виды маркетинга научной организации. В процессе проведения маркетинговых исследований в рамках маркетинговой экосистемы удалось выявить и обосновать структуру так называемого паспорта научного продукта, представляющего единообразную информацию о каждом отдельно взятом результате исследований НО.

В рамках построенной маркетинговой экосистемы выделены на основе системной экономической теории и пространственно-временной структуризации объектное, процессное, системное и средовое направления деятельности. Так, объектное

направление маркетинговой деятельности НО обеспечивает создание способов совершенствования бренда НО, выявление и характеристику достигнутых научных результатов с точки зрения их превращения в востребованные научные продукты. Процессное направление маркетинга НО характеризуется ориентацией на мониторинг структуры исследовательской и маркетинговой деятельности НО с точки зрения привлечения внимания целевой аудитории к своим научным достижениям фундаментального или прикладного вида. Задачей проектного направления маркетинговой деятельности НО является инициирование проектов актуализации сайта НО, проектов разработки и применения новых средств и инструментов неограниченного сетевого распространения информации, проектов

организации и проведения разнообразных мероприятий по распространению информации и привлечению внимания к результатам исследований научной организации и т. п. С позиции средового направления маркетинговых работ НО предлагается наладить регулярный и всесторонний, всеохватный поиск, разработку и внедрение в практику работы маркетингового подразделения НО новых технологий и инструментов улучшения процессов коммуникационного взаимодействия и обмена. Таким образом, создание благоприятной коммуникационной среды для отдельных сотрудников и научной организации в целом должно стать частью маркетинговой стратегии научной организации, что в недалекой перспективе позволит существенно увеличить финансовое обеспечение НО.

Список литературы

1. Андреев, В. Брендинг и позиционирование [Электронный ресурс] / В. Андреев // Писали.ру. — 2009. — URL: <http://pisali.ru/smresearch/17333/> (дата обращения 25.05.2019).
2. Анисимов, А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона / А. Л. Анисимов. — М. : Норма, 2004. — 214 с.
3. Белоусов, Д. Р. О построении качественной модели российской экосистемы ИКТ / Д. Р. Белоусов, Е. А. Пенухина // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 3. — С. 94—104.
4. Бендиков, М. А. Идентификация и измерение интеллектуального капитала инновационно активного предприятия / М. А. Бендиков, Е. В. Джамай // Экон. наука соврем. России. — 2001. — № 4. — С. 83—107.
5. Бернет, Дж. Маркетинговые коммуникации : пер. с англ. / Дж. Бернет, С. Мориарти. — СПб. ; М. ; Харьков : Питер, 2001. — 860 с.
6. Голубкова, Е. Н. Маркетинговые коммуникации : науч. изд. / Е. Н. Голубкова. — М. : Финпресс, 2000. — 256 с.
7. Дорошенко, С. В. Предпринимательская экосистема в современных социо-экономических исследованиях / С. В. Дорошенко, А. Г. Шеломенцев // Журн. экон. теории. — 2017. — № 4. — С. 212—221.
8. Качалов, Р. М. Роль маркетинга научной продукции в эволюции исследовательской организации экономического профиля / Р. М. Качалов, А. А. Кобылко // Новые исследования в гетеродоксальной экономике: российский вклад : коллектив. моногр. / отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. — М. : ИЭ РАН, 2016. — С. 424—441.
9. Качалов, Р. М. Формирование позитивного образа научной организации в социальном пространстве / Р. М. Качалов, Ю. А. Слепцова, А. Р. Климанова // Актуал. проблемы экономики и права. — 2017. — Т. 3, № 11. — С. 16—29.
10. Клейнер, Г. Б. Стратегия предприятия / Г. Б. Клейнер. — М. : Дело АНХ, 2008.
11. Клейнер, Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Б. Клейнер // Вопр. экономики. — 2013. — № 6. — С. 4—28.
12. Клейнер, Г. Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы / Г. Б. Клейнер // Системный анализ в экономике-2018 : сб. тр. V Междунар. науч.-практ. конф. — биеннале (21—23 нояб. 2018 г.) / под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. — М. : Прометей, 2018. — С. 5—14.
13. Рыбачук, М. А. Междисциплинарная теория фирмы: структуризация внутреннего наполнения и внешнего окружения предприятия / М. А. Рыбачук // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании-2018 (Академический мир и проблемы становления цифрового общества) : материалы Третьей междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 20—22 сент. 2018 г.). — Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2018. — С. 143—152.

14. Сергиенко, Е. С. Теоретическая сущность коммуникационной политики предприятия / Е. С. Сергиенко, М. Ю. Кенис // Экономика и упр.: проблемы, решения. — 2016. — Т. 2, № 12. — С. 22—25.
15. Чмышенко, Е. Г. Выбор потребителя научно-технической продукции на основе концепции маркетинга / Е. Г. Чмышенко, Т. П. Медведева // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2012. — № 1 (137). — С. 136—140.
16. Шматко, Н. Научный капитал как драйвер социальной мобильности ученых / Н. Шматко // Foresight-Russia. — 2011. — Vol. 5, № 3. — С. 18—32.
17. Brannick, T. Reflexivity in management and business research: What do we mean? / T. Brannick, D. Coghlan // Irish J. of Management. — 2006. — No. 27. — P. 143—160.
18. Cvitanovic, P. L. Navigating New Marketing Technologies, Channels and Metrics / P. L. Cvitanovic // Managing Global Transitions. — 2018. — No. 16 (4). — P. 379—400.
19. Fini, R. Process Approach to Academic Entrepreneurship: Evidence from the Globe / R. Fini, R. Grimaldi // The World Scientific Reference on Entrepreneurship. — 2017. — Vol. 4-4, № 1, Febr. — P. 1—17.
20. Digital Technology and Marketing Management Capability: Achieving Growth in SMEs / P. Foroudi, S. Gupta, A. Nazarian, M. Duda // Qualitative Market Research: an Intern. J. — 2017. — No. 20 (2). — P. 230—246.
21. Targeting Academic Engagement in Open Innovation: Tools, Effects and Challenges for University Management / L. Jonsson, E. Baraldi, L.-E. Larsson, P. Forsberg, K. Severinsson // J. of the Knowledge Economy. — 2015. — Vol. 6, iss. 3, Sept. — P. 522—550.
22. Krabel, S. The internationalization of science and its influence on academic entrepreneurship / S. Krabel, D. S. Siegel, V. Slavtchev // The J. of Technology Transfer. — 2012. — Apr., vol. 37, iss. 2. — P. 192—212.
23. Meyer, M. Academic entrepreneurs or entrepreneurial academics? Research based ventures and public support mechanisms / M. Meyer // R&D Management. — 2003. — No. 33. — P. 107—115.
24. Redler, J. Brand Alliance. Building Block for Scientific Organizations' Marketing Strategy / J. Redler // Marketing of Scientific and Research Organizations. — 2017. — No. 19 (1). — P. 59—94.
25. Roberts, J. H. From academic research to marketing practice: Exploring the marketing science value chain / J. H. Roberts, U. Kayande, S. Stremersch // Intern. J. of Research in Marketing. — 2014. — Vol. 31, iss. 2, June. — P. 127—140.

Сведения об авторах

Качалов Роман Михайлович — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН, Москва, Россия. kachalov1ya@ya.ru

Слепцова Юлия Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН, Москва, Россия. julia_sleptsova@mail.ru

Ставчиков Александр Иванович — кандидат экономических наук, ученый секретарь Центрального экономико-математического института РАН, Москва, Россия. stav@cemi.rssi.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 151—165.

MARKETING ECOSYSTEM OF THE SCIENTIFIC ORGANIZATION IN THE HUMANITIES

R.M. Kachalov

Central Economic and Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia. kachalov1ya@ya.ru

Yu.A. Sleptsova

Central Economic and Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia. julia_sleptsova@mail.ru

A.I. Stavchikov

Central Economic and Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia. stav@cemi.rssi.ru

Marketing of a scientific organization focused on promoting the results of scientific research to potential consumers. The results of research can belong by individual employees, formal research departments and informal teams of employees. Promotion of the results of research work is carried out using various marketing tools and activities in accordance with the marketing strategy of the scientific organization. Marketing of a scientific organization is interpreted as a marketing ecosystem. Development of marketing strategy is proposed to perform on the basis of a system of economic theory. Such types of marketing activities of scientific organizations as object, process, project and environmental are identified using this theory. Requirements for the formulation of a passport scientific result are formulated for each type of marketing activity. Marketing channels and adequate marketing tools are selected for each type of marketing. Creating a communication environment for the dissemination of scientific information is considered as part of the marketing strategy of the scientific organization.

Keywords: *marketing of a scientific organization, target audience, marketing ecosystem of a scientific organization, marketing processes and projects; communication environment.*

References

1. Andreyev V. Branding i pozitsionirovaniye [Branding and positioning]. *Pisali.ru*, 2009. Available at: <http://pisali.ru/smresearch/17333/>, accessed 25.05.2019. (In Russ.).
2. Anisimov A.L. *Chest', dostoinstvo, delovaya reputatsiya pod zashchitoy zakona* [Honor, dignity, business reputation under the protection of the law]. Moscow, Norma Publ., 2004. 214 p. (In Russ.).
3. Belousov D.R., Penukhina Ye.A. O postroyenii kachestvennoy modeli rossiyskoy ekosistemy IKT [On building a qualitative model of the Russian ICT ecosystem]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2018, no. 3, pp. 94-104. (In Russ.).
4. Bendikov M.A., Dzhamay Ye.V. Identifikatsiya i izmereniye intellektual'nogo kapitala innovatsionno aktivnogo predpriyatiya [Identification and Measurement of Intellectual Capital of an Innovatively Active Enterprise]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Modern Russia], 2001, no. 4, pp. 83-107. (In Russ.).
5. Bernet Dzh., Moriarti S. *Marketingovyye kommunikatsii* [Marketing communications]. St. Petersburg, Moscow, Kharkiv, Piter, 2001. 860 p. (In Russ.).
6. Golubkova Ye.N. *Marketingovyye kommunikatsii* [Marketing communications]. Moscow, Finpress Publ., 2000. 256 p. (In Russ.).
7. Doroshenko S.V., Shelomentsev A.G. Predprinimatel'skaya ekosistema v sovremennykh sotsio-ekonomicheskikh issledovaniyakh [Entrepreneurial ecosystem in modern socio-economic research]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2017, no. 4, pp. 212-221. (In Russ.).
8. Kachalov R.M., Kobylko A.A. Rol' marketinga nauchnoy produktsii v evolyutsii issledovatel'skoy organizatsii ekonomicheskogo profilya [The role of marketing of scientific products in the evolution of an economic research organization]. *Novyye issledovaniya v geterodoksal'noy ekonomike: rossiyskiy vklad* [New research in heterodox economy: Russian contribution]. Moscow, IE RAN Publ., 2016. Pp. 424-441. (In Russ.).
9. Kachalov R.M., Sleptsova Yu.A., Klimanova A.R. Formirovaniye pozitivnogo obraza nauchnoy organizatsii v sotsial'nom prostranstve [Formation of a positive image of a scientific organization in the social space]. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law], 2017, vol. 3, no. 11, pp. 16-29. (In Russ.).
10. Kleyner G.B. *Strategiya predpriyatiya* [Enterprise strategy]. Moscow, Delo Publ., 2008. (In Russ.).
11. Kleyner G.B. Sistemnaya ekonomika kak platforma razvitiya sovremennoy ekonomicheskoy teorii [System economics as a platform for the development of modern economic theory]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issue], 2013, no. 6, pp. 4-28. (In Russ.).
12. Kleyner G.B. Sotsial'no-ekonomicheskiye ekosistemy v svete sistemnoy paradigmy [Socio-economic ecosystems in the light of the systemic paradigm]. *Sistemnyy analiz v ekonomike-2018: sbornik trudov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii — biyennale (21-23 noyabrya 2018)* [System analysis in the economy-2018: collection of works of the V International Scientific and Practical Conference — Biennale (November 21-23, 2018)]. Moscow, Prometheus Publ., 2018. Pp. 5-14. (In Russ.).
13. Rybachuk M.A. Mezhdistsiplinarnaya teoriya firmy: strukturizatsiya vnutrennego napolneniya i vneshnego okruzheniya predpriyatiya [The interdisciplinary theory of the company: structuring the internal content

and the external environment of the enterprise]. *Mezhdistsiplinarnost' v sovroyemennom sotsial'no-gumani-tarnom znanii-2018 (Akademicheskiy mir i problemy stanovleniya tsifrovogo obshchestva): materialy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 20-22 sentyabrya 2018 g.)* [Interdisciplinarity in contemporary social and humanitarian knowledge-2018 (Academic world and the problems of digital society formation): materials of the Third International Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 20-22, 2018)]. Rostov-on-Don, Taganrog, Publisher SFU, 2018. Pp. 143-152. (In Russ.).

14. Sergiyenko Ye.S., Kenis M.Yu. Teoreticheskaya sushchnost' kommunikatsionnoy politiki predpriyatiya [The theoretical essence of the communication policy of the enterprise]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and management: problems, solutions], 2016, vol. 2, no. 12, pp. 22-25. (In Russ.).

15. Chmyshenko Ye.G., Medvedeva T.P. Vybor potrebitelya nauchno-tekhnicheskoy produktsii na osnove kontseptsii marketinga [Consumer choice of scientific and technical products based on the concept of marketing]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2012, no. 1 (137), pp. 136-140. (In Russ.).

16. Shmatko N. Nauchnyy kapital kak drayver sotsial'noy mobil'nosti uchenykh [Scientific Capital as a Driver of Researchers' Social Mobility]. *Foresight-Russia*, 2011, vol. 5, no. 3, pp. 18-32. (In Russ.).

17. Brannick T., Coghlan D. Reflexivity in management and business research: What do we mean? *Irish Journal of Management*, 2006, no. 27, pp. 143-160.

18. Cvitanovic P.L. Navigating New Marketing Technologies, Channels and Metrics. *Managing Global Transitions*. 2018, no. 16 (4), pp. 379-400.

19. Fini R., Grimaldi R. Process Approach to Academic Entrepreneurship: Evidence from the Globe. *The World Scientific Reference on Entrepreneurship*, 2017, vol. 4-4, no. 1, February, pp. 1-17.

20. Foroudi P., Gupta S., Nazarian A., Duda M. 'Digital Technology and Marketing Management Capability: Achieving Growth in SMEs.' *Qualitative Market Research: An International Journal*, 2017, no. 20 (2), pp. 230-246.

21. Jonsson L., Baraldi E., Larsson L.-E., Forsberg P., Severinsson K. Targeting Academic Engagement in Open Innovation: Tools, Effects and Challenges for University Management. *Journal of the Knowledge Economy*, 2015, vol. 6, iss. 3, September, pp. 522-550.

22. Krabel S., Siegel D.S., Slavtchev V. The internationalization of science and its influence on academic entrepreneurship. *The Journal of Technology Transfer*, 2012, April, vol. 37, iss. 2, pp. 192-212.

23. Meyer M., Academic entrepreneurs or entrepreneurial academics? *Researchbased ventures and public support mechanisms. R&D Management*, 2003, no. 33, pp. 107-115.

24. Redler J. Brand Alliance. Building Block for Scientific Organisations' Marketing Strategy. *Marketing of Scientific and Research Organizations*, 2017, no. 19 (1), pp. 59-94.

25. Roberts J.H., Kayande U., Stremersch S. From academic research to marketing practice: Exploring the marketing science value chain. *International Journal of Research in Marketing*, 2014, vol. 31, iss. 2, June, pp. 127-140.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В СФЕРЕ УСЛУГ

Е. В. Кучина¹, Т. А. Коркина²

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В условиях высокой неопределенности и изменчивости внешней среды проблема обеспечения конкурентоспособности отечественных компаний становится все более актуальной. Одним из способов решения этой задачи является повышение производительности труда как необходимого условия снижения издержек. Описанный в статье методический подход направлен на решение задачи повышения производительности труда в сфере услуг, отличающейся высоким уровнем затрат живого труда. В ходе его реализации предполагается осуществить ряд последовательных шагов: измерение производительности труда, оценка факторов окружения, определение степени устойчивости компании к факторам внешней среды, выявление резервов роста, определение целевых параметров роста и разработка комплекса мероприятий по их достижению, оценка достижений, корректировка и регулирование. Апробация подхода осуществлена на примере торгового предприятия. Сформирован комплекс мероприятий по достижению целевых параметров роста на основе дерева целей повышения производительности, особенностью которого является повышение эффективности использования труда в краткосрочном периоде и реализация возможностей предприятия в рамках стратегии развития предприятия в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *управление производительностью труда, конкурентоспособность, сфера услуг, торговое предприятие, система мотивации труда.*

Обеспечение конкурентоспособности и эффективного развития российской экономики невозможно без повышения уровня производительности труда. Рост производительности труда как условие снижения издержек, повышения качества выпускаемой продукции (услуг) и получения предприятием конкурентного преимущества приобретает все большее значение в условиях обострения конкурентной борьбы. Рост производительности труда тесно связан с активизацией человеческого фактора и его воздействием на все другие организационные переменные, что приводит к снижению издержек, росту прибыли, приобретению конкурентных преимуществ. Поскольку повышение производительности труда представляет собой процесс изменений, то, как и всякий процесс, он требует грамотного управления. Для достижения высоких показателей эффективности деятельности организации необходимо выстраивание такой мотивационной системы управления персоналом, которая наиболее точно соответствовала бы реализации всего комплекса организационных целей.

Цель данного исследования — разработка методического подхода к управлению производительностью труда предприятия сферы услуг как осно-

вы для обеспечения его конкурентоспособности в стратегической перспективе.

Вопросы управления производительностью труда на уровне организации подробно рассмотрены в публикациях К. Норты [1], Л. Г. Соколовой [2], М. Ю. Магомедовой, А. М. Муртазалиевой [3] и др. В современных условиях в практической деятельности все подходы к управлению производительностью труда можно объединить в четыре группы: управление результатами, затратами, факторами труда, поведением человека. Данные подходы, как правило, комбинируются и дополняют друг друга, создавая комплекс факторов и резервов для роста производительности труда. В рамках этих подходов достаточно широко представлен и инструментарий управления производительностью труда. В отечественной и зарубежной экономической литературе можно найти примеры использования отдельных частей или блоков программ повышения производительности, решающих конкретные организационные проблемы. Так, Скотт Д. Синк предложил партисипативный подход к управлению производительностью на основе стратегического планирования [4]. Отечественные ученые достаточно большое место в своих исследованиях уделяют

процессному подходу к решению данной проблемы, предполагающему цепочку непрерывных взаимосвязанных действий по планированию, организации процессов, мотивации и контролю. Такой подход отражен в работах А. К. Ташева, Е. В. Кучиной [5], А. В. Гагаринского [6]. Исследования Е. Б. Абросимовой и Л. В. Свиридовой посвящены проблеме роста производительности труда на основе концепции управления качеством — «бережливое производство» [7]. Различные мотивационные технологии управления персоналом как основа для роста производительности труда рассмотрены в работах К. Ю. Барцевой [8], J. R. Hackman [9], A. Lawlor [10].

Вместе с тем применение указанных разработок отечественных и зарубежных авторов, как правило, не дает ожидаемых результатов и не позволяет

российским предприятиям существенно изменить уровень производительности труда.

Это подтверждается анализом данных Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), согласно которым в 1995 г. производительность труда в расчете на один отработанный час в России была ниже, чем у лидера по этому показателю Люксембурга в 4,8 раза. За период 1995—2018 гг. ситуация несколько улучшилась: разрыв с лидером (Ирландией) составляет 3,4 раза, однако по уровню производительности среди сравниваемых стран Россия по-прежнему занимает последние строчки (рис. 1).

Средний темп роста производительности труда по группе рассматриваемых стран за 1995—2018 гг. составил 152 %, российские организации за этот

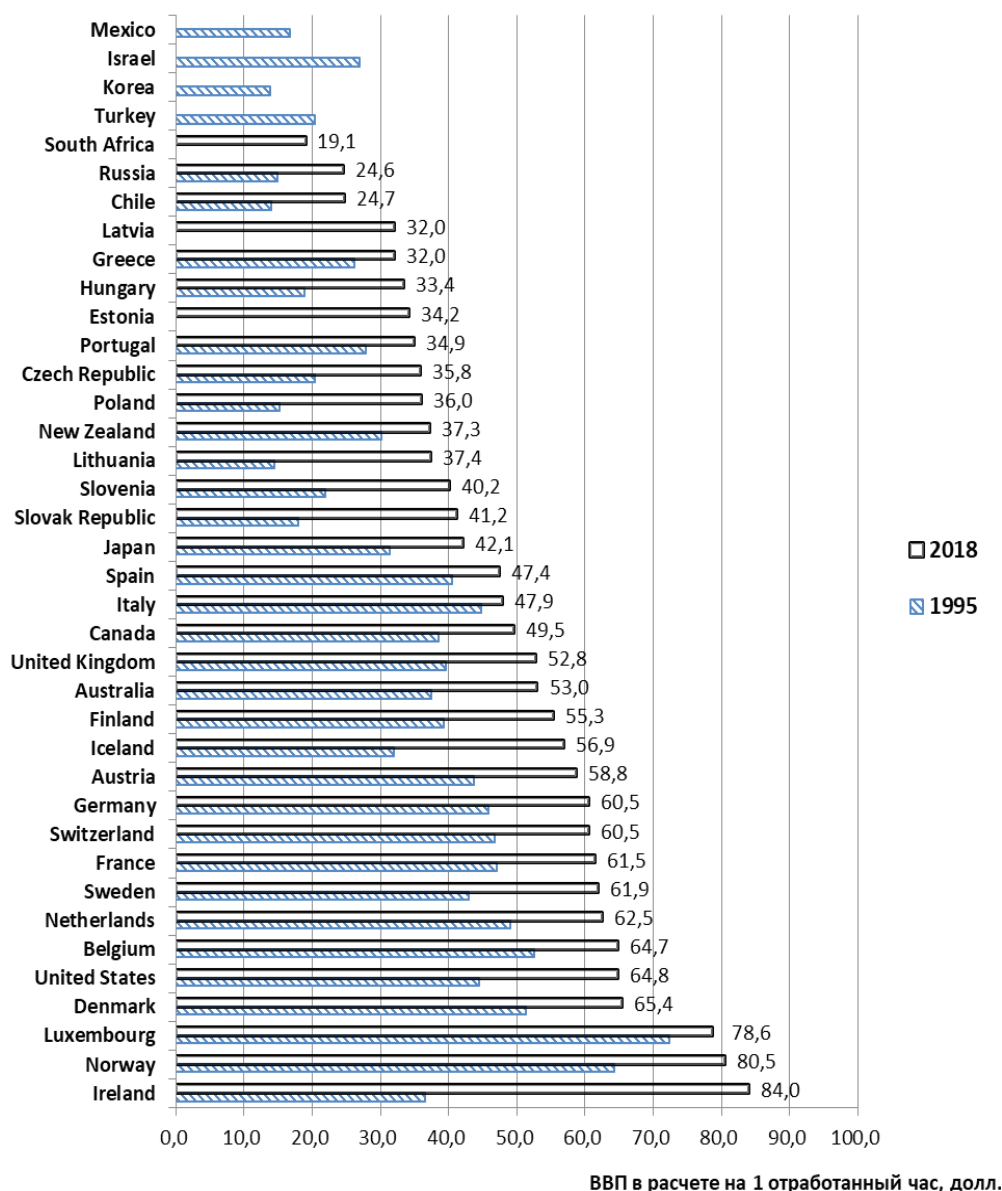

Рис. 1. Сравнение производительности труда по странам за 1995—2018 гг. (ВВП на 1 отработанный час, \$) (рассчитано по [11])

период на один отработанный час стали производить больше ВВП в 1,62 раза. Наиболее динамично развивающиеся по этому показателю страны имеют среднегодовой прирост производительности 10—12 %, в то время как Россия — около 5 % (рис. 2).

Следует так же отметить, что по количеству часов, отработанных одним работником в России, остается одним из самых высоких (1970—1980 часов в год) среди анализируемых стран.

Для повышения темпов роста производительности труда на отечественных предприятиях необходим методический подход, позволяющий поэтапно достигнуть устойчивого повышения производительности труда как основы обеспечения конкурентоспособности компании в долгосрочной перспективе.

Анализ результатов деятельности предприятий России приводит к выводу, что руководители различных уровней управления не в полной мере освоили инструментарий повышения конкурентоспособности предприятия на основе роста производительности труда. Причинами такой ситуации могут быть слабая методическая проработанность проблемы, недостаточность опыта систематического использования в практике руководства методологических принципов и методов стратегического планирования, отсутствие в течение долгого времени государственных мер содействия экономическим субъектам в решении задачи повыше-

ния производительности труда (государственная программа повышения производительности труда была принята лишь в 2017 г.) В то же время очевидно, что достижение высокой производительности труда и укрепление конкурентных позиций предприятия — тесно связанные цели. Взаимосвязь повышения производительности труда и достижения других экономических целей предприятия представлена на рис. 3.

Реализация целей компании достигается совершенствованием системы мотивации и стимулирования для обеспечения, в первую очередь, тесной связи вознаграждения и результатов труда; повышением профессионализма руководителей всех звеньев управления; ростом квалификации специалистов и рабочего персонала; формированием организационной культуры, основанной на развитии у персонала клиентоориентированных ценностных установок и компетенций. В итоге создается более позитивный, привлекательный для клиентов, партнеров, инвесторов, имидж компании, появляются более широкие возможности выхода на новые рынки, а это, в свою очередь, позволяет усилить конкурентные позиции предприятия как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочной перспективе. Появляются и дополнительные возможности роста доходов и при условии повышения производительности труда — увеличения прибыли. Таким

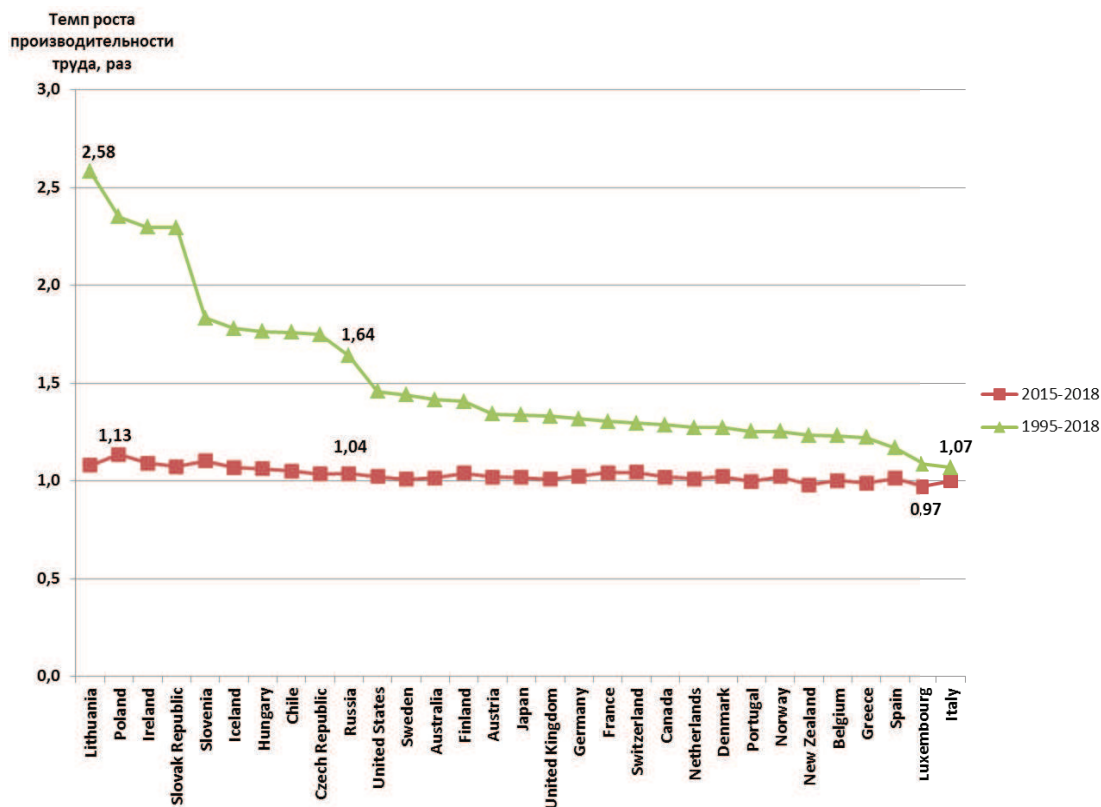

Рис. 2. Динамика производительности труда в разных странах за 1995—2018 гг.

Рис. 3. Причинно-следственная связь целей предприятия по достижению конечных результатов

образом, достижение всех подцелей обеспечивает достижение конечной цели, а именно — повышение прибыли компании. Программы по модернизации техники, усовершенствованию и внедрению новых технологий, повышению финансовой устойчивости предприятия могут быть успешными и привести к ожидаемым результатам, только если сформирован необходимый человеческий капитал организации, то есть сотрудники должны обладать квалификацией и мотивацией, полномочиями и ответственностью, необходимыми для наиболее эффективного использования ресурсов организации. В связи с этим в последние годы активно развивается в теоретическом аспекте и осваивается на практике научный подход, исследующий такой ключевой фактор конкурентоспособности организации, как мотивированный и обученный персонал, который способен эффективно достигать ее стратегические цели. С этой позиции суть эффективного управления производительностью труда состоит в развитии человеческого капитала таким образом, чтобы достигались корпоративные

цели, и в то же время развитие предприятия создавало условия для достижения целей работников.

Предлагаемый методический подход к управлению производительностью труда предполагает осуществление ряда последовательных шагов.

На первом этапе происходит выбор показателя измерения производительности труда. Несмотря на достаточно длительные исследования в этом направлении и большое количество публикаций, необходимость этого этапа вызвана многогранностью категории производительности труда, отсутствием универсального метода ее измерения, требованием учета специфики вида деятельности. Так, отличительной особенностью предприятий, работающих в сфере розничной и оптовой торговли является высокий уровень затрат живого труда. Поэтому проблема измерения и оценки производительности труда достаточно сложна и характеризуется значительным разнообразием подходов к ее решению [12—14]. В этой связи важно выбрать такой показатель (систему показателей), который будет характеризовать как продуктивность торго-

вой деятельности, так и эффективность использования трудовых ресурсов на предприятии. На наш взгляд, в качестве основных показателей могут быть использованы следующие:

1. Торговый оборот на 1 работника:

$$ПТр = \frac{ТО}{Чр}, \quad (1)$$

где ТО — товарооборот; Чр — среднесписочная численность работников.

2. Торговый оборот на 1 отработанный чел.-день:

$$ПТд = \frac{ТО}{Чр * Фв}, \quad (2)$$

где Фв — фонд времени, отработанный одним работником.

3. Маржинальный доход на 1 работника

$$ПТм = \frac{ТО - Спер}{Чр}, \quad (3)$$

где Спер — переменные затраты.

Для анализа и оценки производительности труда на предприятии могут использоваться как все три показателя одновременно, так и один из них, выбранный исходя из целей и сложившейся ситуации. Если проводится сравнение производительности труда в динамике, то для получения более точных результатов необходимо рассчитывать указанные показатели в сопоставимых ценах.

Следующий этап посвящен исследованию и оценке внешних факторов, которые оказывают влияние на производительность труда в настоящее время, а также прогнозируемых в будущем. Для предприятий торговли такими факторами могут быть распространение передовых технологий, изменение структуры спроса, развитие интернет-магазинов и т. п.

Большое значение имеет сопряженная с анализом факторов окружения оценка внутренних факторов производительности труда: материально-технических, кадровых, организационных и др. Целью этого анализа является выявление существующих взаимосвязей между ресурсами, компетенциями и способностями предприятия, а также определение того, насколько внутренние условия способны влиять на набор свойств, определяющих выгодность покупки товара для потребителя. Итогом такой оценки должно стать определение уровня устойчивости предприятия к факторам внешней среды.

Следующим шагом является выявление резервов роста производительности труда. В ходе нее ищутся как резервы внутри предприятия, так и возможности роста производительности труда, находящиеся за его пределами. При этом

стратегическую оценку потенциала предприятия можно обеспечить, применяя такие инструменты как: технико-экономический анализ, SNV-анализ, СТЕР-анализ, анализ пяти сил Портера.

На следующем этапе определяются целевые параметры роста производительности труда, выстраивается дерево целей и разрабатывается план мероприятий по их достижению. При этом следует учитывать, что проекты по повышению производительности должны быть встроены в стратегию предприятия и взаимосвязаны с изменениями всех его подсистем [15].

Для разработки комплексной программы повышения производительности труда необходимо применение спектра методов и подходов, охватывающих все ключевые аспекты деятельности предприятия. Такой комплекс предполагает выбор различных подходящих для конкретной организации и для решения определенного круга задач средств: оценка и ранжирование результатов и эффективности деятельности, методы ведения коллективных переговоров и индивидуальной работы с каждым сотрудником, использование материальных стимулов и неденежных форм мотивации, техническое и организационное развитие, повышение профессионализма и рабочих, и специалистов, и руководителей [16].

Завершающим шагом является оценка результатов — уровня достижения целевых параметров роста производительности труда, корректировка и регулирование.

Апробация предлагаемого подхода управления производительностью труда проведена на предприятии оптовой и розничной торговли. Основные виды деятельности: продажа мобильных устройств и аксессуаров, запасных частей для мобильных телефонов, оказание услуг, связанных с мобильными устройствами, ремонт техники.

Основные стратегические цели компании:

- рост объема продаж и расширение ассортимента товаров и услуг;
- увеличение доли рынка за счет выхода за пределы региона;
- увеличение прибыли за счет привлечения новых клиентов;
- улучшение имиджа компании.

На основании использования различных инструментов стратегического анализа было выявлено, что основными угрозами для роста и развития компании являются:

- политическая и экономическая ситуация в стране, оказывающая влияние на курс доллара и покупательную способность населения;

— возможность появления новых конкурентов на рынке товаров и услуг;

— слабая система мотивации персонала предприятия.

Для укрепления конкурентных позиций предприятия на рынке выделены следующие основные направления деятельности: 1) выход на прямых поставщиков, что приведет к снижению закупочных, следовательно, и розничных цен на товары; 2) разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение узнаваемости компании, улучшение ее имиджа, что позволит увеличить долю рынка.

В таблице ниже представлены основные показатели деятельности предприятия, из которых видно, что численность персонала компании существенно увеличилась за последние два года. Это связано с развитием собственного сервисного центра и увеличением торговых точек, что предполагало увеличение торгового оборота. Однако за последний год произошло снижение темпов роста выручки и уменьшение производительности труда рабочего персонала на 22 %.

Анализ результатов деятельности предприятия показал, что основной причиной снижения производительности труда в 2018 г. явился низкий уровень мотивации сотрудников. По итогам опроса работников (продавцы и эксперт-приемщики), общий уровень неудовлетворенности работников составил 40 %, в том числе неудовлетворенности системой материального стимулирования 55 %. Существующая система премирования этой категории сотрудников основана на проценте от суммы проданных товаров (оказанных услуг) и уровня выполнения плана. На премию приходится порядка 70 % общего заработка, и в случае невыполнения плана сотрудники теряют в премиальной части от 20 до 40 %. Поскольку в качестве основного фактора мотивации у этой категории работников выступает материальное стимулирование, а используемая на предприятии система премирования

не отвечает их ожиданиям, то включаются различные защитные механизмы (например, абсентеизм, халатное отношение к своему труду), ведущие к снижению производительности.

Для построения иерархии мероприятий по повышению производительности труда в торговой компании было сформировано дерево целей (рис. 4).

Рис. 4. Дерево целей повышения производительности труда персонала торгового предприятия

Предварительный анализ резервов роста позволил определить величину целевого показателя на предстоящий год — 25 %. В дальнейшем план мероприятий был детализирован: определен перечень ответственных лиц, сроки исполнения, финансовые и трудовые затраты.

В качестве примера рассмотрим блок мероприятий по совершенствованию системы мотивации труда. На первом этапе был составлен план-график обучения, дифференцированный по категориям персонала (для управленческого персонала и рядовых сотрудников) и определены затраты. Обучение позволяет не только получить необходимые компетенции, но и способствует повышению заинтересованности работников в конечных результатах

Основные показатели деятельности торгового предприятия в динамике

Показатель	Год		
	2016	2017	2018
1. Выручка от реализации продукции и оказания услуг, тыс. р.	69004	104816	116168
2. Затраты, тыс. р.	60702	91488	95358
3. Валовая прибыль, тыс. р.	8302	13328	20810
4. Рентабельность продаж, %	12	12,8	17,9
5. Среднесписочная численность работников, чел., в том числе рабочий персонал	26 15	32 19	52 27
6. Производительность труда:			
— торговый оборот на 1 работника, тыс. р./чел.,	2654	3276	2234
— торговый оборот на 1 чел. рабочего персонала, тыс. р./чел.	4600	5517	4303

коллективного труда [17]. Для обоснованного расчета премиальной части вознаграждения по результатам анализа индивидуальных продаж был введен КРІ для каждого сотрудника. Помимо объема выручки в КРІ вошли следующие показатели: точная конверсия (%), коэффициент охвата посетителей (%), индекс удовлетворенности клиентов (%), уровень соблюдения корпоративных стандартов (%). Для каждого показателя определяются весовые коэффициенты, нормативные значения (базовые, плановые, вызов), устанавливается размер премии в зависимости от значений индивидуального коэффициента результативности. Введение таких показателей будет способствовать повышению заинтересованности работников и, как следствие, приведет к увеличению выручки за счет роста объема дополнительных продаж и суммы среднего чека. По оценкам экспертов, система премирования, основанная на КРІ, позволит повысить уровень удовлетворенности сотрудников в среднем на 10%, при этом прирост производительности труда составит 12%. Остальные 3% прироста предполагается обеспечить за счет нематериального стимулирования, являющегося достаточно продуктивным инстру-

ментом повышения мотивации труда. В качестве основных приемов такого стимулирования предлагается использовать: информацию о достижениях коллег, корпоративные мероприятия, конкурсы и соревнования, HR-бренд, элементы культуры корпоративных коммуникаций и др.

Таким образом, комплекс мероприятий, предусмотренный как в текущем, так и стратегическом планировании роста производительности труда позволит добиться достижения целевых параметров. Повышение производительности труда произойдет за счет взаимосвязанных мероприятий по повышению эффективности использования труда в краткосрочном периоде и реализации возможностей предприятия в рамках стратегии развития компании в будущем.

Разработанный методический подход к управлению производительностью труда характеризуется этапностью, комплексностью и практичностью. Он может стать инструментом, позволяющим выработать обоснованные стратегические и тактические решения, способные обеспечить конкурентоспособность предприятия в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Управление эффективностью и качеством: Модульная программа : пер. с англ. / Под ред. И. Прокopenко, К. Норта: в 2 ч. — М. : Дело, 2001. — 800 с.
2. Соколова, Л. Г. Производительность: теория, измерение, проблемы роста / Л. Г. Соколова. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 241 с.
3. Магомедова, М. Ю. Бенчмаркетинг как слагаемое успешной стратегии бизнеса / М. Ю. Магомедова, А. М. Муртазалиева // Вопр. структуризации экономики. — 2012. — № 1. — С. 138—140.
4. Синк, Д. С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение / Д. С. Синк. — М. : Прогресс, 1989. — 332с.
5. Кучина, Е. В. Методологические подходы к оценке производительности труда на микроуровне/ Е. В. Кучина, А. К. Тащев // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 42—47.
6. Гагаринский, А. В. Управление производительностью труда промышленного предприятия / А. В. Гагаринский // Вестн. Самар. ун-та. Сер.: Экономика и упр. — 2013. — № 7 (108). — С. 111—116.
7. Абросимова, Е. Б. Принципы и инструменты бережливого производства и влияние вовлеченности персонала на их внедрение / Е. Б. Абросимова, Л. В. Свиридова // Вестн. ПНИПУ. Сер.: Соц.-экон. науки. — 2016. — № 4. — С. 288—298.
8. Барцева, К. Ю. Современные инструменты управления предприятием, персоналом и производительностью труда / К. Ю. Барцева // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. — 2012. — № 4(22). — С. 223—228.
9. Hackman, J. R. Motivation though the design of work: Test of a theory — *Organizational Behavior and Human Performance* / J. R. Hackman, G. R. Oldham. — 1976. — P. 250—279.
10. Lawlor, A. *Productivity improvement manual* / A. Lawlor. — Aldershot, United Kingdom : Gower, 1985. — Ch. 4.
11. Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс]. — URL: <http://stats.oecd.org>.
12. Надреева, Л. Л. Производительность труда в сфере услуг / Л. Л. Надреева // Образование и наука в соврем. мире. Инновации. — 2015. — № 1. — С. 114—123.

13. Хохлов, Б. В. Производительность труда в сфере услуг: оценка, измерение, перспективы роста / Б. В. Хохлов // Труд и соц. отношения. — 2013. — № 9. — С. 41—49.
14. Шаш, Н. Н. Показатели и способы измерения производительности труда и возможность их применения на предприятиях / Н. Н. Шаш, А. И. Бородин // Ученые зап. Петрозавод. гос. ун-та. — 2015. — № 3-1 (148). — С. 96—101.
15. Riggs J. L., Felix G. H. Productivity by objectives.-Englewood Cliffs (N.J.). — Prentice-Hall, 1983. — IX, 260 p.
16. Kaplan, R.S., and D. P. Norton. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. Boston: Harvard Business School Press, 1996.
17. Prahalad, C. K. The core competence of the corporation / C. K. Prahalad, G. Hamel // Harvard Business Rev. — 1990. — Vol. 68, no. 3. — Pp. 79—91.

Сведения об авторах

Кучина Елена Вячеславовна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансовые технологии» Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. kuchinaev@susu.ru

Коркина Татьяна Александровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kort2005@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 166—174.

PERFORMANCE MANAGEMENT AS A TOOL FOR COMPETITIVENESS SERVICE ENTERPRISES

E.V. Kuchina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. kuchinaev@susu.ru

T.A. Korkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kort2005@mail.ru

In conditions of high uncertainty and variability of the external environment, the problem of ensuring the competitiveness of domestic companies becomes the most urgent. This difficult task can be solved only on the basis of productivity growth as a necessary condition for reducing costs, activating the human factor, strengthening competitive positions in the market of goods and services. Despite the large number of methods and programs to improve productivity, most of them are devoted to industrial production and the internal component of the enterprise without taking into account environmental factors and competitive strategy to ensure competitive advantage. The proposed methodological approach allows to solve the problem of labor productivity growth in the service sector, characterized by a high level of living labor costs. In the course of its implementation is expected to implement a series of sequential steps: measurement of productivity, evaluation of environmental factors, determination of degree of stability to environmental factors, identification of reserves growth, the target growth parameters and development of complex of measures for their achievement, assessment of achievement, adjustment and regulation. Approbation of the approach was carried out on the example of a commercial enterprise. A set of measures was formed to achieve the growth targets based on the tree of productivity goals. The growth of labor productivity was achieved due to the synergy from the effective use of labor in the short term and the realization of the company's capabilities as part of the company's development strategy in the long term.

Keywords: *labor productivity management, competitiveness, strategic planning, service sector, trade enterprise, labor motivation system.*

References

1. Prokopenko I.I., Nort K. *Upravlenie effektivnost'yu i kachestvom* [Performance and Quality Management: a Modular Program]. Moscow, Delo, 2001. 1408 p. (In Russ.).
2. Sokolova L.G. *Proizvoditel'nost': teoriya, izmerenie, problemy rosta* [Productivity: theory, measurement, growth problems]: monograph. Irkutsk, IGEA, 2000. 241 p. (In Russ.).

3. Magomedova M.Yu., Murtasalieva A.M. Benchmarking kak slagaemoe uspeshnoy strategii biznesa [Benchmarking as a component of successful business strategy]. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of economy structuring], 2012, no. 1, pp. 138-140. (In Russ.).
4. Sink D.C. *Upravlenie proizvoditel'nost'yu: planirovanie, izmerenie i ocenka, kontrol' i povyshenie* [Performance management: planning, measurement and evaluation, monitoring and improvement]. Moscow, Progress, 1989. 332 p. (In Russ.).
5. Kuchina E.V., Tashchev A.K. Metodologicheskie podhody k ocenke proizvoditel'nosti truda na mikrourovne [Methodological approaches to the assessment of labor productivity at the micro level]. *Bulletin of the SUSU. Series Economics and Management* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management], 2015, vol. 11, no. 2, pp. 42-47. (In Russ.).
6. Gagarinskiy A.V. Upravlenie proizvoditel'nostuy truda promyshlennogo predpriyatiya [Management by Labor Productivity on the industrial Enterprise]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Samara University. Series Economic and Management], 2013, no. 7, pp. 111-116 (In Russ.).
7. Abrosimova E.B., Sviridova L.W. Prinziipy i instrumenty berezhlivogo proizvodstva i vliaynie vovlechenosti personala na ikh vnedrenie [Principles and tools of lean manufacturing and the impact of staff involvement on their implementation]. *Vestnik PNIPU. Seriya Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the PNRPU. Series Social and Economic sciences], 2016, no. 4, pp. 288-298.
8. Barzeva R.Yu. Sovremennyye instrumenty upravleniya predpriyatiyem, personalom i proizvoditel'nost'yu truda [Modern tools of management, personell and labor productivity]. *Vektor nauki togliattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector Science of the Togliatti State University], 2012, no. 4(22), pp. 223-228. (In Russ.).
9. Hackman J.R., Oldham G.R. *Motivation though the design of work: Test of a theory. Organizational Behavior and Human Performance*, 1976. pp. 250-279.
10. Lawlor A. *Productivity improvement manual*. Aldershot, United Kingdom, Gower, 1985. Chap. 4.
11. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. <http://stats.oecd.org>
12. Nadreiva L.L. Proizvoditel'nost' truda v sfere uslug [Labor productivity in the service sector, education and science in the modern world]. *Innovacii* [Innovations], 2015, no 1, pp. 114-123 (In Russ.).
13. Khokhlov B.V. Proizvoditel'nost' truda v sfere uslug: ozenka, ismerenie, perspektivy rosta [Labor productivity in the service sector: assessment, measurement, growth prospects Labor and social relations]. *Trud i social'nye otnosheniya* [Labor and social relations], 2013, no. 9, pp. 41-49 (In Russ.).
14. Shash N.N., Borodin A.I. Indicators and methods for measuring labor productivity and the possibility of their use in enterprises [Pokazateli i sposoby izmereniya proizvoditel'nost' truda i vozmognosti ih primeneniya na predpriyatiyah]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Petrozavodsk State University], 2015, no. 3-1, pp. 96-101 (In Russ.).
15. Riggs J.L., Felix G.H. *Productivity by Objectives*. Englewood Cliffs (N. J.). PrenticeHall, 1983. IX, 260 p.
16. Kaplan R.S., Norton D.P. *The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action*. Boston, Harvard Business School Press, 1996.
17. Prahalad C.K., Hamel G. *The core competence of the corporation*. Harvard Business Review. 1990, vol. 68, no. 3, pp. 79-91.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОДСИСТЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ В ПРОЦЕССАХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПА

А. А. Алабугин, Н. С. Орешкина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается концептуальная модель операционного представления структуры подсистем предприятия, характеризующая процессы перехода к экономике постиндустриального типа. Модель представляет собой совокупность трех составляющих: элементы входов ресурсов и целей подсистем предприятий индустриального типа по характеристикам 3-4-го организационно-технологических укладов; процессы воздействия функционала подсистемы на устойчивость развития предприятия на этапах преобразований; элементы оценки выходов-результатов повышения качества управления в условиях предприятий постиндустриального типа по характеристикам 5-6-го укладов. Предложен состав основных подсистем предприятия, функционал которых воздействует на устойчивость его развития: производство, персонал, управление, финансы и маркетинг.

Ключевые слова: *устойчивость развития, подсистемы предприятия, корреляционный анализ, экономика постиндустриального типа.*

Задачи эффективного управления являются важнейшей составляющей рыночного механизма хозяйствования любой организации. В то же время современные предприятия вынуждены осуществлять свою деятельность в условиях ограниченности ресурсов, высокой рискованности составляющей окружающей среды и серьезной конкурентной борьбы. Решение вопросов повышения эффективности управления развитием предприятия становятся особенно актуальными в условиях динамичности процессов перехода к экономике постиндустриального типа, характеризующейся растущим применением высокотехнологичных результатов научно-технического прогресса.

Любую организацию можно представить как совокупность подсистем, каждая из которых реализует функциональное назначение, направленное на достижение общей цели [1]. Достижение указанной цели усложняется в условиях возрастающей скорости изменения внешней среды, характеризующей цифровую экономику. Поэтому задачи эффективного управления подсистемами являются актуальными для устойчивости развития любой организации. В связи с этим существует постоянная задача совершенствования методик системного подхода к исследованию структуры предприятия, его подсистем и соответствия этой структуры экономике постиндустриального типа.

Целью исследования является применение концептуальной модели операционного представления структуры подсистем предприятия, характеризующей

процессы перехода к экономике постиндустриального типа. При этом оценивается взаимная связь между подсистемами, составляющими структуру предприятия.

Современная наука считает каждое предприятие системой деятельности, то есть выделенным из общественно-экономической среды самоорганизующимся комплексом подсистем и элементов, связанных между собой цепью причинно-следственных взаимоотношений и управляемых на основе получаемой и передаваемой информации в целях получения конечного продукта [2]. Высокотехнологичные преобразования и их результаты снижают сбалансированность процессов в оценке согласованности взаимосвязей элементов такой системы и характеристик устойчивости ее развития.

Применительно к экономическим системам на протяжении долгого времени исследуются вопросы определения экономической устойчивости. В литературе представлен ряд авторских трактовок, характеризующих данное понятие. Например, В. И. Рошин определяет экономическую устойчивость как состояние динамического равновесия хозяйствующего субъекта, когда характеризующие его социально-экономические параметры при любых возмущениях внешней и внутренней среды сохраняют положение экономического равновесия на том или ином уровне [3]. Автор подчеркивает свойство динамичности данного понятия, указывает на возможность проявления возмущений как с внешней, так и из внутренней среды.

Научный интерес представляют трактовки данного понятия с учетом целеполагания системы предприятия. Данную точку зрения разделяет А. В. Шмидт, определяя экономическую устойчивость как «способность социально-экономической системы противостоять возмущениям в процессе ее движения к поставленной цели на основе предупреждающих управленческих воздействий, воздействий в контуре обратной связи и адаптационных процессов» [4].

Н. Н. Погостинская, Ю. А. Погостинский, Р. Л. Жамбекова также предлагают использовать целевой подход в трактовании понятия и вводят следующее определение: экономическая устойчивость — способность соответствовать сформированному вектору целей, а возможные неблагоприятные ситуации нейтрализовать адекватным откликом системы за счет созданных запасов и резервов [5]. В данном определении научный интерес представляет векторное отображение целей организации и его взаимосвязь с устойчивостью: предприятие устойчиво, если оно соответствует вектору целей, и неустойчиво — если не соответствует.

Направлением развития предприятия предлагается считать его переход от экономики индустриального типа к условиям цифровой экономики. Указанные изменения увеличивают дисбаланс факторов-вызовов среды с функциональными возможностями предприятия и подсистемами его структуры. В этой связи важно обеспечить соответствие состояния подсистем предприятия требованиям внешней среды, а также устойчивость структуры предприятия.

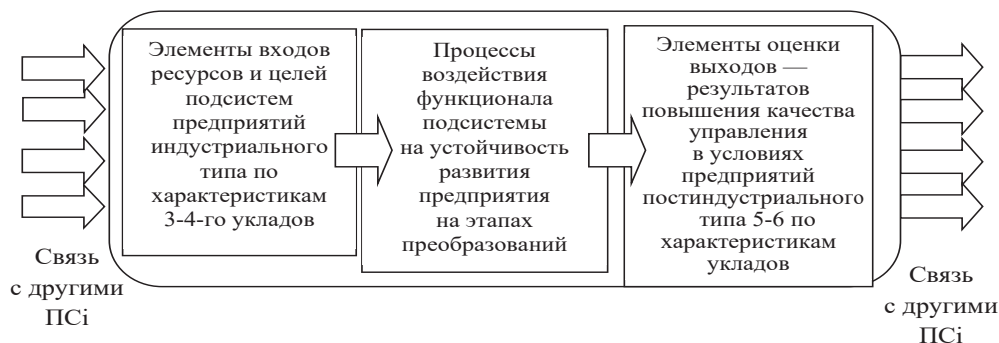
А. И. Карпович, А. В. Никифорова и А. Н. Полетайкин предлагают следующую трактовку структурной устойчивости: «Структурная устойчивость — это способность системы как сообщества экономических субъектов к самосохранению и самовоспроизводству; к сохранению своей целостности, организационного единства при наличии разных

(не вполне совпадающих) интересов субъектов, входящих в систему; к сохранению структуры как совокупности некоторых взаимосвязей самостоятельных составных частей целого, определяющего указанную систему» [6].

В настоящем исследовании структура системы предприятия рассматривается как совокупность подсистем. Под подсистемой (ПС_і) понимается часть экономической системы предприятия, находящаяся во взаимной устойчивой связи с другими подсистемами, обеспечивающими его целостность, совокупность которых определяется исходя из функций и целей системы.

В работе в качестве подсистем обоснованы определенные части структуры предприятия по их функционалам: «Производство», «Управление», «Персонал», «Маркетинг» и «Финансы». Выбор обозначенных подсистем основывается на том факте, что они представляют собой основные функциональные блоки предприятия [7]. Действительно, в результате изучения экономических показателей официальной статистики, связанных с предпринимательской сферой, можно сделать вывод, что большинство из них (технологическое развитие отраслей, фондоотдача, прирост числа рабочих мест, инвестиционная активность и пр. [8]) можно отнести к одной из пяти подсистем. Также в соответствии с теорией управления представленные подсистемы характеризуют конкретные функции управления [9]. Для описания структуры всех подсистем предлагается подход операционного представления структуры (см. рисунок).

Концептуальная модель представляет собой совокупность трех составляющих: элементы входов ресурсов и целей ПС_і предприятий индустриального типа по характеристикам 3-4-го укладов; процессы воздействия функционала подсистемы на устойчивость развития предприятия на этапах преобразований; элементы оценки выходов — результатов повышения качества управления в условиях предприятий постиндустриального типа 5-6 по характеристикам укладов

Операционное концептуальное представление структуры исследуемых подсистем предприятия

предприятий постиндустриального типа по характеристикам 5-6-го укладов. Степень взаимосвязи между подсистемами предлагается показывать толщиной стрелок: сильное влияние соответствует наиболее широкой стрелке, среднее — стрелке средней толщины и слабое — тонкой стрелке.

Представим структуру каждой ПС₁, используя модель, изображенную на рисунке (с. 176). К подсистеме «Производство» предлагается отнести следующие элементы входов ресурсов и целей производства: состояние основных производственных и оборотных фондов (ОПФ), соответствующее 3-4-му укладу, цель — производство востребованной на рынке продукции. Элементами оценки выходов-результатов являются повышение доли использования высокотехнологичных машин и оборудования и увеличение объема продукции, произведенной по новым технологическим принципам и методам управления. Это продукция нового технологического поколения, соответствующая требованиям цифровизации товаров. Входящие в структуру подсистемы процессы воздействия функционала включают: высокотехнологичные преобразования основных производственных фондов, обеспечение выпуска продукции с системным изменением технологических процессов, цифровое моделирование продуктов.

Функционал данной ПС₁ — непосредственное изготовление основной продукции предприятия. В структуре промышленного предприятия данная ПС₁ является основной, поскольку характеризует функционал максимального воздействия на устойчивость развития в долгосрочном периоде.

Для воздействия на данную ПС₁ необходима разработка методов регулирования воздействия функций управления и показателей их применения, методов обеспечения соответствия сформированному направлению целей устойчивости развития. ПС₁ «Производство» в равной степени подвержена влиянию и воздействует на ПС₁ «Персонал», «Финансы» и «Маркетинг» со средней силой. Сила воздействия на ПС₃ «Управление» слабая.

В современных условиях ПС₁ «Производство» находится под влиянием особенностей внешних воздействий цифровой экономики, радикальной сменой экономической парадигмы. Достаточно упомянуть кросс-отраслевой трансфер технологий и реверсивный инжиниринг для низкочувствительной модернизации техники низкого и среднего уровня инновационности, которые обуславливают радикальные изменения структур предприятия [10]. Экспоненциальный рост характерен для предпри-

ятий, занятых в цифровой экономике. В этой связи при переходе к данному типу экономики необходимо развивать методы работы в цифровой среде [11]. Повышение качества управления данной подсистемой при переходе к экономике постиндустриального типа позволяет повысить производственную мощность предприятия, технологический уровень, и, следовательно, уровень устойчивости развития предприятия.

В подсистему 2 «Персонал» предлагается включить элементы входов ресурсов и целей: преобладание доли сотрудников, соответствующих характеристикам предприятия индустриального типа, корпоративная культура индустриального общества, общепрофессиональные компетенции. Входящие в структуру процессы воздействия функционала включают адаптацию персонала к потребностям цифровой экономики, обучение и развитие персонала по направлениям формирования компетенций к инновационной деятельности и горизонтальным коммуникациям. Целью такого обучения является формирование и развитие «человека инновационного». Элементами оценки выходов-результатов включают повышение компетенции персонала к инновационной восприимчивости высоких технологий. Функционал ПС₂ — обеспечение предприятия совокупностью работников определенных категорий и профессий, занятых единой производственной деятельностью, направленной на достижение целей предприятия и собственных целей. В структуре промышленного предприятия данная ПС₂ является одной из самых важных подсистем, так как именно человек является основой производства, осуществляет управление средствами труда, руководит деятельностью предприятия и планирует ее.

Для воздействия на ПС₂ необходимы методы регулирования воздействий функций управления и показателей их применения, методы обеспечения соответствия сформированному направлению целей устойчивости развития. Взаимосвязи средней силы проявляются между ПС₂ «Персонал» и «Управление» и «Производство».

ПС₂ «Персонал» играет важную роль в постиндустриальной экономике, где особое внимание уделяется нематериальным составляющим производственного процесса. Так, Г. Греф обозначил: «Элементы системы управления разделили на hard skills (технические системы, процессы и навыки, связанные с выполнением задачи) и soft skills (человеческие навыки, обеспечивающие эффективность деятельности, включая лидерство, стиль

управления, корпоративную культуру). От состояния первой зависит 15% успеха, а вторая обеспечивает 85%» [12]. Поэтому человеческий капитал является основой эффективного управления предприятием при переходе к экономике постиндустриального типа.

К подсистеме «Управление» предлагается отнести элементы входов ресурсов и целей: профессиональные компетенции управленческих кадров, стратегические цели предприятия по переходу к экономике постиндустриального типа и цели согласованности подсистем при переходе к 5-6-му укладам. Входящие в структуру процессы воздействия функционала включают развитие компетенций в организации межфункциональных коммуникаций, внедрения высоких технологий, операционное управление на основе инновационных методов и инструментов, стратегическое планирование высокотехнологичного развития. Элементы оценки выходов-результатов включают повышение регулируемости взаимодействия подсистем предприятия, создание единого информационного пространства для автоматизации управления, повышение качества управления предприятием по показателям согласованности воздействий функционалов подсистем на устойчивость развития предприятия. Ее функционал — целенаправленное воздействие со стороны субъектов и органов управления на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их действия и получить желаемые результаты, а также определить содержание требований к ним и проконтролировать их исполнение.

Для воздействия на ПС3 необходимы методы регулирования воздействий функций управления и показателей их применения, методы, направленные на экономико-управленческую интеграцию воздействий внешней и внутренней среды, методы обеспечения соответствия сформированному направлению целей. В структуре промышленного предприятия ПС3 необходима, поскольку является неотъемлемой частью любой целенаправленной организации. В то же время требования цифровой экономики к качеству управления предполагают использование современных инструментов управления, интеллектуальных систем анализа и обработки информации (например, Project Expert, ERP, электронный документооборот, «Битрикс24», SPSS и пр.). Выполнение данного требования и эффективное управление подсистемой «Управление» позволяют повысить эффективность достижения целей предприятия и, следовательно, уровень устойчи-

вости его развития и перехода к экономике постиндустриального типа.

К подсистеме «Финансы» предлагается отнести элементы входов ресурсов и целей: наличие финансовых ресурсов для перехода предприятия от 3-4-го уклада к 5-6-му, финансовые цели развития предприятия по переходу к экономике постиндустриального типа. Входящие в структуру процессы воздействия функционала включают обеспечение использования финансовых ресурсов с применением цифровых технологий в текущих операциях, использование финансовых ресурсов в стратегических планах (проектах) перехода к экономике постиндустриального типа. Элементы оценки выходов-результатов: рост или стабильность стоимости компании, рост инвестиций в проекты высокотехнологичных преобразований, улучшение финансовых показателей под влиянием внедрения технологий индустрии 4.0.

Его функционал — совокупность экономических отношений в процессе создания, распределения и использования фондов денежных средств. В условиях перехода к 5-6-му укладам экономики высокотехнологичные внедрения тесно связаны с ПС4 «Финансы», как с инвестиционной составляющей, так и с доходной. Поэтому указанная подсистема имеет особое значение, так как предоставляет ресурсы для реализации преобразований и оценивает их экономический эффект. Сильная взаимосвязь представлена между ПС4 «Финансы», «Управление» и «Маркетинг».

Для воздействия на ПС4 необходимы методы регулирования воздействий функций управления и показателей их применения, методы обеспечения соответствия сформированному направлению целей устойчивости развития. Управление финансами на различных уровнях при переходе к экономике постиндустриального типа позволяет повысить качество финансового менеджмента посредством применения цифровых технологий.

К подсистеме «Маркетинг» предлагается отнести элементы входов ресурсов и целей — исходный ассортимент продукции предприятия индустриального типа и исходный уровень конкурентоспособности предприятия. Процессы воздействия функционала на устойчивость развития предприятия включают: реализацию товарной и сбытовой политики на основе информационных технологий для обеспечения межфункциональных коммуникаций, проведение анализа внешнего окружения по характеристикам 5-6-го укладов. При его проведении необходимо учитывать условия реальной и виртуальной экономической

среды [13]. Элементы оценки выходов-результатов представляют собой рост конкурентоспособности предприятия в условиях постиндустриальной экономики, повышение доли продукции, соответствующей уникальным потребностям экономики 5-6-го укладов. Такая продукция характеризуется повышенным уровнем кастомизации.

Функционал ПС5 «Маркетинг» — учет процессов, происходящих на рынке для принятия решений по планированию, ценообразованию, продвижению и распространению идей, товаров и услуг для удовлетворения нужд, потребностей и желаний отдельных лиц и организаций. Необходимость такой подсистемы в структуре предприятия обосновывается тем, что любое предприятие представляет собой открытую социально-экономическую систему, помещенную в рыночную среду, на управление взаимоотношениями с которой она направлена.

Для воздействия на ПС5 необходимы следующие методы: методы учета реализации в динамичной среде постиндустриальной экономики; методы регулирования воздействий функций управления и показателей их применения; методы обеспечения соответствия сформированному направлению целей устойчивости развития. Действительно, развитие информационных технологий при переходе к экономике постиндустриального типа предоставляет ряд возможностей для обеспечения эффективной маркетинговой деятельности (электронная коммерция, онлайн-реклама и пр.). В то же время ис-

пользование данных возможностей является необходимым условием для повышения уровня конкурентоспособности предприятия, востребованности продукции предприятия на рынке, что поднимает уровень устойчивости его развития.

Таким образом, в статье раскрыты следующие результаты научного исследования:

1. Применена концептуальная модель операционного представления структуры подсистем предприятия, характеризующая процессы перехода к экономике постиндустриального типа. Она представляет собой совокупность трех составляющих: элементы входов ресурсов и целей ПС_i предприятий индустриального типа по характеристикам 3-4-го укладов; процессы воздействия функционала подсистемы на устойчивость развития предприятия на этапах преобразований; элементы оценки выходов-результатов повышения качества управления в условиях предприятий постиндустриального типа по характеристикам 5-6-го укладов.

2. Отличие предложенной модели от существующих состоит в том, что она позволяет описать элементы и процессы подсистем предприятия, необходимые для его перехода к условиям цифровой экономики.

3. Модель имеет прикладной характер, так как направлена на развитие предприятия и его переход к 5-6-му организационно-технологическому укладу с учетом взаимной связи между подсистемами, составляющими структуру предприятия.

Список литературы

1. Анфилатов, В. С. Системный анализ в управлении : учеб. пособие / В. С. Анфилатов, А. А. Емельянов, А. А. Кукушкин : под ред. А. А. Емельянова. — М. : Финансы и статистика, 2002. — 368 с.
2. Организация производства и управление предприятием : учебник / О. Г. Туровец, В. Б. Родионов, М. И. Бухалков [и др.] ; под ред. О. Г. Туровца. — 2-е изд. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 544 с.
3. Рощин, В. И. Экономическая устойчивость предприятий и реализация их экономических интересов : автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. И. Рощин. — Чебоксары, 2000. — 22 с.
4. Шмидт, А. В. Управление развитием промышленного предприятия по экономическим критериям устойчивости / А. В. Шмидт : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2013. — 46 с.
5. Погостинская, Н. Н. Информационно-аналитическое обеспечение предпринимательской деятельности : учебник / Н. Н. Погостинская, Ю. А. Погостинский, Р. Л. Жамбекова. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 350 с.
6. Карпович А. И. Оценивание устойчивости социотехнических систем на примере рынка услуг связи / А. И. Карпович, А. В. Никифорова, А. Н. Полетайкин // Вестн. СибГУТИ. Новосибирск. 2017. — № 2. — С. 98—109.
7. Экономика предприятия : учебник / под ред. проф. Н. А. Сафронова. — М. : Юристъ, 2004. — 584 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 10.06.2019).
9. Гольдштейн, Г. Я. Основы менеджмента : учеб. пособие / Г. Я. Гольдштейн. — Изд 2-е, доп. и перераб. — Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2003. — 230 с.

10. Выступление Председателя ТК «Кибер-физические системы», руководителя программ АО РВК Н. Уткина «Индустрия 4.0. Цифровая трансформация» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wW4nFCcLRQ0> (дата обращения 10.06.2019).

11. Технологические инициативы 2035 Евгений Кузнецов и Андрей Иващенко [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=975BJjTex18> (дата обращения 10.06.2019).

12. Герман Греф — об оттоке денег среднего класса, неотложных реформах и о сокращениях в Сбербанке [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/characters/2015/05/28/594041-u-nastakogo-za-vsuyu-istoriyu-ne-sluchalos> (дата обращения 10.05.2019).

13. Литовченко, И. Л. Маркетинг в условиях дуальности современного промышленного рынка / И. Л. Литовченко // Науч. вестн. Херсон. гос. ун-та. Сер.: Экон. науки. — 2015. — № 10, ч. 3. — С. 60—63.

Сведения об авторах

Алабугин Анатолий Алексеевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. alabugin.aa@mail.ru

Орешкина Наталья Сергеевна — старший преподаватель, аспирант Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. oreshkinans@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 175—181.

A CONCEPTUAL REPRESENTATION OF THE STRUCTURE OF ENTERPRISE SUBSYSTEMS AND AN ASSESSMENT OF THE DEGREE OF THEIR RELATIONSHIP IN THE PROCESSES OF TRANSITION

A.A. Alabugin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. alabugin.aa@mail.ru

N.S. Oreshkina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. oreshkinans@bk.ru

The article discusses the conceptual model of the operational representation of the structure of enterprise subsystems, which characterizes the processes of transition to a post-industrial economy. The model is a combination of three components: elements of inputs of resources and goals of subsystems of industrial-type enterprises according to the characteristics of 3-4 organizational and technological structures; processes of the impact of the functionality of the subsystem on the sustainability of enterprise development at the stages of transformation; elements for evaluating the outputs and results of improving the quality of management in the conditions of post-industrial type enterprises according to the characteristics of 5-6 structures. The composition of the basic subsystems of the enterprise is proposed, the functionality of which affects the sustainability of its development: production, personnel, management, finance and marketing.

Keywords: *sustainability, enterprise subsystems, correlation analysis, post-industrial economy.*

References

1. Anfilatov V.S., Emelyanov A.A., Kukushkin A.A. *System analysis in management* [System analysis in management]. Moscow, Finance and Statistics, Publ. 2002. 368 p. (In Russ.).
2. Turovets O. G., Rodionov V. B., Bukhalkov M. I. *Organization of production and enterprise management* [Organization of production and enterprise management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 544 p. (In Russ.).
3. Roshchin V.I. *Ekonomicheskaya ustojchivost' predpriyatij i realizaciya ih ekonomicheskikh interesov* [Economic sustainability of enterprises and the implementation of their economic interests. Abstract of thesis]. - Cheboksary: ChuvSU named after I.N. Ulyanova., 2000. (In Russ.).
4. Schmidt A.V. *Upravlenie razvitiem promyshlennogo predpriyatiya po ekonomicheskim kriteriyam ustojchivosti* [Management of the development of an industrial enterprise by economic criteria of sustainability. Abstract of thesis]. Yekaterinburg, 2013. (In Russ.).

5. Pogostinskaya N.N. *Informacionno-analiticheskoe obespechenie predprinimatel'skoj deyatel'nosti: uchebnik* [Information and analytical support of entrepreneurial activity: textbook]. Nalchik, Elbrus Publ., 2008. 350 p. (In Russ.).
6. Karpovich A.I., Nikiforova A.V., Poletaykin A.N. Ocenivanie ustojchivosti sociotekhnicheskikh sistem na primere rynka uslug svyazi [Assessing the sustainability of sociotechnical systems using the example of the market for communication services]. *Vestnik SibGUTI. Novosibirsk* [Bulletin of SibGUTI. Novosibirsk], 2017, no. 2, pp. 98-109. (In Russ.).
7. Safronov N.A. *Business Economics* [Business economics]. Moscow, Lawyer Publ., 2004. 584 p. (In Russ.).
8. Federal State Statistics Service. Available at: <http://www.gks.ru>, accessed 10.06. 2019.
9. Goldstei G.Ya. *Management Basics* [Fundamentals of management]. Taganrog, Publishing house of TRTU Publ., 2003. 230 p. (In Russ.).
10. Speech by the Chairman of TC “Cyber-physical systems”, program manager of RVC JSC N. Utkin “Industry 4.0. Digital Transformation. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wW4nFCcLRQ0>, accessed 10.06. 2019.
11. Technological initiatives 2035 Evgeni Kuznetsov and Andrey Ivashchenko. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=975BJjTex18>, accessed 10.06. 2019.
12. German Gref — about the outflow of money of the middle class, urgent reforms and reductions in Sberbank. Available at: <https://www.vedomosti.ru/finance/characters/2015/05/28/594041-u-nas-takogo-za-vsyu-istoriyu-ne-sluchalos>, accessed 05.10.2019.
13. Litovchenko I.L. Marketing v usloviyah dual'nosti sovremennogo promyshlennogo rynka [Marketing in the duality of the modern industrial market]. *Nauchnyj vestnik Hersonskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie nauki* [Scientific Bulletin of Kherson State University. Series: Economic Sciences], 2015, no. 10, pt. 3. pp. 60-63. (In Russ.).

ТРЕНДЫ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В РОССИИ

Е. А. Сорокина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются тренды социальной ответственности бизнеса в России. Определена необходимость управления корпоративной социальной ответственностью. Установлено, что, придерживаясь политики социальной ответственности перед сотрудниками организации, бизнес проводит различные социальные проекты, делая значимый вклад в развитие страны, улучшает качество и условия жизни ее граждан. Раскрыт теоретический аспект социальной ответственности бизнеса; определены истоки ее концепции, нашедшие отражение в трудах А. Смита. Сделан вывод о том, что социальная ответственность бизнеса имеет многоуровневую систему, а работающие на сегодняшнем рынке компании имеют различия по мотивам принятия на себя уровней социальной ответственности. Проведен сравнительный анализ корпоративной социальной ответственности бизнеса ведущих компаний разных отраслей экономики России и США. Представлены направления: образование, медицина, культура и искусство, спорт, социальная защита пенсионеров и ветеранов, защита детей, жизнедеятельность сотрудников и окружающая среда.

Ключевые слова: *социальная ответственность бизнеса (СОБ), корпоративная социальная ответственность, концепция социальной ответственности бизнеса, уровни социальной ответственности, модель Арчи Кэрролла.*

Управление социально-экономическим развитием в современной экономической системе претерпевает определенные изменения. В настоящее время все большее значение приобретает социальный аспект, поскольку природа бизнеса по своей сути социальна. Все больше организаций приходят к пониманию необходимости развития в своей деятельности концепции социальной ответственности бизнеса.

Использование корпоративной социальной ответственности в управлении организацией является необходимым и перспективным направлением. Сегодня управление направлено на интересы разных групп — как своих сотрудников, партнеров по бизнесу, так и общества в целом. Влияние групп общества определяет уровень успешности компании, поэтому социальная ориентированность в менеджменте — нормальное явление в современном бизнесе. Если говорить о важности социальной ответственности в процессе выбора среди других параметров, то можно сделать вывод, что она приносит значительные преимущества для бизнеса. Управление корпоративной ответственностью бизнеса является необходимым фактором развития компании, способствующим увеличению прибыли, ускорению темпов роста, сокращению операционных расходов, увеличению производительности труда, повышению конкурентоспособности продукции и услуг, улучшению бренда и репутации компании и т. д.

Проблема социальной ответственности бизнеса занимает устойчивую позицию, обсуждаемую на проводимых форумах, презентациях, дискуссиях и других мероприятиях, организуемых в России и за рубежом. Внимание к этой теме не случайно, поскольку в условиях развития регулируемой рыночной экономики главной составляющей в системе отношений хозяйствующих субъектов Российской Федерации выступает взаимодействие государства и бизнеса.

Данная проблема отражена в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ. В нем говорится о значимости социальной ответственности бизнеса, отмечено, что успех корпораций является устойчивым, если деятельность компаний нацелена на перспективное будущее и связана с реальными потребностями общества.

Ю. А. Баранова в своих трудах отмечает, что понятие «корпоративная социальная ответственность» раньше применялось к крупным компаниям, однако после стало использоваться для всего бизнеса в целом [1]. Проблема социальной ответственности бизнеса в настоящее время все чаще обсуждается как в научных кругах, так и в политической жизни общества. Общепринятым становится утверждение, что любая социально-экономическая система обязана развивать и поддерживать социальную ответственность на высоком уровне.

Предпосылки зарождения концепции СОБ начинаются в трудах ученых-экономистов, таких

как А. Смит, Д. Рикардо, М. Фридман, П. Хейне и др. По их мнению, вмешательство в экономику должно иметь минимальный характер. Адам Смит, являясь родоначальником базовых принципов экономической науки, в своих трудах рассматривал проблему взаимодействия частных и общественных интересов. Придерживаясь политики социальной ответственности перед сотрудниками организации, бизнес проводит различные социальные проекты, делая значимый вклад в развитие страны, улучшает качество и условия жизни ее граждан. Адам Смит выделял в основе экономические интересы людей, показывая их значение [3].

При рассмотрении точек зрения по поводу социальной ответственности разных ученых можно выделить доводы «за» и «против» социальной ответственности бизнеса.

М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури в своей точке зрения указывают в негативных фактах расходы организации на социальную ответственность, низкий уровень отчетности и неспособность решать социальные проблемы (рис. 1). Мы считаем, что данные сложности вполне можно разрешить с помощью правильного использования финансов на социальные цели.

Мнение А. А. Радугина (рис. 2) отражает более современные требования общества. В результате снижения действия социальной ответственности общество будет действовать, выполняя социальные программы. Государство должно контролировать планирование и осуществление процессов социальной ответственности бизнеса, в противном случае расслоение общества по уровню доходов и качеству

Доводы «за»
<ul style="list-style-type: none"> • При выполнении производителями обязательств перед обществом в долгосрочной перспективе приносит прибыль самой фирме • Осуществление социальных проблем может быть прибыльным • Социальная ответственность перед обществом — это требование этики, ибо может наступить юридическая ответственность • Ведение бизнеса в соответствии с законодательством — это поддержка правового общества. Это подчеркивает тесную связь и взаимоотношения юридические, этические и экономические аспекты социальной ответственности

Доводы «за»
<ul style="list-style-type: none"> • Положительные перспективы для бизнеса, имеющие долгосрочный характер • Изменение потребностей и ожиданий широкой публики • Возможность оказать помощь в решении социальных проблем при наличии необходимых ресурсов • Социально ответственное моральное обязательство

Доводы «против»
<ul style="list-style-type: none"> • Нарушение принципа социальной ответственности • Расходы на социальную вовлеченность • Недостаточный уровень отчетности широкой публике • Недостаток умения разрешать социальные проблемы

Рис. 1. Доводы «за» и «против» социальной ответственности бизнеса
М. Х. Мескона, М. Альберта, Ф. Хедоури [4]

жизни будет меняться в худшую сторону, и это приведет к социальным взрывам в обществе [6].

Рассматривая отношения авторов к социальной ответственности организаций, можно сделать следующие выводы:

- доводы схожи между собой в том, что организации имеют дальнейшую заинтересованность;
- ответственность юридическая, экономическая и этическая связаны между собой;
- необходимо обеспечение ресурсами для осуществления социальной ответственности.

СОБ носит многоуровневый характер (рис. 3). На сегодняшний день компании на рынке имеют различия по мотивам принятия на себя уровней социальной ответственности. Среди мотивов выделяют:

- развитие собственного персонала, позволяющее исключить текучку кадров и привлечь лучших специалистов;
- повышение производительности труда;
- улучшение имиджа компании; рекламирование товаров и услуг; доведение деятельности компании до средств массовой информации и т. д. [7].

В развитых странах политика социальной ответственности является неотъемлемой частью деятельности компании. Это реакция предпринима-

тельства на обострившиеся социальные противоречия между трудом и капиталом, мировым сообществом и деятельностью компаний. Социальное направление бизнеса призвано смягчить возникшие противоречия и поднять его престиж, на это сделан упор В. И. Бархатовым, Д. С. Бенц, Ю. Ш. Капкаевым [2].

С целью анализа развития социальной ответственности бизнеса, была изучена деятельность

Доводы «против»
<ul style="list-style-type: none"> • При отсутствии активного участия бизнеса в решении социальных проблем общество потребует их решать путем использования различных методов воздействия • Решение социальных проблем должно находиться в компетенции правительства. Однако есть мнение, что участие фирмы в решении социальных проблем в конечном итоге уничтожает функциональные различия между сферой деятельности бизнеса и правительства • Социальные программы не могут точно измерить эффект социальных инвестиций • Социальная активность фирмы расплывчат усилению, которые должны быть направлены на достижение основных целей любого бизнеса

Рис. 2. Доводы «за» и «против» социальной ответственности бизнеса
А. А. Радугина [5]

Рис. 3. Уровни социальной ответственности

ведущих компаний из различных отраслей экономики США и России, реализующих политику корпоративной социальной ответственности (табл. 1 и 2).

По данным табл. 1 видно, что стремление к экологической безопасности и забота о собственных сотрудниках являются наиболее распространенными направлениями корпоративной социальной ответственности. Для достижения высокого уровня в бизнесе необходимы квалифицированные кадры, их нужно либо привлекать выгодными условиями, либо удерживать имеющихся. Большое внимание уделяется компаниям — разработчикам программного обеспечения, цифровой техники, а также компа-

ниям Coca-Cola и PepsiCo. Для ресторанов быстрого питания и социальных сетей разрабатывается меньше социальных программ. Редко наблюдается спонсорство и поддержка культуры и здравоохранения.

Рассмотрим направления корпоративной социальной ответственности ведущих российских компаний. По данным табл. 2 мы видим, что наибольшее количество социальных программ проводят Сбербанк, «ЛУКОЙЛ», «Ростелеком», «Газпром», «АК Барс», «ВТБ 24». Меньшее количество показывают «МТС», «ВымпелКом», «КАМАЗ», «Трансаэро».

Анализ показывает, что компании США и России в своей деятельности придерживаются корпоративной социальной ответственности.

Таблица 1

Направления деятельности американских компаний в области КСО [8—17]

Компания	Благотворительность	Спонсорство	Экология	Общество	Здравоохранение	Образование	Спорт	Культура	Волонтерство	Сотрудники
Google	+		+	+		+		+	+	+
Starbucks			+	+	+		+			+
Procter&Gamble	+		+			+				+
Facebook	+			+						+
Microsoft	+		+		+	+				+
Apple	+	+	+					+		+
IBM	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Intel			+		+	+			+	+
ASUS		+	+			+				
PepsiCo	+	+	+	+				+	+	+
Chrysler Group LLC	+		+				+			+
ExxonMobil			+			+		+		+
Chevron			+	+	+	+				+
Coca-Cola	+	+	+	+	+	+	+			+
Tiffany&Co	+		+					+	+	
McDonalds	+		+	+	+			+		
Ford			+				+	+	+	
Chevrolet	+		+				+			
Canon		+	+	+		+	+			+
Wal-Mart	+			+			+		+	+
Blizzard Entertainment	+			+		+			+	+

Таблица 2

Направления деятельности российских компаний в области КСО [18—32]

Компания	Образование	Медицина	Культура и искусство	Спорт	Пенсионеры и ветераны	Поддержка детей	Сотрудники	Окружающая среда
НК «Лукойл»	+	+	+	+	+	+	+	+
НК «Роснефть»		+	+	+	+		+	+
«Газпром»	+	+	+	+		+	+	+
«МТС»	+		+	+		+	+	+
«Ростелеком»	+	+	+	+	+	+		+
«ВымпелКом»		+		+	+	+	+	+
«Мегафон»	+		+	+		+		+
Авиакомпания «Трансаэро»		+	+	+	+		+	
«Аэрофлот»	+	+	+	+	+	+	+	
«Сбербанк России»	+	+	+	+		+	+	+
«АК Барс»	+	+	+	+	+	+	+	+

Особенно это представлено в нефтедобыче и нефтепереработке. Российские компании стараются работать по международным стандартам в области корпоративной социальной политики: осуществляют социальные и благотворительные проекты, делая значимый вклад в развитие страны, улучшают качество и условия жизни граждан [32].

Таким образом, на сегодняшний день эффективность социально-экономического развития может быть существенно улучшена благодаря

повышению степени социальной ответственности бизнеса. Управление корпоративной социальной ответственностью бизнеса будет способствовать гармоничным отношениям со всеми заинтересованными сторонами. Компании станут наиболее привлекательными для инвесторов, что повлечет за собой дополнительные инвестиции, способствующие полноценному развитию и получению прибыли.

Список литературы

1. Баранова, Ю. А. Социальная ответственность бизнеса: теоретический аспект / Ю. А. Баранова // Вестн. МГУКИ. — 2012. — № 4 (48).
1. Бархатов, В. И. Крупный и средний бизнес России: соотношение сил, несовершенство межрегиональных взаимодействий / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц, Ю. Ш. Капкаев // XXI век: новая реальность социально-экономического развития мира и России. — М. ; Тамбов, 2018. — С. 258—265.
2. Смит, А. Исследование и природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Соцэкгиз, 1962.
3. Максимцова, М. М. Менеджмент : учеб. для вузов / М. М. Максимцова, М. А. Комарова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА : Единство, 2002.
4. Радугин, А. А. Основы менеджмента : учеб. пособие для вузов / А. А. Радугин. — М. : Центр, 1998.
5. Социальная ответственность бизнеса / А. А. Головин, М. А. Пархомчук, Д. В. Андросов, А. Ю. Чжан-Сен // Вестн. Курс. гос. с.-х. академии. — 201. — № 10.
6. Иванов С. Ю. Социальная ответственность бизнеса: содержание и пути реализации / С. Ю. Иванов, А. С. Иванов // Труд и соц. отношения. — 2008. — № 7.
7. Цель компании Google [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.google.com/about/company/> (дата обращения 17.03.2019).
8. Отчет о международной ответственности [Электронный ресурс]. — URL: http://starbuckscoffee.ru/_Social+Responsibility/ (дата обращения 17.03.2019).
9. Концепция социальной ответственности [Электронный ресурс]. — URL: http://www.microsoft.com/ruru/news/inside_ms.aspx (дата обращения 17.03.2019).
10. Настоящие инновации меняют мир без вреда для планеты [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.apple.com/ru/environment/> (дата обращения 17.03.2019).
11. Корпоративная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ibm.com/smarterplanet/ru/ru/business_resilience_management/overview/index.html?re=sph (дата обращения 17.03.2019).

12. Intel и спорт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intel.ru/content/www/ru/ru/homepage.html> (дата обращения 17.03.2019).
13. Политика социальной ответственности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.coca-colarussia.ru/> (дата обращения 17.03.2019).
14. Корпоративная социальная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: <http://mcdonalds.ru/> (дата обращения 17.03.2019).
15. Социальные программы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ford.ru/AboutFord/FordRus> (дата обращения 17.03.2019).
16. Корпоративная социальная ответственность в меняющемся мире [Электронный ресурс]. — URL: http://www.canon.ru/About_Us/sustainability/index.aspx (дата обращения 17.03.2019).
17. Социальная политика и окружающая среда [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_263_.html# (дата обращения 17.03.2019).
18. Корпоративная культура и окружающая среда [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosneft.ru/Development/>. (дата обращения 17.03.2019).
19. Социальная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gazprom.ru/social/> и <http://www.gazprom.ru/nature/environmental-protection/#water> (дата обращения 17.03.2019).
20. Социальная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: http://www.company.mts.ru/comp/social_responsibility/ (дата обращения 17.03.2019).
21. Новости соотответственности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rostelecom.ru/social/news/> (дата обращения 17.03.2019).
22. Корпоративная социальная ответственность Билайн [Электронный ресурс]. — URL: <http://about.beeline.ru/responsibility/index.wbp/> (дата обращения 17.03.2019).
23. Социальный отчет МегаФона [Электронный ресурс]. — URL: http://corp.megafon.ru/sotsialnaya_otvetstvennost/?_ga=1.218085779.483698537.1389442804 (дата обращения 17.03.2019).
24. Корпоративная волонтерская программа [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.transaero.ru/ru/company/investors> (дата обращения 17.03.2015).
25. Стратегический отчет. Обзор бизнеса [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.aeroflot.ru/cms/about> (дата обращения 17.03.2019).
26. Корпоративная культура Сбербанка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sberbank.ru/moscow/ru/about/philanthropy/> (дата обращения 17.03.2019).
27. Социальный отчет [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.akbars.ru/about/charity/> (дата обращения 17.03.2019).
28. Социальная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vtb24.ru/about/charity/Pages/default.aspx?geo=moscow> (дата обращения 17.03.2019).
29. Политика в области корпоративной социальной ответственности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bm.ru/ru/about/blagotvoritelnost/karty-dlja-blagotvoritelnosti/> (дата обращения 17.03.2019).
30. Социальная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kamaz.ru/ru/company/social/> (дата обращения 17.03.2019).
31. Приоритетные социальные программы [Электронный ресурс]. — URL: <http://gazgroup.ru/social/priority/> (дата обращения 17.03.2019).
32. Дохолян, С. Б. Корпоративная социальная ответственность бизнеса в России и в США / С. Б. Дохолян // Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и упр. — 2014. — № 2 (8).

Сведения об авторе

Сорокина Елена Анатольевна — доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 182—188.*

TRENDS IN CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS IN RUSSIA

E.A. Sorokina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The article discusses trends in business social responsibility in Russia. The need for corporate social responsibility management is identified. It has been established that, adhering to the policy of social responsibility before the organization's employees, the business carries out various social projects, making a significant contribution to the development of the country, improves the quality and living conditions of its citizens. The theoretical aspect of business social responsibility is disclosed; the sources of the concept of social responsibility of business are identified, which are reflected in the works of A. Smith, where it is indicated that society is subject to some regular process, as a result of which there is a connection between private and public interest. It is concluded that the social responsibility of a business has a multi-level system, and the companies operating in the current market have differences in terms of accepting the levels of social responsibility. A comparative analysis of corporate social responsibility of the business of leading companies in various sectors of the economy of Russia and the United States. The following areas were considered: education, medicine, culture and art, sports, social protection of pensioners and veterans, child protection, employees' livelihoods and the environment.

Keywords: *business social responsibility, corporate social responsibility, business social responsibility concept, levels of social responsibility, Archie Carroll model.*

References

1. Baranova Yu.A. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa: teoreticheskiy aspekt [Social responsibility of business: theoretical aspect]. *Vestnik MGUKI* [Vestnik MGUKI], 2012, no. 4 (48). (In Russ.).
2. Barkhatov V.I., Bents D.S., Kapkayev Yu.Sh. Krupnyy i sredniy biznes Rossii: sootnosheniye sil, nesovershenstvo mezhhregional'nykh vzaimodeystviy [Large and medium-sized businesses in Russia: balance of power, imperfection of inter-regional interactions]. *XXI vek: novaya real'nost' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya mira i Rossii* [XXI century: a new reality of the socio-economic development of the world and Russia]. 2018. Pp. 258-265. (In Russ.).
3. Smit A. *Issledovaniye i prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on both the nature and causes of wealth of nations]. Moscow, Sotsekgiz, 1962. (In Russ.).
4. Maksimtsova M.M., Komarova M.A. *Menedzhment* [Management]. Moscow, YUNITI-DANA, Yedinstvo Publ., 2002. (In Russ.).
5. Radugin A.A. *Osnovy menedzhmenta: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Fundamentals of management: a textbook for universities]. Moscow, Tsentr Publ., 1998. (In Russ.).
6. Golovin A.A., Parkhomchuk M.A., Androsov D.V., Chzhan-Sen A.YU. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa [Social responsibility of business]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of Kursk State Agricultural Academy], 2010, no. 1. (In Russ.).
7. Ivanov S.Yu., Ivanov A.S. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa: sodержaniye i puti realizatsii [Social responsibility of business: content and ways of implementation]. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations], 2008, no. 7.
8. *Cel' kompanii Google*. Available at: <http://www.google.com/about/company/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
9. *Otchetomezhdunarodnoj otvetstvennosti*. Available at: http://starbuckscoffee.ru/ru/_Social+Responsibility/, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
10. *Koncepciya social'noj otvetstvennosti*. Available at: http://www.microsoft.com/ruru/news/inside_ms.aspx, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
11. *Nastoyashchie innovacii menyayut mir bez vreda dlya planety*. Available at: <http://www.apple.com/ru/environment/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).

12. *Korporativnaya otvetstvennost'*. Available at: http://www.ibm.com/smarterplanet/ru/ru/business_resilience_management/overview/index.html?re=sph, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
13. *Intel i sport*. Available at: <http://www.intel.ru/content/www/ru/ru/homepage.html>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
14. *Politika social'noj otvetstvennosti*. Available at: <http://www.coca-colarussia.ru/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
15. *Korporativnaya social'naya otvetstvennost'*. Available at: <http://mcdonalds.ru/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
16. *Social'nye programmy*. Available at: <http://www.ford.ru/AboutFord/FordRus>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
17. *Korporativnaya social'naya otvetstvennost' v menyayushchemsya mire*. Available at: http://www.canon.ru/About_Us/sustainability/index.aspx, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
18. *Social'naya politika i okruzhayushchaya sreda*. Available at: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_263_.html#, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
19. *Korporativnaya kul'tura i okruzhayushchaya sreda*. Available at: <http://www.rosneft.ru/Development/>. (accessed 17.03.2019) *Social'naya otvetstvennost'*. Available at: <http://www.gazprom.ru/social/> i <http://www.gazprom.ru/nature/environmental-protection/#water>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
20. *Social'naya otvetstvennost'*. Available at: http://www.company.mts.ru/comp/social_responsibility/, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
21. *Novosti socotvetstvennosti*. Available at <http://www.rostelecom.ru/social/news/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
22. *Korporativnaya social'naya otvetstvennost' Bilajn*. Available at: <http://about.beeline.ru/responsibility/index.wbp/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
23. *Social'nyj otchet MegaFona*. Available at: http://corp.megafon.ru/sotsialnaya_otvetstvennost/?_ga=1.218085779.483698537.1389442804, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
24. *Korporativnaya volonterskaya programma*. Available at: <http://www.transaero.ru/ru/company/investors>, accessed 17.03.2015. (In Russ.).
25. *Strategicheskij otchet. Obzor biznesa*. Available at: <http://www.aeroflot.ru/cms/about>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
26. *Korporativnaya kul'tura Sberbanka*. Available at: <http://www.sberbank.ru/moscow/ru/about/philanthropy/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
27. *Social'nyj otchet*. Available at: <http://www.akbars.ru/about/charity/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
28. *Social'naya otvetstvennost'*. Available at: <http://www.vtb24.ru/about/charity/Pages/default.aspx?geo=-moscow>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
29. *Politika v oblasti korporativnoj social'noj otvetstvennosti*. Available at: <http://www.bm.ru/ru/about/blagotvoritelnost/karty-dlja-blagotvoritelnosti/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
30. *Social'naya otvetstvennost'*. Available at: <http://www.kamaz.ru/ru/company/social/>, accessed 17.03.2019. (In Russ.).
31. *Prioritetnye social'nye programmy*. Available at: <http://gazgroup.ru/social/priority/>, accessed 17.03.2019.
32. Dokholyan S.B. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v Rossii i v SSHA [Corporate social responsibility of business in Russia and in the USA]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management], 2014., no. 2 (8). (In Russ.).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ECONOMIC EDUCATION

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 189—194.

УДК 338.24
ББК 65.291.21

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10921

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ «ЗАКОНЫ» В ПРАКТИКЕ РАЗРАБОТКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Излишнее увлечение формальными методами при принятии решений опасно для любой организационной системы, поскольку приводит к ее редукции и деградации. На другом краю методологии принятия решений — экспертные методы и эвристические правила, обычно не имеющие под собой четкого алгоритма. Эффективный менеджер должен владеть и теми и другими методами. Приводятся результаты критического анализа распространенных эвристических правил, широко используемых как в практике управленческой деятельности, так и в объяснении провалов разработанных решений. Особое внимание уделяется возможности применения этих законов при разработке управленческих решений.

Ключевые слова: закон Мерфи, закон Паркинсона, принцип Питера, принцип Дилберта, управленческие решения, эвристика.

Как написал В. Гюго, «никакая армия не сравнится с силой идеи, время которой пришло». И именно этим можно объяснить широкую популярность, в том числе в научном сообществе, различных «ненаучных» законов и правил, которые объясняют нам, как устроен мир вообще, а также механизмы и последствия принятия управленческих решений в частности. Речь идет о «принципе Питера», «законах Мерфи», «законе Паркинсона» и их следствиях и уточнениях, в большом количестве представленных и в книжных магазинах, и на просторах Интернета. Сегодня научное знание в социальных науках становится все более и более «общим» и все менее классически научным, что означает допустимость и такой вольной трактовки «законов» устройства общества и человеческого поведения. Иными словами, для успешной работы руководителя важно не только знать строгие теории и математические модели, но и знать и учитывать в своей деятельности выведенные путем простого обобщения эвристические закономерности, тоже гордо именуемые «законами». На самом деле грань между этими закономерностями и теми законами, что считались ранее доказанными (закон спроса, закон рыночного равновесия, железный закон заработной платы, закон Сэя, закон денежного обращения), не столь велика, как это может показаться. За последние годы эти законы не раз опровергались и обраста-

ли уточнениями и ограничениями. Единственная принципиальная разница между классическими экономическими законами и упомянутыми выше «самозванцами» — это наличие логического их объяснения, данного исходя из определенных предпосылок и упрощений реальности.

Целью статьи является критический обзор существующих эвристических правил, претендующих на высокое звание «законов», которые часто применяются в управленческой деятельности, и возможности их эффективного использования.

Начнем с закона Мерфи (см. [1] и [2]). Немного предыстории. Закон Мерфи («Если что-то может пойти не так, так и будет») родился на авиабазе Эдвардс в 1949 г. Он был назван в честь капитана Эдварда А. Мерфи, инженера, работающего над проектом ВВС США, направленным на изучение способности человека выдерживать внезапное замедление (прежде всего в ходе различных нештатных ситуаций). Однажды, обнаружив, что созданный им датчик подключен неправильно (и из-за этого дорогостоящее испытание оказалось под угрозой срыва), он отчитал ответственного за это техника и сказал: «Если есть какой-то способ сделать это неправильно, он найдет его».

Руководитель подрядчика проекта в тогда составлял список таких же афоризмов, услышанных в процессе выполнения данного проекта, и добавил этот,

который назвал «законом Мерфи». На самом деле и до Мерфи многие люди в разных ситуациях приходили к сходному выводу, он же просто дал ему лаконичную форму, имя и популяризовал. Днем, когда Мерфи проснулся знаменитым, считается день пресс-конференции испытателя доктора Джона Пола Стэппа, который удачно провел эксперимент с замедлением в 40 G. Он сказал, что их хорошие показатели безопасности в проекте были обусловлены твердой верой в закон Мерфи и в необходимость попытаться обойти его. Аэрокосмические производители подхватили его и широко использовали в своих рекламных объявлениях в течение следующих нескольких месяцев, и вскоре его цитировали во многих новостях и журнальных статьях. Так официально родился закон Мерфи. К нему сам доктор Стэпп добавил свой иронический парадокс, названный его именем и продолжающим закон Мерфи: «Универсальная способность к неумелости делает любое человеческое достижение невероятным чудом» [3]. Многие авторы упражняются в остроумии, генерируя в большом количестве «следствия» закона Мерфи и его интерпретаций применительно к различным сферам человеческой жизни. Вот лишь ряд из них (специально отобраны варианты, редко встречающиеся в переводе на русский язык):

1. Предоставленные самим себе дела, как правило, идут от плохого к худшему.
2. Если все идет хорошо, вы явно что-то не замечаете.
3. Скрытый недостаток никогда не остается скрытым надолго.
4. Ситуация ухудшается под давлением (закон термодинамики Мерфи).
5. Все занимает больше времени, чем вы думаете (Закон Хофштадтера).
6. Разборчивость копии обратно пропорциональна ее важности.
7. Вероятность того, что хлеб упадет маслом вниз, прямо пропорциональна стоимости ковра, на который он упадет (модификация «закона бутерброда»).
8. После того как вы купили замену вещи, которую потеряли и искали везде, вы найдете ее.
9. Соседняя очередь (полоса в пробке) всегда движется быстрее.
10. Когда сломанный прибор демонстрируется ремонтнику, он будет работать отлично.
11. В любой конкретной ситуации люди будут действовать так, чтобы показать максимально возможное количество глупости для этой ситуации.

В Великобритании ту же самую закономерность называют законом подлости (Sod's law; собственно, и у нас в России используется тот же термин, наряду с «законом бутерброда») и также приводят его уточнение, «закон Финагла» (Finagle's law): «Если что-то может пойти не так, так и будет, и в самое неподходящее время». Из этой фразы повторяемой многими авторами, выросло целое шутовское псевдофилософское учение, пародирующее экзистенциализм — «Резистенциализм», учение о «подлости неодушевленных вещей». Более того, в современной научной фантастике идея о действии этого закона получает достаточно широкое развитие и множественные интерпретации, в том числе предположение о существовании параллельной вселенной, которая «ворует» у нас микроскопический процент вероятности совершения «хороших» событий, в результате чего мы живем во вселенной «неверзения», а обитатели параллельного мира, напротив, удачливы во всем. При всей метафизичности и нереалистичности таких умозаключений само их наличие и укоренение в масс-культуре позволяет предположить, что существуют действительные, не имеющие отношение к параноидальному бреду причины такого положения дел.

Каким же может быть рациональное объяснение «закона Мерфи»? Дело может быть в следующем: большинство ситуаций, «верифицирующих» этот закон, особенно при принятии управленческих решений, не имеют объективно вычислимой вероятности успеха или неудачи (так же, как при подбрасывании монеты или при игре в кости). Вероятность же успеха более сложных проектов определяется всегда субъективно и складывается из таких же субъективных оценок образующих их более простых задач. И в каждой из них субъективная оценка оказывается чуть более оптимистичной, чем следовало бы. Это происходит по множеству причин, описанных ранее у Д. Канемана [5] и Х. А. Марины [6], а также в авторской работе [7]. Таким образом, мы изначально относимся к вероятности неудачи недостаточно объективно, занижаем ее в своем сознании по разным причинам, и внутренним (большинство руководителей крайне самоуверенны), и внешним, когда «советники» предоставляют успокаивающую информацию. И в результате, когда наши оптимистичные ожидания сталкиваются с реальностью, мы с удивлением обнаруживаем, что природа «играет против нас».

Еще дальше пошли некоторые исследователи, которые выводят «формулы» для закона Мерфи. Первый ее вариант принадлежит троим ученым —

К. Leyser, D. Lewis и P. Obadya, работавшим по заказу компании British Gas. В результате масштабного эмпирического исследования «жертв закона подлости» были определены факторы, влияющие на вероятность того, что этот закон будет действовать против вас в конкретной ситуации. Перечислим эти факторы: 1) срочность задачи (U — от англ. Urgency); 2) сложность проблемы (C — Complexity); 3) важность решения проблемы (I — Importance); 4) уровень квалификации исполнителей (S — Skills); 5) частота решения этой проблемы (F — Frequency); и 6) степень раздражительности (A — Aggravation). Все факторы измеряются экспертными методами, по шкале от 1 (минимальное значение) до 9 (наивысшее). Формула для расчета предлагается следующая:

$$FP = A * \frac{(U + C + I) * (10 - S)}{20} * \frac{1}{1 - \sin(\frac{F}{10})}$$

Таким образом, в результате расчета получается оценка вероятности неудачи (failure probability) при реализации решения. Рассмотрим крайние и некоторые типичные случаи применения этой формулы. Как можно видеть из таблицы ниже, формула оценивает вероятность того, что закон Мерфи будет выполняться, практически нулевой для простой, несрочной, неважной и редкой проблемы, при том что команда опытна и компетентна, а руководитель нераздражителен (вариант расчета 1). При средних значениях всех перечисленных факторов (вариант 2) вероятность становится равной 36%, а при возрастании срочности сложности и важности до максимума при одновременном ухудшении навыков может даже превышать 100%, то есть провал гарантирован (вариант 3). Варианты с 4-го по 8-й отражают изменения в значениях формулы при изменении частоты повторения решения. Чем чаще оно повторяется, тем при прочих равных вероятность неудачи выше, то есть составители формулы очевидно имеют в виду совокупную вероятность провала. Например, если вы каждый день ездите на работу, то вероятность застрять в пробке для вас

выше, чем для того, кто ездит тем же маршрутом время от времени. Неочевидный фактор; лучше было бы интегрировать в формулу ту же «частоту», но с другим значением — когда какое-либо решение реализуется чаще, вероятность ошибиться в его выполнении меньше, — помогает опыт. Тем не менее, как утверждают составители формулы, и с этим можно согласиться, наиболее важным направлением ее практического использования будет качественный самоанализ перед принятием решения: если задача сложна, а квалификация слаба, откажитесь от выполнения задачи, не затягивайте выполнение важных задач, особенно тех, которые часто повторяются и т. п.

Вторым эвристическим правилом, объясняющим как управленческие решения, так и их последствия, является «закон Паркинсона», названный так именем сформулировавшего его в сатирической статье (крайне редкой для научного журнала) С. Паркинсон [11]. Звучит закон просто: «Работа заполняет все время, отпущенное на нее». Подобно автору каждый из нас может вспомнить не один пример того, как этот закон находил свое подтверждение на практике. Каждый студент помнит, как затягивал написание курсовой до последнего дня, многие работники откладывают «на потом» начало выполнения какого-либо нудного задания, и едва-едва успевают к дедлайну. Объясняя этот закон, автор опирается на свое скептическое отношение к принципам, лежащим в основе принимаемых решений, — «чиновник стремится множить подчиненных, а не соперников» и «чиновники создают работу друг для друга». Эти тезисы подтверждаются сравнительной статистикой изменения бюрократии и масштабов деятельности различных организаций. Также он приводит в пример действующую в Британии систему отбора кадров (непотическую по своей сути и продолжающую порождать целый класс бюрократов), британскую же палату лордов, постепенно разросшуюся от 5 (в Средние века) до 850¹ (в 1952 г.) человек и порождающую внутри

¹ На 2019 г. — 794 чел.

Варианты расчета значений формулы вероятности неудачи — интерпретация закона Мерфи

Фактор	Варианты расчета							
	1	2	3	4	5	6	7	8
U — срочность	1	5	9	7	7	7	7	7
C — сложность	1	5	9	3	3	3	3	3
I — важность	1	5	9	6	6	6	6	6
S — навыки команды	9	5	1	6	6	6	6	6
F — частота решения проблемы	1	5	5	1	3	5	7	9
A — степень раздражительности	1	5	7	6	6	6	6	6
FP, %	0.2	36.0	163.4	21.3	27.3	36.9	54.0	88.6

себя более мелкие органы, способные к управленческой деятельности. Сейчас (в момент написания статьи автором) такая «матрешка» включает в себя пять слоев: четыре — номинальные фигуры, и только лишь пятая, самая небольшая группа — «кабинет» из 18 членов. Делается обобщение, что любые комитеты и комиссии бесполезны в том смысле, что их существование или исчезновение не изменяет напрямую результатов деятельности организации. Влияние может быть лишь косвенным, через действие механизмов вовлечения, но об этом С. Паркинсон умалчивает. Еще более жесткой критике подвергаются общие собрания (акционеров, партийцев и т. п.) — смысл их существования, по мнению автора закона, попросту отсутствует, помимо соблюдения юридических процедур, придуманных другими людьми. Одновременно действие закона распространяется на территориальное размещение организаций. Чем более просторное и совершенное помещение занимает она, тем более пустая и никчемная она по сути. Он даже придумал специальный термин для обозначения организационной болезни — «непризавит», то есть сочетание непригодности и зависти. Такое сочетание качеств у исполнителя вызывает раздражение, если же их обладатель попадает «во власть», то реализует следующую модель поведения: убирает способных и талантливых, заменяя их теми, кто еще менее компетентен, чем он сам. Вся новая «команда» изображает бурную деятельность с минимальным результатом. На третьей стадии на смену активности приходит апатия, так как в результате неблагоприятного отбора из организации уходят все более-менее одаренные сотрудники, а призывы менеджмента к героическому труду остальных — словно крик вопиющего в пустыне.

Отдельно С. Паркинсон касается вопроса отставки, используя тот же метод эвристических правил. Он доказывает, что во благо организации заменять руководителя на его преемника нужно еще до того, как последний перейдет на фазу, связанные с его деградацией («краха», «зависти» и «смирения»). В советской и российской практике известен этот феномен, когда говорят, что кто-то «пересидел» в помощниках, заместителях и т. п. Такого рода явление широко распространено и объясняет факт генерирования бесполезной работы внутри организации вот такими «пересидевшими» специалистами. Они преуспевают в такого рода деятельности, считая внутренние процессы одними из самых важных для организации. А то, что при этом в разы возрастает документооборот

и на действительно важные дела не остается времени, уже никого не волнует.

Позднее С. Паркинсон сформулировал еще ряд правил, иллюстрирующих условия и факторы разработки управленческих решений (см. рисунок).

Набор уточняющих формулировок закона Паркинсона

При всей несерьезности и изначальной сатирической направленности этого «закона», учет его формулировок на всех этапах разработки управленческого решения позволит повысить эффективность принимаемых решений: от каких-то можно отказаться сразу, понимая бессмысленность их воплощения, а какие-то, напротив, можно реализовать проще и быстрее, обходя острые углы и неудобных участников процесса принятия решений.

Третье эвристическое правило, традиционно упоминаемое применительно к крупным организациям, — принцип Питера [10]. Он очень близок по своей основополагающей идее к закону Паркинсона, разница проявляется с сделанных выводов: «В любой иерархической системе каждый индивид имеет тенденцию расти до уровня, на котором он некомпетентен», или, более жестко — «в каждой иерархической системе большинство мест занимают некомпетентные сотрудники». Закон объясняется просто и логично: компетентные сотрудники повышаются до тех пор, пока они проявляют свою компетентность. Как только на новом месте они перестают ее проявлять, то они останавливаются в росте, но не понижаются, так как это означало бы признание ошибки руководства. Кроме того, и сами сотрудники редко отказываются от повышения, даже осознавая свою некомпетентность на новом

месте. Хотя сам С. Паркинсон остро дискутирует с Л. Питером, считая его методологию и выводы ошибочными. Главное различие, по мнению Паркинсона, в том, как относиться к работникам в организации. У Питера они изначально компетентны, и только сама организация и установленные в ней правила поднимают людей и делают их некомпетентными. Сам же Паркинсон считает, что люди изначально идут к некомпетентности, особенно те, кто движется по карьерной лестнице вверх. Одновременно, в пику принципу Питера, появился и «принцип Дилберта», по имени героя комикса. Этот принцип находится в русле предложенного С. Паркинсоном подхода: «Некомпетентных работ-

ников повышают на управленческие должности, чтобы те не мешали работать».

Таким образом, каждый из поданных в шутильной форме «законов» организационного поведения: закон Мерфи, закон Паркинсона, принцип Питера — вносят существенный вклад в формирование менеджером эффективной стратегии поведения, сводящей к минимуму возможные сбои. Особенно это важно в условиях огромного числа принимаемых решений и больших потоков входящей информации. Использование эвристических приемов экономит руководителю его самый ценный ресурс — время.

Список литературы

1. Блох, А. Закон Мерфи / А. Блох ; пер. с англ. Я. М. Вовшин. — М. : Попурри, 2005. — 224 с.
2. Стрельцов, А. Мерфология — «веселая наука» / А. Стрельцов // Упр. персоналом. — 2011. — № 23. — С. 76—79.
3. Raanan Avidor. Murphy Laws Site — Origin. 2019 [Электронный ресурс] / Raanan Avidor // Murphys-laws.com. — URL: <http://www.murphys-laws.com/murphy/murphy-true.html> (дата обращения 06.09.2019).
4. Raanan, Avidor. Murphy Laws Site — Murphy Laws. 2019 [Электронный ресурс] / Raanan Avidor // Murphys-laws.com. — URL: <http://www.murphys-laws.com/murphy/murphy-laws.html> (дата обращения 06.09.2019).
5. Kahneman, D. Maps of Bounded Rationality: A Perspective on Intuitive Judgement and Choice. Prize Lecture. December 8, 2002 / D. Kahneman. — Princeton University, Department of Psychology, Princeton, 2002.
6. Марина Х. А. Поверженный разум. Теория и практика глупости : пер. с исп. / Х. А. Марина. — М. : Астрель : Corpus, 2010. — 252 с.
7. Плетнев, Д. А. Поверженный разум: сможет ли экономическая наука снова стать великой? (размышления над книгой Х. А. Марины «Поверженный разум») / Д. А. Плетнев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 5 (401). — С. 179—183.
8. PA (2004). The Murphy's Law formula. The Sydney Morning Herald [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.smh.com.au/world/the-murphys-law-formula-20041007-gdjvkg.html> (дата обращения 06.08.2019).
9. Scotsman.com. (2004). Now, the formula that predicts when Sod's Law will strike next [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.scotsman.com/future-scotland/tech/now-the-formula-that-predicts-when-sod-law-will-strike-next-1-557425> (дата обращения 06.08.2019).
10. Питер, Л. Почему дела идут вкривь и вкось, или О принципе Питера / Л. Питер // Иностр. лит. — 1987. — № 1. — С. 195—209.
11. Parkinson, S. Parkinson's Law / S. Parkinson // The Economist [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.economist.com/news/1955/11/19/parkinsons-law> (дата обращения 10.08.2019).
12. Адамс, С. Принцип Дилберта. Взгляд из офисной кабинки на начальство, совещания, причуды дирекции и прочие бедствия / С. Адамс. — М. : Попурри, 1999.

Сведения об авторе

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 189—194.

HEURISTIC “LAWS” IN THE PRACTICE OF DECISIONS-MAKING IN MANAGEMENT

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

Excessive enthusiasm for formal methods when making decisions is dangerous for any organizational system, since it leads to the reduction and degradation of this system. On the other side of decision-making methodology are expert methods and heuristic rules, which, as a rule, do not have a clear algorithm under them. An effective manager must be proficient in both. The article presents the results of a critical analysis of common heuristic rules that are widely used both in management practice and in explaining the failures of developed solutions. Particular attention is paid to the possibility of applying these laws in the managerial decision-making.

Keywords: *Murphy's Law, Parkinson's Law, Peter Principle, Dilbert Principle, Managerial Decisions, Heuristics.*

References

1. Bloch A. *Zakon Merfi* [Murphy's Law]. Moscow, Potpourri Publ., 2005. 224 p. (In Russ.).
2. Streltsov A. Merfologiya - “veselaya nauka” [Merphology - “fun science”]. *Upravlenie personalom* [Personnel Management], 2011, no. 23, pp. 76-79. (In Russ.).
3. Raanan Avidor (2019). Murphy Laws Site — Origin. *Murphys-laws.com*. Available at: <http://www.murphys-laws.com/murphy/murphy-true.html>, accessed 6 Sep. 2019.
4. Raanan Avidor (2019). Murphy Laws Site - Murphy Laws. *Murphys-laws.com*. Available at: <http://www.murphys-laws.com/murphy/murphy-laws.html>, accessed 6 Sep. 2019.
5. Kahneman D. *Maps of Bounded Rationality: A Perspective on Intuitive Judgement and Choice. Prize Lecture*. December 8, 2002. Princeton University, Department of Psychology, Princeton, 2002.
6. Marina H.A. *Poverzhennyj razum. Teoriya i praktika gluposti* [The defeated mind. Theory and practice of stupidity: Per. with Spanish]. Moscow, Astrel Publ., Corpus Publ., 2010. 252 p. (In Russ.).
7. Pletnev D.A. Poverzhennyj razum: smozhet li ekonomicheskaya nauka snova stat' velikoj? (razmyshleniya nad knigoy H.A. Mariny “Poverzhennyj razum”) [Failed Mind: Can Economic Science Become Great Again? (reflections on the book of H.A. Marina “Defeated mind”)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 5 (401), pp. 179-183. (In Russ.).
8. PA (2004). The Murphy's Law formula. *The Sydney Morning Herald*. Available at: <https://www.smh.com.au/world/the-murphys-law-formula-20041007-gdjvkg.html>, accessed 6 Aug. 2019.
9. Scotsman.com (2004). *Now, the formula that predicts when Sod's Law will strike next*. Available at: <https://www.scotsman.com/future-scotland/tech/now-the-formula-that-predicts-when-sod-s-law-will-strike-next-1-557425>, accessed 6 Aug. 2019.
10. Peter L. Pochemu dela idut vkriv' i vkos', ili o Principe Pitera [Why things go at random, or about the Principle of Peter]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1987, no. 1, pp. 195-209. (In Russ.).
11. Parkinson S. Parkinson's Law. *The Economist*. Available at: <https://www.economist.com/news/1955/11/19/parkinsons-law>, accessed 10 Aug. 2019.
12. Adams S. *Princip Dilberta. Vzglyad iz ofisnoj kabinki na nachal'stvo, soveshchaniya, prichudy direkcii i prochie bedstviya* [Dilbert Principle. A look from the office cubicle at the bosses, meetings, management quirks and other disasters]. Moscow, Popurri Publ., 1999.

НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОТСТАЛОСТЬ?

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Раскрыто содержательное наполнение ставшей сегодня популярной концепции *new normal* (новая нормальность, новая реальность). Кратко отражена история понятия. Приведены авторы, сделавшие ее популярной в России на политической арене. Раскрыто понятие новой нейтральности, появившееся на фоне понятия новой нормальности. Показана связь новой нормальности с экономическим ростом российских регионов. Автор акцентирует внимание на том, что постоянное применение термина «новая нормальность» может стать одной из экономических угроз. Поднята проблема экономической отсталости как феномена самовосприятия. Автором предпринята попытка рассмотрения феномена в контексте институциональной теории. Поднят вопрос необходимости нивелирования института экономической отсталости.

Ключевые слова: *новая нормальность, новая реальность, новая нейтральность, экономическая отсталость, феномен экономической отсталости.*

«Новая нормальность» (*new normal*) — термин, все чаще можно встретить в экономической литературе. Когда употребляют термин «новая нормальность» (или же «новая реальность»), как правило, делают акцент на новых, сложившихся в современных реалиях условиях. И условия эти зачастую не способствуют экономическому росту. В этих условиях «не работают» старые правила игры: добиваться экономического роста за счет классических труда и капитала более не удастся.

Термин широко зазвучал в научной и бизнес-среде после мирового кризиса 2008—2009 гг., когда темп роста большинства национальных экономик затормозился, и притом существенно. Либо же экономического роста не стало совсем. Так, например, для России в 2009 г. по сравнению с 2008 г. темп роста ВВП составил 0,9¹. Однако в действительности термин *new normal* появился еще в самом начале XX в. И, согласно анализу запросов поисковой системы Google, термин обрел свою максимальную популярность в кризисные 1930-е гг. Тогда термин употребляли в контексте осознания наступающей после кризиса 1929 г. новой жизни. Далее применение термина пошло на спад, и вот вновь, после 2009 г., он опять стал часто употребляемым [13].

¹ По данным Росстата (https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab11.htm).

Публикация в 2009 г. на тот момент президента инвестиционной компании PIMCO (Pacific Investment Management Co.) Мохамеда А. Эль-Эриана «*A New Normal*» привела к прочному закреплению термина в научной и бизнес-общественности. М. А. Эль-Эриан определил новую нормальность как длительный процесс нормализации экономики после мирового кризиса. Причем он акцентировал внимание на том, что после кризиса 2008—2009 гг. станут недостижимыми докризисные темпы экономического роста. Высокие темпы экономического роста, характерные для докризисного периода, стали привычными («нормальными»). Однако далее мировая экономика, как и национальные, вступила в новый этап — этап «новой нейтральности». Термин прозвучал в докладе PIMCO «*Newport Beach*», опубликованном в мае 2014 г. [1]. Новая нейтральность — термин, применимый с целью акцентирования внимания на существенном замедлении темпов экономического роста. В период, предшествовавший кризису 2008—2009 гг., долгое время накапливались проблемы, которые и привели к нынешнему отсутствию экономического роста в индустриально развитых странах, росту безработицы, государственного долга и т. д.

В России широкую огласку термину придали Д. А. Медведев и А. В. Улюкаев [7; 14]. Д. А. Медведев говорит об экспансии термина —

причем как о географической (с мировой экономики на национальную и региональные), так и о содержательной [7]. А. В. Улюкаев указывает на невозможность возврата к темпам экономического роста даже при условии положительной мировой конъюнктуры в отношении цен на нефть. Источником роста ВВП за период 2000—2008 гг. были низкая стоимость рабочей силы, дозагрузка неиспользуемых ресурсов и производственных мощностей — все это на фоне благоприятной конъюнктуры мировых рынков товара и капитала [14]. А. В. Улюкаев заявляет, что годовой экономический рост был бы ниже на 1,6%, если бы его не поддержали цены на нефть (5,4% против 7%). И вернуться на уровень 7% сегодня уже невозможно, ибо структурные изменения мировой экономики затягивают Россию в состояние новой нормальности.

Сегодня концепцию новой нормальности исследуют уже и на уровне регионов. Так, например, представители уральской школы Я. П. Силин, Е. Г. Анимца, Н. В. Новикова проецируют концепцию новой нормальности на регион. Исследуя Свердловскую область, в качестве признаков новой нормальности ученые называют: низкие темпы экономического роста, и в первую очередь — промышленного роста, ухудшающийся инвестиционный климат, снижение деловой активности [10]. На фоне этих признаков уровень безработицы в регионе низкий. С одной стороны, это может положительным образом характеризовать регион. Но, с другой стороны, при таком уровне занятости населения экономический рост тем не менее низкий. Вот он, ключевой индикатор новой нормальности: при полной занятости ресурсов роста нет.

Все чаще выход из застоя новой нормальности ученые видят в усилении экономической самостоятельности регионов [5]. Причем речь не идет о самоизоляции, а идет в том числе, об осознании роли личности. Для России можно назвать еще один признак новой нормальности — глубокая дифференциация в уровне развития территорий. Это касается и ВРП на душу населения, и уровня доходов, и обеспеченности населения социальными благами, как то: доступность образования, здравоохранения, обеспеченность инфраструктурными благами. И сегодня все чаще, говоря о неоднородности экономического пространства, ученые видят выход в усилении роли института местного самоуправления [16].

Говоря об экономической отсталости, авторы чаще констатируют некий факт отставания — например, развивающихся стран от развитых [6]. Как

правило, речь идет о том, что одна страна в сравнении с некоей другой находится на более низкой стадии экономического развития. Примерно та же терминология используется и в отношении регионов, когда говорят, например, о депрессивных регионах.

Категорию «экономическая отсталость» предлагаю рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, в любой градации можно ввести уровень, называемый «экономически отсталый» (например, страна, регион, область, город), — тогда этот уровень подтверждается набором количественных показателей. С другой стороны, население может считать свой регион, город, страну экономически отсталыми, в то время как показатели не свидетельствуют о том либо даже свидетельствуют об обратном. И тогда это уже институт самовосприятия. Сегодня доверие населения к показателям настолько низкое, что статистика зачастую не убеждает население верить в определенный уровень благосостояния. Объектом исследования автор определяет экономическую отсталость именно как феномен самовосприятия, а не как свершившийся факт.

Автор считает, что одним из признаков новой нормальности можно назвать и комплекс экономической отсталости. Укоренившееся ощущение населения в отсталости приводит к тому, что население уже априори считает себя недостойным высокого уровня благосостояния. Свои регионы мы относим к регионам с низким уровнем развития. Мы наблюдаем предвзятое отношение к большинству решений, исходящих от представителей власти и бизнеса. В нас очень длительное время культивировали идею отсталости.

Называя угрозы экономической безопасности России, ученые делают акцент на примитивизации структуры национальной экономики [15]. Тем временем за период с 2005 г. кардинальных изменений в отраслевой структуре добавленной стоимости не произошло [4]. Более того, согласно данным Росстата, за последние пять лет удельный вес высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП остается на постоянном уровне — 21,0—21,5%¹. Если говорить о том, что новая реальность в большей степени наложила отпечаток на индустриальные страны, можно пролонгировать эту идею и на регионы. Исследование структурных различий в промышленности России и крупнейших городов Уральского региона показало, что, например, различия между РФ и Челябинском по индексу

¹ По данным Росстата (<https://www.gks.ru/folder/11186>).

Рябцева как были на уровне коэффициента чуть выше 0,5 в 1995 г., так и в 2010 г. сохранили то же самое значение. Вариации внутри этого временного диапазона не столь существенны [2].

Изучению специфики функционирования российской промышленности уделял особое внимание представитель уральской экономической школы академик А. И. Татаркин. Он говорил о неплохом потенциале российской промышленности в отношении перехода на следующий технологический уровень. Сравнивая промышленность России и Германии, он акцентирует внимание на наличии показателей, по которым Россия занимает далеко не последнее место. В частности, по показателю «патенты резидентов» Россия находится на 13-м месте, что уже никак не может свидетельствовать об экономической отсталости [11].

Сейчас все чаще звучат идеи о необходимости форсированного роста — перехода на новый технологический уклад. Тем временем, учитывая специфику российских регионов, нужно понимать наличие большого удельного веса отраслей с традиционным способом производства, что при форсированном переходе означает ломку сложившихся и логистических цепочек и, как результат, воспроизводственный кризис смежных отраслей. А потому, осознавая специфику российской промышленности, нужно развивать таковую по двум направлениям: постепенно внедряя высокие технологии, одновременно развивая и среднетехнологические отрасли [12].

Сегодня пока еще не так много изданий, посвященных вопросу феномена отсталости в экономической плоскости. Однако за последние 10—20 лет все чаще появляются труды, поднимающие проблему отсталости именно как проблему самосознания. Например, С. Г. Кара-Мурза говорит о манипуляции сознанием. На Западе в период XVII—XX вв. стали возникать междисциплинарные области наук, когда наука объединилась с властью и экономикой, а в США ко многим исследованиям стали привлекать антропологов и этнологов [8]. Исследования антироссийских мифов чаще можно встретить в области исторических наук [3], нежели экономических. Тем не менее, если перейти в плоскость экономики, то феномен экономической отсталости можно спроецировать на институциональную методологию. Как представляется, можно смело заявить о том, что это сложившийся институт. Причем, к сожалению, плотно укоренившийся в российском обществе. Либо феномен экономической отсталости можно

рассматривать по меньшей мере как характеристику институциональной среды.

Среди экономистов существует и такой подход, согласно которому экономическую отсталость нужно рассматривать как преимущество. Об этом говорит В. Полтерович. «Преимущество отсталости» состоит в возможности заимствовать уже созданные институты и тиражировать их на своей территории [9].

Сегодня много спорят о том, как России и регионам выйти на новую траекторию экономического роста — будет ли это модернизация сверху путем проведения институциональных реформ, создания благоприятной институциональной среды или же это будет путь реализации «проектного подхода». Глубина государственного вмешательства тоже остается спорной. Но одно можно констатировать: сегодня ключевая задача государства и региональных властей — постепенно нивелировать институт экономической отсталости. Для этого нужно решить следующие задачи. Во-первых, провести глубокое исследование природы феномена, определить формы и признаки экономической отсталости; исследовать историческую хронологию фактов проявления отсталости. Во-вторых, провести оценку воздействия института экономической отсталости на отдельные субъекты (отдельные категории населения, представителей бизнеса, региональные власти и т. п.). В-третьих, провести оценку негативного воздействия на другие институты (институты государственного и муниципального управления, институты образования, институты безопасности и т. д.). В-четвертых, для количественной оценки глубины проникновения комплекса экономической отсталости в различные сферы хозяйствования следует разработать методику оценки влияния института экономической отсталости на отдельные субъекты национальной и региональной экономики, содержащую в том числе агрегированный показатель оценки воздействия института на общество в целом. В-пятых, необходимо детально исследовать угрозы безопасности от продвижения и пропагандирования идей «отсталости» для российского государства; оценить последствия реализации рисков, нарушающих безопасность государства. Далее идентифицировать субъекты, интересы которых противоречат интересам устойчивого прогрессивного развития России и ее регионов. Изучить факторы, воздействующие на формирование комплекса экономической отсталости (и укореняющие таковой как институт) в российском обществе. Определить инструменты, способные оказывать

влияние на воспроизводство комплекса экономической отсталости. Проанализировать опыт профилактики информационной безопасности в России и других странах в отношении распространения информации, способной оказывать негативное воздействие на экономический потенциал. И, наконец, разработать механизм нивелирования института, воспроизводящего экономическое отставание в России. Описать систему инструментов, с помощью которых возможен контроль процесса формирования комплекса экономической отсталости на отдельно взятой территории.

На первый взгляд может показаться, что новая нормальность и экономическая отсталость — это две параллельно существующие концепции, не имеющие связующих звеньев. Однако само по себе постоянное использование понятия *new normal* можно рассматривать как способ манипуляции общественным сознанием. Если мы постоянно будем слышать о том, что замедление экономического роста — это явление вполне «нормальное», оно обосновано целым рядом причин, то и стремления что-либо изменить у нас уже не возникнет. Потому все же не просто так сегодня ученые заговорили о необходимости усиления роли личности, о необходимости роста самостоятельности территорий.

Каждый представитель власти на своем уровне должен чувствовать реальную возможность изменений, а также ответственность за принятые решения. Сегодня же многие представители власти находятся в состоянии зависимости от сложившейся вокруг них среды и функционируют с ощущением фактического безвластия и невозможности повлиять на экономические процессы. И не зря можно увидеть заявления, на первый взгляд напоминающие лозунги, но при более детальном рассмотрении имеющие вполне здоровое содержание. Так например, Д. А. Медведев, говоря о глобальных вызовах, заявляет: «Надо научиться быть лучше и быстрее, и в этом состоит единственный путь к цели в современном меняющемся мире» [7].

Резюмируя все выше сказанное, можно заключить, что тупик экономического роста кроется в деформированной институциональной среде. И достижение экономического роста путем применения жестких директивных методов — решение едва ли верное, во всяком случае вряд ли результативное. Сегодня можно говорить уже не о деформации экономики, а о деформации институциональной среды. Быть может, ключевой драйвер экономического роста — это наше самосознание?

Список литературы

1. Newsmax. Pimco's "New Normal" Is "Now New Neutral" After El-Erian's Exit [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.newsmax.com/finance/streettalk/pimco-bill-gross-mohamed-el-erian-new-normal/2014/05/14/id/571251/>.
2. Анимца, Е. Г. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали развития / Е. Г. Анимца, И. В. Ивлева // Регион. экономика: теория и практика. — 2013. — № 23 (302). — С. 2—9.
3. Антиросийские исторические мифы / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Н. В. Асонов, Д. В. Маслов, Н. Д. Постников [и др.]. — СПб., 2016.
4. Бархатов, В. И. Промышленные рынки Уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц // Управленец. — 2019. — Т. 10, № 3. — С. 83—93.
5. Бочко, В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 2. — С. 342—358.
6. Булатов, А. Глобальная проблема экономической отсталости / А. Булатов // Мировое и нац. хозяйство. — 2014. — № 2 (29).
7. Медведев, Д. А. Новая реальность. Россия и глобальные вызовы / Д. А. Медведев // Вопр. экономики. — 2015. — № 10. — С. 5—29.
8. Кара-Мурза, С. Г. Послесловие о «Манипуляции сознанием» / С. Г. Кара-Мурза // Наука. Культура. Общество. — 2018. — № 2—3. — С. 13—39.
9. Полтерович, В. Стратегия модернизации, институты и коалиции / В. Полтерович // Вопр. экономики. — 2011. — № 4.
10. Силин, Я. П. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика / Я. П. Силин, Е. Г. Анимца, Н. В. Новикова // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 714—725.

11. Татаркин, А. И. Инструменты развития высокотехнологичной промышленности: опыт Германии и России / А. И. Татаркин, Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер // Экон. возрождение России. — 2015. — № 2 (44). — С. 94—101.
12. Татаркин, А. И. Проникая в будущее. Инновационный портрет Уральского мегарегиона / А. И. Татаркин, В. С. Бочко, В. Л. Берсенёва. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — 274 с.
13. Тетерятников, К. С. Новая нормальность в мировой и российской экономике / К. С. Тетерятников // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2016. — № 4. — С. 36—43.
14. Улюкаев, А. Что делать? Версия Минэкономразвития. 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/09/644720-chto-delat>.
15. Ускова, Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России / Т. В. Ускова // Проблемы развития территории. — 2019. — № 1 (99). — С. 7—16.
16. Ускова, Т. В. О потенциале развития российских территорий / Т. В. Ускова // Проблемы развития территории. — 2018. — № 5 (97). — С. 7—17.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 195—200.

NEW NORMAL OR ECONOMIC BACKWARDNESS

D.S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The article reveals the content of today's popular concept of "new normal." The history of the concept is briefly reflected. The authors who made it popular in Russia on the political arena are given. The concept of new neutrality, which appeared against the background of the concept of new normality, has been revealed. The connection of the new normality with the economic growth of the Russian regions is shown. The author emphasizes that the constant use of the term "new normality" can become an economic threat. The problem of economic backwardness as a phenomenon of self-perception has been raised. The author has attempted to address the phenomenon in the context of institutional theory. The question of the need to offset the institution of economic backwardness was raised.

Keywords: *new normal, new neutral, underdevelopment, backwardness phenomenon.*

References

1. *Newsmax. Pimco's "New Normal" Is "Now New Neutral" After El-Erian's Exit.* Available at: <https://www.newsmax.com/finance/streettalk/pimco-bill-gross-mohamed-el-erian-new-normal/2014/05/14/id/571251/>.
2. Animitsa E.G., Ivleva I.V. Strukturnaya modernizaciya promyshlennosti krupnejshih gorodov Urala: novyj vitok v spirali razvitiya [Structural modernization of industry of the largest cities of the Ural: a new turn in the spiral of development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice.], 2013, no. 23 (302), pp. 2-9. (In Russ.).
3. Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Asonov N.V., Maslov etc. *Antirossijskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths], 2016. (In Russ.).
4. Barhatov V.I., Bents D.S. Promyshlennye rynki Ural'skogo regiona: ekonomicheskij rost v usloviyah «no-voj normal'nosti» [Industrial markets of the Ural region: Economic growth under "new normal"]. *Upravlenets* [The Manager], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 83-93. (In Russ.).
5. Bochko V.S. Ekonomicheskaya samostoyatel'nost' regionov v usloviyah novej real'nosti [Economic independence of regions under "new real"]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, no. 2, pp. 342-358. (In Russ.).

6. Bulatov A. Global'naya problema ekonomicheskoy otstalosti [The global problem of underdevelopment]. *Mirovoe i natsional'noe hozyajstvo* [World and national economy], 2014, no. 2 (29). (In Russ.).
7. Medvedev D.A. Novaya real'nost'. Rossiya i global'nye vyzovy [New real. Russia and Global Challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 10, pp. 5-29. (In Russ.).
8. Kara-Murza S.G. Posleslovie o «Manipulyacii soznaniem» [Afterword on “Manipulation of Consciousness”]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 2018, no. 2-3, pp. 13-39. (In Russ.).
9. Polterovich V. Strategiya modernizacii, instituty i koalicii [Modernization Strategy, Institutions and Coalitions]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2011, no. 4. (In Russ.).
10. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. «Novaya normal'nost'» v rossijskoj ekonomike: regional'naya specifika [“New Normal” in the Russian Economy: Regional Specificity]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 714-725. (In Russ.).
11. Tatarkin A.I., Andreeva E.L., Ratner A.V. Instrumenty razvitiya vysokotekhnologichnoj promyshlennosti: opyt Germanii i Rossii [The Development Tools of High-Tech Industry: the Experience of Germany and Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2015, no. 2 (44), pp. 94-101. (In Russ.).
12. Tatarkin A.I., Bochko V. S., Bersenyov V. L. *Pronikaya v budushchee. Innovacionnyj portret Ural'skogo megaregiona* [Getting into the future. Innovative portrait of the Ural megaregion]. Ekaterinburg, 2016. 274 p. (In Russ.).
13. Teteryatnikov K.S. Novaya normal'nost' v mirovoj i rossijskoj ekonomike [New normal in the World and Russian economy]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* [Management and business administration], 2016, no. 4, pp. 36-43. (In Russ.).
14. Ulyukaev A. Chto delat'? Versiya Minekonomrazvitiya, 2016. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/09/644720-chto-delat> (In Russ.).
15. Uskova T.V. Klyuchevye ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. [The key threats to Russia's economic security]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2019, no. 1 (99), pp. 7-16. (In Russ.).
16. Uskova T.V. O potentsiale razvitiia rossiyskikh territorii [The Potential of Russian Territories' Development]. *Problemy razvitiia territorii* [Problems of Territory's Development], 2018, no. 5 (97), pp. 7-17. (In Russ.).

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Т. С. Соловьева

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

Образование выступает важнейшим институтом, отвечающим за формирование человеческого капитала и трудового потенциала территорий, во многом определяя возможности экономического развития стран и регионов. Именно поэтому развитие образования должно не только идти в ногу со временем, но и носить опережающий характер. Статья посвящена обзору современных глобальных вызовов, с которыми сталкивается система образования России. На основании данных авторского кабинетного исследования систематизированы основные глобальные вызовы российской системы образования: информационно-технологический, интеллектуальный, социокультурный, административно-управленческий, инновационный. В заключение сделан вывод о необходимости качественной модернизации институциональной среды образовательной системы в целях повышения эффективности ее функционирования.

Ключевые слова: образование, система образования, глобализация, глобальные вызовы, образовательная политика.

Процессы глобализации, а также их последствия оказывают значительное влияние на функционирование различных систем вне зависимости от их масштаба, во многом определяя траектории их развития. Кроме того, образовательная система подвергается воздействию данных вызовов (технологических, демографических, социальных, экологических, экономических и политических), которые приводят к необходимости пересмотра существующих образовательных парадигм, а также к возникновению ряда проблем, в частности таких, как: доступ к качественному образованию, социализация мигрантов и формирование толерантности, усиление конкуренции образовательных систем, адекватность образования требованиям современности и пересмотра содержания образования и т. д. Причем данные проблемы характерны как для развивающихся, так и для развитых стран. К примеру, вопросы равного доступа к образованию, цифрового неравенства, корректировки существующих образовательных практик являются актуальными и для стран Африки и Латинской Америки [19; 29], и для стран Европы [20; 21].

В Стратегии Евросоюза Europe 2020 [23] в качестве ключевых вызовов для систем образования стран Европы были названы: старение населения, дефицит навыков в трудовой деятельности, а также рост глобальной конкуренции и высокий уровень безработицы.

В данном отношении в первую очередь важно развитие непрерывной системы образования

на протяжении всей жизни человека, для того чтобы в любом возрасте он мог найти свою нишу в жизни, в том числе и на рынке труда. В связи с этим в последние годы особенно участились дискуссии по поводу бурного развития сектора онлайн-образования, в том числе неформального. С одной стороны, это способствует прогрессу в области «образования через всю жизнь», поскольку позволяет на любом жизненном этапе получить необходимые знания, навыки и квалификацию. С другой стороны, данный вид образования не должен заменять систему получения очного образования, так как далеко не все требуемые навыки и компетенции можно развить в онлайн-форме. Данный аспект был отражен в Манифесте для обучения взрослых в XXI в. [27. С. 10], который акцентирует внимание на ограниченности электронного обучения, в частности в плане социального взаимодействия. Кроме того, вследствие развития цифровых технологий и телекоммуникаций меняется и роль учителя — от просветителя до посредника (модератора, куратора, ментора), который способен поддерживать новые форматы образования [2. С. 162—163]. Именно поэтому особо подчеркивается важность конструктивного взаимодействия всех форм получения образования [4], то есть они должны дополнять друг друга.

Немаловажным также представляется не только формирование профессиональных навыков, но и инициативность, способность быстро переучиваться и генерировать новые идеи и т. д. Кроме

того, большое значение имеет управление такими необходимыми навыками и пересмотр их состава в соответствии с изменяющимися условиями, что предупреждает возникновение проблемы несоответствия квалификации или профессиональных навыков требованиям рабочих мест [32. С. 22]. Таким образом, развитие образования должно носить опережающий характер.

Проблемы развития так называемых навыков XXI в. были обозначены еще в 1980-х гг. В частности, доклад Национальной комиссии по улучшению качества образования США 1983 г. обозначил следующие базовые навыки и склонности, являющиеся «предшественниками» навыков и компетенций XXI в.: интерес к обучению и исследованиям, понимание, использование знаний на практике, критическое мышление, способность к коммуникации и владение технологиями [28]. При этом фактически до начала 2000-х гг. под навыками XXI в. понимались ИКТ-навыки [26]. В условиях глобализации, развития экономики знаний и технологий целью системы образования является формирование «работника знаний» [25], то есть способного создавать новые идеи, продукты и решения. В резолюции ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой в 2015 г., среди целей и задач указано не только обеспечение равного доступа к качественному инклюзивному образованию в течение всей жизни, но и увеличение доли населения, обладающего востребованными для трудоустройства и ведения предпринимательской деятельности навыками [33]. То есть наблюдается тенденция, когда востребованы не столько специалисты с дипломом, сколько конкретные навыки. Причем важным становится овладение универсальными навыками и компетенциями, которые помогают человеку быть более гибким к изменяющимся условиям социально-экономической среды. Согласно Манифесту для учителей XXI в., принятому на конференции «Профессиональный образ и идеал учителя», организованной Советом Европы в 2014 г., формирование универсальных навыков и компетенций (системное и критическое мышление, умение работать в команде, способность быстро реагировать на изменения, адаптируемость к работе с различными технологиями и др.) выступает одним из основных вызовов для образования [22. С. 15].

В связи с этим в различных странах осуществляется работа по модернизации образовательных систем с целью приведения в соответствие с требованиями времени.

Российская Федерация в данном отношении не является исключением: перед нашей системой образования также стоят выше обозначенные проблемы, обзор которых и составляет цель настоящей статьи. Старение населения порождает актуальность развития геронтообразования, в том числе как инструмента снижения уровня функциональной неграмотности, демографической нагрузки и безработицы, а также адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности [12. С. 43]. Это может осуществляться как в форме семинаров и краткосрочных курсов, так и в виде обучения в университетах третьего возраста. Однако Комплексное наблюдение условий жизни населения, проводимое Росстатом, показывает, что, по данным на 2016 г., только 0,8% населения старше трудоспособного возраста участвуют в дополнительном образовании. При этом 97% россиян данной возрастной группы не испытывают и такой потребности [5].

Также образуется разрыв между существующей системой подготовки специалистов и потребностями современной экономики, вследствие чего сложилась необходимость усиления контроля за конкурентоспособностью российского образования [что выражается, например, в наличии среди целевых показателей различных стратегических документов индикатора, отражающего включение вузов России в число лучших мировых университетов и в число 10 лучших стран по качеству образования (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р; О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204)]. Именно для повышения эффективности в достижении поставленных целей глобальной конкурентоспособности высшего образования, а также развития науки и обеспечения равного доступа к получению качественного образования детей начиная с раннего возраста в 2018 г. Министерство образования и науки РФ было разделено на Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки РФ.

В то же время существуют и некоторые особо важные, характерные для отечественной действительности вызовы:

- информационно-технологический;
- интеллектуальный;

- социокультурный;
- административно-управленческий;
- инновационный.

Рассмотрим каждый из них более подробно.

Информационно-технологический вызов связан со сменой технологий, развитием цифровой среды и искусственного интеллекта. Он имеет глобальный характер, однако для России стоит особенно остро, в том числе в связи с проблемами устаревания знаний и навыков, а также востребованностью тех или иных компетенций [7]. Опросы работодателей показывают, что период «старения» навыков в эру технологизации и цифровизации экономики сокращается и в настоящее время составляет порядка 5 лет [30], в связи с чем перед системой образования стоит задача своевременного реагирования на данные изменения. В этом отношении большое значение имеет уровень развития системы непрерывного образования взрослого населения. В то же время такой показатель, как доля работников, которые прошли обучение или получили образование, на 2016 г. составил около 20% общей численности работников организаций РФ [14], что ниже уровня стран Евросоюза в два раза [24]. Кроме того, чтобы иметь возможность ответа на информационно-технологические вызовы современности, образовательная система и сама должна идти в ногу со временем. Исследование НИУ ВШЭ, посвященное цифровизации социальной сферы, показало, что многие индикаторы рассматриваемого явления, например в секторе высшего образования, далеки от идеала (табл. 1). Однако даже ситуация с уровнем интернетизации, казалось бы, достаточно высоким, при более подробном рассмотрении не является такой уж благоприятной, поскольку лишь 14% вузов имеют Интернет со скоростью передачи данных выше 100 Мб/с. Можно предположить, что на других уровнях образования положение еще более неблагоприятное.

При этом важно не только наличие цифровой инфраструктуры, развитие процессов компьютеризации и информатизации, но и владение работником образовательной системы соответствующими компетенциями в данной сфере, а также умение

применять их на практике, в том числе в обучающих целях. Стоит отметить, что совершенствование данных направлений заложено в национальном проекте «Образование» и национальной программе «Цифровая экономика», которые регламентировали создание современной цифровой образовательной среды и системы подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики.

Интеллектуальный вызов характеризует конкуренция за высококвалифицированную рабочую силу в условиях несоответствия спроса на труд ожиданиям выпускников, а также компетенций и квалификации выпускников в целом требованиям работодателей [1; 9. С. 38]. В то же время данные исследования, проведенного ФГБУН «ВолНЦ» РАН в 2017 г., свидетельствуют о том, что именно соответствие квалификации молодежи требованиям рабочих мест способствует более полной реализации их трудового потенциала [31. С. 257]. Задача приведения в соответствие данных категорий напрямую зависит от качества работы системы образования, причем не только профессионального, но и общего. Однако современная российская школьная программа, по мнению И. Д. Фрумина, не ориентирована на развитие навыков, которые востребованы работодателями, в то время как, например, в Финляндии и Корее этому уделяется много внимания [16. С. 7]. Не случайно специалисты говорят о необходимости формирования универсальных навыков и компетенций, начиная со школьного уровня образования [15].

Социокультурный вызов выражается, например, в процессах интернационализации и кросскультурности образования, в том числе на основе принципов, заложенных в Болонской декларации (конвергенция систем высшего образования, программы двойных дипломов, академическая мобильность и т. д.), и, с другой стороны, необходимость обеспечения единства образовательного пространства страны. Одним из основных барьеров в рамках этого направления является невысокий уровень владения иностранными языками как студентов, так и преподавателей.

Таблица 1

**Индикаторы цифровизации социальной сферы Российской Федерации
(на примере высшего образования), 2016 г.**

Доля организаций, % общего числа	Интернет	Веб-сайт	Серверы	Облачные сервисы	RFID-технологии
Высшее образование	96,7	80,9	73,8	36,0	12,7

Источник: Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Волкова Г. Л., Гохберг Л. М. [и др.]. Индикаторы цифровой экономики: 2018 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2018. С. 182—188.

В данном случае необходимо говорить и о проблеме образования мигрантов, особенно детей, начиная с дошкольной и школьной ступеней, для их успешной интеграции в российское общество. Исследование НИУ ВШЭ, проведенное в пяти субъектах РФ в период 2010—2013 гг., показало, что доля детей мигрантов в школах страны составляет от 7 до 16% (табл. 2).

Однако специалисты отмечают сложности, возникающие у педагогов при работе с детьми мигрантов, что связано с недостаточной разработанностью нормативно-правовой и методической базы обучения данной группы детей [3; 8]. Еще одной трудностью является языковой барьер. Данные табл. 2 позволяют говорить о том, что от 60 до 90% детей мигрантов в зависимости от региона — это дети, для которых русский язык не является родным.

С наибольшими трудностями в обучении сталкиваются дети, переехавшие уже в школьном возрасте, поэтому необходимо проведение работы органами управления образованием по учету таких детей, а также разработка специальной системы обучения, поскольку многие дети ранее обучались по программам, которые сильно отличаются от российских, вследствие чего отличаются более низким уровнем подготовки.

Еще одной значимой составляющей социокультурного вызова выступает создание «рыночного имиджа» образования, представление его как услуги и, соответственно, работников данной сферы фактически как обслуживающий персонал, что влечет за собой развитие клиентского подхода и потребительского отношения со стороны различных субъектов образовательного процесса [11. С. 14]. Другим следствием данного процесса, по мнению самих педагогов, является снижение качества образования (табл. 3).

В 2018 г. депутатами от КПРФ была предпринята попытка изменения сложившейся ситуации и разработан законопроект об исключении понятия «образовательная услуга» из российского законодательства, однако весной 2019 г. он был отклонен Государственной Думой по причине отказа от голосования членов партии «Единая Россия» [13].

Административно-управленческий вызов характеризуется процессами бюрократизации, увеличения объемов «бумажной» работы, недостаточного финансирования образования [18]. Данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия педагогов школ Вологодской области, проводимого ФГБУН «ВолНЦ» РАН с 2011 г., дают, в частности, представление о том, что 70% учителей согласны с тем, что «бумажная» рабо-

Таблица 2

Некоторые характеристики детей мигрантов, обучающихся в российских школах

Регион	Доля детей мигрантов, %	Доля детей с родным русским языком, %		Доля детей с неродным русским языком, %	
		Местные уроженцы	Мигранты	Местные уроженцы	Мигранты
Санкт-Петербург	12,8	63,1	36,9	23,6	76,4
Ленинградская обл.	6,6	54,9	45,1	17,4	82,6
Псков	8,5	66,4	33,6	37,7	62,3
Московская обл.	16,2	44,2	55,8	10,2	89,8
Томск и Томская обл.	10,1	63,6	36,4	39,0	61,0

Примечание: под местными уроженцами в исследовании понимались те дети, чья семья проживала в данной местности два поколения и более, под мигрантами — менее двух поколений.

Источник: Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // *Вопр. образования*. 2015. № 2. С. 173—195.

Таблица 3

Распределение ответов педагогов на вопрос: «Как изменилось качество образования в результате превращения его в сферу потребительских услуг?», % опрошенных

Вариант ответа	Год	
	2015	2017
Резко и незначительно улучшилось	13,4	11,1
Осталось без изменений	15,5	16,4
Резко и незначительно ухудшилось	60,2	45,4
Затрудняюсь ответить	10,9	27,1

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия педагогов школ Вологодской области ФГБУН «ВолНЦ» РАН (2015 г. — выборка 457 чел., 2017 г. — 424 чел.).

та по соотношению времени и сил доминирует над преподавательской деятельностью [10. С. 119]. Подобная ситуация наблюдается и среди педагогов других уровней образования.

Проблемы необходимости подготовки значительного количества отчетных и иных документов вследствие усиления контроля за эффективностью (что отрицательно сказывается на качестве образования) в условиях дефицита финансирования дополняются выполнением нерегламентированных и, соответственно, неоплачиваемых видов деятельности. Следствием этого является подмена творческого характера деятельности педагога формализованными показателями результативности.

Инновационный вызов заключается не только в необходимости внедрения инноваций в образовательную систему, но и в формировании инновационного мышления, навыков и культуры как у педагогов, так и у обучающихся, без чего невозможно достижение задач повышения конкурентоспособности как системы образования, так и страны в целом. Однако в условиях российской действительности система образования нацелена на репродуктивное усвоение знаний и навыков, а не на развитие креативности и творческого мышления.

Помимо этого, остаются нерешенными проблемы старения кадров, ограниченности доступа к качественному образованию, невключенности

образовательных организаций в инновационные процессы [6] и т. д.

Таким образом, мировые глобализационные процессы приводят к глобализации образования. С одной стороны, позитивным следствием данного процесса является взаимодействие и взаимобмен лучшими образовательными практиками, с другой — это несет в себе определенные риски, связанные, к примеру, с необходимостью эффективного сочетания традиций и инноваций, распространением коммерциализации и макдональдизации образования в соответствии с требованиями рыночной экономики и др.

Решение обозначенных проблем и ответ на вызовы, стоящие перед системой образования России, предопределяет формирование особых требований к качеству институциональной среды. Это представляется особо актуальным и в свете непрерывной динамики институциональных правил, также выступающей следствием процесса глобализации [17]. При этом институциональные характеристики и изменения в сфере образования должны быть направлены как на обеспечение реализации прав граждан на получение качественного образования, так и на эффективное функционирование самого института образования, которое должно способствовать формированию и накоплению человеческого капитала, повышению конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Брызгалина, Е. В. Управление образованием как ответ на вызовы системе образования современной России: социально-философские основания [Электронный ресурс] / Е. В. Брызгалина, В. В. Мионов // Электрон. науч. изд. Альм. Пространство и Время. — 2015. — Т. 9, № 2. — URL: http://j-spacetime.com/actual/%20content/t9v2/2227—9490e-aprovr_e-ast9-2.2015.54.php (дата обращения 15.05.2019).
2. Будущее образования: глобальная повестка. — Сколково : АСИ, 2015. — 206 с.
3. Гукаленко, О. В. Подготовка педагогов для работы с детьми-мигрантами в поликультурном образовательном пространстве / О. В. Гукаленко, В. П. Борисенков // Отеч. и зарубеж. педагогика. — 2016. — № 1 (28). — С. 86—94.
4. Дайк, Б. Глобализирующийся мир в осмыслении философии образования / Б. Дайк // Философия образования. — 2012. — № 6 (45). — С. 144—152.
5. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения 15.05.2019).
6. Комаров, К. Ю. Методологические основы разработки инновационной модели территориального образовательного пространства / К. Ю. Комаров // Образование и наука. — 2012. — № 5. — С. 37—50.
7. Кравцов, В. В. Смешанное обучение как ответ на вызовы современному образованию / В. В. Кравцов, Н. Н. Савельева, Т. В. Черных // Образоват. технологии и общество. — 2015. — Т. 18, вып. 4. — С. 659—669.
8. Купцова, М. В. Социально-педагогические аспекты проблемы готовности педагогов к работе с детьми мигрантов / М. В. Купцова // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. Соц., гуманитар., медико-биол. науки. — 2018. — Т. 20, № 5. — С. 43—46.

9. Леонидова, Г. В. Проблемы эффективности государственного управления. Сфера образования территорий: состояние и перспективы развития: монография / Г. В. Леонидова, М. А. Головчин, Т. С. Соловьева ; под ред. А. А. Шабуновой. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. — 153 с.
10. Леонидова, Г. В. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона / Г. В. Леонидова, М. А. Головчин, Т. С. Соловьева ; под ред. д-ра экон. наук А. А. Шабуновой, канд. экон. наук О. Н. Калачиковой. — Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. — 178 с.
11. Соловьева, Т. С. Статус учителя в современном российском обществе / Т. С. Соловьева // Соц. пространство. — 2018. — № 1 (13).
12. Сорокин, Г. Г. Образование пожилых граждан как ответ на актуальные вызовы современности / Г. Г. Сорокин // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. — 2011. — № 3 (23). — С. 42—47.
13. Справка о результатах голосования по вопросу : (первое чтение) О проекте федерального закона № 376788-7 «О внесении изменения в пункт 1 статьи 123.24 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в части исключения понятия “образовательные услуги”» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. — URL: <http://vote.duma.gov.ru/vote/107212> (дата обращения 15.05.2019).
14. Статистический бюллетень «Повышение квалификации и профессиональная подготовка работников организаций в 2016 году». Т. 1. — М. : Росстат, 2017. — 280 с.
15. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко // Современ. аналитика образования. — 2018. — № 2 (19).
16. Фрумин, И. Д. Образование в России: вызовы глобальной конкуренции и возможный ответ / И. Д. Фрумин // Практики развития: индивидуальная инициатива в новом образовательном пространстве : материалы XXIV науч.-практ. конф. — Красноярск : Ин-т психологии практик развития, 2018. — С. 5—8.
17. Яницкий, О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов / О. Н. Яницкий // Социол. исследования. — 2019. — № 1. — С. 29—39.
18. Янченко, И. В. Информационный и технологический вызовы образованию как точки роста / И. В. Янченко // Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук. — 2016. — № 2-5. — С. 8—10.
19. Challenges for education with equity in Latin America and the Caribbean: draft report № 6 of Regional Preparatory Meeting 2011 United Nations Economic and Social Council Annual Ministerial Review ECOSOC — AMR [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf/6.challenges.for.education.with.equity.web.pdf> (дата обращения 15.05.2019).
20. Clement, J. Education Challenges in Wales / J. Clement // The Public Law Project Wales Conference [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.publiclawproject.org.uk/resources/132/education-challenges-in-wales> (дата обращения 15.05.2019).
21. Education for all 2000—2015: achievements and challenges. — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2015. — 499 p.
22. Education for Change — Change for Education. Teacher manifesto for the 21st century of the conference “The Professional Image and Ethos of Teachers”. — Strasbourg : Council of Europe, 2014. — 40 p.
23. Europe 2020 [Электронный ресурс]. — URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm (дата обращения 15.05.2019).
24. Eurostat [Электронный ресурс]. — URL: [http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/File:Participation_rate_in_education_and_training,_2011_\(%C2%B9\)_\(%25\)_YB16.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/File:Participation_rate_in_education_and_training,_2011_(%C2%B9)_(%25)_YB16.png) (дата обращения 15.05.2019).
25. Howard, P. G. Twenty-First Century Learning as a Radical Re-Thinking of Education in the Service of Life / P. G. Howard // Education Sciences. — 2018. — No. 8 (4).
26. Jenson, J. Critical Review and Analysis of the Issue of “Skills, Technology and Learning” [Электронный ресурс] / J. Jenson, N. Taylor, S. Fisher. — URL: http://www.edu.gov.on.ca/eng/research/Jenson_ReportEng.pdf (дата обращения 15.05.2019).
27. Manifesto for Adult Learning in the 21st Century. — Brussels : Europ. Assoc. for the Education of Adults, 2016. — 16 p.

28. National Commission on Excellence in Education. A Nation at Risk: The Moral Imperative of Educational Reform [Электронный ресурс]. — URL: <https://www2.ed.gov/pubs/NatAtRisk/index.html> (дата обращения 15.05.2019).

29. Otara, A. The Future of Education and Its Challenges in Africa / A. Otara // Intern. J. of Humanities and Social Science. — 2012. — Vol. 2, no. 9. — P. 151—156.

30. Careers and learning in Deloitte Global Human Capital Trends [Электронный ресурс] / B. Pelster, D. Johnson, J. Stempel, V. D. B. Vyver. — Deloitte Univ. Press. — P. 29—37. — URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/central-europe/ce-global-human-capital-trends.pdf> (дата обращения 15.05.2019).

31. Попов, А. В. Barriers to the fulfilment of young people's potential in their work activities / A. V. Popov, T. S. Solov'eva // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2017. — Vol. 10, no. 3. — P. 251—268. — DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.1.

32. Social innovation as an effective response to modern challenges in education / A. Schröder, A. A. Shabunova, A. V. Popov, T. S. Solov'eva, M. A. Golovchin // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2017. — Vol. 10, no. 5. — P. 21—36. — DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.2.

33. United Nations. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (дата обращения 15.05.2019).

Сведения об авторе

Соловьева Татьяна Сергеевна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук, Вологда, Россия. solo_86@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 201—209.*

THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM: AN OVERVIEW OF GLOBAL CHALLENGES

T.S. Soloveva

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, solo_86@list.ru

Education is the most important institution responsible for the formation of human capital and labor potential of the territories, largely determining the possibilities of economic development of countries and regions. That is the reason that the development of education means not only keeping pace with the times, but also being ahead of the curve. The article is devoted to an overview of modern global challenges faced by the Russian education system. Based on the author's desk study data, the main global challenges of the Russian education system are systematized: information and technological, intellectual, sociocultural, administrative and managerial, innovative. In conclusion, it is considered that there is a need to address qualitative modernization of the educational system's institutional environment in order to improve the efficiency of its functioning.

Keywords: *education, education system, globalization, global challenges, educational policy.*

References

1. Bryzgalina E.V., Mironov V.V. Upravlenie obrazovaniem kak otvet na vyzovy sisteme obrazovaniya sovremennoj Rossii: social'no-filosofskie osnovaniya [Education Management as Response to the Challenges of Educational System of Modern Russia: Social and Philosophical Foundations]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya* [e-Almanac Space and Time], 2015, no. 9 (2). Available at: http://j.spacetime.com/actual%20content/t9v2/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.54.php, accessed 15.05.2019. (In Russ.).

2. *Budushchee obrazovaniya: global'naya povestka* [The future of education: a global agenda]. Skolkovo, ASI, 2015. 206 p. (In Russ.).

3. Gukalenko O.V., Borisenkov V.P. Podgotovka pedagogov dlya raboty s det'mi-migrantami v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve [Teachers training to work with migrant children in a multicultural educational space]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [National and Foreign Pedagogy], 2016, no. 1 (28), pp. 86-94. (In Russ.).
4. Dajk B. Globaliziruyushchij mir v osmyslenii filosofii obrazovaniya [Globalising world in the understanding of philosophy of education]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education], 2012, no. 6 (45), pp. 144-152. (In Russ.).
5. Itogi kompleksnogo nablyudeniya uslovij zhizni naseleniya [Results of comprehensive monitoring of living conditions of the population]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html, accessed 15.05.2019. (In Russ.).
6. Komarov K.Yu. Metodologicheskie osnovy razrabotki innovacionnoj modeli territorial'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Methodological Basis for Developing the Innovative Model of Regional Educational Environment]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2012, no. 5, pp. 37-50. (In Russ.).
7. Kravcov V.V., Savel'eva N.N., Chernyh T.V. Smeshannoe obuchenie kak otvet na vyzovy sovremennomu obrazovaniyu [Blended learning as a response to the challenges of modern education]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo* [Educational technologies and society], 2015, no. 18 (4), pp. 659-669. (In Russ.).
8. Kupcova M.V. Social'no-pedagogicheskie aspekty problemy gotovnosti pedagogov k rabote s det'mi migrantov [Social and pedagogical aspects of the problem of teacher's readiness for working with migrant's children]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, medikobioologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara RAS scientific center. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 2018, no. 20 (5), pp. 43-46. (In Russ.).
9. Leonidova G.V., Golovchin M.A., Soloveva T.S. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Sfera obrazovaniya territorii: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Public administration efficiency. Education sphere in the territories: current state and development prospects]. Ed. by A.A. Shabunova. Vologda, ISERT RAN, 2014. 153 p. (In Russ.).
10. Leonidova G.V., Golovchin M.A., Soloveva T.S. *Uchitel' i obrazovatel'naya reforma: vzglyad iz regiona*. [Teacher and educational reform: a view from the region]. Ed. by A.A. Shabunova, O.N. Kalachikova. Vologda, FGBUN VolRC RAS, 2018. 178 p. (In Russ.).
11. Soloveva T.S. Status uchitelya v sovremennom rossijskom obshchestve [The Status of a Teacher in the Modern Russian Society]. *Social'noe prostranstvo* [Social Area], 2018, no. 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.3. (In Russ.).
12. Sorokin G.G. Obrazovanie pozhiykh grazhdan kak otvet na aktual'nye vyzovy sovremennosti [Education of seniors as an answer to actual calls of the present time]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Social'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 2011, no. 3 (23), pp. 42-47. (In Russ.).
13. Spravka o rezul'tatah gosovaniya po voprosu: (pervoe chtenie) O proekte federal'nogo zakona № 376788-7 "O vnesenii izmeneniya v punkt 1 stat'i 123.24 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti isklyucheniya ponyatiya 'obrazovatel'nye uslugi'". *Oficial'nyj sayt Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj Federacii*. Available at: <http://vote.duma.gov.ru/vote/107212>, accessed 15.05.2019. (In Russ.).
14. *Statisticheskij byulleten' "Povyshenie kvalifikacii i professional'naya podgotovka rabotnikov organizacij v 2016 godu"* [Statistical Bulletin "Professional Development and training of employees of organizations in 2016"]. Moscow, Rosstat, 2017. T. 1. 280 p. (In Russ.).
15. Frumin I.D., Dobryakova M.S., Barannikov K.A., Remorenko I.M. Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu uchit' segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendenciyah transformacii shkol'nogo obrazovaniya [Universal competencies and new literacy: what to teach today for success tomorrow. Preliminary findings of the international report on school transformation trends]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Modern Education Analytics], 2018, no. 2 (19). (In Russ.).
16. Frumin I.D. Obrazovanie v Rossii: vyzovy global'noj konkurencii i vozmozhnyj otvet [Education in Russia: challenges of global competition and possible answer]. *Praktiki razvitiya: individual'naya iniciativa v novom obrazovatel'nom prostranstve: materialy XXIV nauchno-prakticheskoy konferencii* [Development practices: individual initiative in the new educational space: materials of the XXIV scientific-practical conference]. Krasnoyarsk, Institut psihologii praktik razvitiya, 2018. Pp. 5-8. (In Russ.).

17. Yanickij O.N. Vyzovy i riski globalizacii. Sem' tezisov [Challenges and Risks of Globalization. Seven Theses]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2019, no.1, pp. 29-39. (In Russ.).
18. Yanchenko I.V. Informacionnyj i tekhnologicheskij vyzovy obrazovaniyu kak tochki rosta [Information and technological challenges to education as the points of growth]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of Humanities and Natural Sciences], 2016, no. 2-5, pp. 8-10. (In Russ.).
19. *Challenges for education with equity in Latin America and the Caribbean: draft report №6 of Regional Preparatory Meeting 2011 United Nations Economic and Social Council Annual Ministerial Review ECO-SOC — AMR*. Available at: <http://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf/6.challenges.for.education.with.equity.web.pdf>, accessed 15.05.2019.
20. Clement J. Education Challenges in Wales. *The Public Law Project Wales Conference*. Available at: <http://www.publiclawproject.org.uk/resources/132/education-challenges-in-wales>, accessed 15.05.2019.
21. *Education for all 2000-2015: achievements and challenges*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2015. 499 p.
22. *Education for Change — Change for Education. Teacher manifesto for the 21st century of the conference "The Professional Image and Ethos of Teachers"*. Strasbourg: Council of Europe, 2014. 40 p.
23. *Europe 2020*. Available at: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm, accessed 15.05.2019.
24. *Eurostat*. Available at: [http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/File:Participation_rate_in_education_and_training,_2011_\(%C2%B9\)_\(%25\)_YB16.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/File:Participation_rate_in_education_and_training,_2011_(%C2%B9)_(%25)_YB16.png), accessed 15.05.2019.
25. Howard P.G. Twenty-First Century Learning as a Radical Re-Thinking of Education in the Service of Life. *Educational Sciences*. 2018, vol. 8 (4). DOI: 10.3390/educsci8040189.
26. Jenson J., Taylor N., Fisher S. *Critical Review and Analysis of the Issue of "Skills, Technology and Learning"*. Available at: http://www.edu.gov.on.ca/eng/research/Jenson_ReportEng.pdf, accessed 15.05.2019.
27. *Manifesto for Adult Learning in the 21st Century*. Brussels: European Association for the Education of Adults, 2016. 16 p.
28. *National Commission on Excellence in Education. A Nation at Risk: The Moral Imperative of Educational Reform*. Available at: <https://www2.ed.gov/pubs/NatAtRisk/index.html>, accessed 15.05.2019.
29. Otara A. The Future of Education and Its Challenges in Africa. *International Journal of Humanities and Social Sciences*, 2012, vol. 2(9), pp. 151-156.
30. Pelster B., Johnson D., Stempel J., Vyver VDB. *Careers and learning in Deloitte Global Human Capital Trends*. Deloitte University Press, 2017. 144 p. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/central-europe/ce-global-human-capital-trends.pdf>, accessed 15.05.2019.
31. Popov A.V., Solov'eva T.S. Barriers to the fulfilment of young people's potential in their work activities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10 (3), pp. 251-268.
32. Schröder A., Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S., Golovchin M.A. Social innovation as an effective response to modern challenges in education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10 (5), pp. 21-036.
33. *United Nations. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. 2015, October 21. 35 p. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E, (accessed 15.05.2019).

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАДАСТРОВОЙ И РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ

В. Н. Бердникова

Филиал Байкальского государственного университета в Братске, Братск, Россия

Рассмотрены две важные категории: рыночная стоимость и кадастровая стоимость, обозначены их общие черты и основные различия. Уточнен принцип экономической обоснованности применительно к определению кадастровой стоимости, раскрыты принципы формирования рыночной и кадастровой стоимости объектов оценки и установлена проявляющаяся взаимосвязь между данными стоимостями на всех этапах государственной кадастровой оценки. Сформулированы основные проблемы, которые приводят к росту количества случаев оспаривания результатов определения кадастровой стоимости и сдерживают развитие рыночной системы кадастровой оценки в России.

Ключевые слова: рыночная стоимость, кадастровая стоимость, рыночная информация, экономическая обоснованность

Различия в расчетной величине рыночной и кадастровой стоимости на протяжении последних десятилетий являются дискуссионным вопросом для разных категорий лиц. Причины разброса этих стоимостей были изучены в работах разных исследователей и объяснялись как несовершенством методологии массовой оценки, так и временными характеристиками проведения оценки [13; 14]. Для устранения несоответствий некоторыми экономистами предлагалось проведение постоянного мониторинга рынка, создание объемной актуальной статистической базы данных по рынку [16; 5]. Также ряд авторов доказывают, что для получения максимально приближенных результатов определения кадастровой стоимости к рыночной оценке необходим учет существенных или разноуровневых факторов стоимости объектов оценки [8]. Повышенный интерес к данной тематике стал подтверждением актуальности изучения проблем в развитии российской системы кадастровой оценки и предопределил выбор темы данного исследования.

Примечательно, что в перечисленных выше работах делается упор на совершенствование методологии или методики проведения кадастровой оценки, а упускаются из вида существенные обстоятельства, которые изначально не предоставляют возможности отождествлять рыночную и кадастровую стоимость. В связи с этим целью данного научного исследования стало выявление сходств, различий и взаимосвязей между рыночной и кадастровой стоимостью объектов оценки, а также изучение их экономической природы.

На протяжении длительного времени государство для целей налогообложения использовало

термин «инвентаризационная стоимость», который учитывал ограниченный набор параметров, отражающих исключительно физические особенности строительства и эксплуатации объектов недвижимости. С 2013 г. в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» государственный технический учет и расчет инвентаризационной стоимости объектов недвижимости перестал осуществляться [4]. На смену пришел термин «кадастровая стоимость», который нашел широкое применение не только в отношении налогообложения недвижимости.

Изначально термин «кадастровая стоимость» был изложен фрагментарно, без какой-либо системы и иерархии. До 2011 г. в Земельном кодексе РФ было прописано, что кадастровая стоимость земельного участка устанавливается в процентах от его рыночной стоимости, а на деле отсутствовала проработка вопроса нормативных документов в части определения размера процента, возможности и случаев его применения для расчета кадастровой стоимости. В то же время в ФСО № 4 «Определение кадастровой стоимости» от 22 октября 2010 г. № 508 было прописано, что кадастровая стоимость — это установленная в процессе государственной кадастровой оценки рыночная стоимость объекта недвижимости методами массовой оценки, следовательно, здесь имело место отождествление рыночной и кадастровой стоимости, а отличие последней просматривалось в методологии проведения оценки [15].

Такие разночтения в формулировках, на практике наблюдавшиеся существенные различия между значениями рыночной и кадастровой стоимости одного и того же объекта оценки, вызывали огром-

ное количество споров между заинтересованными лицами, среди которых прежде всего выступали собственники и арендаторы недвижимости с одной стороны и государство — с другой. Более 9,7 тыс. россиян оспорили в 2018 г. кадастровую оценку принадлежащей им недвижимости. В результате Росреестр рассмотрел 15,9 тыс. заявлений с просьбами пересмотреть стоимость 26,9 тыс. объектов. Таким образом, около 25,4% заявителей получили в ответ на свою просьбу о пересмотре отказ [9]. Указанные выше обстоятельства обозначили актуальность и своевременность изучения вопроса формулировки термина «кадастровая стоимость».

Сегодня в Федеральном законе от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» прописано, что под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства [2]. При этом толкование термина «кадастровая стоимость» выглядит несколько иначе, так под ней понимается стоимость, установленная в следующих случаях:

- при проведении государственной кадастровой оценки;
- рассмотрении споров о результатах определения кадастровой стоимости;
- учете новых объектов или внесении количественных и качественных изменений в характеристики объекта.

Таким образом, в Федеральном законе № 135-ФЗ дается четкое понимание обстоятельств, при которых формируется стоимость, в то время как

для кадастровой стоимости перечисляются ситуации, в которых она должна использоваться, без характеристики особенностей ее формирования. Раскрытие термина осуществлено в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке». Так, в ст. 3 указано, что кадастровая стоимость — это стоимость объекта недвижимости, определенная в установленном порядке, предусмотренном законодательством, и в результате проведения государственной кадастровой оценки в соответствии с методическими указаниями о государственной кадастровой оценке [3]. Более точное толкование законодатель дает в Методических указаниях о государственной кадастровой оценке, утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 12 мая 2017 г. № 226, где в п. 1.2 прописано, что определение кадастровой стоимости предполагает расчет наиболее вероятной цены объекта недвижимости, по которой он может быть приобретен, исходя из возможности продолжения фактического вида его использования независимо от ограничений на распоряжение этим объектом недвижимости [11]. В текущей редакции ФСО № 4 термин «кадастровая стоимость» не раскрывается, лишь обозначаются цели применения данной стоимости, среди которых — налогообложение. Также дается уточнение, что эта стоимость выводится на основе рыночной информации и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования объекта недвижимости, без учета иных, кроме права собственности, имущественных прав на данный объект недвижимости.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии параллели между рыночной и кадастровой стоимостью, при этом имеют место их существенные отличительные признаки, которые отражены в таблице ниже. Все перечисленные признаки рыночной

Основные признаки рыночной и кадастровой стоимости

Признак	Проявление в стоимости	
	рыночная	кадастровая
Цель проведения	Баланс интересов продавца и покупателя при совершении сделки	Стоимость для целей налогообложения
По отношению к собственнику	Наиболее вероятная цена, по которой объект может быть отчужден	Наиболее вероятная цена, по которой объект может быть приобретен
База расчета	Набор объектов-аналогов	Рыночная информация в целом по сегменту объекта оценки
Обременения	Учитываются	Не учитываются (за исключением п. 10 ФСО № 4)
Вид использования	Наиболее эффективный	Текущий фактический
Вид оценки	Индивидуальная	Массовая
Ценообразующие факторы	Все необходимые	Ограниченный набор
Периодичность	При необходимости	Систематическая
Подвижность во времени	Динамичная	Статичная
Актуальность результатов оценки	До 6 месяцев	От 3 до 5 лет

стоимости формируются благодаря общеизвестным признакам (принцип спроса и предложения, замещения, ожидания, наиболее эффективного использования и т. д.), которые были раскрыты разными экономистами [6; 7]. Однако они не нашли отражения в Федеральном законе № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

При этом принципы проведения государственной кадастровой оценки изложены в Федеральном законе № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке», среди которых — единство методологии, непрерывность, независимость и открытость, проверяемость и экономическая обоснованность. Если с первыми все понятно, то последний требует дополнительного осмысления. Нигде законодательно данное понятие не разъясняется, при этом область применения его достаточно широка: экономическое обоснование проектов, понесенных расходов, налогообложения и т. п. В общем понимании за термином «экономическая обоснованность» стоит процедура приведения фактов и аргументов в подтверждение какого-либо социально-экономического или иного явления, процесса или действия, следовательно, под экономической обоснованностью можно понимать экономическую оправданность.

Кадастровая стоимость выводится прежде всего для целей обложения имущества, а все налоги и сборы согласно ст. 3 Налогового кодекса РФ должны иметь экономическое обоснование, следовательно, имманентно для кадастровой стоимости характерен этот же признак [1; 12]. Экономическая обоснованность налогообложения предполагает, что нагрузка на налогоплательщика устанавливается с учетом его финансовых возможностей, следовательно, и налоговый платеж с имущества должен быть посильным для него. Однако при выведении кадастровой стоимости оценщик не учитывает материальное положение собственника, а работает исключительно с рыночными данными. Чтобы избавиться от неоднозначности трактовок, в рамках данной статьи автором сформулированы критерии, при выполнении которых проявляется принцип «экономической обоснованности»:

- наличие прямой стохастической связи между кадастровой стоимостью и рыночной ситуацией;
- соблюдение законодательно установленных процедур при формировании кадастровой стоимости.

Различия между рыночной и кадастровой стоимостью (см. таблицу на с. 211), особенности в принципах оценки, отличия в технологии проведения работ предопределили необходимость

создания специального института государственной кадастровой оценки, который должен был заниматься не только периодической кадастровой оценкой недвижимости, но и также развивал систему мониторинга рынка недвижимости с целью контроля рыночной стоимости объектов оценки. Сама необходимость постоянного контроля рыночной ситуации вытекает из ст. 19 Федерального закона № 237-ФЗ и отражена на рисунке.

Таким образом, можно говорить о тесной общей экономической природе формирования рыночной и кадастровой стоимости, но в настоящее время кадастровая стоимость является самостоятельным видом стоимости, при этом базирующимся на рыночной информации, поэтому можно говорить, что в России формируется рыночная система кадастровой оценки. Рассмотрим подробнее основные трудности формирования такой системы в российских условиях.

1. Низкое качество и количество информации в отношении земельного участка, содержащейся в ЕГРН.

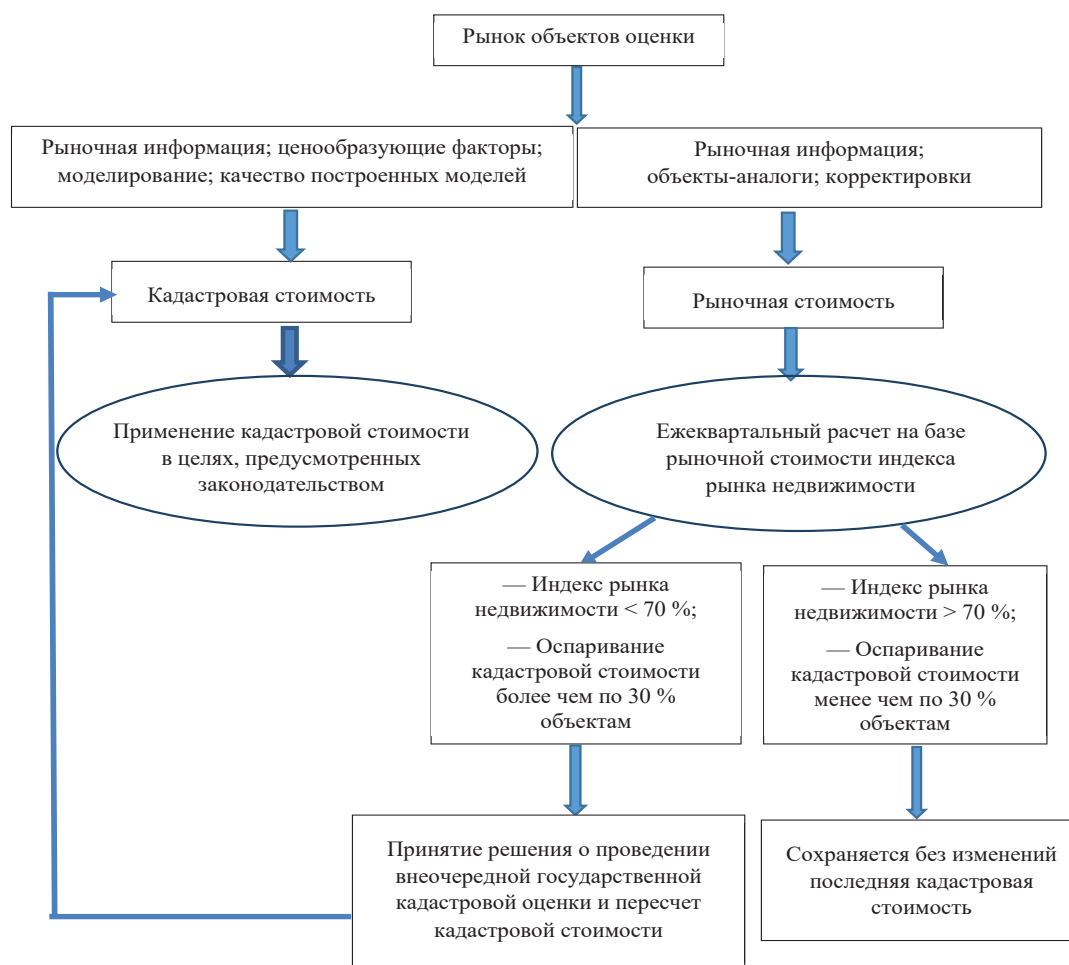
Предоставляемая кадастровым оценщикам исходная информация по объектам оценки в ЕГРН может иметь такие неточности, как неполное описание земельного участка и объекта капитального строительства, отсутствие информации об инженерных сетях, охранных зонах объектов культурного наследия. Некорректные исходные данные ограничивают возможности экономического обоснования кадастровой стоимости: в результате итоги оценки либо превышают рыночные показатели в разы, либо занижены.

2. Неоднозначность вида разрешенного использования земельного участка.

На практике бывает, что вид разрешенного использования земельного участка не позволяет однозначно отнести его ни к одной из функциональных групп типового перечня видов разрешенного использования, единый порядок определения которого отсутствует. Отдельную трудность составляют объекты, у которых вид разрешенного использования многозначен или фактическое использование не соответствует установленному, что связано с ненадлежащим исполнением полномочий по осуществлению земельного контроля.

3. Отсутствие в ЕГРН информации по существенным характеристикам, которые значительно влияют на кадастровую стоимость.

Для каждого покупателя ключевым фактором будет выступать местоположение, но, помимо этого, на рыночную стоимость влияют другие существ-

Взаимосвязь рыночной и кадастровой стоимости

венные ценообразующие факторы, например, количество комнат, площадь кухни, тип санузла и другая информация. В базе ЕГРН содержится ограниченный набор параметров объектов оценки (не всегда тесно коррелирующих с рыночной стоимостью), что сдерживает возможности по созданию адекватных оценочных моделей.

4. Отсутствие достоверной рыночной информации.

Информация по сделкам из Росреестра может содержать неактуальные ценовые данные в сторону как завышения, так и занижения. В первом случае на такую меру идут продавцы, стараясь уклониться от налогообложения полученных доходов из-за непродолжительного срока владения объектом. Во втором — обычно покупатели рассчитывают на получение большей суммы ипотечного кредита (по сниженной ставке относительно потребительских кредитов) либо продавцы заинтересованы в мошеннических схемах с обналичиванием денежных средств по какому-либо сертификату. Отметим также, что базы предложений по продажам на открытом рынке имеют завышенный характер, что ведет к росту кадастровой стоимости.

Трудности с рыночными данными возникают при массовой оценке земель промышленности, сельскохозяйственного назначения или специального назначения и других, так как обычно сторонами не декларируются реальные цены сделок с коммерческой недвижимостью.

5. Незрелость рынка недвижимости в некоторых сегментах, районах в регионах России.

Отсутствие реальных сделок купли-продажи самым негативным образом влияет на качество кадастровой оценки, так как требуется либо расширение географии поиска рыночных данных, либо использования удельных показателей кадастровой стоимости, рассчитанной по аналогичным объектам, что неуклонно снижает качество кадастровой оценки.

6. Трудности в подборе адекватной оценочной модели.

Количество объектов, подлежащих оценке в момент проведения кадастровой оценки, делает невозможным частный анализ характеристик объектов; в процессе кадастровой оценки применяют математические модели, которые основаны на укрупненном анализе факторов, оказывающих влияние

на стоимость недвижимости. Это в большинстве случаев приводит к несоответствию кадастровой стоимости рыночной, притом отличие наблюдается как в большую, так и в меньшую сторону.

Итак, кадастровая стоимость тесно коррелирует с рыночной, но не тождественна ей. В случае превышения кадастровой стоимости может встать вопрос об оспаривании установленной стоимости и целесообразности оспаривания — с учетом расходов на индивидуальную оценку объекта, на ведение дела в суде и оставшегося срока, в течение которого в соответствии с законодательством будет применяться сниженная кадастровая стоимость. Поэтому действия по оспариванию могут оказаться неэффективными [10].

Отметим, что в 2019 г. вступили в силу поправки, внесенные Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 334-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в п. 15 ст. 378.2, п. 1.1 ст. 391 и п. 2 ст. 403 Налогового кодекса РФ. Эти изменения скорректировали порядок применения в целях налогообложения измененной судом или комиссией кадастровой стоимости. До 2019 г. измененная

кадастровая стоимость применялась в целях налогообложения с 1 января текущего года, в котором было подано заявление заинтересованным лицом. В соответствии с новыми правилами изменения в кадастровой стоимости учитываются с даты начала ее применения, то есть с даты вступления в силу акта об утверждении результатов определения кадастровой стоимости. Эти же правила распространяются на изменение кадастровой стоимости, связанные с исправлениями технических ошибок, однако при изменении в случае изменения характеристик самого объекта пересчет осуществляется со дня внесения соответствующих изменений в ЕГРН.

Искажение результатов кадастровой оценки в сторону занижения приводит к прямым финансовым потерям местных бюджетов, и, наоборот, завышение влечет за собой рост социальной напряженности и учащение обращений по оспариванию кадастровой стоимости. Сегодня устранение вышеперечисленных проблем массовой оценки является возможностью для оптимизации управления земельными ресурсами, социальной справедливости и устойчивого, планомерного развития территории.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
2. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 № 135-ФЗ.
3. Федеральный закон «О государственной кадастровой оценке» от 03.07.2016 № 237-ФЗ.
4. Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ.
5. Алексеев, А. О. К вопросу об интеллектуальном анализе, массовой оценке и управлении рынком недвижимости регионов России / А. О. Алексеев, В. А. Харитонов, В. Л. Ясницкий // Приклад. математика и вопросы упр. — 2017. — № 1. — С. 87—99.
6. Асаул, А. Н. Оценка собственности. Оценка объектов недвижимости / А. Н. Асаул, В. Н. Старинский, М. К. Старовойтов, Р. А. Фалтинский. — СПб. : ИПЭВ, 2012. — 472 с.
7. Бердникова, В. Н. Экономика недвижимости / В. Н. Бердникова. М. : Юрайт, 2018. — 190 с.
8. Анализ ценообразующих факторов, оказывающих влияние на кадастровую стоимость недвижимости / А. В. Дубровский, А. Л. Ильиных, О. И. Малыгина, В. Н. Москвин, А. В. Вишнякова // Вестн. СГУГИТ (Сиб. гос. ун-та геосистем и технологий. — 2019. — № 2 (24). — С. 150—169.
9. Кадастровая оценка [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/> (дата обращения 09.08.2019).
10. Лобанова, Е. И. Проблемы, связанные с кадастровой стоимостью земельного участка на современном этапе / Е. И. Лобанова, И. И. Бархатова // Регулирование земельно-имуществ. отношений в России: правовое и геопространств. обеспечение, оценка недвижимости, экология, технол. решения. — 2018. — № 2. — С. 100—104.
11. Методические указания о государственной кадастровой оценке, утверждены приказом Минэкономразвития России от 12.05.2017. № 226.
12. Середа, Г. В. Принцип экономической обоснованности налога / Г. В. Середа // Налоги и налогообложение. — 2013. — № 7 (109). — С. 483—485.
13. Тиндова, М. Г. Анализ различий между рыночной и кадастровой стоимостью объектов недвижимости / М. Г. Тиндова, О. П. Корякина, И. Д. Рамазанова // Наука и общество. — 2012. — № 5. — С. 46—50.

14. Учнина, Т. В. Рыночная и кадастровая стоимость земельных участков: причины несоответствия / Т. В. Учнина // Вестн. ПГУАС: строительство, наука и образование. — 2017. — № 1. — С. 106—110.
15. Федеральный стандарт оценки «Определение кадастровой стоимости объектов недвижимости (ФСО № 4)», утвержден приказом Минэкономразвития России от 22.10.2010 № 508.
16. Штань, М. В. Конфликт между рыночной и кадастровой стоимостями / М. В. Штань // Имуществ. отношения в РФ. — 2018. — № 8 (203). — С. 34—49.

Сведения об авторе

Бердникова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и экономики нефтегазового комплекса филиала Байкальского государственного университета в Братске, Братск, Россия. wkoshman@rambler.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 210—216.*

CADASTRAL AND MARKET VALUE: THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES

V.N. Berdnikova

Branch of Baikal State University in Bratsk, Bratsk, Russia. wkoshman@rambler.ru

Currently, more and more legal entities and individuals are turning to the Commission or the court to establish the cadastral value of the market. The reason for such dynamics is the process of determining the cadastral value for all real estate objects, the ownership of which is registered in the usrn, which began in Russia in 2017, and the significant differences between the cadastral and market value. The article describes the market and cadastral value, their common features and the main differences. The principle of economic validity of cadastral value is specified, the interrelation between these values at all stages of the state cadastral assessment is designated, and also a number of problems which constrain development of market system of cadastral assessment in Russia is formulated.

Keywords: *market value, cadastral valuation, market information, economic feasibility.*

References

1. *Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 N 146- FZ* [The tax code of the Russian Federation (part one)]. (In Russ.).
2. *Federal'nyj zakon "Ob ocenochnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii" ot 29.07.1998 № 135-FZ* [On valuation activities in the Russian Federation]. (In Russ.).
3. *Federal'nyj zakon "O gosudarstvennoj kadastrovoj ocenke" ot 03.07.2016 № 237-FZ* [On state cadastral evaluation]. (In Russ.).
4. *Federal'nyj zakon "O kadastrovoj deyatel'nost" ot 24.07.2007 № 221-FZ* [On cadastral activities]. (In Russ.).
5. Alekseev A.O., Kharitonov V.A., Yasnitsky V.L. K voprosu ob intellektual'nom analize, massovoj ocenke i upravlenii rynkom ne-dvizhimosti regionov Rossii [On the issue of intellectual analysis, mass assessment and management of the market of non-movable regions of Russia]. *Prikladnaya matematika i voprosy upravleniya* [Applied mathematics and management issues], 2017, no. 1, pp. 87-99. (In Russ.).
6. Asaul A.N. *Ocenka sobstvennosti. Ocenka ob'ektov nedvizhimosti* [Property Valuation. Valuation of real estate]. SPb., IPEV Publ., 2012. 472 p. (In Russ.).
7. Berdnikova V.N. *Ekonomika nedvizhimosti* [Real Estate Economics]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 190 p. (In Russ.).
8. Dubrovskiy A.V., Ilyin L.A., Malygin O.I., Moskvina V.N., Vishnyakova A.V. Analiz cenoobrazuyushchih faktorov, okazyvaya-yushchih vliyaniye na kadastruvuyu stoimost' nedvizhimosti [Analysis of pricing factors affecting the cadastral value of real estate]. *Vestnik SGUGIT (Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosi-stem*

i tekhnologij [Journal of SSGA (Siberian state University of geosystems and technologies)], 2019, no. 2 (24), pp. 150-169. (In Russ.).

9. *Kadastrovaya ocenka* [Cadastral valuation]. Available at: <https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/>, accessed 09.08.2019. (In Russ.).

10. Lobanova E.I. Problemy, svyazannye s kadastrovoj stoimost'yu zemel'nogo uchastka na sovremennom etape [Problems associated with the cadastral value of the land at the present stage]. *Regulation of land and property relations in Russia: legal and geospatial support, valuation of non-movable, ecology, technological solutions*, 2018, no. 2, pp. 100-104. (In Russ.).

11. *Metodicheskie ukazaniya o gosudarstvennoj kadastrovoj ocenke, utverzhdeny prikazom Minekonomrazvitiya Rossii* [Methodical instructions on the state cadastral assessment, are approved by the order of the Ministry of economic development of Russia] of 12.05.2017 № 226. (In Russ.).

12. Sereda G.V. Princip ekonomicheskoy obosnovannosti naloga [The Principle of economic feasibility of tax]. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and taxation], 2013, no. 7 (109), pp. 483-485. (In Russ.).

13. Tihova M.G. Analiz razlichij mezhdru rynochnoj i kadastrovoj stoimost'yu ob'ektov nedvizhimosti [An analysis of the differences between the market and cadastral value of real estate]. *Nauka i obshchestvo* [Science and society], 2012, no. 5, pp. 46-50. (In Russ.).

14. Ushenina T.V. Rynohnaya i kadastrvaya stoimost' zemel'nyh uchastkov: prichiny nesootvetstviya [Market and cadastral value of land plots: reasons]. *Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie* [Bulletin of PGWS: construction, science and education], 2017, no. 1, pp. 106-110. (In Russ.).

15. The Federal valuation standard "The Definition of cadastral cost of objects of real estate (FVS № 4)", approved by order of Ministry of economic development of 22.10.2010 № 508. Available at: <http://www.consultant.ru>, accessed 08.08.2019. (In Russ.).

16. Stang M.V. Konflikt mezhdru rynochnoj i kadastrovoj stoimostyami [The Conflict between the market and cadastral value]. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF* [Property relations in the Russian Federation], 2018, no. 8 (203), pp. 34-49. (In Russ.).

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

A FRESH VIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 217—224.

УДК 339.9
ББК 65.59

DOI 10.24411/1994-2796-2019-10925

ЕАЭС: АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

К. Ю. Подкина

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Актуальным направлением в развитии международных отношений является поиск наилучших государств-партнеров. Рассматривается Евразийский экономический союз (ЕАЭС) как пример международной экономической интеграции (МЭИ). Анализируется текущее состояние союза; как на качественном уровне (SWOT-анализ), так и на количественном рассматриваются экономические взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик через призму социально-экономических показателей. Автор поясняет, что образование ЕАЭС открывает новые перспективы для многостороннего сотрудничества, поэтому сформулированы предложения по дальнейшему развитию международного сотрудничества ЕАЭС, направленные на максимизацию экономических эффектов как для России, так и для союза.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз (ЕАЭС), интеграция, национальная экономика, сотрудничество, социально-экономические показатели, SWOT-анализ.*

Евразийский экономический союз — новая интеграционная группировка на постсоветском пространстве — вызывает повышенный интерес как субъект мирового хозяйства, потенциально способный стать новым региональным и мировым игроком. ЕАЭС — международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе 1 января 2015 г. На территории Евразийского экономического союза гарантируется свободное перемещение услуг, капитала, товаров и кадровой (рабочей) силы и осуществление единой, согласованной или скоррелированной политики во всех экономических сферах. Членами ЕАЭС являются РФ, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан.

Союз образован для многостороннего преобразования, кооперации и повышения уровня экономик стран-участниц на международной арене, обеспечения условий непрерывного развития с целью укрепления и повышения уровня жизни населения на территории ЕАЭС.

ЕАЭС в процессе становления, развития и углубления интеграции способен влиять на международные процессы, как экономические, так и политические, на основании следующего:

1) страны союза в совокупности располагают огромными ресурсами, как человеческими (4,4% населения земного шара проживает на территории

ЕАЭС), так и природными (на территорию ЕАЭС приходится 16,4% земной суши, 25% основных видов полезных ископаемых). Около 40% мировых запасов природного газа, 25% леса, 25% каменного угля, 20% нефти, 13% пахотных земель и 11% пресной воды располагается на территории ЕАЭС;

2) ЕАЭС обладает исключительным трансконтинентальным географическим положением, что способствует укреплению конкурентоспособности союза на мировой арене и созданию транспортных коридоров на региональном и глобальном уровнях. Все это увеличивает масштабы торговых потоков между Европой и Азией.

3) на территории ЕАЭС в текущее время формируется новейшая точка экономической активности, которая в будущем, вероятнее всего, сможет стать двигателем и гейзером мирового развития.

Цель работы состоит в анализе текущего состояния ЕАЭС и перспектив дальнейшего развития для союза в целом. На взгляд автора, необходимо применить такую социально-экономическую оценку, чтобы учитывались качественные и количественные показатели, а затем подвести итоги последствий от участия стран в интеграции.

Методом качественного анализа выбран SWOT-анализ ЕАЭС: в табл. 1 автором представлены сильные и слабые стороны интеграционного объединения, проанализированы возможности и угрозы блока.

Таблица 1

SWOT-анализ ЕАЭС

Сильные стороны	1. В целом объединение имеет самую мощную географическую территорию 2. Рынок потребителей (170 млн) 3. Мощнейшие природно-энергетический потенциал союза 4. ЕАЭС унаследовал инфраструктуру, развитое с/х, ВПК, человеческий капитал от бывшего СССР 5. Выгодное геостратегическое положение ЕАЭС на мировой арене (между Западом и Востоком: Китай, Индия, ЕС, Центральная Азия и Ближний Восток)	1. Отсутствие союзной общности (сохранились стереотипы и страхи тоталитарного прошлого) 2. Слабо развит реальный сектор экономики, НИОКР, туризм, так как превалирует сырьевая экономика 3. Повышен уровень коррупции, клановости, бюрократии 4. Зависимость от санкций Запада, валютного курса 5. Несогласованность законодательства и межгосударственных структур	Слабые стороны
Возможности	1. Потенциал расширения за счет новых участников союза 2. Мировой поставщик сырья, товаров и услуг при рациональном использовании ресурсов блока 3. Транзитные возможности высоки, особенно с запуском ГТК «Западная Европа — Западный Китай» 4. Финансовый центр с развитой экономической зоной и благоприятным инвестиционным климатом	1. Социально-экономические проблемы, связанные с разностью в экономическом развитии стран-членов 2. Зависимость от ценовой конъюнктуры на природно-энергетические позиции, так как эти позиции составляют основу экономики блока 3. Чрезмерная долларизация национальных экономик отдельных стран ЕАЭС несет экономическую угрозу 4. Угроза терроризма, сепаратизма	Угрозы

При анализе региональных экономических связей и оценке потенциала интеграции представляет интерес система показателей, которая выступает инструментом мониторинга и оценки интеграционных процессов на постсоветском пространстве и представляет собой комплексную систему, состоящую из ряда показателей, охватывающих различные аспекты: экономический и социальный. По мнению автора, эта система должна включать динамику следующих социально-экономических показателей: население, трудовую миграцию, показатели ВВП стран-участниц, продолжительность жизни, рынок труда, уровень заработной платы в странах-участницах союза, показатели внешней и внутренней торговли, на территории как стран-участниц, так и союза. Новизна статьи заключается в том, что автор классифицирует эти показатели на социально-экономические блоки для наглядности и структурированности, также в дальнейшем использовании можно будет делать экспресс-оценку по отдельно взятым блокам (рис. 1).

За годы существования данного интеграционного объединения произошли существенные изменения, в связи с чем большой интерес вызывает вопрос оценки результатов сотрудничества в рамках объединения.

По представленной на рис. 1 схеме, которая комплексно иллюстрируют социально-экономическое

положение стран и объединения в целом, автор производит расчеты по следующим показателям, которые дадут общее представление о социально-экономическом потенциале ЕАЭС:

1. Население.

Показатель численности населения государств союза за последние два года увеличился на 12,4 млн чел., таким образом, на 01.01.2016 составил 182,7 млн чел., что занимает 2,5% от общего мирового показателя численности населения (рис. 2). А вот показатель численности экономически активного населения в 2014 году составил 92,9 млн чел., что занимает 2,8% общего мирового показателя.

2. Продолжительность жизни.

Ожидаемая продолжительность жизни в странах — участницах ЕАЭС, по данным национальных статистических служб государств, в 2017 г. по сравнению с 2015 г. имеет положительный рост (рис. 3).

3. Рынок труда.

Показатель численности экономически активного населения (безработные и занятые) в 2017 г. на территории ЕАЭС составил 93,9 тыс. чел. (рис. 4). Показатель уровня безработицы с 2013 по 2017 г. снизился, соответственно, показатель численности экономически активного населения в этот же период увеличилась на 5,3 тыс. чел. на территории союза.

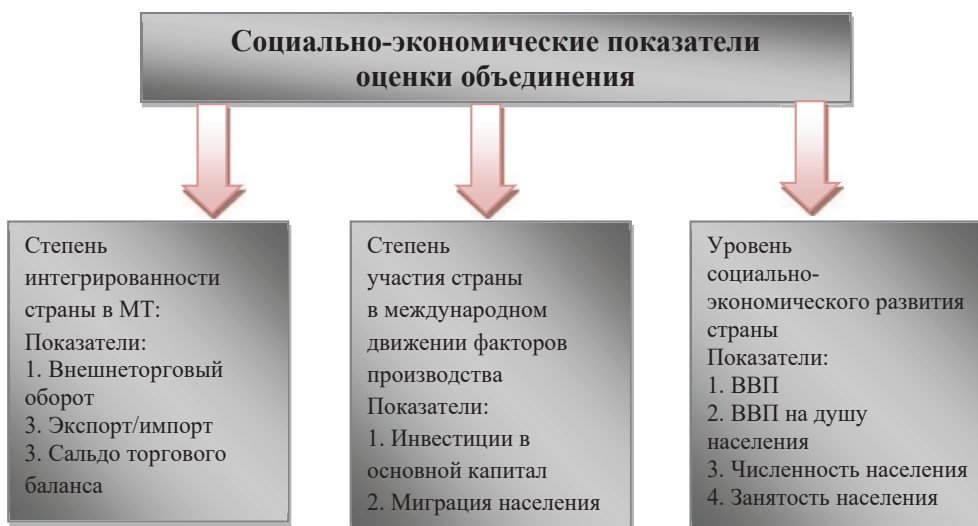

Рис. 1. Социально-экономические блоки

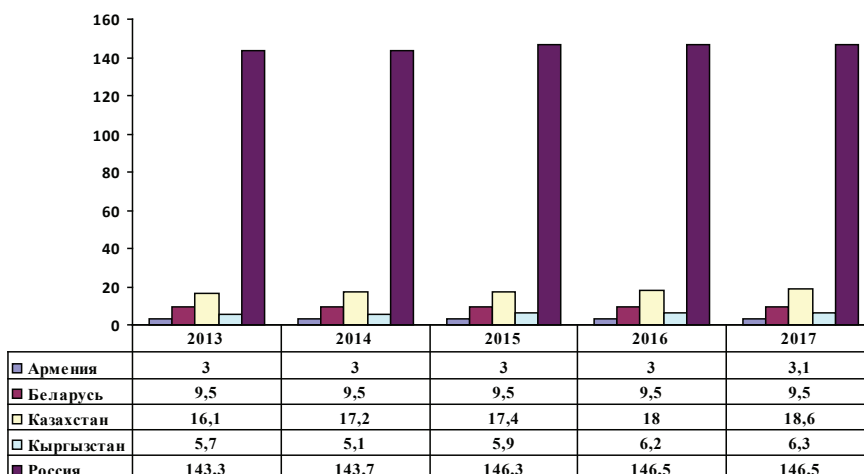

Рис. 2. Численность постоянного населения, в млн чел.

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

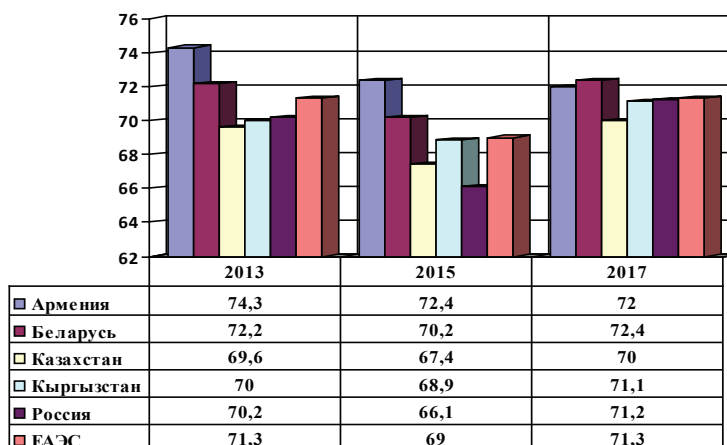

Рис. 3. Продолжительность жизни стран-участниц ЕАЭС (в годах)

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

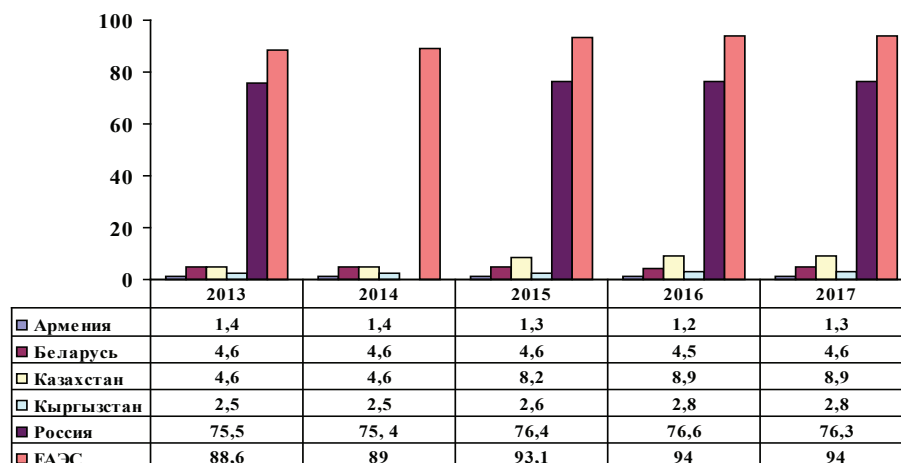

Рис. 4. Численность экономически активного населения, млн чел.

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

4. Заработная плата.

Номинальная заработная плата, по данным Евразийской экономической комиссии, в 2017 г. во всех государствах — членах ЕАЭС имела положительный рост [10]. Среднемесячная номинальная заработная плата выросла в период с января по декабрь 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом 2016 г.: в Армении — на 2,9%, в Казахстане — 5,1, в Кыргызстане — 6,7, в России — 7,2, в Беларуси — на 12,6%. Показатель реальной заработной платы упал в Казахстане на 2,1%;

прирост в Армении на 1,9%; в России на 3,4%; в Кыргызстане на 3,5% и в Беларуси на 6,2%, (табл. 2).

5. Валовой внутренний продукт (ВВП).

Совокупный валовой внутренний продукт стран ЕАЭС в 2016 году составил 4469,3 млрд долларов США [10], что составило около 3,81% мирового объема ВВП. Начиная с 2015 года наблюдается небольшое падение показателя, что объясняется снижением ВВП РФ и Белоруссии в 2015 и 2016 гг. (рис. 5).

Таблица 2

Номинальная заработная плата в национальной валюте*

Страна	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	не вступила		184 441	187 850	194 259
Беларусь	5 139,4	6 091,3	6 718,7	722	815
Казахстан	108 640,0	120 455	125 335	142 351	149 663
Кыргызстан	не вступила		12 848	14 017	14 874
Россия	29 960	32 600	33 925	36 703	39 085
ЕАЭС					

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии.

* Армения — армянских драмов, Беларусь — белорусских рублей, Казахстан — тенге, Кыргызстан — сомов, Россия — российских рублей.

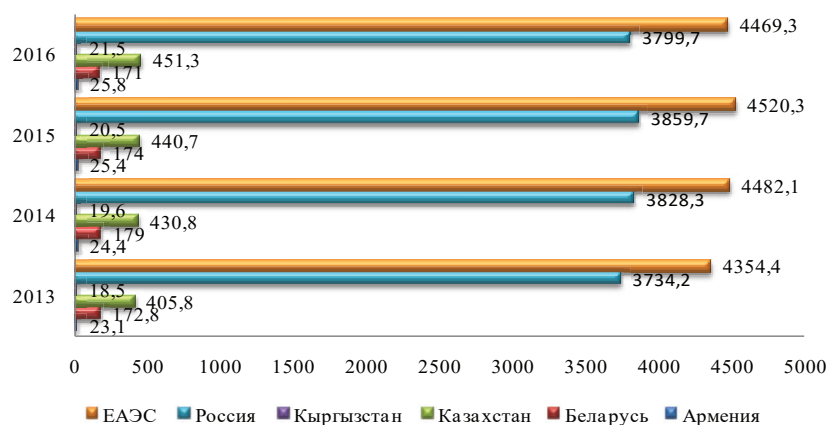

Рис. 5. Динамика совокупного ВВП стран ЕАЭС в 2013—2016 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии.

6. Взаимная и внешняя торговля товарами стран-участниц ЕАЭС.

Под внешней торговлей ЕАЭС понимается торговля государств — членов ЕАЭС с третьими странами; под взаимной торговлей ЕАЭС — торговля между государствами — членами ЕАЭС [8]. Это является важным показателем степени вовлеченности членов ЕАЭС в интеграцию.

На рис. 6 и в табл. 3 представлены показатели объемов взаимной торговли товарами стран — участниц ЕАЭС (по данным Евразийской экономической комиссии [10]).

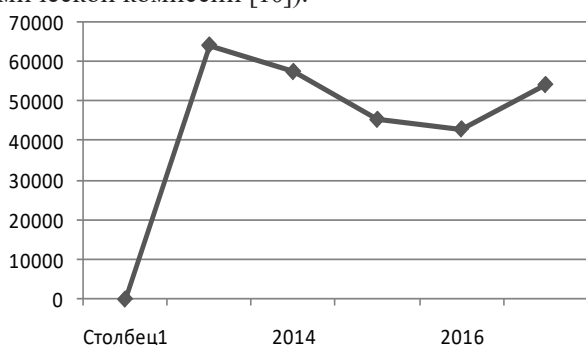

Рис. 6. Объем взаимной торговли товарами стран — участниц ЕАЭС, млн долл. США

В 2017 г. удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли вырос незначительно по ЕАЭС в сравнении с 2016 г. В 2016 г. удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли по ЕАЭС по сравнению с 2015 г. увеличился с 13,6 до 14,4 %, в 2015 г. — с 12,3 до 13,5 %. Сокращение наблюдалось в 2014 г. (с 12,1 до 11,7 %) [2].

Начиная с 2013 г. прослеживается отрицательная динамика во взаимной торговле стран — членов ЕАЭС. Большой объем снижения в стоимостном выражении наблюдается в 2015 г. (на 25,5 %) [11]. Увеличение объемов взаимной торговли наблюдается в 2016 г. В 2017 г. тенденция сохранилась. Объем взаимной торговли

вырос на 26,9 %. Результаты взаимной торговли между странами — участницами ЕАЭС оказались лучше итогов внешней торговли с третьими странами [5]. В качестве свидетельства динамики интеграционного объединения выступает положительный прирост в доле продаж России товаров на рынке союза (с 2013 по 2016 г. с 6,9 до 9,2 % соответственно) и Казахстана (с 7,8 до 10,7 % соответственно). Показатель доли закупок России на рынке интеграционного блока возрос с 6,4 до 7,8 %. Доля товаров третьих стран на рынке ЕАЭС показывает отрицательный прирост — с 26 до 23,4 % в сравнении с 2014 г.

Совокупный объем внешней торговли товарами на территории союза с третьими странами в 2012 г. составил 939,3 млрд долл. США; в 2013 г. — 931 млрд; в 2014 г. — 868,5 млрд; в 2015 г. — 579,5 млрд; в 2016 г. — 509,4 млрд; в 2017 г. — 633,8 млрд долл. США (рис. 7).

С 2013 г. объем внешнеторгового оборота сократился на 0,4 %, в 2014 г. — еще на 6,9 %. Эти изменения обусловлены, во-первых, выходом из системного кризиса, а во-вторых, обострением внешнеполитического фона, связанного с Украиной.

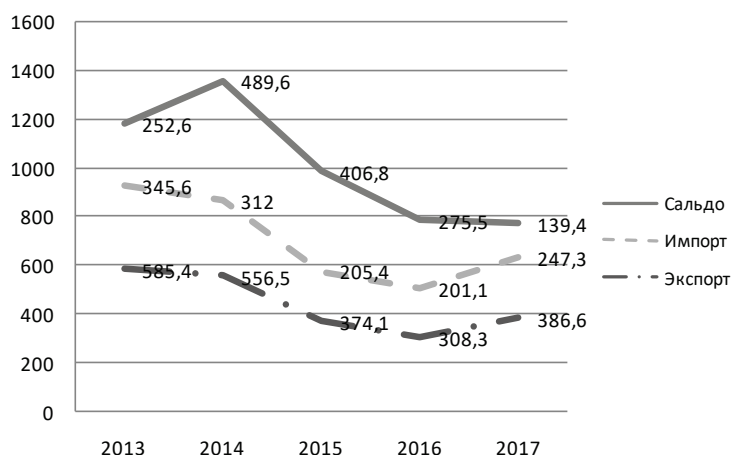

Рис. 7. Суммарный внешнеторговый оборот ЕАЭС с третьими странами в 2013—2017 гг.

Таблица 3

Объем взаимной торговли товарами стран-участниц ЕАЭС, млн долл. США

Страна	2013	2014	2015	2016	2017
ЕАЭС в том числе:	64136,1	57448,3	45379,8	42958,7	54157,2
Беларусь	17698,1	16223,9	10998,2	11384,8	13586,3
Казахстан	5863,6	5207,3	4886,7	3930,2	5118,4
Россия	40574,4	36017,1	28718,6	26804,3	34329,3
Армения	—	—	236,6	393,9	555,2
Кыргызстан	—	—	539,7	445,5	568

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии.

Однако в 2017 г. наблюдается рост внешнеторгового оборота стран — участниц ЕАЭС на 24,4 %.

Географическая структура внешней торговли практически не менялась:

1) страны Европейского Союза (ЕС);

2) страны — члены Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

В 2013—2017 гг. основным покупателем экспортируемых странами — участницами ЕАЭС товаров были страны ЕС (рис. 8).

Рис. 8. Динамика экспорта товаров ЕАЭС в ЕС с 2013 по 2017 г.

Среди европейских стран наиболее существенны поставки за 2013—2017 гг. были в Нидерланды, Германию, Италию, Польшу.

Некоторые перспективные варианты сотрудничества для ЕАЭС, выделенные различными учеными-исследователями:

1) Особое внимание ЕАЭС нужно уделить восточному и южному направлениям внешней экономики и, как следствие, это будет способствовать наилучшему использованию общих возможностей и образованию иных конкурентных преимуществ. Например, проект создания сухопутного транспортного коридора — Нового шелкового пути, выступающего связующим звеном между Китаем и европейскими странами через евразийское экономическое пространство, что на перспективу облегчит и увеличит объемы перевозок международных грузов (см.: И. В. Шарошенко [8]).

2) В 2015 г. ЕАЭС и Вьетнам подписали соглашение о создании ЗСТ, предполагающее в течение 10 лет обнуление пошлин почти на 90 % товаров, что позволит не только удвоить товарооборот между ними, но и будет способствовать последующей интеграции ЕАЭС со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (см.: А. Цветов [9]).

3) Сотрудничество между ЕАЭС и странами Латинской Америки. 2 октября 2015 г. в Сантьяго (Чили) состоялось первое установочное заседание совместной комиссии по взаимодействию между

Евразийской экономической комиссией и правительством Чили, на котором руководители делегаций высоко оценили возможности развития сотрудничества между сторонами, а также обсудили перспективы и основные направления дальнейшего взаимодействия. По заявлениям представителя Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), товарооборот государств — членов ЕАЭС с Чили сохраняет позитивную динамику. В частности, по итогам 2014 г. рост товарооборота составил 19,2 % (экспорт государств — членов ЕАЭС вырос на 24 %, импорт — на 18,9 %), а по итогам семи месяцев 2015 г. рост составил 9,1 % по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. (экспорт государств — членов ЕАЭС вырос на 17,5 %, импорт — на 8,3 %) (см.: Г. В. Подбиралина [6]).

4) Интерес к созданию ЗСТ с ЕАЭС проявляют также Индия, Иран, Монголия, Израиль, Египет, Новая Зеландия и ряд других стран, тем не менее кроме Вьетнама, такие соглашения не были заключены ни с одной из вышеупомянутых стран, таким образом, существует масса вариантов для сотрудничества ЕАЭС с третьими странами и региональными объединениями на мировой арене (подробнее см.: Г. В. Подбиралина [6]).

Как показал проведенный комплексный анализ, давать однозначную оценку ЕАЭС на этом этапе крайне сложно. Союз Евразии уже сделал первые шаги, которые показали как сильные, так и слабые стороны интеграционных процессов, из чего, несомненно, нужно извлечь выводы и своевременно устранять возникающие проблемы сотрудничества.

Вот некоторые рекомендации по устранению выявленных проблем:

1. Выработка единой согласованной макроэкономической политики в рамках ЕАЭС.
2. Нарращивание экспорта ЕАЭС.
3. Импортзамещение промышленных товаров на рынке союза.
4. Унификация законодательства.
5. Создание единой транспортно-логистической магистрали между членами объединения.
6. Минимизация зависимости от сырьевой экономики, укрепление реального сектора экономики.
7. Увеличение взаимной и внешней торговли товарами на территории ЕАЭС.
8. Повышение инвестиционной активности, что будет способствовать выходу единой экономики из состояния стагнации.
9. Расширение перечня стран — членов союза, поиски всевозможных вариантов плодотворного сотрудничества с третьими странами и интегра-

ционными блоками мирового пространства для торговли и привлечения прямых иностранных инвестиций.

Все эти действия, несомненно, будут способствовать быстрому укреплению и экономическому росту ЕАЭС в мировом пространстве.

Список литературы

1. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира. М., 2014.
2. Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2016 год : стат. сб.; Евразийская экономическая комиссия. — М. : СамПолиграфист, 2017.
3. Евразийская экономическая комиссия. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств — членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами — членами Евразийского экономического союза в области макроэкономической политики : годовой докл. за 2014 г. — М., 2015.
4. Евразийская экономическая интеграция: 20 наиболее часто задаваемых казахстанцами вопросов (по материалам СМИ, социальных сетей, срезов общественного мнения, экспертных опросов). — Астана, 2014.
5. Кузьмина, Е. М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. Аналитическая записка. — М., 2017. — 23 с.
6. Подбиралина, Г. В. Основные направления внешнеторгового сотрудничества стран Евразийского экономического союза / Г. В. Подбиралина // Междунар. торговля и торг. политика. — 2016. — № 1 (5). — С. 15—26.
7. Позиции России на новом этапе международной интеграции / отв. ред. Р. И. Хасбулатов. — М. : Ваш формат. — 2015.
8. Шарощенко, И. В. Анализ влияния взаимной торговли стран — участниц ЕАЭС на их экономическое развитие / И. В. Шарощенко, М. М. Апанасенко, И. А. Стадник // Интернет-журн. «Науковедение». — 2017. — № 1 (9).
9. Цветов, А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам. 29 июня 2015 г. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс] / А. Цветов. — URL: <http://www.RussianCouncil.ru>.
10. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. — URL: www.eurasiancommission.org.
11. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.customs.ru>.

Сведения об авторе

Подкина Ксения Юрьевна — экономист, аспирантка Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. Podkina.150@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 217—224.*

EAEU: ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND PERSPECTIVE VECTORS OF COOPERATION

K.Y. Podkina

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. Podkina.150@yandex.ru

The actual direction in the development of international relations is the search for the best partner states. The article considers the Eurasian Economic Union (EAEU), as an example, international economic integration (MPEI). The current state of the union is analyzed, both at a qualitative level (SWOT analysis) and at a quantitative level, the economic interconnections and interdependencies of national economies are examined through the prism of social economic indicators. The author explains that the formation of the EAEU opens up new prospects for multilateral cooperation, therefore, proposals have been formulated for the further development of the EAEU's international cooperation aimed at maximizing economic effects for both Russia and the union.

Keywords: Eurasian economic union (EAEU), integration, national economy, cooperation, socio-economic indicators, SWOT-analysis.

References

1. *Analiz strategij integracionnogo sotrudnichestva (modelej realizacii integracionnogo potenciala) naibolee izvestnyh integracionnyh ob"edinenij mira* [Analysis of integration cooperation strategies (models for the implementation of integration potential) of the most famous integration associations of the world], Moscow, 2014, p.3. (In Russ.).
2. *Vzaimnaya trgovlya tovarami. Statistika Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. 2016 god: Statisticheskij sbornik; Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya* [Mutual trade in goods. Statistics of the Eurasian Economic Union. 2016: Statistical Digest; Eurasian Economic Commission]. — Moskva: Izdatel'stvo OOO «SamPoligrafist» Publ., 2017. 212 p. (In Russ.).
3. *Evrzijskaya ekonomicheskaya komissiya. Ob itogah i perspektivah social'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i merah, predprinnyatyh gosudarstvami – chlenami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v oblasti makroekonomicheskoy politiki : godovoj doklad za 2014 g* [The Eurasian Economic Commission. On the results and prospects of the socio-economic development of the member states of the Eurasian Economic Union and the measures taken by the member states of the Eurasian Economic Union in the field of macroeconomic policy: annual report for 2014.]. Moscow, 2015. (In Russ.).
4. *Evrzijskaya ekonomicheskaya integraciya: 20 naibolee chasto za-davaemyh kazahstancami voprosov (po materialam SMI, social'nyh setej, srezov obshchestvennogo mneniya, ekspertnyh oprosov)* [Eurasian economic integration: the 20 most frequently asked questions by Kazakhstanis (based on media, social networks, sections of public opinion, expert surveys)]. Astana, 2014. (In Russ.).
5. Kuz'mina E.M. Ekonomicheskoe razvitie stran EAES i perspektivy ekonomicheskoy integracii do 2025 g [Economic development of the EAEU countries and prospects for economic integration until 2025.]. *Analiticheskaya zapiska* [Analytical note]. – Moscow, 2017. 23 p. (In Russ.).
6. Podbiralina G.V. *Osnovnye napravleniya vneshnetorgovogo sotrudnichestva stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza* [The main directions of foreign trade cooperation of the countries of the Eurasian Economic Union]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International trade and trade policy]. 2016. No. 1 (5). pp. 15-26. (In Russ.).
7. *Pozicii Rossii na novom etape mezhdunarodnoj integracii* [the position of Russia at a new stage of international integration]. Moscow, Vash format Publ., 2015. (In Russ.).
8. Sharoshchenko I.V., Apanasenko M.M., Stadnik I.A. *Analiz vliyaniya vzaimnoj trgovli stran-uchastnic EAES na ih ekonomicheskoe razvitie* [Analysis of the impact of mutual trade of the EAEU member countries on their economic development]. *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE»* [Internet journal "SCIENCE"]. 2017. Vol. 9, no.1. (In Russ.).
9. Cvetov A. *Shest' voprosov o ZST EAES — V'etnam* [Six questions about the EAEU FTA - Vietnam.]. 29 iyunya 2015 g. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Elektronnyj re-surs]. – URL: <http://www.Russian-Council.ru> (accessed: 13.08.2019). (In Russ.).
10. *Oficial'nyj sajt Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii* [Elektronnyj resurs] URL: www.eurasiancommission.org. (accessed: 13.08.2019).
11. *Oficial'nyj sajt Federal'noj tamozhennoj sluzhby* [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.customs.ru> (accessed: 13.08.2019).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Кельдюшов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В процессе интеграции государств в разных областях деятельности возникают не только позитивные последствия, но и негативные. Феномен безработицы и ее нарастающие темпы роста относятся, скорее, ко второй группе. Изучение того, как влияют процессы глобализации на уровень занятости в различных странах, сегодня является весьма актуальным во всем мире. Цель статьи — проанализировать воздействие интеграционных процессов на международный рынок труда, изучить законодательство и опыт в сфере занятости граждан в условиях глобализации таких государств, как Норвегия и Япония, и выделить те моменты, которые Россия могла бы использовать на своей территории. Выбор стран основан на лидерстве таковых во всемирных рейтингах, характеризующих высокий уровень благосостояния этих государств и при этом достаточно низкий уровень безработицы. Особое внимание уделено проблеме безработицы в России. Продемонстрированы ее особенности и причины возникновения. Как отдельная отмечена проблема роста скрытой безработицы в стране (и с чем это связано). Подводя итоги, автор делает выводы по влиянию глобализации на мировое сообщество и, в частности, на безработицу, и рассуждает на тему того, как зарубежный опыт может способствовать улучшению положения на отечественном рынке труда.

Ключевые слова: *безработица, глобализация, пособие по безработице, охрана труда.*

Проблема безработицы не нова в современном мире, но по-прежнему является весьма актуальной в ряде стран. В связи с процессом глобализации и усиления интеграционных процессов между государствами проблема безработицы постепенно принимает международный характер. Сегодня отсутствует единый общепринятый комплекс мер по сокращению числа безработных и перенаправлению их трудового потенциала в эффективное русло. Поэтому вопрос об анализе опыта государств, более успешных в вопросах занятости, и адаптации их политики на нашей территории, весьма актуален.

Результаты исследования МОТ совсем не утешительны, и они наталкивают на мысль о необходимости предпринимать меры по устранению последствий всеобщей глобализации. Цель статьи — проанализировать воздействие интеграционных процессов на международный рынок труда, изучить законодательство и опыт в сфере занятости граждан в условиях глобализации таких государств, как Норвегия и Япония, и выделить те моменты, которые Россия могла бы использовать на своей территории.

Многие авторы научных работ пытаются обосновать причины становления безработицы как глобальной проблемы [1]. Так, например, У. Бек обвиняет в глобальном росте безработицы Транснациональные корпорации, которые, по его мнению, используют преимущества глобализа-

ции и информатизации в своих интересах. ТНК получили возможность вариативно переносить производства и целые отрасли из одних регионов в другие, фактически регулируя тем самым занятость в регионах [7].

Анализ, проведенный банком UBS, показал, что уровень безработицы в 48 наиболее развитых странах мира снизился до 5,2%. Это ненамного выше минимальной отметки 5%, зафиксированной в 1980 г. При этом стоит говорить также о качестве трудоустройства. По данным доклада Международной организации труда (МОТ), в 2018 г. 3,3 млрд чел. в мире имели работу [5]. Однако огромная часть из этих людей при этом получали крайне низкую заработную плату и трудились в тяжелых условиях. На сегодня можно отметить, что порядка 700 млн чел. в мире живут в бедности или даже в нищете, несмотря на то что у них есть работа. В МОТ сложившаяся ситуация получила название «дефицит достойной работы». Также в докладе было отмечено, что в гендерном вопросе пока нет прогресса: лишь 48% женщин работают. Среди мужской части населения этот показатель равен 75%. Особое опасение у авторов вызывает тот факт, что 20% молодежи во всем мире не имеют постоянного места работы и при этом не получают образование. В докладе МОТ, кроме всего прочего, было упоминание о скрытой безработице.

По заявлению представителей данного органа сегодня в мире 2 млрд чел. заняты в неформальном секторе [12].

В Восточной Европе количество работающих людей уменьшится в ближайшие два года, однако вместе с тем значительно уменьшится и число трудоспособного населения. Таким образом, тенденция медленного снижения безработицы продолжится.

В Центральной Азии главной проблемой по-прежнему остается занятость в неформальном секторе экономики. По заявлению МОТ, 43% трудоспособного населения не имеют официальной работы.

Неутешительные результаты наблюдаются в Европе. Там уровень безработицы опустился до самой низкой отметки за последнее десятилетие и, по прогнозам экономистов, будет продолжать снижаться вплоть до 2020 г. [6].

Сегодня в мире многие авторы продолжают строить теории и гипотезы по преодолению негативных последствий связанных с безработицей. Так, например, о проблеме безработицы в условиях глобализации говорил М. Алле [7]. Он предлагал применять комплекс глобальных реформ, основная цель которых — переход к либеральному гуманистическому обществу, с новой, неглобалистской экономикой. По словам М. Алле, либерализация международной торговли не только вносит значительный вклад в рост безработицы, но и приводит к усилению неравенства, постепенному разрушению промышленной ткани развитых стран и замедлению темпов повышения уровня жизни [11]. В этих условиях сегодня каждая страна находится перед выбором: проводить разумную политику тарифной защиты и контингентирования или продолжать политику безграничной свободы мировой торговли, соглашаясь на ее неизбежные последствия — значительный рост неравенства безработицы, что может привести к социальному взрыву и создать нетерпимую социальную ситуацию. «Поспешная и анархическая глобализация может всюду породить только безработицу, несправедливость, беспорядки и нестабильность и в конечном итоге окажется невыгодной для всех народов в целом. В ее нынешних проявлениях глобализация не является неизбежной, необходимой и желательной» [7]. М. Алле говорил: «Сегодня мир находится в исторически важном поворотном пункте, когда конечной целью общественной жизни следует признать не развитие торгового обмена как такового, а достижение счастья всех людей!». В качестве примера таких реформ было предложено установить на уровне Европейского союза комму-

нитарные предпочтения, то есть разумную и соответствующую защиту единого внутреннего рынка.

Другой известный экономист современности, Дж. Стиглиц, видел решение данной проблемы в переходе к «глобализации с человеческим лицом» путем формирования мирового правительства с целью обеспечения равноправного доступа для государств, социальных институтов и ТНК к принятию решений. Границы проблемы расширяются до гражданско-политической области, «современная безработица — это не безработица в условиях глобализации, а безработица в условиях мондиализма», заявляет Дж. Стиглиц [15].

Аналитики МОТ утверждают, что невмешательство в процессы, протекающие на глобальном рынке труда это единственное решение в сложившейся ситуации. По их мнению, рынок труда способен к объективному и эффективному саморегулированию. Анализ официальных документов МОТ подтвердил наличие взаимосвязи между нарастанием темпов глобализации и ростом безработицы во всем мире. По мнению аналитиков МОТ, безработица становится долгосрочной, а занятость — неудовлетворительной, гарантии труда подрываются вследствие возникновения глобального предложения рабочей силы (демпинг стоимости труда со стороны стран Азии) [10].

Майкл Спенс в своих трудах, а в частности, в статье «Globalization and unemployment» в журнале *Foreign Affairs* говорит о проблеме занятости в США в условиях глобализации. Он подчеркивает современную важность глобализационных процессов и выступает сторонником продвижения идей развития глобальной экономики. Однако он отмечает, что при современной тенденции, при которой ТНК располагают свои производственные активы в других стран лишают граждан большого количества рабочих мест [1]. Тем самым возникает ситуация, при которой работу могут найти те, кто имеет высокий уровень образования, занятые в верхнем сегменте экономики страны. В нижних сегментах эта возможность сокращается с каждым годом. В качестве примера решения подобной проблемы М. Спенс ссылается на Германию, которая сумела сохранить высокоразвитые отрасли промышленности, сделав рынок труда более гибким и сознательно отдав приоритет не росту доходов, а созданию новых рабочих мест. На протяжении всего последнего десятилетия зарплата в Германии росла весьма умеренными темпами, при этом разрыв в уровне доходов здесь значительно ниже, чем в других странах [18].

Тем не менее у отдельных государств своя позиция по поводу решения проблемы безработицы в рамках собственной страны. Некоторые государства небольшими темпами пытаются адаптировать свою политику под современную ситуацию в условиях всемирной глобализации с целью предотвращению тех или иных воздействий безработицы, как на социальную жизнь страны, так и на её экономику [8].

В качестве наглядного примера настоящего положения в мире продемонстрируем в таблице рейтинги стран, а именно места конкретных стран в таких рейтингах. Были выбраны одобренные всем миром рейтинги, которые могут говорить либо об улучшении социального благосостояния граждан, либо об экономическом росте страны, либо о том и другом. Для большего понимания стоит пояснить некоторые моменты [17].

- При построении индекса процветания используются множество различных показателей, отражающие различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния. Среди категорий этих показателей можно выделить следующие: экология, безопасность, экономика, личные свободы, предпринимательство, управление, социальный капитал, образование, здравоохранение.

- Рейтинг «счастья» включает такие показатели, как уровень ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни в стране, наличие гражданских свобод, чувство безопасности, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также косвенные показатели состояния общества, такие как уровень доверия, великодушные и щедрость. Кроме этих показателей, весомую часть исследования составляют результаты социологических опросов общественного мнения жителей разных стран о том, насколько счастливыми они себя чувствуют [14].

Взглянем на показатели одной из лидирующих стран в данных рейтингах, а именно Норвегии (табл. 1).

Таблица 1

Норвегия в различных мировых рейтингах

Название рейтинга	Значение	Место
Рейтинг стран мира по уровню процветания	80,98 (индекс процветания)	1-е из 149
Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта	398,83 млрд \$	28-е из 194
Рейтинг стран мира по уровню счастья	7,554 (индекс счастья)	3-е из 156
Рейтинг стран по уровню безработицы	3,9% безработных	59-е из 186

В Норвегии имеется два показателя безработицы. Первый представляет собой тех безработных, которые зарегистрировались в Министерстве труда и социального обеспечения на местах собственного проживания. Второй показатель — это данные Статистического управления Норвегии, которые основаны на опросах, опубликованных в Обзоре рабочей силы (LFS). Эти два разных показателя безработицы могут давать разные результаты, так как метод сбора и определения различны. Данные по показателю зарегистрированных безработных обычно ниже, чем данные опроса LFS. Поэтому для определения уровня скрытой безработицы часто используют разность второго и первого показателя [13].

Основным законом Норвегии, который призван регулировать вопросы труда является закон «О рабочей среде, рабочих часах и защите рабочих мест и т. д.», в котором рассматриваются правовые нормы, которые применяются между сторонами трудовых отношений, то есть отношениями между работодателем и работником [2]. Он обеспечивает безопасные, справедливые и удовлетворяющие общественность условия труда, инклюзивную трудовую жизнь и сотрудничество между работниками и работодателями. Закон регулирует многие аспекты рабочей среды, в том числе основные требования к рабочей среде, к уполномоченному по вопросам безопасности, к рабочему времени, к работе для детей и молодежи, к праву на отпуск, к защите от дискриминации и к правилам приема на работу и увольнения [10].

Работодатель несет ответственность за обучение своих подчиненных в области здравоохранения, охраны окружающей среды и техники безопасности, а также обеспечивать, чтобы работа была надежной, то есть чтобы была открыта для адаптации к жизненным условиям людей и не была опасной для здоровья. Это особенно актуально для молодых работников.

В трудовом договоре этой страны предусмотрены общие правила относительно того, что может содержать такой договор, а также условия и порядок его расторжения. Поскольку этот закон является законом о социальной защите, существуют строгие правила, которые устанавливают ограничения на возможности работодателя, особенно в отношении увольнения, когда небольшие формальные ошибки могут сделать увольнение недействительным [7].

При увольнении сотрудников происходит целый процесс, начиная от предварительной дискуссии с работником и его представителем и заканчивая

судебным слушанием с привлечением адвоката. При этом работник вправе занимать должность до законного принятия решения, которое может занять несколько лет.

Исторически сложилось так, что в Норвегии один из самых низких уровней безработицы в Европе. Причина, по мнению социологов, в том, что население страны доверяет своему правительству, как и правительство доверяет своим гражданам. Государство создает и осуществляет социально направленные законы, население в ответ добросовестно работает у официальных работодателей и платит налоги. К вопросу о налогах: в Норвегии физические лица платят налог в размере 24% ежемесячного дохода, кроме этого необходимо вносить социальный сбор в размере 8,2%. Однако если доход не превышает 164,1 тыс. крон в год, то на физлица действует нулевая ставка НДС (социальный сбор не уплачивается при доходе менее 55 тыс. крон в год). Важно отметить, что средняя заработная плата в этой стране составляет 4400 тыс. евро.

Пособие по безработице на 2019 год составляет 1502 евро, что составляет 34% от среднего ежемесячного дохода гражданина Норвегии. Такая сумма является минимальной и может выдаваться только на срок до 104 недель (23 месяца). Цели, которые выполняет пособие следующие:

- Стимулирование поиска новой работы.
- Материальная помощь гражданам, которые попали в сложную жизненную ситуацию, связанную с потерей основного вида заработка [9].

Однако стоит отметить, что в последнее время в Норвегии замечается рост безработицы. От 2,4% в 2008 г. в стране на 2019 г. количество безработных увеличилось до 3,9%. Такое изменение за 11 лет нельзя назвать существенным, однако повышение показателя объясняется закрытием частных организаций из-за мирового кризиса и последующих увольнений.

Япония также является страной, которая находится в верхах представленных рейтингов. Она же является первой страной среди наиболее развитых по уровню безработицы.

Таблица 2

Япония в различных мировых рейтингах

Название рейтинга	Значение	Место
Рейтинг стран мира по уровню процветания	72,79 (индекс процветания)	23-е из 149
Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта	4872,14 млрд \$	3-е из 194
Рейтинг стран мира по уровню счастья	5,886 (индекс счастья)	58-е из 156
Рейтинг стран по уровню безработицы	2,4% безработных	29-е из 186

В Японии иначе обстоят дела в сфере труда. В этой стране вопросы, связанные с трудовыми отношениями решаются посредством трех законов: Закон о трудовых нормах, Закон о профсоюзах и Закон о регулировании трудовых отношений. Часто они упоминаются вместе и их коротко называют «три трудовых закона» [2].

При заключении трудового договора между работником и работодателем соблюдаются пять принципов:

- Принцип равенства труда и управления (трудовые договоры заключаются или изменяются работниками и работодателями на основании соглашения в равном положении).

- Принцип равновесного рассмотрения (трудовые договоры должны заключаться или изменяться работниками и работодателями с учетом баланса, в зависимости от фактической ситуации занятости).

- Принцип рассмотрения гармонии между работой и жизнью.

- Принципы добросовестности (работники и работодатели должны соблюдать трудовые договоры, осуществлять свои права и выполнять свои обязательства добросовестно).

- Принцип запрета злоупотребления правами (работники и работодатели должны сотрудничать в рамках закона и не допускать использование своих полномочий для достижения личных целей).

Японцы известны своей преданностью компании. В отличие от западных стран здесь приветствуется «пожизненное трудоустройство» и даже если условия труда не совсем подходят им, они и не мыслят о том, чтобы сменить место работы в поисках лучшего. По мнению японцев, система «пожизненного трудоустройства» создает в компании командный дух, который увеличивает производительность в организации.

Это основная причина низкой безработицы в стране. Те, кто по каким-либо причинам не имеет работы, получают своего рода «пособие по безработице», которое называется «страхование занятости».

Страхование занятости — это система страхования от безработицы и продолжающейся занятости, основанная на Законе о страховании занятости. Страховщиком выступает правительство Японии. Средства оплачиваются работодателями в качестве социального страхования, а также финансируются правительством [6].

Средний размер пособия составляет 2400 долл. Однако система начисления выплата достаточно

строгая, от чего многие безработные в Японии остаются без выплат. Для получения выплат должны выполняться два основных условия:

1) продолжительность последней работы должна составлять более 6 мес.;

2) период занятости должен быть застрахован. Выплата взносов должна быть не менее 12 мес. подряд.

Кроме того, играет роль, по какой причине была потеряна работа: по собственному желанию или по решению работодателя.

Согласно Обследованию рабочей силы 2018 г., средний уровень безработицы составляет 2,4 %, а число безработных — 1,66 млн чел. Начиная с 2009 г. это значение становилось все меньше. После кризисного положения в 2009 г. уровень безработицы составлял 5,1 %, но год за годом ситуация в стране стабилизировалась. Также одним из немало важных фактов низкой безработицей является устоявшийся социальный институт труда в Японии. Быть безработным — это удар по авторитету человека, такое поведение порицается в обществе. Большая ценность устоявшихся традиций лишь укрепляет сложившуюся ситуацию.

В нашей стране проблема безработицы стоит не так остро, как в некоторых странах, и данная проблема имеет, скорее, региональный характер. В Северо-Кавказском федеральном округе уровень безработицы достигает 11,3 % (при этом уровень безработицы в России, по данным Госстата, на январь 2019 г. составляет 4,8 %). Наиболее проблемным регионом республика Ингушетия — 26,3 % безработных, что составляет 65,6 тыс. рабочего населения региона. Однако, согласно все той же статистике, в Москве и Санкт-Петербурге довольно низкий уровень безработицы — 1,2 % и 1,4 % соответственно [12]. Можно выделить ряд особенностей безработицы в России, которые основаны на исследовании отечественных ученых и статистических данных Росстат и индексов ВЦИОМ:

1) особенности общественного восприятия (тема безработицы постепенно теряет свою актуальность, но опасения населения перед возможностью увольнений сохраняются на прежнем уровне);

2) особенности регулирования (правительство фактически сняло с себя политическую ответственность за уровень занятости населения, изъясняя прямые формулировки о праве каждого гражданина на труд из текста Конституции и ТК РФ и проводя политику «содействия»), а не обеспечения занятости. В кризисные периоды при наличии угрозы социального взрыва, государство оказы-

вает административное давление на предприятия с целью предотвращения массовых увольнений. Это вынуждает бизнес сокращать реальное рабочее время путем административных отпусков и приостановления деятельности, что приводит к падению реальных заработных плат и уровня благосостояния всего населения страны) [7];

3) географические (региональные) особенности (российский рынок труда состоит из множества относительно самостоятельных региональных рынков, ситуация на которых, включая динамику безработицы, может значительно отличаться от общероссийских показателей; мероприятия по борьбе с безработицей должны также носить вариативный характер);

4) особенности российских безработных. Формирования социального слоя не происходит вследствие относительно небольшого уровня устойчивой безработицы (менее 30 %); высокой дифференцированности половозрастного, профессионального составов, наличия среди безработных лиц с различным уровнем образования, семейным положением, местом проживания; интегрированности в различные социальные слои. На основании анализа статистических данных Росстат автор приводит портрет «среднестатистического» безработного [5]. Это чаще всего молодые люди (23 % — 30—39 лет, 19,8 % — 20—24 года, 16,1 % — 25—29 лет), мужчины (соотношение по РФ, ЦФО и ПФО в среднем 54/46 %); около половины (49 %) безработных — состоят в браке; большинство (более 60 %) проживают в городах; по уровню образования порядка 40 % безработных имеют среднее профессиональное, 29,5 % — среднее общее, 19 % — высшее образование (при чем доля лиц с высшим образованием неуклонно возрастает за последние 10 лет, что может служить индикатором несоответствия профессиональной структуры населения потребностям экономики); большинство безработных (74,4 %; 77,1 % — мужчины, 71,4 % — женщины) имеют опыт работы: 14,5 % — работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, 12,4 % — квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; 9,7 % — операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин [4].

Как и в любой другой стране, в России налажена система, которая регламентирует организаторскую деятельность по обеспечению занятости граждан РФ, а также осуществляет борьбу с распространением безработицы в стране как явления.

Основными правовыми актами в этой сфере выступают закон РФ «О занятости населения Российской Федерации» № 1032-1 от 19.04.1991 и Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001. Согласно закону «О занятости» любой гражданин имеет право распоряжаться своим трудовым потенциалом так, как ему заблагорассудится. Помимо этого, в ст. 1 данного закона имеется упоминание о том, что отсутствие занятости у гражданина не может являться основанием для привлечения к какой-либо ответственности. Принуждение к труду в РФ запрещено законом. Об этом гласит ТК РФ в ст. 4. Стоит заметить, что «принудительный труд» имеет место быть в качестве приговора суда, вступившего в законную силу [2].

В России для получения официального статуса безработного необходимо выполнение следующих моментов:

- Не иметь работы и какого-либо заработка.
- Находиться в поиске работы.
- Быть готовым приступить к работе в данный момент времени.
- Быть зарегистрированным в органах службы занятости (для этого необходим документ удостоверяющий личность, документ об образовании и трудовая книжка, если таковая имеется).
- Не получить работу в органах занятости в течение 10 дней (причем отказ от двух предлагаемых вакансий лишает возможности получения статуса безработного) [8].

После этого специальная комиссия принимает решение о назначении статуса безработного. Получение официального статуса безработного предполагает получение пособия по безработице. В 2018 г. эта сумма составляла от 800 до 4900 р. Однако в начале 2019 года было принято решение об увлечении данного пособия в почти два раза, и в настоящий момент оно составляет от 1500 до 8000 р. (для граждан предпенсионного возраста до 11 280 р.). Данное решение сейчас весьма бурно обсуждается как экономистами страны, так и социологами, а конкретно — к каким результатам это приведет [3]. Несомненно, должен возрасти уровень безработицы в стране. Ранее граждане РФ практически не обращались в службы занятости по причине того, что весьма долгий и затянутый бюрократический момент не приносил должного результата. Помимо этого, у граждан страны отсутствует уважение к данным органам, поскольку первые считают, что биржа труда не сможет обеспечить их престижной и высокооплачиваемой работой, предлагая вместо этого работу, которую

они и сами в силах найти. Пособие по безработице в максимальном размере также не являлось дополнительной мотивацией для регистрации в органах занятости. Однако в данный момент ситуация может измениться. Многие авторы научных работ утверждают, что данное решение увеличит уровень безработицы в стране, но такое изменение будет небольшим. Они это обуславливают все тем же фактором — отсутствием авторитета органов занятости у граждан. Другим последствием такого решения может стать улучшение качества жизни в стране, поскольку это напрямую отразится на уровне дохода населения [9]. Однако опять же изменение если и возможно, то незначительное. Хотя уровень доходов населения среди остальных показателей качества жизни является основным, его изменение не принесет значительных подвижек без увеличения остальных показателей (в состав качества жизни включают около 12 показателей).

Еще одним, пока нереализованным решением по снижению уровня безработицы является внесение законопроекта о налоге на тунеядство. Руководствуясь опытом и наглядным примером Республики Беларусь, отечественные депутаты выдвинули на рассмотрение законопроект, который бурно обсуждался в первом полугодии 2019 г. [3]. В РБ такой закон действительно существовал. Декрет Президента РБ № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» вступил в силу 2 апреля 2015 г. и обязал граждан РБ, которые не участвовали в финансировании государственных расходов, выплачивать сбор в размере 20 базовых величин. По законодательству РБ в 2019 г. 1 базовая величина составляет 25,5 белорусских рублей. Таким образом, в переводе на российские рубли сумма «налога на тунеядство» в РБ составил бы 16 546,90 р. Однако в 2017 г. данный декрет был сначала приостановлен, а позднее и вовсе был заменен на декрет № 1 «О содействии занятости населения». Среди итогов действия Декрета № 3 можно отметить резкое увеличение зарегистрированных граждан в органах занятости, что существенно увеличило официальную безработицу в РБ и в разы уменьшилось количество свободных вакансий в центрах занятости. Помимо этих результатов можно отметить социальные недовольства, митинги, проходящие под лозунгами о нарушении Конституции РБ, некорректное исполнение данного правового акта, и, как отметил А. Г. Лукашенко, «некомпетентность чиновников в исполнении своих обязанностей». Все это привело к скорому приостановлению Декрета № 3.

Законопроект отечественного производства также столкнулся с градом критики. Логика данного преобразования крайне проста: снизить скрытую безработицу, при которой неофициальные безработные, имея сторонний заработок, не платят налоги и отчисления в пенсионный фонд, но при этом пользуются построенной государством инфраструктурой. По известным данным сумма такого налога колеблется от 8 тыс до 25 тыс. р. в год. Возможно, такая сумма привязана к минимальной сумме страховых взносов для индивидуальных предпринимателей. По заявлению инициаторов данного законопроекта, он направлен в первую очередь на легализацию бизнеса, что приведет к официальному трудоустройству сотрудников «серых» компаний. Однако всплыли все те же проблемы, что были у союзного государства, а именно:

1) Плохая проработанность (законопроект был раскритикован во всех инстанциях, в Госдуме и Совете Федерации не нашел поддержки).

2) Недовольство граждан (проводились протесты в форме митингов, одиночных пикетов против принятия данного документа).

3) Слабая реализуемость (в парламенте было отмечено, что в настоящий момент в России 20 млн чел. находятся за чертой бедности и дополнительные налоги лишь усугубят ситуацию в стране).

На настоящий момент проект о «налогообложении безработицы» в Госдуму внесен не был. Документ не прошел процедуру согласования в Правительстве РФ. Будет ли он доработан и принят в будущем — неизвестно, как неизвестно и то, к каким результатам это приведет [15].

Таблица 3

Россия в различных мировых рейтингах

Название рейтинга	Значение	Место
Рейтинг стран мира по уровню процветания	57,07 (индекс процветания)	96-е из 149
Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта	1 577, 52 млрд \$	11-е из 194
Рейтинг стран мира по уровню счастья	5,648 (индекс счастья)	68-е из 156
Рейтинг стран по уровню безработицы	4,7% безработных	79-е из 186

Россия далека от первых мест по всем выше перечисленным рейтингам. Только уровень ВВП выделяется среди данного списка. Однако наша страна известна как нефтедобывающая страна, и большая часть ВВП принадлежит именно стоимости нефтепродуктов.

Так или иначе, Россия идет намеченным путем, наращивая темпы экономического роста, и это непо-

средственно отражается на решении вопросов безработицы. Официальная безработица не увеличивается, становится безработным невыгодно в стране с пособием гораздо ниже прожиточного минимума (8000 р. — пособие, 11 653 р. — прожиточный минимум) и многие авторы считают такое положение дел вполне нормальным, поскольку это мотивирует граждан не быть на иждивенчестве у государства, а искать работу. Однако государство пока бессильно в борьбе со скрытой безработицей. При численности рабочей силы в 72,14 млн чел. и официально безработных 3,6 млн, по мнению Николая Волгина, доктора экономических наук, заведующего кафедрой труда и социальной политики Российской академии государственной службы при Президенте РФ, в России имеется еще около 6 млн скрытых безработных, и эта цифра только растет. Таким образом, людей, не имеющих официальной работы, около 10 млн, а это 13 % общего числа рабочей силы.

Это основное отличие российской безработицы от безработицы в Норвегии или Японии. В этих странах более приоритетна социально направленная политика. Пособие по безработице в этих странах играет весомую роль в поддержке безработных, является своего рода подушкой безопасности, которая обеспечивает граждан достойным пособием на период поиска работы. В России пособие нельзя назвать надежной опорой для незанятых. Для обеспечения собственного проживания этих денег не хватает и это подталкивает граждан искать занятость в неформальном секторе. Таким образом, государственная политика является первопричиной увеличения количества скрытых безработных.

Однако увеличение уровня пособия не решит всей проблемы, но позволит взглянуть и оценить реальную ситуацию на отечественном рынке труда. При должной поддержке государством незанятых граждан произойдет существенное сокращение объема скрытых безработных, что в свою очередь позволит по-новому взглянуть на ситуацию. Более полная информация позволит государству организовывать реально востребованные рабочие места. Некоторые политики выражают опасения по поводу осознанного перехода граждан из рядов занятых в безработные ради получения бесплатного достойного довольствия, тем самым вставая на иждивенчество у государства [13]. Однако этим опасениям не суждено сбыться, поскольку уже в настоящее время существует отработанная система, при которой невозможно находится на попечении у государства довольно продолжительное время. Как мы видим на примере «счастливых» стран, эта проблема у них не стоит, хотя уровень их пособия весьма

высок в сравнении со среднемесячным доходом в стране. В последние годы правительство нашей страны теряет авторитет среди населения по тем или иным причинам, и увеличение пособия до должного уровня способно поменять ситуацию и поменять гражданские настроения. Выращивание доверительных отношений между государством и гражданами станет вторым шагом к улучшению ситуации в стране [16].

Глобализация сегодня имеет место быть в каждой сфере, и сфера труда также не является исключением. Особенно ей подвержены наиболее развитые страны. Наблюдая опыт одних стран, другие страны используют его в рамках своей территории. Важную роль играют проблемы, которые становятся мировыми в условиях глобализации. И одной из них являются мировые кризисы, которые, в свою очередь, помимо остальных прочих негативных последствий, несут с собой безработицу. К сожалению, в настоящее время нет единой всемирной отработанной системы для предотвращения подобных последствий во всем мире. Поэтому государства справляются своими силами с помощью своих законодательных органов. Однако это приводит к разным результатам.

В статье особое внимание было уделено современному состоянию официальной безработицы в России, ее свойствам и причинам. На основе этих данных

и данных из отчета МОТ можно сделать вывод, что в России официальная безработица не является столь уж критической и прогнозы говорят о дальнейшем ее сокращении. Однако стоит понимать, что этот показатель не отражает полную картину происходящего на рынке труда. На рынке не хватает рабочих мест, удовлетворяющих современные требования соискателей. Биржа труда, как орган, регулирующий вопросы занятости населения, сегодня не востребована. В свою очередь это является причиной роста скрытой безработицы. Скрытая безработица вызывает более серьезные проблемы, среди которых — появление прослойки социально незащищенных людей. Доходы таких граждан не облагаются налогами, и государство теряет дополнительные средства в бюджет [3]. Соответственно, первоочередная задача правительства — сократить скрытую безработицу.

Сегодня меры, принятые государством, либо вовсе недействительны, либо имеют крайне небольшое значение. Репрессивный характер законопроектов, на примере введения «налога на тунеядство» на корню является неверным решением, последствия которого лишь усугубят положение в стране. Успешный опыт других стран может быть начальной точкой для внесения соответствующих коррективов и дальнейшего развития законодательства в сфере занятости населения.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Государство в условиях глобализации: внешнеторговый либерализм и протекционизм / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлева, В. М. Синев. — Челябинск, 2004.
2. Плетнев, Д. А. Элементы институциональной структуры в современных корпорациях / Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 18 (347). — С. 111—122.
3. Кашапов, Р. Н. Безработица. Последствия безработицы / Р. Н. Кашапов // Мировая наука. — 2019. — № 4 (25). — С. 330—332.
4. Латынина, Н. А. Анализ и оценка влияния миграции в РФ на ВВП и безработицу / Н. А. Латынина, Д. А. Латынин // Инновац. экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2018. — № 5 (31). — С. 63—75.
5. Бархатов, В. И. Проблема безработицы среди молодого поколения в России / В. И. Бархатов, А. А. Кельдюшов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 12 (422). — С. 49—57.
6. Салатова, А. А. Социологические интерпретации феномена безработицы в условиях глобализации / А. А. Салатова, А. Н. Ершов // Регионология. — 2014. — № 4 (89). — С. 119—129.
7. Алле, М. Условия эффективности в экономике : пер. с фр. / М. Алле — М. : Наука для о-ва, 1998. — 304 с.
8. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2019 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/34.htm.
9. Одинцова, А. Л. Государство в решении проблем безработицы // Экономика и социум. — 2017. — № 5-1 (36). — С. 1060—1065.
10. Файзуллин, И. Ф. Роль государства в сокращении безработицы / И. Ф. Файзуллин // Социальное и политическое развитие Республики Башкортостан в условиях трансформации общественных отношений : сб. науч. тр. — Уфа, 2017. — С. 245—261.

11. Зайцева И. А. Безработица как одна из глобальных проблем современного мира // PolitBook. — 2017. — № 2. — С. 160—175.
12. Гребеник, Л. Г. Социальная политика государства: основные направления и тенденции развития / Л. Г. Гребеник, Е. Ю. Кравченко, И. С. Болотова // Вестн. Белгород. ун-та кооперации, экономики и права. — 2016. — № 5 (61). — С. 173—181.
13. Модели экономического роста для российской экономики / Е. А. Бирюкова, Д. А. Плетнев, В. Е. Федоров, Е. С. Бирюков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 12 (422). — С. 19—32.
14. Силова, Е. С. Доверие как фактор повышения устойчивости корпорации / Е. С. Силова, Д. С. Бенц // Устойчивое развитие в неустойчивом мире / ред.: В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев. — 2014. — С. 23—27.
15. Stiglitz J. E. Employment, social justice and societal well-being // International Labour Review. — 2002. — Т. 141. — № 1—2.
16. Katz, R. Manufacturing globalization. The real sources of U.S. inequality and unemployment [Электронный ресурс] / R. Katz // Foreign affairs. — 2011. — Vol. 90, — № 6. — URL: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/136594/richard-katz-robert-z-lawrence-michaelspence/manufacturing-globalization> (дата обращения 28.08.2019).
17. Lawrence, R. Z. Productivity is the reason [Электронный ресурс] / R. Z. Lawrence // Foreign affairs. — 2011. — Vol. 90, № 6. — URL: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/136594/richard-katz-robert-z-lawrence-michael-spence/manufacturing-globalization> (дата обращения 28.08.2019).
18. Spence, M. Globalization and unemployment [Электронный ресурс] / M. Spence // Foreign affairs. — 2011. — Vol. 90, № 4. — URL: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michaelspence/globalization-and-unemployment> (дата обращения 28.08.2019).

Сведения об авторе

Кельдюшов Алексей Александрович — аспирант, старший лаборант кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. keldyushov@csu.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 225—234.*

BEST PRACTICES IN UNEMPLOYMENT MANAGEMENT IN ECONOMIC POLICY

A.A. Keldyushov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. keldyushov@csu.ru

In the process of integration of states in various fields of activity, not only positive consequences arise, but also negative ones. The phenomenon of unemployment and its growing growth rates are more likely to belong to the second group. The study of how globalization processes affect the level of employment in various countries today is very relevant worldwide. The purpose of the article is to analyze the impact of integration processes on the international labor market, to study legislation and experience in the field of employment of citizens in the context of the globalization of states such as Norway and Japan, and highlight those points that Russia could use on its territory. The choice of countries is based on their leadership in world rankings characterizing the high level of well-being of these states and, at the same time, a fairly low level of unemployment. Particular attention is paid to the problem of unemployment in Russia. Its features and the reasons for its occurrence were demonstrated. The increase in hidden unemployment in the country is noted as a separate problem, and with what it is connected. Summing up, the author draws conclusions on the impact of globalization on the world community and, in particular, on unemployment, and analyzes how foreign experience can help improve the situation on the domestic labor market.

Keywords: *Unemployment, globalization, unemployment benefits, labor protection.*

References

1. Barkhatov V.I. *Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii: vneshnetorgovyy liberalizm i protektsionizm* [The state in the context of globalization: foreign trade liberalism and protectionism]. Chelyabinsk, 2004. (In Russ).
2. Pletnev D.A., Nikolayeva Ye.V. Elementy institutsional'noy struktury v sovremennykh korporatsiyakh [Elements of the institutional structure in modern corporations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2014, no. 18 (347), pp. 111-122. (In Russ.).

3. Kashapov R.N. Bezrobotitsa. Posledstviya bezrobotitsy [Unemployment. The consequences of unemployment]. *Mirovaya nauka* [World Science], 2019, no. 4 (25), pp. 330-332. (In Russ.).
4. Latynina N.A., Latynin D.A. Analiz i otsenka vliyaniya migratsii v RF na VVP i bezrobotitsu [Analysis and assessment of the impact of migration in the Russian Federation on GDP and unemployment]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 2018, no. 5 (31), pp. 63-75. (In Russ.).
5. Barkhatov V.I., Kel'dyushov A.A. *Problema bezrobotitsy sredi molodogo pokoleniya v Rossii* [The problem of unemployment among the young generation in Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2018, no. 12 (422), pp. 49-57. (In Russ.).
6. Salatova A.A. Sotsiologicheskiye interpretatsii fenomena bezrobotitsy v usloviyakh globalizatsii [Sociological interpretations of the phenomenon of unemployment in the context of globalization]. *Regionologiya* [Regionology], 2014, no. 4 (89), pp. 119-129. (In Russ.).
7. Alle M. *Usloviya effektivnosti v ekonomike* [Conditions of efficiency in the economy]. – Moscow, Nauka dlya o-va, 1998. Bibliogr.: pp.292-299. (In Russ.).
8. Zanyatost' i bezrobotitsa v Rossiyskoy Federatsii v yanvare 2019 goda [Elektronnyy resurs] Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/34.htm (In Russ.).
9. Odintsova A.L. Gosudarstvo v reshenii problem bezrobotitsy [The state in solving the problems of unemployment]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and society], 2017, no. 5-1 (36), pp. 1060-1065. (In Russ.).
10. Fayzullin I.F. Rol' gosudarstva v sokrashchenii bezrobotitsy / V sbornike: Sotsial'noye i politicheskoye razvitiye Respubliki Bashkortostan v usloviyakh transformatsii obshchestvennykh otnosheniy Sbornik nauchnykh trudov. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii. Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Ufimskiy gosudarstvennyy aviatsionnyy tekhnicheskyy universitet». Ufa, 2017. Pp. 245-261. (In Russ.).
11. Zaytseva I.A. Bezrobotitsa kak odna iz global'nykh problem sovremennogo mira [Unemployment as one of the global problems of the modern world]. *PolitBook* [PolitBook], 2017, no. 2, pp. 160-175. (In Russ.).
12. Grebenik L.G., Kravchenko Ye.YU., Bolotova I.S. Sotsial'naya politika gosudarstva: osnovnyye napravleniya i tendentsii razvitiya [Social policy of the state: the main directions and development trends]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2016, no. 5 (61), pp. 173-181. (In Russ.).
13. Biryukova Ye.A. Modeli ekonomicheskogo rosta dlya rossiyskoy ekonomiki [Economic growth models for the Russian economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 12 (422), pp. 19-32. (In Russ.).
14. Silova Ye.S., Bents D.S. Doveriye kak faktor povysheniya ustoychivosti korporatsii [Trust as a factor in increasing the stability of a corporation]. *Ustoychivoye razvitiye v neustoychivom mire*. 2014. Pp. 23-27. (In Russ.).
15. Stiglitz J.E. *Employment, social justice and societal well-being* [Employment, social justice and societal well-being]. *International Labour Review* [International Labor Review], 2002. vol. 141. no. 1-2. (In Russ.).
16. Katz R. Manufacturing globalization. The real sources of U.S. inequality and unemployment. *Foreign affairs*. N.Y., 2011, vol. 90, no. 6. Rezhim dostupa: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/136594/richard-katz-robot-z-lawrence-michaelspence/manufacturing-globalization> (accessed 28.08.2019).
17. Lawrence R. Z. Productivity is the reason. *Foreign affairs*. N.Y., 2011, vol. 90, no. 6. - Rezhim dostupa: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/136594/richard-katz-robert-zlawrence-michael-spence/manufacturing-globalization> (accessed 28.08.2019).
18. Spence M. Globalization and unemployment. *Foreign affairs*. N.Y., 2011, vol. 90, no. 4. - Rezhim dostupa: // <http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michaelspence/globalization-and-unemployment> (accessed 28.08.2019).

СОСТОЯНИЕ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Т. И. Никитина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Процесс устойчивого социально-экономического развития включает в себе экономическое развитие, взаимосвязанное и обусловленное социальным развитием территорий. Развитие социальной подсистемы сельских территорий и обеспечение социальной защищенности населения являются залогом достижения высокого уровня их социально-экономической устойчивости. Статья посвящена обоснованию состояния сферы здравоохранения в качестве фактора устойчивого социально-экономического развития сельских территорий. Анализ текущего положения сферы здравоохранения на сельских территориях Челябинской области позволил определить наиболее серьезные проблемы, среди которых: нехватка квалифицированного медицинского персонала, абсолютное отсутствие в некоторых населенных пунктах медучреждений, недостаточное материально-техническое оснащение. На основе проведенного анализа также даны рекомендации по достижению улучшений в сфере здравоохранения, в чем заключается практическая ценность данного исследования.

Ключевые слова: *устойчивое социально-экономическое развитие, сельские территории, сельский муниципальный район, здравоохранение, социальные факторы, территориальная система.*

Проблеме социально-экономического развития сельских территорий в России уделяется повышенное внимание. На сегодняшний день на федеральном, региональном и муниципальном уровнях реализуются государственные программы, нацеленные на преодоление разрыва между сельскими и городскими территориями и повышение качества жизни сельского населения. Для достижения программных целей проводится благоустройство сельских территорий объектами коммунальной, социальной, культурно-досуговой и прочими видами инфраструктуры. Актуальность социально-экономического развития сельских территорий связана с тем, что на них сосредоточена большая часть сельскохозяйственных предприятий страны, эффективная деятельность которых играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности государства, что особенно значимо в условиях непредсказуемости внутренних и внешних политических событий.

Вопросы социально-экономического развития сельских территорий были рассмотрены в работах: А. В. Агибалова, А. И. Алтухова, Е. В. Багировой, Л. А. Битковой, А. Н. Митина, Б. А. Воронина, В. Н. Лаженцева, В. Н. Лексина, М. С. Оборина и др. Исследования в области устойчивого социально-экономического развития сельских территорий, в том числе определение факторов, воздействующих

на уровень устойчивости, отражены в работах М. В. Дроновой, М. В. Исраилова, О. Д. Рубаевой, Е. В. Стомба Р. С. Шепитько, Ю. А. Макуриной и др. Однако изучение социальных факторов устойчивого развития сельских территорий, в числе которых состояние сферы здравоохранения, проведены не в полном объеме, требуются некоторые доработки и уточнения.

Цель данного исследования состоит в обосновании состояния сферы здравоохранения в качестве фактора устойчивого социально-экономического развития сельских территорий. Исследование проведено по материалам сельских территорий Челябинской области. Для достижения цели исследования потребовалось уточнить содержание основополагающего понятийного аппарата, провести анализ текущего положения сферы здравоохранения на сельских территориях Челябинской области, тем самым выявить слабые места, определить перспективные направления развития здравоохранения и предложить управленческие решения, пригодные для внедрения на сельских территориях.

Площади нескольких поселений и межселенных территорий, если таковые имеются, находящиеся в пределах одной территориальной границы, представляют собой муниципальный район. Важно то, что не всегда корректно ставить знак равенства между понятиями «сельская территория»

и «муниципальный район» [29], так как в состав последнего могут входить не только сельские поселения, но и городские поселения (муниципальные районы смешанного типа). Городским поселением может являться город или поселок с прилегающей территорией. Подчеркнем и то, что в состав городского поселения могут входить сельские населенные пункты, которые не являются сельскими поселениями [3].

Наличие в составе муниципального района городского поселения неизбежно приводит к концентрации в нем финансовых, трудовых, инвестиционных ресурсов. Однако важной задачей органов управления муниципальными районами смешанного типа является обеспечение устойчивого социально-экономического развития сельских территорий, входящих в их состав, без нанесения ущерба уровню развития городских поселений [5. С. 34].

В условиях современной экономики сельскохозяйственная деятельность уже не является единственным видом занятости сельского населения. Жители сельских территорий ведут активную деятельность, связанную с предоставлением услуг, торговлей, добычей полезных ископаемых. Также актуальным на сегодня является развитие туризма в сельской местности. Диверсификация деятельности позволяет сельскому населению получать стабильный доход, обеспечивать достойный уровень жизнедеятельности и развития сельских территорий [8; 12. С. 348].

Сельские территории являются сложными социально-экономическими системами, развитием которых должно заниматься Правительство Российской Федерации, а не Министерство сельского хозяйства [23. С. 23]. Уровень многофункциональности сельских территорий обусловлен географическим расположением, ресурсным потенциалом и возможностями бюджета той или иной территории [12].

Многофункциональность сельских территорий обусловлена тем, что они не только выполняют производственную функцию, обеспечивая продовольственную безопасность государства, но и сохраняют заселенность огромных территорий (обеспечение социального контроля над территориями), исторические ландшафты и традиционный образ жизни населения (сохранение культурно-исторического наследия) [6. С. 853; 17].

Анализ существующих трактовок термина «сельские территории» привел к формированию авторского определения, заключающегося в следующем: «сельские территории — это совокупность территорий, представляющих собой пространство

Земли, населенное людьми, которое, согласно административно-территориальному делению, не относится к городскому типу территорий и на котором сельское хозяйство является доминирующим, но не единственным видом хозяйственной деятельности». Применительно к Челябинской области, по мнению автора, сельскими территориями являются однородные сельские муниципальные районы, а также районы, в составе которых присутствует незначительная доля городских поселений [21].

В России об устойчивом развитии заговорили еще в прошлом столетии в связи с непрерывно увеличивающимися и изменяющимися потребностями общества, которые стимулируют экономику к постоянному наращиванию темпов роста, что наносит колоссальный вред окружающей среде, восстановительные возможности которой не в состоянии обеспечивать безопасный уровень своего состояния в соответствующем темпе [9; 11].

Стремительное протекание процессов развития, порождающих новые технологии, привело к тому, что антропогенная нагрузка на окружающую среду стала оказывать разрушительное воздействие на экологические системы, создав тем самым реальную угрозу для жизни будущих поколений. Основная проблема заключается в том, что общество забыло о том, что его существование основано на природном компоненте. В связи с этим рост экономики должен быть ограничен «пределами хозяйственной емкости биосферы» и не приводить к разрушению «естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобальным изменениям» [2].

Устойчивое развитие включает в себе «постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды», а движение по направлению устойчивого развития территорий возможно лишь при обеспечении бережного отношения экономических субъектов к природе и экологической безопасности тех территорий, где они осуществляют хозяйственную деятельность [10].

В научной литературе при исследовании сущности понятия «устойчивое развитие территории» часто употребляются понятия «устойчивость развития» и «стабильность развития» [7]. На первый взгляд, устойчивость развития территории включает в себе не только не тождественную, а даже антонимическую сущность по отношению к понятию «устойчивое развитие» [13]. То же можно сказать и о понятии «стабильное развитие», ведь стабильность подразумевает неизменность, устойчивость,

постоянство той или иной системы. С другой стороны, стабильность и устойчивость — это умение системы сохранить равновесное состояние, свою структуру и наиболее важные характеристики при воздействии различных эндогенных и экзогенных факторов [29]. При рассмотрении стабильности и устойчивости системы как показателей ее надежности и безопасности функционирования вполне обоснованно использовать понятия «устойчивое развитие территории», «устойчивость развития» и «стабильное развитие территории» как синонимичную группу.

На основе анализа литературных источников автор предлагает следующее определение: «устойчивое социально-экономическое развитие сельской территории — это процесс развития экономики той или иной сельской территории, обязательными и неотъемлемыми условиями которого являются развитие социальной сферы, сопровождающееся соблюдением интересов всех слоев общества; бережное отношение к культурной сфере, предполагающее сохранение заложенного культурно-исторического наследия; приемлемое вмешательство в сферу экологии, сопровождающееся сохранением ее надежного состояния, позволяющего обеспечить безопасность жизни индивидов в текущий момент и в будущем; улучшение институциональной системы путем создания различных объектов инфраструктуры, в том числе институтов обеспечения населения информационными ресурсами».

При устойчивом социально-экономическом развитии территорий проявляется системность и стабильность процессов изменения качества и уровня жизни населения, динамика социально-экономических показателей способствует максимальному удовлетворению потребностей нынешнего поколения [20]. Такое развитие возможно лишь при условии взаимосвязанного и взаимообусловленного функционирования экономической и социальной подсистем территории. Развитие социальной сферы предполагает надежный уровень социальной защищенности населения, то есть формирование такого общественного устройства, характеризующегося снижающейся частотой конфликтных отношений и повышением уровня гармонизации общества, развитием и внедрением новых ценностей и институтов, способных улучшить качество жизни и снизить уровень бедности населения [4. С. 204]. В свою очередь эффективность реализации политики социальной защищенности населения обеспечивает достаточные условия для мотивационного развития аграрной экономики [16].

На уровень устойчивого социально-экономического развития сельских территорий оказывают воздействие факторы, имеющие различную природу возникновения: экономическую, социальную, демографическую, институциональную и т. д. [25; 28]. В качестве факторов устойчивого развития выделяют уровень инновационного обеспечения [26], развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации [15], развитие сферы услуг [22] и др. В отдельную группу обособляют социальные факторы устойчивого развития сельских территорий.

Состояние сферы здравоохранения, в частности, материально-техническое оснащение медицинских учреждений и обеспечение квалифицированным медперсоналом, является важнейшим социальным фактором, определяющим уровень устойчивого социально-экономического развития сельских территорий.

Сфера здравоохранения является одним из основополагающих компонентов территориальной системы. Любые тенденции данной сферы сказываются на устойчивом социально-экономическом развитии территории, воздействуя на неё положительно или отрицательно, в зависимости от конкретных ситуаций [19]. Рациональный подход к принятию управленческих решений в сфере здравоохранения и своевременное решение возникающих в данной сфере проблем являются залогом формирования человеческого капитала, следовательно, трудовых ресурсов, которые представляются как неотъемлемый компонент территориальной системы с высоким уровнем устойчивого социально-экономического развития [18].

В сфере здравоохранения Челябинской области в 2017 г. отмечена тенденция увеличения численности медицинского персонала в муниципальных и государственных учреждениях. Темп прироста численности врачебных кадров за 2017 г. составил 0,6%. По состоянию на начало 2018 г. в целом в Челябинской области показатель численности врачей составил 10 999 чел. Большую часть медицинских кадров в регионе представляют женщины, а именно 70,6% врачебного состава (7767 чел.) и 95,6% (26 140 чел.) персонала со средним медицинским образованием, общая численность которого 27 348 чел. в целом по региону [24].

В Челябинской области с 2013 г. наблюдается положительная динамика по показателям обеспечения населения медработниками. Прирост численности медицинских кадров за данный период составил 3,6%. В среднем по области обеспечение врачами составило 3,43 врача на 1000 чел., а обеспечение

населения сотрудниками из категории среднего медперсонала — 8,52 работника на 1000 чел. [14].

На сельских территориях уровень обеспеченности населения медицинскими работниками ниже среднего показателя по области. В 2017 г. наиболее высокий показатель отмечен в Увельском районе, здесь на 1000 чел. постоянного населения приходится 2,54 врача. Более двух врачей на 1000 чел. также в Аргаяшском, Варненском, Еткульском, Красноармейском и Нагайбакском районах (рис. 1). Наибольший дефицит врачей зафиксирован в Троицком районе — в среднем один врач на 3,3 тыс. чел.

Среди сельских территорий Челябинской области наиболее тяжелая ситуация в вопросе обеспечения населения квалифицированными медицинскими работниками отмечена в Агаповском, Ашинском, Верхнеуральском, Карталинском и Троицком муниципальных районах. Наибольший дефицит врачебных кадров отмечен по таким направлениям, как педиатрия, общая терапия, хирургия, оториноларингология, офтальмология, травматология, ортопедия, общая врачебная практика, психиатрия и фтизиатрия.

Для решения кадрового вопроса в сфере здравоохранения сельских территорий действуют программы «Земский доктор» и «Земский фельдшер», участники которых получают единовременные компенсации в размере 1 млн р. — врачи и 500 тыс. р. — фельдшеры. Расходы на компенсации врачам финансируются из средств областного бюджета и бюджета ФОМС. Источником финансирования расходов на обеспечение компенсаций фельдшерам является региональный бюджет. Так, в 2017 г. было выделено 408,689 млн р., где доля областного бюджета составила 86,93 %

(355,288 млн р.). За время реализации программы «Земский доктор» 70 сотрудникам медицинских учреждений, переведенным для работы на сельские территории, были выплачены компенсации в размере 1 млн р. Причем областной бюджет финансировал 40 % данной статьи расходов (28 млн р.) [1].

Также по заказу Министерства здравоохранения Челябинской области для решения проблемы нехватки медицинских кадров Южно-Уральским государственным медицинским университетом был открыт целевой набор студентов, в рамках которого заключены договоры о получении медицинского образования на целевой основе. По условиям такого договора студент получает ежемесячную надбавку к стипендии и по окончании обучения должен отработать в течение нескольких лет в трех государственных и муниципальных медучреждениях Челябинской области. При наборе студентов в 2017 г. был заключен 171 договор о получении образования на целевой основе, в 2018 г. — 167, по программам ординатуры — 119 договоров.

Благодаря реализации обозначенных мероприятий за прошедшие пять лет приток специалистов в сферу здравоохранения сельских территорий региона составил 566 чел., из которых 25 фельдшеров в 2017 г. получили выплаты из областного бюджета в размере 0,5 млн р. Помимо единовременных компенсаций, сотрудникам учреждений здравоохранения, находящимся на сельских территориях, оплачиваются затраты на коммунальные услуги и аренду жилья. По данной статье расходов за 2017 г. было потрачено 31,643 млн р.

Кроме того, органами управления сельских муниципальных районов также проводятся мероприятия по привлечению специалистов здравоохранения, для чего в предусмотрена отдельная статья

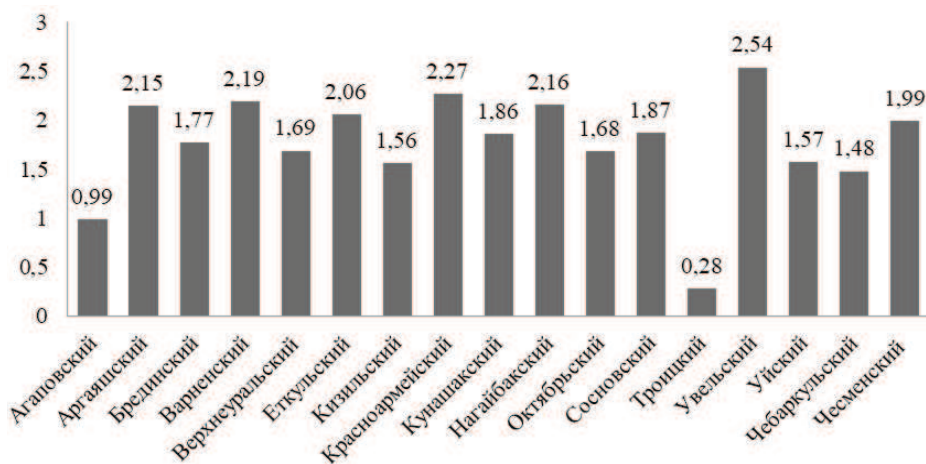

Рис. 1. Численность врачей на 1000 человек постоянного населения, чел.

расходов местных бюджетов. Так, за 2017 г. на основе предоставления служебного жилья 134 медицинских работника были обеспечены жилой площадью, 18 сотрудников получили выплаты в счет компенсации годовых затрат на аренду жилых помещений, было выделено 24 места в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях, более 1650 тыс. р. было распределено между 15 медицинскими сотрудниками в качестве единовременных выплат, а один доктор получил жилищный сертификат в размере 1 млн р. Так, в Кунашакском районе пять человек получили компенсацию за аренду жилья, общая сумма выплат оставила более 156 тыс. р., одному специалисту предоставлено служебное жилье. Также за счет муниципальных жилищных фондов жильем обеспечены специалисты медучреждений, расположенных на сельских территориях, а именно в следующих районах: Троицком (5 чел.), Варненском (6), Нагайбакском (2), Увельском (3), Уйском (5 чел.) [1].

В целом реализации программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер» предоставили хорошие результаты, за время действия данных программ в территориальные образования, где выявлен наибольший дефицит медицинских кадров, удалось привлечь 566 врачей. Кроме того, в течение 2017 г. 25 медицинских работников переселились в сельские районы для работы и постоянного проживания. Эффективность данных Программ привела к принятию решения на уровне органов власти региона о продлении срока действия и увеличению финансирования программ. В 2017 г. из бюджета области на эти цели было выделено 94 млн р.

На сельских территориях Челябинской области происходит обновление имеющихся фельдшерско-акушерских пунктов. В отдаленных сельских населенных пунктах, где отсутствует фельдшер, ведут работу передвижные фельдшерско-акушерские пункты, благодаря которым сельские жители в плановом порядке проходят медицинские осмотры, получают необходимые консультации врачей и медицинскую помощь в случае необходимости.

Так, на территории Сосновского района действует одна центральная районная больница (Саргазы), 29 фельдшерско-акушерских пунктов и четыре станции скорой медицинской помощи, расположенные в селах Долгодеревенское и Кременкуль, поселках Полетаево и Саккулово.

Кроме того, для поддержания здравоохранения в 2017 г. Правительством РФ утверждена государственная программа «Развитие здравоохранения»,

в рамках которой участники получают единовременные компенсации при переводе на работу в медицинские учреждения, расположенные на сельских территориях. В перечень территорий входят сельские населенные пункты, а также малые города, в которых численность постоянного населения не превышает 50 тыс. чел. Расходы на реализацию программы покрываются федеральным бюджетом на условиях софинансирования с бюджетами субъектов РФ.

Для стимулирования работников государственных и муниципальных медучреждений также были увеличены средние заработные платы работникам медицины. Средняя по региону заработная плата медицинских работников среднего звена на 2018 г. составляет 31 400 р., оплата работников младшего звена — 29 300 р. По данным Министерства здравоохранения Челябинской области, в первом полугодии 2018 г. среднемесячная заработная плата врачей выросла на 49,5% по отношению к величине оплаты в 2014 г. (42 000 р.) и составила 62 800 р. Прирост показателя по отношению к предыдущему году — 14,2% [13].

Заработная плата медработников в муниципальных районах значительно ниже среднего областного показателя. Самые высокие значения среднемесячной заработной платы работников в сфере здравоохранения отмечены в Красноармейском, Сосновском, Агаповском и Кизильском районах (см. таблицу на с. 240). Наиболее низкий уровень оплаты медработников — в Еткульском, Брединском, Октябрьском, Троицком и Уйском районах — в среднем 24 600 р. в месяц.

Однако в сельских районах Челябинской области прослеживается положительная динамика изменения величины среднемесячной заработной платы медицинских работников муниципальных организаций (рис. 2). Индекс показателя за 2018 г. по отношению к прошлому году составил 121,26%, а по отношению к значению 2009 г. оплата труда увеличилась более чем в три раза (308,22%).

Наибольший прирост заработной платы медицинских работников по итогам 2018 г. в соотношении с величиной 2017 г. отмечен в Красноармейском (31,4%), Чесменском (27,3%) и Увельском (25,7%) районах. Более низкие показатели роста заработной платы работников, занятых в сфере здравоохранения, отмечены в Троицком (14,2), Октябрьском (14,6), Брединском (14,8) и Уйском (15,6%) районах (рис. 3). Отметим также, что данные районы находятся на последних позициях в рейтинге территорий по уровню оплаты труда работников

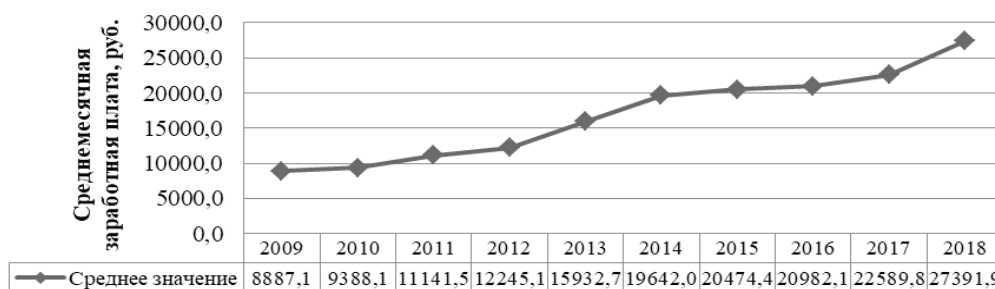

Рис. 2. Динамика величины среднемесячной заработной платы медицинских работников в сельских территориях Челябинской области

медицинских муниципальных организаций за 2018 г. (см. таблицу ниже).

Здравоохранение является важным компонентом устойчивого социально-экономического развития сельских территорий. Текущая обеспеченность области квалифицированными медицинскими кадрами составляет в среднем 34 %. Уровень кадрового обеспечения здравоохранения на сельских территориях еще ниже.

Разработка эффективных управленческих решений, которые позволят достичь конкретных улучшений в сфере здравоохранения, является стратегической задачей для органов управления Челябинской области. Наиболее актуальными проблемами являются: нехватка медицинских кадров, отсутствие медицинских учреждений, недостаточное материально-техническое оснащение, жилищное обеспечение медперсонала.

Оказать содействие в решении данных проблем могут в комплексе следующие мероприятия: открытие дополнительных целевых наборов студентов в высших учебных заведения медицинского профиля на условиях последующей занятости в медицинских организациях, расположенных в сельской местности; разработка механизма обеспечения медицинских работников жильем, переезжающих на сельские территории для постоянного проживания и работы; строительство фельдшерско-акушерских пунктов в сельских населенных пунктах для обеспечения охвата сельского населения медицинской помощью. Главной проблемой, сдерживающей приток медицинских кадров в сельские территории, является нерешенный жилищный вопрос. В связи с этим целесообразно разработать специальную программу, направленную на развитие здравоохранения в сельской местности, которая будет предполагать долгосрочное взаимодействие с по-

Динамика среднемесячной заработной платы медицинских работников муниципальных организаций, р. [27]

Муниципальный район	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Агаповский	9240,8	10126,6	11547,5	13187,9	16430,1	21475,2	21920,8	22807,8	23611,1	29049,5
Аргаяшский	8801,2	9342,1	11492,1	12310,8	16315,8	21166,6	21674,7	22652,8	23006,5	27330,2
Брединский	11301,9	11497,6	14998,1	13939,6	15237,4	21101,3	20889,6	15851,2	21685,3	24895,6
Варненский	9056,8	9475,7	12579,5	12546,7	15507,8	19514,7	18706,5	19781,3	22554,8	28123,4
Верхнеуральский	8107,7	8790,2	10107,8	11592,4	15563,9	17904,6	19356,9	19317,6	22960,6	28150,8
Еткульский	9593,8	10142,5	12153,2	13027,4	15848,4	19659,2	20140	20460	20779,8	24997,1
Кизильский	8565,3	8829	10887,2	11866,3	15820	20071,8	21514,7	22815,7	23698,3	29005,1
Красноармейский	9554,2	10519,4	11819,5	13342,2	19363,8	21329	20772,3	22258,8	25023	32871,2
Кунашакский	8029,1	8261,1	9529,2	11029,7	14939,9	19694,5	20666,8	21193,6	22568,3	27309,9
Нагайбакский	8687,5	9318,3	11693,6	13555,8	16265,5	19477,5	20268,3	21040	21758,5	26633,9
Октябрьский	7841,4	8049,2	8807,4	9307,3	14269,5	18066,3	18623,6	18969,7	21390,7	24503,8
Сосновский	11508,2	11139,5	13549	15999,3	20745,8	21332,6	21956,4	23173,5	26442,4	31601,8
Троицкий	7295,3	7984,8	7851,3	9117	11826,8	15734,4	17673	19500	21328,7	24349,5
Увельский	8559,1	9342,1	10874	12217,6	15086,7	19753	19908,6	20312	20907,8	26270,9
Уйский	8106	8759,2	10877	12121,4	16601,7	19678,3	21979,8	22263,1	20976,4	24258,9
Чебаркульский	8366,5	8754,8	9696,1	10897,2	16295	20176,6	21727,9	21562,3	23713,6	28796,4
Чесменский	8466,3	9265,4	10942,8	12108,7	14738,4	17777,8	20284,3	22736,4	21620,3	27514,3

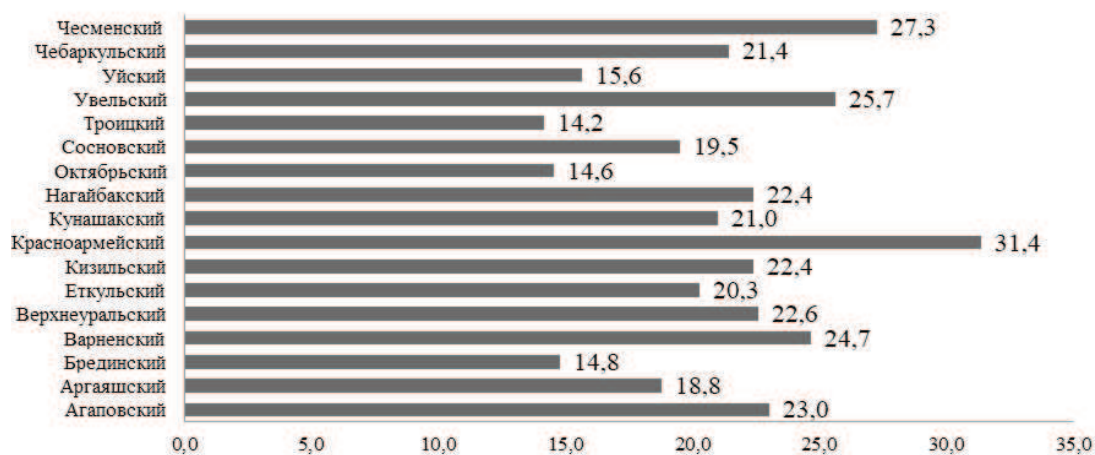

Рис. 3. Прирост величины среднемесячной заработной платы работников здравоохранения в 2018 г. по отношению к 2017 г.

тенциальными медицинскими работниками, то есть на начальном этапе обеспечит целевое поступление в профильное высшее учебное заведение, а на завершающем — трудоустройство в медицинских учреждениях, расположенных в сельской местности, сопровождающееся предоставлением благоустроенного служебного жилья.

На сегодняшний день в Челябинской области продолжается реализация программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер»; ведется работа по строительству медучреждений на сельских территориях. К концу 2019 г. будет построено 24 фельд-

шерско-акушерских пункта, а до 2024 г. будет введено еще 100 медпунктов в селах.

Предложенные рекомендации направлены на достижение улучшений в сфере здравоохранения, их внедрение приведет к увеличению средней продолжительности жизни сельского населения, снижению уровня смертности, сокращению численности заболеваний, повышению уровня социальной защищенности сельского населения, что в долгосрочной перспективе отразится на повышении уровня устойчивого социально-экономического развития сельских территорий.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [Электронный ресурс] : утв. пост. Правительства РФ от 26 дек. 2017 г. № 1640 (ред. от 29 марта 2019 г.) // Гарант.ру. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/> (дата обращения: 28.07.2019).
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : утв. Указом Президента РФ от 1 апр. 1996 г. № 440.
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. Аббасов, Д. В. Базовые принципы и конструкции концепции устойчивого развития сельских территорий Северного Кавказа / Д. В. Аббасов // Terra Economicus. — 2014. — Т. 12, № 2—3. — С. 202—206.
5. Агибалов, А. В. Оценка тенденций управления устойчивым развитием однородных сельских муниципальных районов / А. В. Агибалов, Д. С. Клейменов // Успехи соврем. науки и образования. — 2015. — № 1. — С. 34—39.
6. Алтухов, А. И. От стратегии обеспечения продовольственной независимости к стратегии повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса / А. И. Алтухов, В. В. Дрокин, А. С. Журавлев // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 852—864.
7. Багирова, Е. В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий как фактор развития сельского хозяйства / Е. В. Багирова // Вестн. Кемеров. гос. с.-х. ин-та. — 2016. — № 6. — С. 127—131.
8. Байгильдина, З. Ф. Развитие потенциалов территории как инструмент управления социально-экономическим развитием сельских поселений / З. Ф. Байгильдина // Современный ученый. 2017. № 2. С. 46—49.
9. Биткова, Л. А. Устойчивое развитие сельских территорий: состояние и перспективы / Л. А. Биткова // Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий : материалы 2-й Всерос. НПК. — М. : РГУП, 2018. С. 36—43.

10. Бугара, А. Н. Устойчивое развитие сельских территорий региона как важнейший фактор продовольственной безопасности / А. Н. Бугара // Изв. Междунар. академии аграр. образования. — 2015. — № S25. — С. 410—414.
11. Будажанаева, М. Ц. Управление социально-экономическим развитием сельских территорий в субъектах Российской Федерации / М. Ц. Будажанаева // Стратегическое планирование и новая индустриализация : материалы НПК. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2015. — С. 25—31.
12. Газизов, Р. М. Сельские территории: понятие, типология, функции / Р. М. Газизов // Вестн. КрасГАУ. — 2013. — № 11. — С. 348—351.
13. Дронова, М. В. Основные факторы, влияющие на устойчивое развитие сельских территорий / М. В. Дронова, Т. И. Сорокина // Науч. альм. — 2016. — № 4-2 (18). — С. 112—115.
14. Информация о социально-экономическом положении Челябинской области за 2017 г. : доклад. — Челябинск : Челябинскстат, 2018. — 21 с.
15. Исраилов, М. В. Развитие сельскохозяйственной кооперации как фактор устойчивого развития сельских территорий / М. В. Исраилов // Экономика и предпринимательство. — 2014. — № 1—2 (42). — С. 215—217.
16. Коробова, О. П. Устойчивое развитие сельских территорий как гарант национальной безопасности России / О. П. Коробова // Academia. Архитектура и строительство. — 2019. — № 1. — С. 86—92.
17. Коршунов, Л. А. Роль аграрно ориентированных территорий в формировании продовольственной безопасности РФ / Л. А. Коршунов, Е. И. Роговский, Ю. А. Бугай // Экономика региона. — 2014. — № 4 (40). — С. 215—226.
18. Лаженцев, В. Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России / В. Н. Лаженцев // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, № 2. — С. 353—365.
19. Лексин, В. Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, № 4. — С. 985—1004.
20. Митин, А. Н. Экономико-правовые механизмы использования природно-ресурсного потенциала Арктики в контексте продовольственной и экологической безопасности / А. Н. Митин, Б. А. Воронин, И. М. Донник // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, № 2. — С. 408—419.
21. Никитина, Т. И. Комплексная методика оценки уровня устойчивого социально-экономического развития сельских территорий / Т. И. Никитина // Вестн. Курс. гос. с.-х. академии. — 2019. — № 4. — С. 106—112.
22. Оборин, М. С. Развитие сферы услуг сельских территорий как фактор устойчивого развития региона / М. С. Оборин, Ж. А. Мингалева // Вестн. Забайкальс. гос. ун-та. — 2018. — Т. 24, № 2. — С. 115—122.
23. Панкова, К. И. Сельское хозяйство, село, сельская территория (размышления над концепцией и некоторыми связанными с ней вопросами) / К. И. Панкова // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. — 2012. — № 9. — С. 21—24.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. — М. : Федер. служба гос. статистики, 2019. — 1402 с.
25. Рубаева, О. Д. Факторы повышения социально-экономической устойчивости сельских территорий / О. Д. Рубаева, Т. И. Никитина // С.-х. технологии. — 2019. — Вып. 1, № 2. — С. 1—10.
26. Стовба, Е. В. Инновации как фактор устойчивого развития сельских территорий / Е. В. Стовба, А. В. Стовба // Соврем. исследования соц. проблем (электрон. науч. журн.). — 2015. — № 5. — С. 706—720.
27. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. Базы данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]. — URL: <http://chelstat.gks.ru/> (дата обращения: 21.07.2019).
28. Многофакторный вектор развития сельского хозяйства региона / Р. С. Шепитько, Т. А. Дугина, А. В. Немченко, Е. А. Лихолетов // Экономика региона. — 2015. — № 4 (44). — С. 275—288.
29. Шибаева, С. С. Сущность и понятие сельских территорий: комплексный подход / С. С. Шибаева, Ю. А. Макурина, С. С. Цукарев // Дальневост. аграр. вестн. — 2018. — № 2 (46). — С. 199—207.

Сведения об авторе

Никитина Татьяна Игоревна — аспирантка кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tnikitina24@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 9 (431). *Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 235—245.*

HEALTHCARE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES

T.I. Nikitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tnikitina24@mail.ru

The development of the social component of the territories is the key to achieving a high level of their socio-economic stability. The article is devoted to the substantiation of the healthcare as a factor of the sustainable socio-economic development of rural areas. An analysis of the current state of the healthcare sector in the rural territories of the Chelyabinsk Region made it possible to identify the most serious problems, among which: lack of qualified medical personnel, the absolute absence of medical facilities in some localities and insufficient material and technical equipment. The practical relevance of this study is to provide recommendations for achieving improvements in the health sector based on the analysis.

Keywords: *sustainable socio-economic development, rural territories, rural municipal district, healthcare, social factors, territorial system.*

References

1. *The State Program of the Russian Federation Razvitie zdavookhraneniya* [Development of healthcare]: approved. by Act of the Government of the Russian Federation from Dec. 26, 2017, no. 1640 (eds. March 29, 2019). Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/>, accessed 28.07.2019. (In Russ.).
2. *The Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development*: approved by Presidential Decree of April 1, 1996, no. 440.
3. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii* [On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation]. Federal Law of October 6, 2003, no. 131-FZ [131-FL]. (In Russ.).
4. Abbasov D.V. Bazovye printsipy i konstruksii kontseptsii ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Severnogo Kavkaza [The basic principles and constructions the concept of sustainable development of the North Caucasus rural]. *Terra Economicus* [Terra Economicus], 2014, vol. 12, no. 2-3, pp. 202-206. (In Russ.).
5. Agibalov A.V., Kleimenov D.S. Otsenka tendentsii upravleniya ustoichivym razvitiem odnorodnykh sel'skikh munitsipal'nykh raionov [Evaluation of tendencies of management of sustainable development of rural homogeneous municipal districts]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Modern Science Journal], 2015, no. 1, pp. 34-39. (In Russ.).
6. Altukhov A.I., Drokin V.V., Zhuravlev A.S. Ot strategii obespecheniya prodovol'stvennoi nezavisimosti k strategii povysheniya konkurentosposobnosti agroprodovol'stvennogo kompleksa [From the Food Sovereignty Ensuring Strategy to the Strategy of Improving the Agro-Food Complex Competitiveness]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 852-864. (In Russ.).
7. Bagirova E.V. Obespechenie ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii kak faktor razvitiya sel'skogo khozyaistva [Sustainable development of agricultural territories as a factor of development of agriculture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo sel'skokhozyaistvennogo institute* [Bulletin of the Kemerovo State Agricultural Institute], 2016, no. 6, pp. 127-131. (In Russ.).
8. Baygildina Z.F. Razvitie potentsialov territorii kak instrument upravleniya sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem sel'skikh poselenii [The development potentials of the territory as a management tool of socio-economic development of rural settlements]. *Sovremennyyi uchenyi* [Modern Scientist], 2017, no. 2, pp. 46-49. (In Russ.).

9. Bitkova L.A. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii: sostoyanie i perspektivy [Sustainable Development of Rural Territories: State and Prospects]. *Tendentsii i perspektivy gosudarstvennogo upravleniya sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem regionov i territorii: Materialy vtoroi Vserossiiskoi NPK* [Trends and Prospects of State Management of the Socio-Economic Development of Regions and Territories: Materials of the 2nd All-Russian SPC]. Moscow, RGUP, 2018. Pp. 36-43. (In Russ.).
10. Bugara A.N. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii regiona kak vazhneishii faktor prodovol'stvennoi bezopasnosti [Sustainable development of rural areas of the region as the most important factor of food safety]. *Izvestiya Mezhdunarodnoi akademii agrarnogo obrazovaniya* [News of the International Academy of Agricultural Education], 2015, no. S25. pp. 410-414. (In Russ.).
11. Budazhanayeva M.Ts. Upravlenie sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem sel'skikh territorii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii [Management of social and economic development of rural territories in subjects of the Russian Federation]. *Strategicheskoe planirovanie i novaya industrializatsiya: Materialy NPK* [Strategic Planning and New Industrialization: SPC materials]. Ulan-Ude, VSGUTU, 2015. Pp. 25-31. (In Russ.).
12. Gazizov R.M. Sel'skie territorii: ponyatie, tipologiya, funktsii [Rural areas: definition, typology, functions]. *Vestnik KrasGAU* [The Bulletin of KrasGAU], 2013, no. 11, pp. 348-351. (In Russ.).
13. Dronova M.V., Sorokina T.I. Osnovnye faktory, vliyayushchie na ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii [The major factors influencing a sustainable development of rural territories]. *Nauchnyi al'manakh* [Science Almanac], 2016, no. 4-2 (18), pp. 112-115. (In Russ.).
14. *Information about the socio-economic situation of the Chelyabinsk Region for 2017: report*. Chelyabinsk: Chelyabinskstat, 2018. 21 p. (In Russ.).
15. Israilov M.V. Razvitie sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii kak faktor ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii [Development of agricultural cooperation as a factor of sustainable development of rural areas]. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and entrepreneurship], 2014, no. 1-2 (42), pp. 215-217. (In Russ.).
16. Korobova O.P. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii kak garant natsional'noi bezopasnosti Rossii [Sustainable Development of Rural Territories as a Guarantor of National Security of Russia]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and construction], 2019, no. 1, pp. 86-92. (In Russ.).
17. Korshunov L.A., Rogovski E.I., Bugay Yu.A. Rol' agrarno orientirovannykh territorii v formirovanii prodovol'stvennoi bezopasnosti RF [Role Of The Agrarian-Oriented Territories In The Formation Of Food Security Of The Russia]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2014, no. 4 (10), pp. 215-226. (In Russ.).
18. Lazhentsev V.N. Sotsial'no-ehkonomicheskoe prostranstvo i territorial'noe razvitie Severa i Arktiki Rossii [Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2018, vol. 14, no. 2, pp. 353-365. (In Russ.).
19. Laksin V.N., Porfiryev B.N. Sotsial'no-ehkonomicheskie priority ustoichivogo razvitiya Arkticheskogo makroregiona Rossii [Socio-Economic Priorities for the Sustainable Development of Russian Arctic Macro-Region]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 985-1004. (In Russ.).
20. Mitin A.N., Voronin B.A., Donnik I.M. Ehkonomiko-pravovye mekhanizmy ispol'zovaniya prirodno-resursnogo potentsiala Arktiki v kontekste prodovol'stvennoi i ehkologicheskoi bezopasnosti [Economic and Legal Mechanisms for Harnessing Natural Resource Potential of the Arctic in the Context of Food and Environmental Security]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2018, vol. 14, no. 2, pp. 408-419. (In Russ.).
21. Nikitina T.I. Kompleksnaya metodika otsenki urovnia ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skikh territorii [Complex methodology for estimating the level of sustainable socio-economic development of rural territories]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii* [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy], 2019, no. 4, pp. 106-112. (In Russ.).
22. Oborin M.S., Mingaleva Zh.A. Razvitie sfery uslug sel'skikh territorii kak faktor ustoichivogo razvitiya regiona [Development of rural services as a factor of sustainable development of the region]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Journal], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 115-122. (In Russ.).
23. Pankova K.I. Sel'skoe khozyaistvo, selo, sel'skaya territoriya (razmyshleniya nad kontseptsiei i nekotorymi svyazannymi s nei voprosami) [Agriculture, Countryside, Rural Area (Meditations over the Conception and Several Coupled Issues)]. *Ehkonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economy of agricultural and processing enterprises], 2012, no. 9, pp. 21-24. (In Russ.).

24. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018: statistical compilation*. Moscow, Federal State Statistics Service, 2019. 1402 p. (In Russ.).

25. Rubaeva O.D., Nikitina T.I. Faktory povysheniya sotsial'no-ehkonomicheskoi ustoichivosti sel'skikh territorii [Factors of increasing the socio-economic sustainability of rural areas]. *Sel'skokhozyaistvennye tekhnologii* [Agricultural technologies], 2019, vol. 1, no. 2, pp. 1-10. (In Russ.).

26. Stovba E.V., Stovba A.V. Innovatsii kak faktor ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii [Innovations as a factor of sustainable development of rural territories]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 2015, no. 5, pp. 706-720. (In Russ.).

27. *Federal State Statistics Service in the Chelyabinsk Region. Databases of Indicators of Municipalities*. Available at: <http://chelstat.gks.ru/>, accessed 21.07.2019. (In Russ.).

28. Shepitko R.S., Dugina T.A., Nemchenko A.V., Likholetov E.A. Mnogofaktorny vektor razvitiya sel'skogo khozyaistva regiona [Multifactorial Vector of Regional Agriculture Development]. *Ehkonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no. 4 (44), pp. 275-288. (In Russ.).

29. Shibaeva S.S., Makurina Yu.A., Tsukarev S.S. Sushchnost' i ponyatie sel'skikh territorii: kompleksnyi podkhod [Essence and concept of rural territories: complex approach]. *Dal'nevostochnyi agrarnyi vestnik* [Far Eastern Agricultural Bulletin], 2018, no. 2 (46), pp. 199-207. (In Russ.).